

А. В. ВЕРЕЩАГИНЪ.

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ

(1855 — 1895).

Складъ у В. А. Березовскаго.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, собственн. домъ, № 14.

1900.

1061

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Скобелевъ за Дунаемъ и въ Ахалъ-Теке.

За Дунаемъ.

	Стр.
I. Нѣсколько словъ о переправѣ черезъ Дунай.	3
II. Первое взятіе Ловчи	8
III. На шоссе	17
IV. Наканунѣ боя.	27
V. Бой подъ Ловчей.	31
VI. Третье Плевно.—Передъ боемъ	35
VII. Бой на Зеленыхъ горахъ	41
VIII. На перевязочномъ пунктѣ	45
IX. Въ госпиталѣ.	48
X. Судъ.	61

Въ Ахалъ-Теке.

XI. Воны умерли.	83
XII. Прогулка.	88
XIII. Казначей.	92
XIV. Защитники.	96
XV. Рекогносцировка Геокъ-Тепе.	99
XVI. Товарищи	113
XVII. Чиновникъ.	123
XVIII. Штурмъ Геокъ-Тепе.	129
XIX. Послѣ штурма.	137

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Очерки и воспоминанія.

	Стр.
I. Воля.	1
II. Каникулы.	13
III. Деревенскій праздникъ.	33
IV. Стерлядка.	45
V. Чудо-богатырь	49
VI. Скобелевъ у гроба Наполеона.	54
VII. Тросточка.	58
VIII. Изъ записокъ офицера.	64
IX. Въ гостяхъ у князя Кунгурова.	88
X. Но судьба.	126
XI. Нефтяное отопленіе	149
XII. На желѣзной дорогѣ.	159
XIII. Последняя княжна Ромодановская	174
XIV. Что случилось разъ съ Иваномъ Ѳомичемъ	181
XV. Мое знакомство съ литераторами.	187

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. *

Скобелевъ за Дунаемъ
и
въ Ахаль-Теке.

(Воспоминанія очевидца 1877—1881 г.г.)

ЗА ДУНАЕМЪ.

За Дунаемъ.

Нѣсколько словъ о переправѣ черезъ Дунай.

(9-го Іюня 1877 года).

За Дунаемъ, за рѣкой
Казаки гуля-а-а-ють
И каленою стрѣлой
За рѣку бросаютъ.
Эй, эй,
Эй, гуляй

Насталъ 1877 годъ, а съ нимъ и турецкая война. Вотъ и іюнь приближается. Войска наши стягиваются къ Дунаю. Надвигалось разрѣшеніе великой задачи, — переправы черезъ Дунай. Вопросъ этотъ давилъ каждого изъ насъ, соучастниковъ этой войны, тяжелымъ кошмаромъ. Да и не мудрено! Вѣдь отъ нея зависѣло все: т. е. быть войнѣ или не быть. Хотя, конечно, одной попыткой мы не ограничились бы, но, во всякомъ случаѣ, ежели бы первая переправа не удалась, то намъ пришлось бы еще долго смотрѣть на турецкій берегъ, какъ на луну.

А переправа предстояла пелегкая. Дунай быстръ и широкъ. Онъ былъ еще на весеннемъ положеніи и мѣстами разлился куда широко! Правый берегъ его, турецкій, страшно обрывистъ и въ нѣсколько десятковъ сажень высоты. Только развѣ птицей мож-

по перелетѣть черезъ него. Лишь изрѣдка, гдѣ нибудь желобикой, или по руслу ручейка, проложившему себѣ путь къ батюшкѣ - Дунаю, можно вскарабкаться на его вершину. Но все такія мѣста, гдѣ только возможна высадка, непріятелю, конечно, хорошо извѣстны и зорко сторожились. Тамъ стояли орудія и сильные отряды войскъ. Какъ тутъ быть! Что предпринять! А, между тѣмъ, войска подошли. Переправляться надо во что бы то ни стало! Вѣдь не ворочаться же назадъ!

И вотъ, прибѣгли къ той самой уловкѣ, или иначе сказать къ маневру, благодаря которому, еще въ 1812 году, Наполеону Бонапарту удалось, хотя и съ жалкими остатками своей великой арміи, все-таки проскользнуть черезъ р. Березину и избѣгнуть постыднаго плѣна.

Вся задача наша въ настоящія минуты заключалась въ томъ, чтобы, хотя на самое короткое время, отвлечь вниманіе непріятеля отъ истиннаго мѣста переправы. Съ этою цѣлью, какъ разъ противъ Никополя, были начаты примѣрные приготовленія для переправы войскъ: передвигались войска, подвозились различные грузы, транспорты и т. п. А тѣмъ временемъ, что называется «подъ шумокъ» — къ берегу Дуная, что противъ Зимницы, въ ночь съ 14-го на 15-е іюня, двинулась наша 14-я пѣхотная дивизія генераль-лейтенанта Мих. Ив. Драгомирова.

Въ глубокой темнотѣ, съ соблюденіемъ величайшей тишины, размѣстилась 1-я бригада дивизіи по небольшимъ лодкамъ, называемымъ понтонами. Въ одинъ изъ нихъ сѣлъ и самъ Драгомировъ въ сопровожденіи В. К. Николая Николаевича Младшаго и генераль-маіора М. Дм. Скобелева.

Точно тѣни какія, неслышно заскользили утлыя суденышки по поверхности рѣки.

Какъ подумаешь теперь, насколько шагъ этотъ былъ смѣлъ, и даже, можно сказать дерзокъ. Куда плывутъ эти люди? Плывутъ они въ невѣдомую страну, сражаться съ непріятелемъ. А вся сила ихъ—бригада пѣхоты, или самое большое, 5 тыс. человѣкъ.

Велики-ли же силы непріятеля, съ которыми наши должны столкнуться? А неизвѣстно, могутъ напасть на цѣлую армію!

Кромѣ естественныхъ, природныхъ препятствій: широкой, могучей рѣки, крутыхъ, недоступныхъ береговъ, храбрецамъ нашимъ предстояла еще опасность, не смотря на темноту ночи, быть все-таки своевременно замѣченными непріятелемъ. А тогда, конечно, опъ выстрѣлами изъ орудій постарается пустить понтоны ко дну.

Главная-же мысль, которая, конечно, должна была щемить сердце каждаго изъ сидящихъ въ понтонахъ, была конечно та, что въ первыя самыя минуты, по выходѣ на берегъ, помощи ждать было не откуда. Надѣяться оставалось только на самого себя. За стѣной былъ Дунай.

Но уже не нами сказано: «Великъ Богъ земли Русской!» Хотя и замѣтили насъ турки и открыли огонь изъ орудій, и даже потопили нѣсколько понтоновъ, но уже было поздно. Непріятель прозѣвалъ дорогія минуты. Главныя силы наши все-таки успѣли пристать къ берегу. Тяжелы были эти минуты. Темно, градъ пуль летитъ на-встрѣчу. Впереди полная неизвѣстность. Малѣйшее замѣшательство—и все пропало. Но при войскахъ находился Драгомировъ, а помощникомъ ему оказался Скобелевъ. Присутствіе

В. К. тоже не мало ободряло войска. Встрѣченныя градомъ пуль, въ первую минуту послѣ высадки, войска наши на мгновеніе смутились-было, но затѣмъ быстро оправились: сомкнулись, стремительно бросились впередъ, — и русское «ура» далеко огласило турецкій берегъ. Завязалась сѣча, — да какая!

Все это я говорю со словъ очевидцевъ. Самъ-же я при переправѣ не былъ и въ бою этомъ не участвовалъ, а потому подробностей его описать не могу, а повторю здѣсь только тѣ мои краткія впечатлѣнія, которыя я испыталъ при первомъ вступленіи моемъ на турецкій берегъ, дня два спустя послѣ переправы *).

«Вотъ я переправился на паромъ въ сопровожденіи моего казака на турецкій берегъ. Съ какой жадностью разсматриваю я мѣсто первой нашей схватки, — схватки не на животъ, а на смерть, такъ какъ нашимъ отступленію не было. Мѣсто это представляло небольшую площадку, опушенную деревьями и кустарникомъ. Кругомъ во множествѣ валялись тряпки, фуражки, кепи, изорванные рубахи, штапы, служившія, вѣроятно, для первоначальной перевязки ранъ. Вся мѣстность кругомъ сильно утоптана и рѣзко отличалась отъ окружающей.

«Растительности здѣсь почти не существовало. На меня, какъ новичка, подобное зрѣлище сильно подѣйствовало.

«Въ воображеніи моемъ неволью началъ рисоваться въ различныхъ формахъ весь этотъ отчаянный бой. Слѣзаю съ лошади, наклоняюсь и стара-

*) Впечатлѣнія эти я уже описалъ разъ въ моей книгѣ «Дома и на войнѣ».

тельно ницу, не увижу-ли гдѣ на землѣ слѣдовъ крови. Затѣмъ, ѣду дальше. Дорога, удаляясь отъ берега, подымается все въ гору. Отѣхавъ я версты двѣ, вижу, наша 14-я дивизія расположилась по обѣ стороны дороги въ тѣпистой роцѣ.

«Съ невольнымъ уваженіемъ смотрю я на этихъ молодцовъ, которымъ выпала столь трудная и въ то-же время завидная доля проложить для всей нашей арміи путь черезъ Дунай. Длинными рядами виднѣются между столѣтнихъ дубовъ и тополей козлы ружей. Солдаты спокойно заняты своимъ дѣломъ: кто идетъ съ котелкомъ за водой, кто, навивъ на шомполь тряпочку, прочищаетъ стволъ ружья; другіе, собравшись въ кучу, оживленно толкуютъ о чемъ-то. Ни пѣснь, ни веселья не слышно, замѣтно какое-то одиночество. Потомъ слышалъ я отъ здѣшнихъ-же офицеровъ, что положеніе нашихъ на турецкомъ берегу первое время было очень незавидное: силы маленькія, скорой помощи ждать не откуда, а между тѣмъ, вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ не имѣлось. Нападенія можно было ожидать ежеминутно».

Но вскорѣ подошли войска, и положеніе наше поправилось.

Миръ праху храбрцовъ, погибшихъ въ этомъ славномъ дѣлѣ.

Л О В Ч А .

Первое взятіе Ловчи.

Еще за шесть недѣль до взятія Ловчи, городъ этотъ былъ въ нашихъ рукахъ, но мы почему то не заблаго-разсудили удержать его за собой, за то и поплатились не мало.

5-го іюля два эскадрона лейбъ-казаковъ, сотня 30-го Донского полка, моя полусотня владикавказцевъ (я былъ тогда сотникомъ Владикавказскаго полка), при двухъ орудіяхъ, посланы были главнокомандующимъ изъ города Сельви на рекогносцировку Ловчи.

Мы выступили чуть свѣтъ. Погода стояла прекрасная, шоссе—превосходное, и наше движеніе, съ пѣснями, походило скорѣй на прогулку, чѣмъ на войну.

Командиръ нашего отряда, лейбъ-казакъ, плечистый бакенбардистъ, полковникъ Жеребковъ, принялъ всѣ мѣры предосторожности отъ нечаяннаго нападенія. Были высланы разъѣзды и впередъ и по бокамъ. Отъ Сельви до Ловчи—верстъ 30—35.

Но вотъ къ намъ на встрѣчу, привставъ на стременахъ, скачетъ казакъ допець изъ разъѣзда. Фуражка на бокрень, пика въ бушматъ *) такъ и трясется, черные длинные волосы сильно относились вѣтромъ.

— Ваше скородіе! — гнусаво кричитъ онъ, съ

*) Трубка при стремени для пика.

сильнѣйшей тревогой въ голосѣ, и осаживаетъ коня передъ командиромъ отряда, — черкесовъ и баши-бузукъ тамъ видимо-невидимо. — и онъ плетью указывалъ направленіе.

Казалось, отъ такого донесенія слѣдовало бы немедленно всему отряду броситься впередъ; но командиръ, очевидно, хорошо изучилъ своихъ станичниковъ *) и знаетъ, что такое ихъ «видимо-невидимо».

— Штабсъ-ротмистръ Муратовъ, — раздастся басистый голосъ полковника Жеребкова.

Высокій, красивый лейбъ-казакъ съ длинными расчесанными бакенбардами подскакиваетъ къ командиру, беретъ подъ козырекъ, выслушиваетъ приказаніе и лихо несется къ своему эскадрону. Не проходитъ и двухъ минутъ, какъ меня обгоняетъ рысью густая колонна казаковъ. Поджарые гнѣдые кони сильно горячатся одинъ передъ другимъ. Любо было смотрѣть со стороны, какъ вся эта колонна круто сворачиваетъ съ пыльнаго сѣраго шоссе въправо, и здѣсь, на зеленой полянкѣ, еще покрытой брилліантовой росой, быстро строится къ атакѣ, сверкая на солнцѣ, какъ щетиной, красными пиками. Слышится зычное, протяжное: «ры-сю-ю!!», и сотня всадниковъ, развернутымъ фронтомъ, какъ одинъ человѣкъ, трогается впередъ, сначала шагомъ, затѣмъ рысью, все шибче, шибче, переходитъ въ карьеръ и наконецъ теряется вдали между темными, вѣковыми дубами, вязами и орѣховыми деревьями. Только отдаленное замирающее «ура» доказывало, что, должно быть, наши столкнулись съ непріятелемъ. Спустя минутъ десять, на встрѣчу намъ скачетъ новый гонецъ, съ донесеніемъ, что на правомъ

*) Такъ зовутъ себя донцы между собой.

«хланѣ» показался новый, «видимо-невидимо» непріятель. Противъ этой несмѣтной силы посылають меня съ полусотней владикавказцевъ. Несмотря на то, что у моихъ казаковъ лошади были сильно подбившись, такъ какъ намъ послѣднюю педѣлю почти не пришлось слѣзать съ сѣдла, мы живо повернули съ шоссе вправо и рассыпались между кустами искать непріятеля. Хотя выстрѣлы раздавались поминутно, но непріятель былъ неуловимъ и все отступалъ.

Такимъ образомъ, постоянно мѣняясь, то та, то другая сотня въ авангардѣ, мы быстро подавались впередъ и, наконецъ, около полудня вѣхали на гору, съ которой, какъ на блюдечкѣ, увидали Ловчу. Насъ раздѣляла только быстрая горная рѣчка Осьма.

На мосту насъ встрѣчаютъ сплошной массой жители болгаре. Какъ сейчасъ помню, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ кричали они: «да живе царь Александръ! да живе князь Никола!» *), хватали наши руки, края одежды, и цѣловали ихъ со слезами на глазахъ. Вслѣдъ затѣмъ ихъ священникъ, въ черномъ высокомъ клобукѣ, отслужилъ благодарственный молебенъ, послѣ чего мы всѣ расположились на площади, или, вѣрнѣе сказать, на старомъ турецкомъ покинутомъ кладбищѣ, усыпанномъ древними памятниками,—и давай пировать.

Вотъ уже гдѣ. можно сказать, было изобиліе плодовъ земныхъ! Вотъ уже гдѣ мы досыта вкушали отъ первородныхъ изъ стада! Вина было море разливное. Шумъ на площади стоялъ точно на базарѣ. Болгаре со всѣхъ сторонъ облѣпили нашъ маленькій лагерь. Только и виднѣлись ихъ руки съ протянутыми кув-

*) Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ.

шинами съ виномъ. Почти возлѣ каждаго казака пріютилось на корточкахъ по нѣсколько братушекъ. Они пристально наблюдали, дабы предупредить малѣйшее желаніе своихъ дорогихъ гостей.

Цѣлые бараны жареные, на огромныхъ противняхъ, гуси, куры, котлы съ разными похлебками, груды арбузовъ, винограду, дынь, и вообще все, что только городъ могъ дать, все въ изобиліи лежало передъ нами.

Многіе изъ казаковъ, какъ пикшіе чины, такъ и начальство, въ томъ числѣ и я, немедленно же отправляемся осматривать городъ. Турецкіе дома еще долго до нашего прибытія были ограблены болгарами и сожжены. Но, несмотря на это, мы все-таки ѣдемъ туда. И вотъ, черезъ нѣкоторое время, изъ города потянулись мимо нашего лагеря вереницы пѣшихъ и конныхъ болгаръ съ выюками разнаго добра. Вся эта картина у меня какъ сейчасъ передъ глазами.

Вонъ высокій, здоровенный донецъ съ смуглымъ коричневатымъ лицомъ, съ подстриженными въ кружокъ русыми волосами, прикурнувшись у палатки, скинулъ мундиръ и старается напялить на свои широкія плечи какую то пеструю шелковую кацавейку. Та не лѣзетъ и трещитъ по всѣмъ швамъ. Долго возится съ ней казакъ, наконецъ бережно стаскиваетъ и старательно прячетъ ее въ подушку отъ сѣдла. Кругомъ во множествѣ валяются красные кумачевые платки, одѣяла, перины, подушки и разное тряпье.

Я прохожу мимо офицерской палатки. Маленькій, тщедушный эсаулъ, съ подстриженными черными усами и орлинымъ носомъ, сидитъ на коврикѣ, и слегка провѣтриваетъ рукой на мохнатой груди пунцовую канавую рубаху, побурѣвшую отъ поту. Задумчиво разсматриваетъ онъ разложенныя передъ нимъ турецкія

вещи: высокій мѣдный кунганъ съ красивой рѣзьбой, шкатулку деревянную, изящно выложенную перламутромъ, такіе же деревянные женскіе башмаки въ видѣ колодокъ, очень высокіе, цѣлый женскій костюмъ шелковый, вышитый золотомъ, нѣсколько ковриковъ, огромныя связки листового табаку и два длинныхъ кремневыхъ ружья.

— Блоха, куда же мы все это дѣнемъ?—слышу знакомый сильный голосъ съ хохлацкимъ акцентомъ.

Отвѣта нѣтъ, такъ какъ «Блоха», стоя за палаткой на колѣняхъ, въ одной рубахѣ, заправленной въ черныя шаровары, весь потный, силился запахать въ свои сумы узелъ съ какимъ то тряпьемъ. Претивъ эсаула сидитъ на корточкахъ почтенный болгаринъ, очень представительный. Непокрытая стриженная голова его серебрится сѣдиной. Сѣрая сукошная куртка и такія же шаровары обшиты черной тесьмой. За широкимъ желтымъ кушакомъ торчитъ мѣдная папирсочница, тетрадка папирсной бумаги и затѣмъ цѣлый арсеналь пистолетовъ и пожей. Оружіе это придавало старику нѣсколько комическій видъ. Болгаринъ съ сіяющимъ, довольнымъ лицомъ поясняетъ капитану (какъ они звали всѣхъ нашихъ офицеровъ) достоинство каждой вещи.

— А что, какъ да вдругъ турки нападутъ на васъ, что тогда вы будете дѣлать? — хрипло восклицаетъ эсаулъ, искоса взглядывая на собесѣдника.

— Няма турци! спичко (всѣ) Балканъ бѣга! Эге, Эге! — быстро возражаетъ тотъ, и рукой указываетъ къ горамъ.

— Ладно, ладно, Балканъ бѣга, — говоритъ эсаулъ, при чемъ достаетъ лежащую передъ нимъ тонкую шелковую женскую рубаху съ золотыми прошивками и

побрежно разсматриваетъ ее на свѣтъ, дабы убѣдиться, нѣтъ ли дыръ и стоитъ ли ее брать съ собой.

— Вотъ какъ мы уѣдемъ, они вамъ и пропишутъ кузькину мать, — съ какимъ то озлобленіемъ добавляетъ онъ, и при этомъ далеко откидываетъ въ сторону рубаху.

— Ну, братушка, донѣсе еще вина! — восклицаетъ эсаулъ болѣе снисходительнымъ тономъ.

Братушка быстро поднимается и бѣжитъ по направлению къ городу. Казакъ за палаткой услыхалъ, что дѣло идетъ о винѣ, догоняетъ, суетъ ему въ руку глиняный черный кувшинъ и знаками старается объяснить ему, чтобы онъ взамѣнъ этого принесъ другой побольше.

— Голема, голема *), — кричитъ онъ.

— Чака, чака **) малко, — въ свою очередь восклицаетъ посланный, машетъ рукой и убѣгаетъ.

Моя полусотня раскинулась въ самомъ концѣ площади въ тѣни деревьевъ. Смотрю, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лагеря, стороной, вдоль забора, осторожно, одипъ за другимъ пробираются братушки-болгары. Кто верхомъ на ослѣ, кто на лошаденкѣ немногo побольше осла. Они настолько были навьючены награбленнымъ турецкимъ добромъ, что отъ самихъ всадниковъ, изъ за всего этого имущества, торчали только головы, да свѣсившіяся до самой земли красныя здоровыя ноги.

— Куда это они собрались? — спрашиваю моего расторопнаго урядника Панчоха, съ желтоватымъ бритымъ лицомъ.

*) Т. е. большой, большой.

**) Погоди, погоди.

Тотъ въ это время съ самодовольнѣйшимъ видомъ раскладывалъ передо мной на лоснящейся черной буркѣ нѣсколько отличнѣйшихъ турецкихъ ятагановъ. Гдѣ ужъ онъ ихъ раздобылъ — положительно не знаю.

— Да они, ваше благородіе, теперь выйдутъ изъ города, заберутся куда нибудь въ лѣсъ и будутъ стоять таборомъ, какъ цыгане, и дожидаться, чья возьметъ, наши или турки, къ тому опять съ поклономъ и придутъ. Ужъ это народъ такой, самый неблагодарный.

Проговоривъ это увѣреннымъ тономъ, Панчохъ, сидя на корточкахъ, полой своей выгорѣвшей отъ солнца черной черкески старательно обтираетъ роскошную слоновую ручку ятагана, изукрашенную кораллами. Нѣкоторые были съ бирюзой.

«Странное дѣло — думается мнѣ въ эту минуту — за что Панчохъ недоволенъ болгарамъ? Донской эсаулъ тоже только что бранилъ ихъ. Неужели братушки еще мало насъ угощаютъ? кажется, можно быть довольнымъ. Или ужъ это ихъ такая доля?»

Въ это самое время мимо насъ проходитъ повая толпа болгаръ. Одинъ маленькій осликъ, черезъ мѣру нагруженный всякимъ скарбомъ, останавливается подъ непосильной ношей, вмѣстѣ съ всадникомъ, какъ разъ возлѣ моей палатки, задираетъ морду кверху, жалобно водить своими длинными ушами и принимается оглашать окрестности дикимъ ревомъ. Панчохъ яростно набрасывается на болгарина, гонить, толкаетъ, и бѣдное животное, наконецъ, валится на землю вмѣстѣ съ всадникомъ при громкомъ хохотѣ казаковъ.

«Го! го! го! — грохочутъ они. — Вотъ мы уже тебя сейчасъ опаримъ». Всадникъ же, дѣйствительно, больше всего опасался, какъ бы казаки не стали осматривать его имущества. Весь потный отъ страха и

усталости, быстро выкарабкивается онъ изъ выюковъ, перевьючиваетъ ихъ, и, уже не влѣзая на осла, гонитъ его передъ собой длиннымъ дручкомъ. Тотъ, облегчившись чуть не на половину, трогается мелкой шлохотью и, помахивая жиденькимъ хвостикомъ, скрывается за угломъ каменнаго забора, къ великой радости владѣльца, что такъ дешево отдѣлался.

Начинаетъ темнѣть. Жара спадаетъ. Казаки надѣваютъ, кто бурки, кто мундиры, и точно какія-то тѣни мелькаютъ по площади между деревьями. Но вотъ трубачъ играетъ зорю. Раздается команда на молитву, и на турецкомъ кладбищѣ, въ ночной тиши, заунывно разносится «Отче нашъ».

7-го іюля, рано утромъ, отрядъ выступилъ въ обратный путь. На защиту Ловчи оставили эсаула Антонова съ его сотней. Не помню, долго ли властвовалъ онъ тамъ, но вотъ что рассказывалъ мнѣ впоследствии его же офицеръ, хорунжій Гурбановъ.

«Остались мы на той же самой площади, гдѣ и раньше стояли. Какъ-то утромъ, только что я проснулся, надѣваю сапогъ, вдругъ, надъ моей головой что то съ страшнымъ шумомъ прошуршало, ударяетъ о землю и разрывается. Батюшки мои!, думаю, — вѣдь это граната, значить непріятель подошелъ. Но не успѣлъ я опомниться, какъ шлепается другая, за ней третья. Шумъ, переполохъ подымается у насъ страшный. Лошади съ коновязей пооборвались и давай носиться по площади какъ шальные. Раздаются крики: «сѣдай! живо!» А я, какъ на бѣду, не могу найти другого сапога, такъ объ одномъ и вскочилъ на коня. Забрали мы поскорѣй свой хабурь-чабурь, да и тягу въ Сельви».

Дѣйствительно, врядъ-ли кому изъ насъ могло прид-

ти въ голову, когда мы такъ мирно угощались на кладбищенской площади, что не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ намъ придется снова брать эту самую Ловчу, но только далеко не при такихъ мирныхъ условіяхъ. Много сотенъ нашихъ храбрыхъ воиновъ лягутъ костями въ тучныхъ окрестныхъ виноградникахъ, и еще того больше, долго будутъ залечивать свои раны. Да и болгарамъ достанется за ихъ радушную къ намъ хлѣбъ-соль.

На шоссе.

Августа 7-го нашъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ свиты Его Величества Генераль-Маіора Михаила Дмитріевича Скобелева расположился на Сельви-Ловченскомъ шоссе, верстахъ въ 12-ти отъ Ловчи. Въ составъ отряда входили: Казанскій пѣхотный полкъ, 1-й баталіонъ Шуйскаго пѣхотнаго полка, батарея 9-ти фунтовыхъ орудій, Донская горная батарея, команда саперъ и Кавказская казачья бригада. Эта послѣдняя, подъ начальствомъ полковника Тутолмина, расположилась отдѣльно отъ пѣхоты, съ версту ближе къ Сельви.

Въ то время я состоялъ ординарцемъ при Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ, и жилъ въ маленькой палаткѣ «tente-abri», сейчасъ же позади генерала. Рядомъ съ палаткой Скобелева стояла палатка начальника штаба отряда, капитана Куропаткина. Весь нашъ лагерь былъ расположенъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шоссе, въ чудной тѣнистой рощѣ. Природа одѣлила здѣшнюю мѣстность всѣми благами земными: климатъ прекрасный; воды въ изобиліи; фруктовъ разныхъ — дынь, арбузовъ, винограду, орѣховъ — сколько угодно. Бывало, только скажешь казаку — сейчасъ же всего этого привезетъ. Въ особенности

мы объѣдались чѣмъ-то въ родѣ сливы; казаки звали этотъ фруктъ «лыча».

Вечерѣтъ. Сквозь тѣпистыя вершины деревьевъ солнце склоняется къ закату. Жаръ снадастъ. Въ лагерь начинается оживленіе. Фигуры солдатъ въ бѣлыхъ рубахахъ, подноясаныхъ черными ремешками, мелькаютъ между деревьями все чаще и чаще. Веселый говоръ и смѣхъ раздаются все сильнѣе. Очевидно, послѣ дневной жары, съ наступленіемъ вечерней прохлады, все оживаетъ. Генераль нашъ не оставляетъ петербургскихъ привычекъ — объѣдаетъ поздно. Вонъ деньщикъ его Круковский въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей палатки накрываетъ объѣдать на чистомъ воздухѣ. Тутъ же вертится и помогаетъ накрывать низенькій, безобразный киргизенокъ, по имени Нурбай, въ своемъ національномъ костюмѣ: коротенькой пестрой курткѣ и рыжихъ кожаныхъ шароварахъ. На груди его красовались два солдатскихъ Георгія. Его генераль привезъ съ собой изъ Туркестана, гдѣ онъ сопровождалъ его во всѣхъ походахъ. Нурбая этого, или, какъ его звали, Нурбайко, генераль любилъ, привыкъ къ нему и баловалъ сильно. Нурбайко былъ у него здѣсь за конюха, слѣдилъ за лошадьми, и въ то же время потѣшалъ генерала своими рассказами, вопросами, а главное своимъ комическимъ видомъ.

— Пожалуйте кушать!—кричитъ мнѣ Круковский довольно безцеремонно. Направляюсь къ столу. Одновременно показывается изъ своей палатки Скобелевъ въ бѣломъ кителѣ съ Георгіемъ на шеѣ, а за нимъ Куропаткинъ.

— Нурбайко! обезьяна! образина! ха, ха, ха! — слегка картавя, кричитъ и весело хохочетъ Михаилъ

Дмитріевичъ, при видѣ своего вѣрнаго стремяннаго, который съ преуморительною рожей стоялъ за его табуреткой. Генеральъ ежится своимъ худощавымъ туловищемъ, потираетъ руки и въ то же время не можетъ утерпѣть, чтобы не щипнуть за ухо Нурбайко. Тотъ очень доволенъ такимъ покровительственнымъ обращеніемъ начальства, и чуть не до ушей осклабляетъ свое бронзовое загорѣлое лицо.

Начальникъ штаба отряда, капитанъ Куропаткинъ, составляетъ въ это время совершенную противуположность со Скобелевымъ. Какъ Скобелевъ нервень и живъ, такъ Куропаткинъ спокоенъ и сосредоточенъ.

Садимся обѣдать. Постороннихъ — никого. Генераль что-то оживленно рассказываетъ. Въ это время мнѣ приходитъ на мысль похвастать своимъ новымъ приобрѣтеніемъ. Достая изъ кошелька большую турецкую золотую монету въ 5 лиръ, или, на наши деньги, 5 полуимперіаловъ, подаю ее генералу и говорю:

— Ваше превосходительство, выдали вы такія монеты?

— Славная монета, гдѣ вы достали такую? — съ интересомъ восклицаетъ онъ.

— Казакъ мнѣ продалъ.

— Сколько дали?

— 5 полуимперіаловъ, ваше превосходительство.

— Славная, славная монета, — продолжаетъ восклицать генераль, и вертитъ ее въ своихъ длинныхъ, худощавыхъ пальцахъ.

— Нурбайко, возьми ее себѣ, — смѣясь кричитъ мой генераль, обращается къ киргизенку и отдаетъ ему. Тотъ въ восторгѣ скалитъ свои бѣлые зубы и поспѣшно прячетъ золото въ карманъ шароваръ. Ско-

белевъ хохочеть, Куронаткинъ хмурится и многозначительно поглядываетъ на меня. Взглядъ его мнѣ ясно говорилъ: «Что! похвасталъ, голубчикъ! ну, вотъ на себя и пеняй, въ другой разъ умнѣ будешь!»

Я не сталъ отнимать монеты у Нурбайки. Скобелева же не рѣшился безпокоить—такъ и пропали мои денежки.

А какая хорошая была монета, красивая, просто прелесть! До сихъ поръ жаль ее.

Жили мы, помню, на этомъ шоссе превесело. У меня остались о здѣшнемъ пребываніи самыя лучшія воспоминанія. Днемъ обыкновенно прїѣзжалъ въ нашъ пѣхотный лагерь кто-нибудь изъ моихъ товарищевъ-казаковъ. Въ казачьей бригадѣ, кромѣ Кубанскаго и Владикавказскаго полковъ, былъ еще Осетинскій дивизионъ, что составляло въ общемъ 12 сотенъ. Сила не маленькая! Скобелевъ очень любилъ Кавказскую бригаду, и считалъ этотъ родъ кавалеріи самымъ лучшимъ. И дѣйствительно, въ послѣдствіи, я самъ лично убѣдился въ справедливости его мнѣнія. Позже, когда казачьи сотни наши, бодрья и сильныя, были уже въ Балканахъ, мнѣ попадались на глаза гусары, уланы и другая регулярная кавалерія, совершенно въ иномъ видѣ: шнуры, галуны на венгеркахъ и мундирахъ пооборвались; тяжелыхъ мундштуковъ у лошадей и помину нѣтъ; красивыхъ пикъ тоже стало не видать; много людей шло пѣшкомъ; лошади обезножены, спины побиты. Суровая дѣйствительность сразу сказала недостатки нашего снаряженія и обмундированія въ регулярной кавалеріи. Ленчики у сѣделъ оказались очень тяжелыми, не практичными, и легко сбивали спины лошадей. Что касается моего мнѣнія, то я ничего не знаю удобіе хорошаго кавказскаго

сѣдла. За два года похода я ни разу не сбиль спины моей лошади, хотя приходилось дѣлать по 300 и даже по 400 верстъ въ недѣлю. Положимъ, это зависѣло и отъ ухода за лошадыю. Главное вниманіе слѣдуетъ обращать на сѣдловку. Одинъ старый опытный осетинъ, пріятель мой, училъ меня въ особенности обращать вниманіе на потникъ. Прежде, чѣмъ наложить его на спину лошади, необходимо провести по нему голой рукой, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли на немъ какой-либо, хотя малѣйшей песчинки или затвердѣлости. Вотъ отъ нея то въ большинствѣ случаевъ и сбиваются спины. За переходъ въ 20—30 верстъ, отъ такой, повидимому, бездѣлицы, шерсть на лошади стирается, затѣмъ образуется ранка, которая при непрерывной ѣздѣ все будетъ увеличиваться, а затѣмъ, какъ говорится, ее и шапкой не закроешь.

Но вернемся къ разсказу. По вечерамъ Скобелевъ частенько ѣздить кататься и заѣзжалъ къ казакамъ. Опъ въ особенности любилъ моего командира—полковника Левиса. За Скобелевымъ, конечно, слѣдовалъ и я. Удивительно пріятно, бывало, подъѣзжать къ нашему казацкому лагерю. Пѣсенники, собравшись въ кружки около палатокъ сотенныхъ командировъ, звонко заливаются—поютъ. Журна рѣзко, монотонно гудить; тулумбасы грохочутъ; кое-гдѣ въ разныхъ направленіяхъ слышится громкое «ура! ура! ура!» То пьютъ за чье-либо здоровье. Но вотъ мы подъѣзжаемъ ближе и ближе. Шумъ и пѣсни смолкаютъ. Все офицерство бѣжитъ встрѣтить генерала. Я проѣзжаю къ своему пріятелю, полковому адъютанту Ляпину *).

*) Въ настоящее время командиръ Сунженско-Владикавказскаго полка.

Вонъ другой пріятель мой, 70-ти-лѣтній старикъ осетинъ Абессаловъ, со Станиславомъ на шеѣ, съ которымъ онъ не разставался даже ночью, а бережно завертывалъ его на шеѣ въ носовой платокъ передъ снашемъ, умильно киваетъ мнѣ головой и кричить своимъ гортаннымъ наръчіемъ:

— Послусяй! Послусяй! Сотникъ! Сотникъ! куда ѣдешь? что вчера не пріѣзжалъ? А какой шишлыкъ билъ: т. е. другими словами, это значало, сегодня пашыка не будетъ.

Казаки живутъ такъ спокойно, такъ беззаботно, что со стороны трудно и повѣрить, чтобы въ какихъ-либо 12-ти верстахъ отъ лагеря находился непріятель. Вонъ влѣво отъ меня въ одной сотнѣ поднимается какое-то оживленіе. Это лошадей повели купать. Казаки, въ однихъ выгорѣвшихъ отъ солища синихъ бешметахъ, безъ оружія, вскакиваютъ на неосѣданныхъ лошадей, и, держа въ заводу повода отъ 4-хъ до 5-ти лошадей, рысью направляются къ рѣчкѣ.

Никогда и нигдѣ, помню, я такъ не смѣялся, какъ здѣсь, когда мнѣ въ первый разъ пришлось по-смотреть, какъ-то вечеромъ, на казацкую игру въ «дергача». Заключается эта игра въ слѣдующемъ: выбирается ровная площадка, и на ней по-средины крѣпко вбивается низенькій колышекъ. Къ нему привязывается веревка. Однимъ концомъ ею обвязываютъ около поясицы казака, съ такимъ расчетомъ, чтобы онъ находился саженьяхъ въ 5-ти отъ кола. Другимъ концомъ обвязываютъ другого казака, и такъ, чтобы онъ находился на совершенно одинаковомъ разстояніи отъ кола. Обоимъ имъ туго завязываютъ платками глаза, чтобы они рѣшительно ничего не могли видѣть. Затѣмъ первому даютъ въ руки двѣ палочки. Одна изъ

нихъ съ зазубринками, другая имѣеть видъ скребка. Играющій долженъ слегка проводить палочкой по зазубринкамъ, черезъ что получается звукъ, похожій на криканіе коростеля, или дергача, откуда и произошло названіе этой игры. На эту игру собиралась смотрѣть положительно вся бригада, и старый, и молодой, и здоровый, и больной. Да и дѣйствительно, было чего и посмотрѣть.

Вотъ «дергачъ», широкоплечій здоровый казачина, съ красивой рыжеватой бородкой, заткнувъ за ремесный поясъ полы черкески, чтобы не мѣшали, припимается исполнять свою роль, видимо не впервые. Онъ совсѣмъ низко припадаетъ къ землѣ, скребетъ палочку о палочку, настораживаетъ уши, чутко прислушивается, то въ одну, то въ другую сторону, затѣмъ быстро приподымается, и, не слышно ступая мягкими чевяками, направляется по натянутой веревкѣ совершенно не подозрѣвая, какъ разъ на-встрѣчу своему врагу. Тотъ-же, между тѣмъ, вооруженный внушительною плетью, въ свою очередь, тоже старательно прислушивается къ малѣйшему шороху. Вотъ онъ затаилъ дыханіе и съ поднятой надъ головой плетью, сильно натянувъ туловищемъ веревку, значить, на одномъ радіусѣ съ противникомъ, крадется на-встрѣчу своей жертвы. Оба они неслышно, тихонечко, въ полной неизвѣстности, сходятся другъ съ другомъ ближе, ближе... сейчасъ столкнутся. Вся публика какъ-бы замираетъ отъ ожиданія. Терпѣніе ея переполнено. И вдругъ, въ самую критическую минуту, когда оставалось только нанести ударъ «дергачу», казакъ съ плетью круто поворачивается. Ему чудится, что жертва его за спиной. Онъ бросается въ

ту сторону, и начинаеть яростно размахивать плетью направо и налево.

Ха! ха! ха!.. раздражается публика гомерическимъ смѣхомъ. Тутолминъ, Левисъ, все офицеры, случилось и самъ Скобелевъ, хватаются за бока отъ смѣха, смотря, какъ бородатый дѣтина въ припрыжку улетѣваетъ отъ плети. Но главный-то въ эту минуту комизмъ заключается въ томъ, что «дергачъ», слышавъ, конечно, шумъ, бросался назадъ и, совершенно не подозревая, сталкивался лбомъ со своимъ противникомъ. А тотъ уже, не жалѣя плети, осыпалъ его ударами. Такъ потѣшались казаки, можно сказать, подъ самымъ носомъ непріятеля.

Частенько бывало, что и послѣ зари начальство разрѣшало казакамъ пѣть пѣсни. Такъ случилось и на этотъ разъ. Я возвращаюсь обратно въ лагерь одинъ-одинешенекъ. Луна ярко освѣщаетъ казачій лагерь. Верхи бѣлыхъ палатокъ кажутся зеленоватыми. Длинные ряды лошадей на коновязяхъ темнѣютъ черными полосами. Изрѣдка раздается ржаніе коней, да оклики часовыхъ.

«Вдругъ попалили въ траву,
Обоихъ не видно!»

долетаетъ до моихъ ушей любимая шутливая казачья пѣсенка.

Только слышно: ой, ой, ой!
Какъ тебѣ не стыдно!

Вѣтеръ какъ разъ въ мою сторону, и я даже разбираю, столь пріятное для меня, наигрываніе зурны.

Я уже больше половины дороги отъѣхалъ, скоро и пѣхотный лагерь покажется, а до ушей моихъ все

еще долетаютъ по вѣтру отрывчатые возгласы пѣснниковъ:

«Не хочу я утра ждать:
Утромъ ты обманешь!»

.

Но не все-же время мы проводили здѣсь весело, бывали и грустныя минуты. Надо сказать, что съ самаго нашего прибытія сюда на шоссе, канонада съ Шишкинскихъ высотъ удивительно отчетливо доносилась до насъ, не смотря на то, что до Шипки считалось около 60-ти верстъ. Вершины Балканъ, случалось, такъ ясно очерчивались, что я невольно искалъ глазами въ бинокль расположеніе войскъ и, конечно, напрасно. Развѣ на такое разстояніе можно что-либо разобрать? Какъ разъ въ эти дни Сулейманъ-паша велъ на Шипку свои отчаянныя атаки на наши войска. Свѣдѣнія до насъ доходили самыя грустныя. Скобелевъ, что называется, рвалъ и металъ помочь своими войсками, и все напрасно. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и послалъ меня къ генералу Драгомирову узнать, въ какомъ положеніи наши дѣла тамъ, и не можетъ-ли онъ помочь ему? Я, какъ уже писалъ раньше, встрѣтилъ на пути въ Габрово солдатъ, везшихъ извѣстіе въ главную квартиру о томъ, что Драгомировъ раненъ, а затѣмъ увидалъ и самого Михаила Ивановича въ Габровскомъ монастырѣ. Тяжелыя тогда были минуты для каждаго изъ насъ. Съ часу на часъ мы ждали извѣстія, что Шипка будетъ взята турками. Но Богъ помиловалъ, и мы ее отстояли.

Разъ ѣду я за Скобелевымъ. Мы направляемся, по обыкновенію, прогуляться къ Ловчѣ. Только-что

проѣхали нашъ лагерь, генераль обращается ко мнѣ и говоритъ:

— «Пожалуйста, объѣзжайте лагерь кругомъ. Накидайте мнѣ крокі мѣстности и сдѣлайте лѣсныя засѣки и загражденія на случай наступленія на насъ турокъ». Въ эти минуты я искренно пожалѣлъ, что такъ небрежно относился къ съемкамъ во время пребыванія моего въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Вспомнились мнѣ тогда: Петергофъ, товарищи, трактиръ, хорошенькая трактирщица, за которой мы ухаживали безуспѣшно, билліардная игра, и много чего другаго, только не съемки. А какъ бы пригодились теперь эти знанія. Но жалѣть и раскаиваться было поздно. Нужно было дѣло дѣлать. Крокі-то я кое-какъ еще набросалъ, а вотъ засѣки, да загражденія, какъ дѣлать? Но за этимъ разъясненіемъ я обратился къ капитану Куропаткину, и онъ, какъ всегда, выручилъ меня изъ бѣды. При этомъ я такъ поусердствовалъ, что въ одномъ мѣстѣ, сваливъ громадныя деревья, совершенно загородилъ своимъ-же солдатамъ проходъ за водой. А турки, между тѣмъ, такъ и не напали на насъ.

20-го августа весь нашъ отрядъ двигался вдоль шоссе, по направленію къ Ловчѣ. Михайль Дмитріевичъ, помню, въ сопровожденіи начальника штаба отряда и ординарцевъ, объѣзжаетъ войска и, по обыкновенію, слегка картавя, кричитъ имъ торжествующимъ голосомъ:

— «Поздравляю васъ, братцы, съ побѣдой! Генераль Зотовъ разбилъ турокъ подъ Пелишатомъ». Это было для насъ первымъ радостнымъ пзвѣстіемъ послѣ долгихъ неудачъ подъ Плевной.

Наканунъ боя.

21-е августа. Солнышко только что закатилось. На югъ ночь паступаетъ быстро. На шоссе, противъ нашего лагеря, необычайное оживленіе: глухой безпрерывный стукъ артиллерійскихъ колесъ о жесткую почву сливается въ одинъ общій гулъ и съ непривычки неспріятно рѣжетъ ухо. Длинные, неясныя очертанія лошадей, четвериковъ и шестериковъ, а за ними и самыхъ орудій, тянутся одной безконечной вереницей. Еще не совсѣмъ потухнувшіе красные отблески закатившагося солнца чуть окрашиваютъ на горизонтѣ вершины деревьевъ, палатокъ и даже остроконечныя уши лошадей и уродливыя козырьки кепокъ ѣздовыхъ артиллеристовъ. Поминутно раздаются сердитые крики: «Остановись! дай дорогу! Чего всю дорогу заняли, проходу нѣтъ!» Лошади останавливаются; дышло передка порывисто вздымается кверху и, подобно шлагбауму, даетъ знать, что пройти можно. Задержанная пѣхота, сбившаяся было въ кучу, стремительно перебѣгаетъ дорогу, слегка постукивая прикладъ о прикладъ и лязгая штыками, зацѣпившимися другъ о дружку. Снова раздаются крики на лошадей, и прерванная было линія орудій снова смыкается.

Въ воздухѣ слышится запахъ гари отъ разложен-

ныхъ костровъ, и сырой, ѣдкій — отъ кукурузы. Ею засѣяны были по близости цѣлыя поля. Блестящія жучки кругомъ такъ и летаютъ. Орудійныя колеса все стучать и стучать по шоссе. Пѣхота все также сердито переругивается съ прислугой. Подхожу къ со-сѣдной палаткѣ. Полотно приподнято. На складномъ некрашенномъ столпкѣ горитъ свѣчка. Кругомъ на-латки, на сырой травѣ, лежатъ на животахъ писари отъ разныхъ частей войскъ. Кто въ шинели въ рукава, кто въ накидку, кто просто въ одной рубахѣ, подпоя-санной ремешкомъ.

Съ зажженными огарками въ рукахъ старательно пишутъ они на листкахъ бумаги диспозиціи завтраш-няго боя (на 22-е августа). Диктовалъ имъ неболь-шого роста, худощавый, съ черной бородкой, гене-рального штаба капитанъ Куропаткинъ.

— Какой батальонъ? — шепчетъ возлѣ меня одинъ рыжій писарь, обтираетъ со лба потъ и слегка тол-каетъ въ бокъ товарища.

— 3-й, также шепотомъ отвѣчаетъ тотъ, быстро перевертываетъ листъ, макаетъ перо въ пузырекъ съ чернилами, и молча валяется дальше.

— Я бу-ду находиться въ на-ча-лѣ боя... — глухо, съ разстановкой, раздается въ ночной тиши знакомый миѣ сдержанный голосъ Куропаткина. Диктовался уже конецъ диспозиціи генерала Скобелева.

— ...на лѣвомъ флангѣ расположенія ввѣренной миѣ колонны, при Казанскомъ полку. При миѣ будутъ находиться для порученій сотники: Верецагинъ, Гай-товъ, Гутіевъ и поручикъ Лиссовскій *).

«Ну, разсуждаю про себя, это значить опять

*) «Ловча и Плевна», Куропаткинъ, стр. 134.

придется гонять, какъ и 18-го іюля подъ Плевной, съ одного фланга на другой, съ передовой цѣпи въ тылъ. Положимъ, что тамъ Скобелевъ командовалъ только маленькимъ отрядомъ, въ который входила Кавказская казачья бригада, и одинъ баталіонъ Курскаго полка, а здѣсь, хотя главнымъ начальникомъ князь Имеретинскій, за то Скобелевъ будетъ командовать авангардомъ».

Послѣ сраженія подъ Плевной я уже попривыкъ къ ординарческой службѣ, и теперь она не казалась мнѣ столь страшной, какъ въ началѣ.

— Возьмите два баталіона Либавскаго полка и отправляйтесь разставлять орудія, гдѣ мы съ вами сегодня были. Помните еще, гдѣ по намъ дали залпъ и ранили вашу лошадь, — говоритъ мнѣ Куропаткинъ, прерывая свое занятіе, и затѣмъ продолжаетъ диктовать дальше. Приказаніе это я отправляюсь исполнять очень охотно, такъ какъ еще днемъ хорошо изучилъ и осмотрѣлъ мѣстность.

Въ темнотѣ съ трудомъ удастся розыскать баталіоны. Принимаемся за работу. Наши позиціи были на столько круты, что почти каждое орудіе пришлось вкатывать на рукахъ.

Когда мы вкатили первое орудіе на гору, и я оглянулся назадъ, то просто былъ пораженъ видомъ безчисленныхъ нашихъ костровъ. Никакъ не ожидалъ я, чтобы у насъ скопилось столько войскъ. Куда ни взглянешь, вездѣ мелькали въ темнотѣ огоньки и все наши. Удивительно, какъ на войнѣ, ночью, успокаиваетъ душу видъ большого числа огней, конечно своихъ. Опо и понятно, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ невольно сознаешь свою силу.

Но что значитъ ночь, а вмѣстѣ съ ней и темнота!

Тамъ, гдѣ я еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ смѣло разѣзжалъ за Куропаткинымъ въ сопровожденіи только одного казака, теперь же, въ присутствіи нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, правда разбросанныхъ около орудій, чувствовалъ какую-то неловкость. Въ душѣ хотя я и сознавалъ, что непріятеля тутъ не должно быть, что до него версты 2—3, но вѣдь мнѣ достоверно извѣстно, что впереди насъ нѣтъ никакого прикрытія, нѣтъ ни постовъ, ни часовыхъ, и что ежели бы туркамъ вздумалось, то они могли подползти къ намъ сколько угодно. Поэтому, когда мнѣ приходилось оставаться одному въ сторонѣ, то каждый темный силуэтъ своего же солдата, внезапно появлявшагося изъ-за куста или орудія, производилъ непріятное впечатлѣніе и невольно заставлялъ вздрагивать. Да и солдаты, хотя и кучно работали, а все не разговаривали, а перешептывались. Другой, позабывшись, и раскричится, такъ старшій немедленно толкнетъ его въ бокъ и осадить словами: «чего орешь?»

Удивительный нашъ солдатъ! Вотъ хотя бы эту ночь: всю на пролетъ, безъ отдыха. до самаго утра, таскали они на себѣ орудія, и хоть бы одинъ изъ нихъ возропталъ или пожаловался на усталость. Напротивъ, только и слышались сдержанныя шуточки да прибауточки: «пошла, пошла, родная». Дружно, точно взапуски, возились они около орудій, и къ утру, только стало свѣтать, все было готово.

Бой подъ Ловчей.

22-го августа, съ восходомъ солнца, почти всѣ наши высоты разомъ огласились громомъ орудій. Я стою на Счастливой горѣ, гдѣ ночью разставлялъ орудія, и люблюсь видомъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ меня, князь Имеретинскій и Скобелевъ слѣзли съ лошадей, остановились у батареи и въ бинокль наблюдаютъ за дѣйствіями нашихъ снарядовъ. Позади конной казаковъ тоже слѣзъ съ лошадей и держитъ ихъ въ поводу. Господствующая тишина изрѣдка нарушается командами: второе — пли! — Бу-у-у... гудитъ выстрѣлъ, — третье и т. д. Прежде, когда я еще не бывалъ на войнѣ и судилъ о сраженіяхъ по картинкамъ, то они представлялись мнѣ совершенно иначе. Тамъ видишь на полотнѣ и орудія, и войска, и нашихъ, и чужихъ. Тутъ-же, я стою, ищу глазами непріятеля — и ничего не могу разобрать. Тѣ же горы, тѣ же деревья, таже-же зелень, что и вчера видѣлъ, и только разстояніе между орудійными дымками нашими и непріятельскими, обозначали границу или районъ дѣйствія.

Еще 18-го іюля подъ Шлевной, глядя на картину боя, я неоднократно раздумывалъ: а что ежели бы отъ выстрѣловъ не оставалось дыму, какъ тогда ар-

ти. Артиллеристы стали бы пристрѣлпваться? Вѣдь какъ наши стараются прикрыть отъ взоровъ свои орудія, такъ и непріятель. И по истинѣ сказать, будущихъ войнъ съ совершенно бездымнымъ порохомъ я никакъ не могу себѣ представить. Воиъ хотя бы сейчасъ, тамъ стрѣляетъ непріятельская пѣхота. Сразу видно, что залпъ. Надъ кустами въ воздухѣ протянулась длинная, узенькая, бѣлая полоска. Значить, туда наши артиллеристы могутъ направить свои выстрѣлы. А ежели бы этой бѣлой полоски не было, то и о присутствіи тамъ пѣхоты наши не могли бы знать.

До полудня артиллерія наша дѣйствовала усиленно, затѣмъ настаетъ затишье съ обѣихъ сторонъ, послѣ котораго канонада возобновляется съ удвоенной силой.

Часа четыре пополудни. Скобелевъ и Куропаткинъ ускакали въ городъ. Онъ уже перешелъ въ наши руки. И нѣсколько отсталъ, чтобы исполнить какое-то порученіе. Скачу за ними, подымаюсь на гору, и невольно остаиваюсь. Необыкновенно величественная картина является глазамъ моимъ. Внизу, у подножья горы, такъ съ версту, за синеватой вьющейся Осьмой, освѣщенной яркимъ солнцемъ, бѣлѣла Ловча со своими красными черепичными крышами и остроконечными мечетями и минаретами. Въ ней не замѣтно никакого движенія. Очевидно, она брошена непріателемъ. Вправо, за городомъ, на открытой равнинѣ, такъ съ полверсты отъ рѣки, грозно возвышался непріятельскій желтый песчаный редутъ, а за нимъ, еще подальше—другой.

— Смотри, пожалуйста,—мелькаетъ у меня въ головѣ,—какихъ они понастроили укрѣпленій! Вѣдь,

когда мы были тамъ 6-го іюля съ полковникомъ Жеребковымъ ничего подобнаго не существовало.

Рѣшительная минута замѣтно приближалась. По склону тѣнистыхъ высотъ черными змѣйками спускалась наша пѣхота. Нѣкоторые уже спустились и бѣгомъ направлялись къ рѣкѣ. Ея не миновать. Всѣ силы наши устремляются къ редутамъ, которые походили въ это время на дымящіеся кратеры вулкановъ, какъ ихъ рисуютъ на картинахъ. Густыя облака дыму, принимаемая на солнцѣ различные оттѣнки, подъ конецъ бѣлѣютъ, сливаются въ одинъ длинный безконечный хвостъ и тихо, медленно ползутъ по чудному синему поднебесью. Кажется, вотъ-вотъ облако это разсѣется. Но изъ блестящихъ бронзовыхъ орудій, мигающихъ на солнцѣ изъ-за темной зелени кустовъ, какъ молніи вспыхиваютъ новые огоньки, а вслѣдъ за ними вылетаютъ новые клубы дыма, взвиваются кверху и опять дополняютъ старые.

Вскорѣ я уже скакалъ изъ города на Рыжую гору къ князю Имеретинскому за подкрѣпленіемъ.

У самаго подножія горы встрѣчаю моего двоюроднаго брата, артиллериста, поручика Дубасова, съ полубатареей. Потный, усталый, кричалъ онъ до хрипоты на встрѣчныхъ телѣги, дабы проскочить въ городъ. Страшно ему хотѣлось этого, и все напрасно. Повозки, наполненные рапезыми, сплошь загородили дорогу, и ни назадъ, ни впередъ.

Тѣмъ временемъ, ружейные выстрѣлы сливаются въ одинъ невообразимый гулъ. Канонада же, напротивъ, прекращается. Очевидно, наши лѣзутъ на приступъ и артиллерія могла бы своихъ перестрѣлять. Князь Имеретинскій съ начальникомъ штаба, полковникомъ Паренцовымъ, стоялъ на самой вершинѣ

горы, окруженный свитой, и озабоченно слѣдилъ за ходомъ боя. Онъ приказалъ мнѣ взять два баталіона Эстляндскаго полка и вести ихъ какъ можно скорѣй къ Скобелеву.

Но только-что мы спустились подъ гору, перешли мостъ и втянулись въ городъ, какъ отдаленное раскатистое «ура» извѣстило насъ о побѣдѣ. А черезъ нѣсколько минутъ, не помня себя отъ радости, я уже карабкался за Скобелевымъ на редутъ по изуродованнымъ трупамъ. Даже и амбразуры были всѣ завалены убитыми.

И невольно вспомнились мнѣ тутъ слова Лермонтова въ «Бородинѣ»:

«И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ».

И бысть 6-й часъ вечера.

ТРЕТЬЕ ПЛЕВНО.

Передъ боемъ.

30-го августа 1877 года я продолжалъ состоять ординарцемъ при генералѣ М. Д. Скобелевѣ. Наканунѣ штурма Плевны ѣздилъ я въ мѣстечко Порадимъ, верстахъ въ 20-ти отъ Плевны, гдѣ тогда находилась главная квартира, — провѣдать брата моего Василия, художника. Здѣсь слышалъ я самый неутѣшительный разговоръ по поводу завтрашняго дня. Оказалось, что всѣ наши наступательныя силы заключались въ 55 тысячахъ, растянутыхъ на огромной дистанціи. Положимъ, было еще 15 тысячъ румынъ. Но то были союзники. А на союзниковъ никогда нельзя надѣяться такъ, какъ на свои войска.

И вотъ съ этими-то силами намъ предстояло штурмовать, по невылазной грязи, непріятельскіе редуты, защищаемые непріятелемъ, превосходящимъ насъ числомъ.

На другой день, чуть только стало свѣтать, ѣду я одинъ безъ казака обратно въ лагерь. Погода отвратительная: моросилъ дождикъ и стояла какал-то мгла. Стрыя свинцовыя тучи ползли такъ низко, что, казалось, сейчасъ зацѣпишь ихъ головой.

Еще вчера цѣлый день въ Порадимѣ слышалась канонада. Когда-же сегодня я сѣлся на лошадь, канона-

нады не слышать было, вѣрно рано еще. Но вотъ я отъѣхалъ нѣсколько шаговъ—и одиночный раскатистый выстрѣлъ, сотрясая воздухъ, доносится до ушей моихъ. За нимъ сейчасъ-же слѣдуетъ другой, такой-же. Должно быть, пристрѣливаются, перемѣнили, вѣроятно, позиціи, — разсуждаю я. И чего намъ задѣвать непріятеля? Тотъ молчитъ, не трогаетъ насъ. Ну, и намъ бы молчать. Можетъ, какъ нибудь и помирились-бы, и сговорились. А то сколько опять сегодня народу ухлопаютъ! думается мнѣ. Выстрѣлы доносятся все чаще и чаще, все яснѣе и яснѣе. Я невольно начинаю волноваться, сердце бьется сильнѣе.

Т-т-т-у-у-у... вдругъ точно что прорвало, точно вся земля провалилась, — такой раздается адскій гулъ. Даже лошадь спотыкается.

— Экъ, ихъ тамъ ворочаетъ, — невольно восклицаю я. — Должно быть или залитъ изъ нѣсколькихъ орудій, или зарядный ящикъ, а нѣтъ и цѣлый погребъ, взорвало.

Вѣрный конь мой, очевидно, тоже чувствуетъ, что не на радость идетъ, — вытянулъ свою лебединую шею, чутко посматриваетъ по сторонамъ, хрипитъ и прядетъ красивыми, тонкими ушами.

Верстъ за 5 до лагеря встрѣчаю пріятеля моего, командира сотни, есаула Ивана Семеныча, весельчака и хлѣбосола. Блѣдный, разстроенный ѣхалъ онъ въ Порадпмъ, въ свой обозъ. Командиръ полка ихъ тоже всѣ эти дни находился въ обозѣ.

— Что это съ вами, почтеннѣйшій Иванъ Семенычъ! Куда это вы ѣдете? — спрашиваю его съ величайшимъ участіемъ. Я любилъ есаула.

— Охъ, батюшка, не говорите, не могу, едва на конѣ сажу, лихоманка (лихорадка) замучила! — чуть

слышнымъ, слабымъ голосомъ отвѣчаетъ онъ, причеиъ правой рукой вмѣстѣ съ плетью освобождаетъ ротъ отъ башлыка, и его жиденъкая русая бородака, притиснутая-было на сторону, снова увидѣла свѣтъ Божій. Морщинистое лицо загорѣло и сильно осунулось. Голубые, вѣчно удивленные глаза сбузились и опухли. Два бравыхъ казака, рослыхъ, бородатыхъ, одинъ справа, другой — слѣва, въ бѣлыхъ намокипихъ башлыкахъ и длинныхъ черныхъ буркахъ, готовы были ежеминутно поддержать своего ослабѣвшаго командира.

Мы разговариваемъ нѣсколько минутъ. Онъ спрашиваетъ меня, что поваго въ главной квартирѣ? Не отложенъ-ли штурмъ? Не слыхать-ли чего про награды? И вдругъ, точно подпихнутый въ спину, новымъ, сильнѣйшимъ раскатистымъ залпомъ изъ орудій, поспѣшно прощается и мелкою ипоходью ѣдетъ дальше.

— Вотъ, разсуждаю дорогой, надо-же случиться такому несчастью: — передъ самымъ «дѣломъ» лихорадка затрясла. Что подумаютъ его товарищи? Что скажетъ сотня? И при этой мысли мнѣ становится грустно за него.

Но одновременно съ этою мыслью закрадывается мнѣ въ душу другая мысль: зато онъ навѣрно останется живъ, — отъ лихорадки не умираютъ, — и понемножку, понемножку у меня разыгрывается воображеніе: какъ Иванъ Семенычъ пріѣдетъ въ обозъ, къ великой радости его командира полка, которому, конечно, уже не такъ зазорно будетъ болѣть гемороемъ въ такое тяжелое время. Разобьетъ рядомъ съ нимъ палатку, уляжется на мягкую постель, и спокойно будетъ прислушиваться къ зловѣщимъ пущечнымъ раскатамъ. И скверное, трусливое чувство все сильнѣе и

сильнѣе начинаетъ одолѣвать меня. Отчего, думаю, и мнѣ не попробовать такъ устроиться? Положимъ, Иванъ Семёнычъ, мнѣ кажется, дѣйствительно нездоровъ, — а ежели я скажусь генералу больнымъ, развѣ онъ не повѣритъ? Вѣдь я еще ни разу не болѣлъ. И мнѣ уже представляется, съ какимъ удовольствіемъ забираю я свои вещи, и съ покойнымъ сердцемъ отправляюсь въ обозъ, гдѣ пѣть ни пуль, ни ядеръ, и гдѣ не будетъ мнѣ щемить сердце постоянная мысль объ опасности. А тамъ, думаю, штурмъ окончится и вернусь назадъ. Но вотъ это-то самое возвращеніе, во всей своей неприглядной дѣйствительности, немедленно-же возстаетъ предо мной.

Блѣдный, сконфуженный, являюсь Скобелеву. Генералъ выходитъ ко мнѣ, какъ всегда, раздушенный, баки расчесаны: одна направо, другая — налѣво — и, не подавая руки, сухо говоритъ, слегка картавя:

— Труссы, батенька, со мной служить не могутъ, до свиданія, — киваетъ головой и уходитъ къ себѣ въ палатку. Мурашки пробѣгаютъ у меня по тѣлу при одной этой мысли, и я судорожно подгоняю копя плетью, какъ бы не опоздать на позицію.

Но не отѣхалъ я и версты, какъ еще издали вижу, сквозь туманный мелкій дождикъ, поспѣшно спускается съ горы на-встрѣчу мнѣ такая-же группа всадниковъ. Всѣ трое закутаны въ темные банты и бурки. Сзади, оттянувъ поводъ, трунчикомъ слѣдуетъ заводная лошадь, павьюченная походными сумами. Она покрыта отъ гривы до хвоста черной буркой, чтобы не замочить вещи. Ближе, ближе, — уже я слышу чавканье грязи подъ копытами лошадей. Всадники ѣдутъ, какъ будто чѣмъ крайне озабоченные, безъ шума и разговоровъ. Присматриваюсь подъ ко-

ричневые баншыки—и, къ великому удивленію узнаю въ среднемъ, тоже пріятеля моего, Василія Андреевича.

— Ба, ба, ба,—сипло басить онъ нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ.—Ты куда?—и останавливаетъ коня. Мы обнимаемся, цѣлуемся, причемъ его жирныя, липкія губы крѣпко соприкасаются съ моими, и я слышу знакомый мнѣ запахъ чесноку и водки.—Проклятая лихоманка совсѣмъ замучила!—гудитъ онъ, какъ изъ трубы.—Въ обозъ ѣду отдохнуть. А ты туда?—и онъ киваетъ головой въ сторону не-пріятеля.

И смотрю на него и удивляюсь. Неужели это Василий Андреевичъ! Да вѣдь онъ кулакомъ вола могъ сшибить, а теперь, смотрите, какъ онъ похудѣлъ! Только длинная съ просѣдью борода осталась та-же. Теперь она намокла, и сколько вода ни струилась съ нея, но не могла смыть сальныхъ крошекъ, прилипшихъ къ ней, вѣроятно, отъ утренней закуски на дорожку.

Провожатые казаки немного осадили коней и чутко прислушивались сквозь баншыки къ нашему разговору. Гнѣдые кони ихъ потемнѣли отъ дождя и казались вороными. Они нетерпѣливо топчутъ копытами и обдаютъ меня грязью. Намокнувшіе хвосты, подвязанные узлами, обострились и съ нихъ тоже не переставая каплетъ вода.

— Да, въ лагерь! Ну что тамъ у васъ новаго? спрашиваю его.

— Да вопъ, слышишь, какъ палить?—и больной пріятель мой, точь-въ-точь, какъ и предшественникъ его, стремительно обнимаетъ меня, горячо цѣлуетъ, картинно взмахиваетъ плетью надъ головой, и трюхъ, трюхъ, трюхъ,—легонькой рысью продолжаетъ свой

путь вмѣстѣ съ казаками. Невольно гляжу имъ вслѣдъ. Широкія, темныя бурки, остроконечные башлыки, круглые, сытые крупы лошадей, отъ подвязанныхъ хвостовъ казавшихся еще круглѣе, все это мало-помалу теряется вдаль и, наконецъ, совершенно исчезаетъ изъ глазъ въ дождливомъ туманѣ. Жаль, очень жаль мнѣ ихъ обоихъ, добродушно разсуждаю про себя. Хорошіе они служакки, а вотъ не выдержали, свалила лихоманка проклятая! И я снова тороплюсь, какъ бы не опоздать на позицію.

Бой на Зеленыхъ Горахъ.

Сколько я ни торопился, а все не засталъ Скобелева въ лагерѣ. Онъ уже давно былъ впереди, и вмѣстѣ съ Имеретинскимъ разгуливалъ по шоссе подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Слѣзаю съ лошади и присосѣживаюсь къ товарищамъ. Всѣ они пасмурные сидѣли, закутавшись въ бурки, подъ прикрытіемъ небольшого бугорка. Кругомъ сѣро и мрачно. То тутъ, то тамъ виднѣются на землѣ наши убитые, точно черпья кочки. Дождь забирается мнѣ за бурку и холодной струей катится по спинѣ. Пули частенько свистутъ надъ головой, и съ короткимъ, рѣзкимъ звукомъ щелкають о землю и невольно заставляютъ вздрагивать. Вонъ въ казачьемъ конвоѣ опять понесли кого-то. Казаки сбились въ кучу и что-то съ жаромъ толкуютъ.

— Эхъ, хоть бы поскорѣе уѣхать отсюда! — думается мнѣ.

Прошло уже не мало времени. Погода все такая-же пасмурная. Изъ конвоя унесли еще нѣсколько человѣкъ.

Но вотъ раздается знакомый картавый голосъ Скобелева:

— Лошадь мнѣ!

Всѣ мы, въ томъ числѣ и Куропаткинъ, стремительно бросаемся къ лошадямъ. Ъдемъ по шоссе, по

направленію къ Плевнѣ. Въ это время Скобелевъ разговариваетъ съ княземъ Черкасскимъ, будущимъ начальникомъ народнаго управленія въ Болгаріи. Онъ только-что подѣхалъ къ намъ. Зачѣмъ онъ прибылъ сюда, не знаю, можетъ быть, чтобы испытать себя подъ огнемъ? Мы сворачиваемъ влѣво и ѣдемъ вдоль Зеленыхъ Горъ, поросшихъ громадными вѣтвистыми дубами и орѣхами. Здѣсь, въ глубокой зелени виноградныхъ кустовъ и другихъ растеній, залегла наша пѣхота въ своихъ черныхъ мундирахъ, безъ ранцевъ, съ ружьями въ рукахъ. Кто лежитъ бокомъ, вытянувъ ноги, кто подпираетъ колѣнями подбородокъ. Не слышно ни шума, ни разговоровъ. Видно, не до того имъ тутъ было. Мы ѣдемъ все дальше и дальше. Непріятельскій огонь все усиливается. Ружейный дымъ, скопляясь между вѣтвистыми деревьями, все гуще застилаетъ окрестности. Хотя былъ полдень, но казалось точно вечеръ. Впереди не видно ни души. Огонь, повидимому, достигаетъ своей наибольшей силы. Пули, точно шмели, такъ и свистятъ надъ головой, то по бокамъ. Нѣкоторыя пролетаютъ такъ близко, что даже чувствуешь дуновеніе вѣтерка на лицѣ. Сердце невольно замираетъ и по временамъ готово остановиться въ своемъ біеніи. Князя Черкасскаго въ это время уже съ нами не было. Онъ уѣхалъ обратно во-свояси. Смотрю на генерала, а тотъ, озабоченный, нервно дергаетъ поводья своей сѣрой лошади, дабы усилить шагъ. Кругомъ царитъ тишина. Всѣ ѣдемъ молча. Разговоры не слышно. Только изрѣдка Михайлъ Дмитріевичъ перекидывается вполголоса съ Куропаткинымъ нѣсколькими словами. Алексѣй Николаевичъ, тоже озабоченный, усиленно старается ѣхать рядомъ съ начальникомъ, дабы слышать каждое его замѣчаніе. По време-

намъ позади насъ раздаются отчаянные крики — то вопли раненыхъ въ нашемъ конвое. Я стараюсь не оглядываться и тороплюсь не отстать отъ начальства.

Ш-ш-ш! — рѣзко шуршитъ надъ самымъ моимъ ухомъ осколокъ гранаты. Нѣкоторые изъ нихъ, ударяясь вскользь о толстые стволы деревьевъ, отскакиваютъ и жалобно мяукаютъ, точно кошки какія. Сосображать или думать въ эти минуты я ни о чемъ не могу. Всѣ помыслы мои устремлены на одно: скоро-ли мы выберемся изъ этого ада?

Щ-щ-чолкъ! — раздается рѣзкій щелчокъ, точно кто хватилъ гусевымъ кнутомъ, какъ разъ позади меня. Звукъ сухой, рѣзкій. Невольно оглядываюсь, смотрю: донской казакъ, изъ нашего конвоя, здоровенный молодчинище, уже свихнувшись съ сѣдла, задралъ свою черную голову кверху, какъ-бы умоляя небо о помилованіи и, судорожно схватившись за пику, старается удержаться въ сѣдлѣ. Фуражка его свалилась на землю. Длинные волосы, подстриженные въ кружокъ, растрепались по вѣтру. По искаженному выраженію лица я сразу вижу, что онъ «готовъ». Товарищи его бросаются къ нему и снимаютъ съ сѣдла. Мелькомъ гляжу на эту картину и по-прежнему стараюсь не отставать отъ начальства. Мнѣ точно кто нашептывалъ въ эти минуты: «не отставай! не отставай! вотъ ужъ сколько проѣхалъ благополучно, авось ты и выберешься кое-какъ!»

А пули такъ и летаютъ невидимками, умильно посвистывая надъ нашими головами. Такъ и поютъ, такъ и преслѣдуютъ тоненькими зловѣщими голосами. Конвой нашъ все рѣдѣетъ и рѣдѣетъ.

Въ это время, какъ я уже рассказывалъ въ своихъ запискахъ «Дома и на войнѣ», я машинально

осаживаю коня, затѣмъ опять подаюся впередъ и ѣду рядомъ съ Куропаткинымъ, лѣвѣе его, съ тѣмъ именно расчетомъ, что такъ какъ огонь справа, поэтому пуля, прежде чѣмъ пронзитъ меня, необходимо должна пронзить сначала Скобелева, который ѣхалъ правѣе, затѣмъ Куропаткина, и ужъ только тогда меня. Но только успѣлъ такъ пристроиться, какъ опять раздается:

Щолкъ! — гдѣ-то вотъ-вотъ возлѣ меня. Я невольно задерживаю лошадь и осматриваю себя. По звуку щелчка я долженъ непремѣнно быть раненъ, а между тѣмъ ни слѣда нѣтъ никакого, ни боли не чувствую. Вдругъ взоръ мой случайно падаетъ на правый сапогъ, и — около щиколки вижу кровь.

— Стой! стой! Остановись кто-нибудь! — кричу изо всѣхъ силъ, замѣтивъ, что всѣ удаляются, и я остаюсь одинъ. Вижу, Куропаткинъ оглядывается и затѣмъ говоритъ что-то Скобелеву. Тотъ, не оборачиваясь, ѣдетъ дальше. Куропаткинъ посылаетъ ко мнѣ казака. Вонъ скачетъ знакомый урядникъ, быстро спрыгиваетъ съ сѣдла и помогаетъ мнѣ слѣзть съ лошади. Это было какъ разъ во-время, потому что лошадь моя оказалась тоже раненой. Урядникъ уступаетъ мнѣ своего коня. Я съ трудомъ взбираюсь въ сѣдло, оттопыриваю раненую ногу впередъ и направляюсь обратной дорогой, по слѣдамъ нашихъ раненыхъ. Нѣтъ хуже, когда приходится уѣзжать обратно изъ-подъ огня. Такъ тебя и толкаетъ кто-то въ спину. Точно говорить: скорѣй, скорѣй, сейчасъ убьютъ! Я погоняю лошадь и, пригнувшись къ ея шеѣ, скачу черезъ рвы, канавы, траншеи, наполненные голыми посинѣлыми трупами, чтобы скорѣе выбраться на шоссе.

На перевязочномъ пунктѣ.

Погода печного прояснилась. Вонь вдали, точно черное пятнышко какое, приютился въ сторонѣ у самой дороги перевязочный пунктъ.

Первымъ, кого я встрѣтилъ по пути во временной госпиталь, почти что еще подъ выстрѣлами, былъ почтенный старикъ князь Черкасскій. Верхомъ на сѣренькой лошади, князь встрѣчалъ и провожалъ раненыхъ. Нѣкоторыхъ даже самъ усаживалъ въ фургоны Краснаго Креста, которыми въ этотъ день онъ завѣдывалъ. За нимъ слѣдовалъ верховой казакъ съ камышевой тростью князя въ рукѣ, со слоновой рукояткой.

Послѣ предварительнаго осмотра ноги моей на перевязочномъ пунктѣ, ѣду въ фургоны во временной госпиталь. До него было верстъ пять. Мѣстность кругомъ мнѣ хорошо знакома. Вонъ ручей. По берегамъ его солдатскія кухни. Мѣсто для нихъ я же выбиралъ по указанію Куропаткина. Вонъ нашъ лагерь, а вонъ и госпитальные шатры. Но Боже! что тамъ такое, ихъ и не узнаешь. Тысячи человѣческихъ фигуръ видѣлись кругомъ на огромномъ пространствѣ. Госпиталь, какъ я потомъ слышалъ, былъ приготовленъ всего для 500 раненыхъ, а ихъ скончилось теперь тутъ около восьми тысячъ. Сквозь шумъ колесъ отъ моего фур-

гона начинаетъ доноситься стоиъ раненыхъ. Близко къ шатрамъ подъѣхать невозможно, — дорога запружена человѣческими тѣлами. Въ шинеляхъ, безъ шинелей, въ рубахахъ и даже безъ рубахъ, кто лежалъ на носилкахъ, кто прямо на сырой землѣ. Всюду виднѣлись подвязанныя бѣлыми тряпками стриженныя головы. Нѣкоторые раненые еще шевелились, другіе же, уткнувшись лицомъ въ землю, не подавали и признаковъ жизни.

Кое-какъ, съ великимъ трудомъ, меня подвозятъ къ шатрамъ. Изъ нихъ поминутно показываются то женскія фигуры съ бѣлыми косынками на головѣ, то доктора въ клеенчатыхъ фартукахъ и съ засученными рукавами. По озабоченному виду, нервнымъ порывистымъ движеніямъ, видно было, что у нихъ горячая работа. Въ шатры безпрестанно поступаютъ новыя и новыя жертвы.

Вотъ, наконецъ, и меня выносятъ солдаты изъ фургона и кладутъ на носилкахъ между ранеными. Смутно помню, какъ вдали въ шатрѣ виднѣлся красный столъ, очень длинный, и какъ вокругъ него толпились доктора. Пока столъ былъ занятъ, я осматривалось кругомъ, и вдругъ взоръ мой падаетъ на одного раненаго офицера. Онъ, какъ сейчасъ, у меня передъ глазами. Высокій, тонкій, въ пальто въ накидку, стоялъ онъ, опустивши руки, и, казалось, пристально глядѣлъ на меня, точно хотѣлъ узнать. Боже, какой у него видъ, я и до смерти не забуду! Нижняя челюсть у него была оторвана, должно быть, осколкомъ снаряда, и окровавленный языкъ торчалъ наружу. На щекахъ виднѣлись еще клочки бороды съ запекшейся кровью. Я невольно стихаю и, точно прикованный, не могу отвести отъ него глазъ.

Господи, думаю, какъ я счастливъ, что не такъ раненъ, какъ этотъ бѣдняга! Но странное дѣло, кроважидность ли въ человѣкѣ, или что другое, но только какая-то невѣдомая сила заставляетъ меня все смотрѣть и смотрѣть на этого несчастнаго. А онъ, въ свою очередь, тоже все стоитъ и пристально всматривается въ меня.

Какъ могъ онъ столько времени стоять съ такой ужасной раной, да еще и не перевязанный, вотъ чего, помню, не могъ я уяснить себѣ. Но вотъ, наконецъ, меня внесли въ шатеръ, положили на столъ и дали хлороформу. Часа черезъ два я проснулся, нога оказалась прострѣленной около щиколки.

Въ это самое время я узналъ отъ моего казака Ломакина о смерти брата моего Сергѣя. Какъ я уже писалъ въ моихъ запискахъ, онъ временно состоялъ тоже ординарцемъ при Скобелевѣ, и былъ убитъ часами двумя позже того, какъ я былъ раненъ. Тѣло его, несмотря на всѣ старанія моихъ товарищей-казаковъ, не было пайдено.

На другой день утромъ я отправился въ Порадимъ. Увидалъ брата Василя и, по его совѣту, поѣхалъ лечиться въ Бухарестъ въ Бранкованскій госпиталь.

Въ госпиталѣ.

Мнѣ случайно удалось нанять обратную колясочку. До Фратешти я заплатилъ 25 полуимперіаловъ. А какъ тутъ всего было 90 верстъ, то это приходилось слишкомъ по два рубля за версту. Вотъ какія денежки драли съ насъ наши союзники румыны, пользуясь случаемъ! Въ Систовѣ, куда мнѣ удалось добраться къ вечеру, я ночевалъ въ Евангелическомъ госпиталѣ. Здѣсь меня осмотрѣлъ и перевязалъ ногу знаменитый профессоръ Бергманъ, удивительно внимательный и симпатичный докторъ. Онъ написалъ мнѣ слѣдующій дальнѣйшій маршрутъ, который у меня сохранился въ подлинникѣ и до сихъ поръ.

1-й пунктъ — Атариаци. Доктора Остроградскій и Петровъ. Перевязка и чай.

2-й пунктъ — Путинен. Уполномоченный Багговутъ, докторъ Покровскій. Обѣдъ, и, если нужно, перевязка и почлесть.

3-й пунктъ — Фратешти. Уполномоченный Писаревъ. Доктора: Рипекъ, Коломнинъ и Студенскій.

Удивительное дѣло, пу, кажется, долго ли я былъ въ дорогѣ, а между тѣмъ на всѣхъ этихъ пунктахъ мнѣ пришлось встрѣтить вездѣ такой уходъ, такое участіе, что воспоминаніе объ этомъ можетъ изгла-

даться развѣ со смертью. Помню, бывало, только еще подъѣзжаешь къ шатру, на шестѣ котораго развѣвается Красный Крестъ, какъ уже или сестра милосердія, или докторъ, а не то и самъ уполномоченный непременно встрѣтятъ. Начинаются заботливые разспросы: «Куда раненъ? Гдѣ дѣлали послѣднюю перевязку? Не надо ли снова перевязать? Не хочу-ли отдохнуть?» Пока идутъ эти разговоры, смотришь, а уже одна изъ сестеръ, въ сѣренькомъ платьѣ, съ краснымъ крестомъ на груди, торопливо спѣшитъ со стаканомъ чаю и булкой. Какъ отрадно получить все это въ дорогѣ! А сколько раненымъ Красный Крестъ сохранилъ жизнь въ послѣднюю турецкую войну — и не перечесть!

Изъ Фратешть я быстро доѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Бухарестъ. Оказалось, что я не одинъ ѣхалъ въ Бранкованскій госпиталь, а еще нѣсколько чело-вѣкъ. Всѣ мы почти одновременно подъѣхали къ красивой желѣзной рѣшоткѣ сада. Пока пастъ выносили изъ экипажей, вокругъ собралась порядочная толпа румынъ поглядѣть на насъ.

Бранкованскій госпиталь — обширное красивое зданіе. Оно все было отдано румынами на время войны для раненыхъ русскихъ офицеровъ. Меня помѣстили, по странной случайности, въ той же самой комнатѣ и въ томъ же углу, гдѣ за мѣсяць передъ тѣмъ лежалъ раненый братъ мой Василій. Вскорѣ пришли румынскіе доктора-хирурги, какъ потомъ оказалось, очень искусные. Патцель — маленькій, сѣденькій старичокъ, съ очками на носу, и Кремницъ, — еще молодой, красивый, высокій брюнетъ. Внимательно осмотрѣли мою ногу и наложили такъ называемую листеровскую повязку. Способъ такого леченія заключается въ томъ, что все время, пока дѣлаютъ перевязку,

одинъ изъ фельдшеровъ непрерывно освѣжаетъ воздухъ изъ пульверизатора растворомъ карболки, дабы не допустить какого-либо зараженія крови, такъ что лица докторовъ въ эти минуты кажутся точно въ туманѣ. Затѣмъ накладываютъ на рану чистую тряпочку, забинтовываютъ, — и вотъ все.

Главнымъ начальникомъ госпиталя былъ у насъ тогда заслуженный румынскій полковникъ Бибеско, высокій, полный, очень представительный мужчина. Онъ раза два въ мѣсяцъ торжественно обходилъ палаты въ сопровожденіи докторовъ и цѣлой вереницы фельдшеровъ и служителей. Экономъ же нашъ, довольно добродушный господинъ, худощавый, высокій, съ жиденькими бакенбардами, обыкновенно лѣтъль впереди и, размахивая руками, тревожно кричалъ намъ: «Colonel Bibisco!» желая всѣхъ насъ предупредить о такомъ важномъ событіи. Урывками поправлялъ онъ на больныхъ свѣсившіяся на полъ одеяла, поправлялъ стулья, какъ будто невзначай растиралъ ногой плевки на полу, и пропадалъ. Надо сказать правду, чистота и порядокъ здѣсь содержались превосходные. Полы были какъ зеркало, хоть смотришь въ нихъ. Кормили насъ очень спосно, а первое время, когда я поступилъ, такъ даже роскошно.

Вскорѣ навѣстилъ меня здѣсь М. Д. Скобелевъ. Случилось это такъ. Какъ-то утромъ лежу я на своей кровати, смотрю, входитъ въ палату знакомая фигура генерала, въ кителѣ. Покручивая рыжіи бакенъ, генералъ, видимо, ищетъ кого-то глазами и, изгибаясь тонкимъ худощавымъ туловищемъ, топчется на мѣстѣ.

«Батюшки мои, — думаю, да вѣдь это Скобелевъ!»

— Ваше превосходительство! — кричу ему, не помня себя отъ радости.

Онъ услыхалъ, весело подходитъ ко мнѣ, жметъ мою руку, садится возлѣ кровати и, по обыкновенію, картавя, говоритъ:

— Васъ-то я, батенька, и ищу. — Ну, что нога ваша? — помните, какъ вы запищали, когда васъ ранили? — и онъ начинаетъ хохотать, точно дѣло шло о какихъ то пустякахъ. Изъ сосѣднихъ палатъ, какъ только офицеры узнали, что Скобелевъ здѣсь, кому только позволяли силы, послѣзали со своихъ постелей и пришли взглянуть на любимого генерала. Всѣ они не безъ зависти смотрѣли на меня, какъ я бесѣдую съ нимъ!

— Османка, батенька, вылѣзаетъ изъ своей поры! Схватить его надо живьемъ! — весело восклицаетъ онъ и потираетъ руки.

Я съ наслажденіемъ вслушиваюсь въ его голосъ, люблю его стройной, худощавой фигурой и красивыми рыжими бакенбардами.

— Надолго вы пріѣхали сюда? — спрашиваю его.

— Да вотъ отдохнуть пріѣхалъ на нѣсколько дней изъ подъ Плевны. Вѣдь мы живемъ теперь въ траншеяхъ. Какъ кольцомъ желѣзнымъ охватываемъ ее. Не уйдетъ Османка!

И мой Михаилъ Дмитріевичъ заливается, хохочетъ и самодовольно потираетъ свой большой носъ..

— Ну, поправляйтесь, да пріѣзжайте скорѣе. Вѣдь второй разъ въ жизни не придется Балканы переходить! — говоритъ онъ пророческимъ тономъ, дружески жметъ мнѣ руку и уходитъ. Затѣмъ оборачивается и кричитъ мнѣ, какъ бы въ догонку. Я бы на вашемъ мѣстѣ хоть ползкомъ, да поползъ бы!

Кажется, за что было мнѣ такъ любить его? Вѣдь онъ даже едва оглянулся 30-го августа, когда, во

время сраженія, Куропаткинъ сообщилъ ему, что я раненъ, а между тѣмъ, надо правду сказать, что тѣ минуты, когда онъ сидѣлъ возлѣ моей кровати, были счастливейшими во все пребываніе мое въ госпиталѣ. Таково было обаяніе надо мной этого человѣка.

Еще навѣстилъ меня здѣсь старый другъ нашей семьи и сверстникъ моихъ старшихъ братьевъ, докторъ Юрій Трофимовичъ Чудновскій. Онъ проѣзжалъ черезъ Бухарестъ въ армію, узналъ, что я здѣсь, и заѣхалъ провѣдать. Я очень обрадовался ему.

— Что ваша нога? покажите-ка вы мнѣ ее.

Я открываю одѣяло и показываю.

— А нельзя разбинтовать? — спрашиваетъ онъ своимъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

Какъ время было послѣ обѣда, докторовъ нельзя было ожидать, я разбинтовываю. Рана уже покрылась тонкимъ рубцомъ.

— Знаете, что вы сдѣлайте, — говоритъ Юрій Трофимовичъ: попросите позволенія брать ванну, такъ, изъ тепленькой водицы, градусовъ въ 28—29, и затѣмъ старайтесь дѣлать въ водѣ движеніе ступней. А то какъ бы рубецъ этотъ не приросъ къ кости, и тогда можетъ сократиться движеніе.

Сказано-сдѣлано. Какъ только Чудновскій ушелъ, я немедленно посылаю спросить разрѣшеніе доктора взять ванну. Мнѣ позволили. Усаживаюсь. Тепло, хорошо! Давай ступней вертѣть. Вертѣль, вертѣль, вдругъ кожа на рубцѣ лопается, и кровь фонтаномъ заструилась изъ раны. Я заоралъ благимъ матомъ. Сбѣжались сторожа, сестры милосердія. Что такое? Послали за докторомъ, и не безъ труда удалось остановить кровотеченіе. Какимъ то образомъ госпитальное начальство проноухало причину, и съ тѣхъ поръ стало очень

ревниво относиться къ посѣщенію постороннихъ докторовъ.

Время послѣ завтрака. Солнце пробивается сквозь бѣлыя сторы оконъ и мягко освѣщаетъ внутренность обширной палаты. Въ ней тишина: кто спитъ, кто читаетъ. Вонъ недалеко отъ меня, сидитъ на табуреткѣ, у кровати больного, сестра милосердія, хорошенькая Фанни Станиславовна. Бѣлая кисейная пелериночка кокетливо накинута на ея худощавыя плечи. Сѣренное тиковое платьице, съ бѣлымъ передникомъ и краснымъ крестомъ на груди, ловко обхватываетъ всю ея небольшую фигурку. Наклонившись надъ больнымъ, вся зарумянившись, она что то съ жаромъ, въ полголоса говоритъ ему. Тотъ, придерживая исхудалой рукой сѣрое байковое одѣяло на груди, серьезно, сосредоточенно слушаетъ ее, и только изрѣдка киваетъ черной стриженной головой въ знакъ одобренія, при чемъ сильно сопить носомъ.

Я знаю, — между ними большая дружба. Фанни Станиславовна аккуратно приходитъ нѣсколько разъ въ день справляться о его здоровьи, не нужно ли ему чего нибудь, и всегда по долгу сидитъ возлѣ его кровати. Мнѣ уже извѣстно, о чемъ они разговариваютъ: сестра милосердія жалуется своему больному на порядки въ госпиталѣ. Такъ и есть, — вонъ, я вижу, она сердито раздуваетъ свои тонкія ноздри, хмуритъ едва замѣтныя русыя брови и довольно громко восклицаетъ.

— Я говорила сегодня Патцелю, что жаръ у него ночью усилится, а онъ не вѣритъ, смѣется и говоритъ: «Это вамъ съ просонья показалось».

За ними, у окна, сидитъ бочкомъ на кровати, возлѣ другого больного, худощавый небольшого роста

офицеръ, въ сѣромъ халатѣ и туфляхъ. Онъ тоже раненый, только изъ другой палаты. Пришелъ провѣдать своего друга. Я знаю его, это уланъ, полковникъ Ушаковъ. Онъ раненъ въ кисть руки. Она перевязана у него и забинтована на дощечкѣ. Лицо его блѣдное, изможденное страданіями. Онъ тихонько разговариваетъ съ рыжебородымъ длиннымъ офицеромъ. Лицо все въ веснушкахъ. Тотъ лежитъ, укрывшись одѣяломъ по самую бороду. Ушаковъ, какъ бы для облегченія своихъ страданій, тихонько поглаживаетъ здоровой рукой больную, чуть-чуть повыше перевязки.

Рядомъ со мной лежитъ молоденькій, хорошенькій артиллерійскій прапорщикъ, только что передъ войной выпущенный въ офицеры. Онъ раненъ въ плечо и уже идетъ на поправку. Повернувшись къ свѣту, прапорщикъ внимательно читаетъ какую-то маленькую книжечку. Заглядываю подъ обложку, — читаю: «Поль де-Кокъ». — А-а-а! Ежели уже ты такіа книжки можешь читать, то значить, пора тебѣ и выписываться совсѣмъ! — мелькаетъ у меня въ головѣ. По временамъ сосѣдь мой хохочетъ себѣ подъ носъ и дрыгаетъ ногами отъ удовольствія.

А вопъ тамъ, въ самомъ углу, лежитъ поручикъ Матусевичъ, раненый въ погу съ раздробленіемъ кости. Рана его прескверная. По временамъ у него отдѣляются косточки и начинаютъ выходить вмѣстѣ съ гноемъ, что причиняетъ ему ужасныя боли. Въ такіа минуты онъ закрывается одѣяломъ наглухо и только чуть слышно стонетъ. Сколько у этого человѣка было терпѣнія!

Я спокойно лежу и посматриваю по сторонамъ.

Но кто это входитъ къ намъ въ палату? Какая-то

дама! Высокаго роста, красивая, представительная, въ черномъ кашемировомъ платьѣ. Въ рукахъ она не безъ труда держитъ объемистую корзинку, перевязанную сахарною бичевкой. Дама направляется прямо ко мнѣ. Ахъ, это наша дорогая Лидія Алексѣевна Демидова *), завѣдующая отдѣленіемъ Краснаго Креста въ Бухарестѣ,—разсуждаю про себя. Она часто провѣдывала насъ, и всегда съ великимъ участіемъ справлялась, не нуждаемся ли мы въ чемъ нибудь и какъ идетъ леченіе? Такъ какъ раньше она очень внимательно ухаживала и заботилась о братѣ моемъ Василин, который, какъ я уже говорилъ, лежалъ въ этой же самой комнатѣ, то, вѣроятно, вслѣдствіе этого, какъ бы по наслѣдству, перенесла свое вниманіе и на меня.

— Здравствуйте! Вотъ и я къ вамъ собралась, наконецъ!—весело восклицаетъ она и ставитъ корзинку на полъ, какъ разъ противъ меня. Тутъ вино вамъ. Я давно собиралась привезти, да все некогда.

Я чрезвычайно радъ Лидіи Алексѣевнѣ. Любуюсь на ея красивое, доброе, пышющее здоровьемъ лицо, и съ наслажденіемъ вдыхаю запахъ духовъ и одеколона, распространяющійся отъ нея и столь рѣдкій въ нашей госпитальной обстановкѣ. Съ прибытіемъ ея я даже чувствую себя какъ то бодрѣе, обновленнѣе. Товарищи мои тоже принодываются на постеляхъ и не безъ интереса поглядываютъ то на гостью, то на ея приношеніе. Даже несчастный Матусевичъ, и тотъ высовываетъ изъ подъ сѣраго одѣяла свое изможденное лицо. Мы начинаемъ развязывать корзинку.

*) Нынѣ княгиня Долгорукая.

— Вот лафиту 2 бутылки! Мадеры 2! Марсалы бутылочка! — весело продолжает выкрикивать Лидія Алексѣвна, счастливая тѣмъ, что могла доставить намъ все это. Вино, конечно, я раздаю товарищамъ, при чемъ не забываю оставить и себѣ бутылочку.

Кромѣ того, что Лидія Алексѣвна часто привозила намъ разныхъ разностей: вина, варенья, печенья, она дорога для насъ была еще тѣмъ, что постоянно сообщала разные новости съ театра войны, которыя такъ дороги въ госпиталѣ.

— Знаете, — въ полголоса продолжаетъ рассказчица: ужъ теперь, говорятъ, наши передовыя траншеи подъ Плевной чуть не сходятся съ турецкими! Всего какихъ нибудь сто сажень не дошли.

— Государь, говорятъ, ждетъ и не дождется взятія Плевны и затѣмъ немедленно же уѣдетъ въ Петербургъ.

— У турокъ хлѣба нѣтъ, такъ и мрутъ съ голода. Османъ-паша все ждетъ подкрѣпленій! — сообщаетъ Лидія Алексѣвна, будучи заранѣе увѣрена, насколько всѣ эти свѣдѣнія намъ интересны.

Сосѣди мои всѣ жадно прислушиваются къ ея словамъ.

— Неужели же подкрѣпленіе можетъ проскочить! — съ досадою говорю ей.

— Караулять, караулять! Вотъ теперь Горный Дубнякъ взяли, такъ дѣло лучше пойдетъ! — успокаиваетъ она.

Лидію Алексѣвну мы всѣ искренно любили и уважали. Она приобрѣла общее наше расположеніе своимъ сердечнымъ обращеніемъ, вниманіемъ, и, главное,

умѣнїемъ въ тяжелыя минуты страданій успокоить больного и ободрить.

Послѣ ея ухода у насъ начинаются все тѣ же безконечныя разсужденія и споры о томъ, скоро ли падеть Илевна.

— Пожалуйста, не вспоминай ты мнѣ о Горномъ Дубнякѣ, — не хвастайся! Тебѣ это дѣло нравится, а я такъ и слышать о немъ не могу! — желчно восклицаетъ рыжебородый офицеръ осипшимъ басомъ, и приподымается на локтяхъ отъ изголовья, при чемъ сѣрое байковое одѣяло сползаетъ съ его мохнатой груди.

— Ну, какая тутъ побѣда? Весь день чуть не цѣлая армія дралась! 6 тысячъ солдатъ уложили, а у турокъ и всего-то 4 табора *) было. Нечего сказать, отличились! — Затѣмъ, какъ бы оживившись, восклицаетъ:

— Ты видѣлъ, вчера у меня прапорщикъ измайловецъ былъ, онъ участникъ этого дѣла. Онъ что говорилъ!... А! — Что говорилъ!

— Это, говорить, у насъ кадрили вышли! Потому что мы этотъ Дубнякъ со всѣхъ сторонъ обложили и наши же пули, перелетая черезъ редутъ, своихъ же били. — Мы, значить, съ одной стороны наступали, а съ другой бѣжали, поясняетъ рассказчикъ.

— Ну, развѣ можно такую маленькую крѣпость облагать со всѣхъ сторонъ! Да громи ее артиллеріей хорошенько, она и безъ штурма сдалась бы. — Рассказчикъ приходитъ чуть не въ ярость. Со стороны казалось, что онъ сейчасъ побьетъ своего тщедушнаго слушателя. Давно не чесанные волосы на головѣ сбились копромъ, слюни изо рта брызгали во всѣ сто-

*) Баталіонъ.

роны. Воротъ у рубахи разстегнулся и длинная тощая шея оголилась по самыя плечи.

— Э, да что съ тобой и толковать! — горестно восклицаетъ онъ, повертывается къ пріятелю спиной и сердито укутывается въ одѣяло.

— Это не побѣда, а пораженіе! — мычитъ онъ себѣ въ бороду, какъ бы на прощанье.

Мало-по-малу разговоры стихаютъ. Въ палатѣ наступаетъ прежняя тишина, нарушенная приходомъ Демидовой.

Недѣли двѣ спустя лежу я все на той же кровати и все въ томъ же углу. Вдругъ вижу, входитъ опять Лидія Алексѣевна, какъ всегда, сіяющая, довольная, а за ней слѣдомъ идетъ другая дама, высокая, стройная брюнетка, въ темно-синемъ шелковомъ платьѣ. На головѣ черная шляпа съ страусовыми перьями. Глаза большіе, черные, сама розовая, свѣженькая. Ну совершенно красавица!

Смотрю, — у товарищей моихъ глаза такъ и забѣгали. Лидія Алексѣевна, по обыкновенію, направляется прямо ко мнѣ, здоровается, представляетъ меня своей знакомой, и говорить:

— Ну вотъ, прощайте, я выхожу замужъ и уѣзжаю въ Россію, а вамъ оставляю Марію Александровну Оливъ, — и при этомъ указываетъ на спутницу. — Она еще лучше, чѣмъ я, будетъ ухаживать за всѣми вами. — Затѣмъ обѣ онѣ усаживаются около моей кровати, и мы начинаемъ разговаривать.

Какъ ни жалко было намъ Демидовой, но дѣлать было нечего. Да къ тому же и Марія Александровна была дѣйствительно такъ хороша, — выраженіе лица было такое доброе, располагающее къ себѣ, что го-

речь разлуки съ дорогой Лидіей Алексѣевной невольно ступевалась.

Вскорѣ своимъ вниманіемъ къ больнымъ и заботливостью М. А. Оливъ положительно покорила всѣхъ насъ, и доказала, что была достойной замѣстительницей Демидовой.

Быль конецъ ноября. На улицѣ стояла слякоть. Погода отвратительная. Лежу я какъ-то на своей постели тихо, смирно. День пасмурный. Въ палатѣ темно и свѣжо. Вдругъ вбѣгаетъ нашъ больничный служитель и, наскоро вытирая руки о фартукъ, сипло оретъ на всю палату: «Плевна взята!» — и исчезаетъ, вѣроятно, чтобы сообщить эту радостную вѣсть и по другимъ палатамъ. Мирно лежаніе до этой поры больные разомъ зашевелились. Тутъ рѣзко сказались характеры каждаго. Вонъ маленькій черноватый гусарскій поручикъ, съ длинными, хохлацкими усами и давно небритымъ подбородкомъ, вскакиваетъ въ одномъ бѣлѣ на постель, машетъ руками и кричить: «Ура-а-а!» Рядомъ же съ нимъ длинный, рыжій капитанъ, съ широкой, какъ лоната, бородой, только приподымастъ отъ лица простыню, которой было укрылся, и удивленно посматриваетъ по сторонамъ, какъ бы желая узнать, — откуда мнѣ сіе? Сосѣдъ мой, хорошенькій артиллерійскій прапорщикъ, спрыгиваетъ босыми ногами на полъ и, желая изобразить передо мной танцующую барышню, держится за края рубахи, крутится, присѣдаетъ и съ восторгомъ восклицаетъ тоненькимъ голоскомъ: «Поздравляю! поздравляю!» Другіе, болѣе солидные, надѣваютъ халаты и гуськомъ, одинъ за другимъ, съ озабоченнымъ видомъ ковыляютъ въ корридоръ, узнавать, — правда ли это, или нѣтъ?

Вскорѣ прибѣжали къ намъ наши доктора, радостные, довольные, и торжественно объявляютъ, что Османъ-паша сдался генералу Ганецкому со всей своей арміей.

Тутъ уже подымается въ нашей палатѣ настоящій ревъ. «Ура-ура-ура!» — долго раскатывается у насъ.

Сердце мое запрыгало отъ радости. Меня потянуло въ армію.

Какъ, думаю, неужели я пропущу переходъ черезъ Балканы? Скобелевъ недаромъ говорилъ мнѣ, что во второй разъ въ жизни не удастся ихъ переходить.

И, несмотря на всѣ протесты докторовъ, дня черезъ два, я уже тащился въ обратномъ больничномъ фургоноѣ въ отрядъ Скобелева.

С у д ъ.

Судъ найдеть, отвѣчай-ка,
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь.

2-ой дивизионъ Владикавказскаго казачьяго полка занималъ, во время оккупаціи Болгаріи, посты отъ города Родосто до города Эноса. Я командовалъ тогда 3-ей сотней, и, какъ старшій, былъ за дивизионера. 4-ой сотней командовалъ эсауль, мусульманинъ, осетинъ Магометъ Дударычъ, большой мой другъ. Онъ былъ славный товарищъ. Мы жили съ нимъ, что называется, душа въ душу и ни минуты не скучали. Мы даже не понимали съ нимъ, какъ можно скучать, командуя частью.

Штабъ нашего дивизиона сначала находился въ селѣ Аязмѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ Эгейскаго моря, а затѣмъ вскорѣ былъ переведенъ въ село Кеплы, громадную деревню, дворовъ въ 500. Я уже раньше писалъ объ этой деревнѣ. Населеніе здѣсь смѣшанное: тутъ жили и турки, и болгаре, и греки. Мѣстность кругомъ богатѣйшая. Почва плодороднѣйшая. Рѣка Марица протекаетъ близехонько, въ какой-нибудь верстѣ разстоянія, при чемъ образуетъ широчайшую долину верстъ на 10. Хлѣба и фруктовъ въ изобиліи. Берега Марицы покрыты камышами. Кабановъ здѣсь множество. Казаки наши частенько охотились за ними, и всегда съ успѣхомъ. Сама Марица изобилуетъ ры-

бой. Климать прекрасный. Зимы почти нѣтъ. Однимъ словомъ, благодать, да и только!

Вонъ смотрите, напримѣръ, сосѣдь мой, высокій черный болгаринъ въ сѣрой курткѣ, такихъ же шароварахъ и черной чалмѣ, — съ какимъ громаднѣйшимъ возомъ подѣхалъ онъ сейчасъ къ своему дому. Двуколая арба его, на высочайшихъ колесахъ, запряженная парой могучихъ черныхъ буйволовъ, точно какими чудовищами, полнехонько нагружена початками кукурузы. Хлѣбъ изъ нея очень вкусный. А взойдите вы къ этому болгарину въ домъ, да загляните на холодную половину, гдѣ онъ живетъ лѣтомъ, въ жаркое время, — что у него подвѣшано подъ потолкомъ! Все виноградъ, да все самый отборный, крупный, бѣлый и розовый. Въ такомъ видѣ виноградъ держится до новаго года, и даже дольше, а подъ конецъ превращается въ изюмъ.

У здѣшнихъ жителей, у рѣдкаго нѣтъ пары воловъ. Другіе же держатъ по 5—6 паръ и больше; а овецъ, такъ по сотнѣ часто можно встрѣтить у одного хозяина. Хлѣбъ здѣсь рождается удивительно хорошо, и почти безъ удобренія. Виноградники, табачныя и туковыя плантаціи, такія, что и глазомъ не окинешь. Ежели взойти на какой либо пригорокъ и взглянуть оттуда, то все это сливается въ одинъ сплошной, безконечный садъ, среди котораго, серебряистой лентой, извивается Марица. Въ особенности красивы издали туовые лѣса: — такіе они пышные, тѣнистые! Но что всего больше мнѣ правилось здѣсь — это дуга. Гулянье для скота тутъ просто изумительно. Въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ города Инсалы, проѣзжая съ сотней по долигѣ р. Марицы, встрѣтили мы такіе обширные скотные дворы, что въ нихъ

должны были помѣщаться не сотни, а тысячи головъ. Дворы тянулись на сотни сажень и въ нѣсколько рядовъ — просто занутаться въ нихъ можно было. Дворы, конечно, стояли пустые. Трава здѣсь росла такая, что достигала до круповъ лошадей. Казаки мои только головами качали, дивясь богатству края.

Итакъ, живемъ мы въ селѣ Кенлы мѣсяць, живемъ другой. Лошади наши сильно поправились, да и сами казаки тоже не похудѣли. Наступила осень.

Разъ какъ-то получаю записочку изъ штаба полка, отъ пріятеля моего: «Къ тебѣ выѣзжаетъ завтра генералъ Н., инспектировать сотни. Къ полудню, вѣроятно, прибудеть, — смотри, чтобы у тебя все въ порядкѣ было». — Къ назначенному времени выѣзжаю къ генералу на встрѣчу, далеко за околицу. Это былъ старикъ маленькаго роста, совершенно сѣдой. Голова стрижена подъ гребенку, бороду брилъ, торчали только бѣлые щетинистые усы. По его внушительному виду, казалось, онъ долженъ былъ говорить басомъ, сурово, — а между тѣмъ, вышло совершенно наоборотъ — генералъ пицаль, какъ баба.

Я отработовалъ генералу, и затѣмъ мы ѣдемъ съ нимъ обратно въ селеніе. Не доѣзжая Кенлы версты 3, встрѣтилъ насъ, помню, дождикъ, да такой — ну, какъ изъ ведра! Питки сухой не оставилъ. Мы живо слѣзли съ коней и спрятались подъ дерево. Со стороны, полагаю, забавно было смотрѣть на насъ, какъ мы, прижавшись къ землѣ, сидѣли на корточкахъ. Генералъ заѣхалъ ко мнѣ въ домъ, просунулся, затѣмъ направляемся къ сотнямъ. Начинается смотръ. Сотни стоятъ въ пѣшемъ строю, не шелохнувшись. Глазами, какъ слѣдуетъ, «ѣдятъ» начальника.

— Здорово, казаки-и-и! — далеко разносится но

вѣтру, среди общей тишины, хотя и тоненькій, но куда звонкій голосъ начальства. Кругомъ площадки столпились любопытные жители, поглазѣть на невиданное до сихъ поръ для нихъ зрѣлище. Они шопотомъ что-то толкуютъ между собой, украдкой пальцами показываютъ то на того, то на другого казака, изрѣдка снимаютъ свои черныя, неуклюжія чалмы и чешутъ бритыя головы.

— Справа, слѣва заходи-и-и!—вновь раздается тотъ-же начальнический голосъ. По этой знакомой командѣ, невольнo заставляющей вздрагивать каждаго начальника части во время инспекторскаго смотра, казаки, минуя своихъ командировъ, быстро смыкаются въ тѣсный кругъ, съ инспектирующимъ по срединѣ. Начинается опросъ претензій. Изрѣдка доносится до насъ крикливый возгласъ: «Да говори громче!» Я и мой Магометъ-Дударычъ ходимъ по близости, серьезные, озабоченные.

— Ты что? Спокоенъ? Претензій, думаешь, не будетъ?—говоритъ мнѣ взволнованнымъ голосомъ мой пріятель.

— Не знаю, кажется, всѣ удовлетворены!—А ты?

— Чортъ его знаетъ! боюсь, чтобы этотъ каналья Охраменко опять не сунулся! Онъ вѣчно со своими порціонными пристаётъ,—когда былъ еще въ командировкѣ за Балканами, у Гурки!—Затѣмъ, нѣсколько испуганнымъ голосомъ спрашиваетъ:

— Ты фуражныхъ еще на руки не выдавалъ?

— Нѣтъ.

— Ну то-то же, поспѣютъ, когда домой пойдутъ.

Смотръ кончился благополучно. Претензій не оказалось. Генераль остался у меня ночевать. Поужи-

пали мы съ нимъ, чѣмъ Богъ послалъ, а затѣмъ и улеглись спать въ одной общей комнатѣ.—Слышу, гость все что-то кряхтитъ и ворочается.

— Ваше превосходительство, удобно ли вамъ лежать?—спрашиваю его наконецъ.

— Нѣтъ, ничего! — Слышится пискъ. Молчаніе.

— Ну, что, какъ вамъ живется тутъ?—вопросаешь онъ наконецъ.

— Ничего, по немножку.

— Ну, что-же, и женщины есть?

— Эге, думаю,—вотъ дѣло-то куда идетъ, о красавицахъ вспомнилъ.

— Есть, ваше превосходительство, гречанки, да еще какія красавицы, просто прелесть!—нарочно поджигаю его, а самъ едва терплю, чтобы не фыркнуть отъ смѣха. Замѣтилъ-ли гость по тону голоса, или по чему другому, но только дальше не разспрашивалъ.

— Вишь ты,—пискнулъ онъ еще разъ, какъ бы на прощанье, повернулся раза два, и захрапѣлъ.

На генералѣ этомъ я долженъ остановиться нѣсколько дольше. Это была преинтересная личность. Хотя ему уже и тогда перевалило далеко за 60-ть, а между тѣмъ онъ все еще былъ великимъ поклонникомъ женской красоты. Помню, когда весной, войска наши еще только прибыли въ Санъ-Стефано, онъ немедленно же перебравшись въ Константинополь и поселился въ гостиницѣ. Когда кто бывало ни зайдетъ къ нему въ номеръ, хозяинъ вѣчно былъ окруженъ разными красавицами. Тутъ были и пѣмки, и француженки, и румынки, и гречанки. Случалось, ихъ сидѣло у него одновременно штукъ 5—6, и нашъ почтенный вояка купался тамъ, что сыръ въ маслѣ. Страстишка эта однако обошлась ему здѣсь не де-

шево. Надо сказать, что герой нашъ послѣ постоянно черезъ плечо дорожную сумку, довольно увѣсистую. Вотъ одна изъ красавицъ, должно быть, и примѣтила, что сумка то эта очень не вредная. И чтобы избавить своего старичка носить такую тяжесть, и прикарманила ее. Пропала сумка! Генераль былъ въ отчаяніи. Бросился искать — туда, сюда. Даль знать турецкой полиціи, объявилъ награду за находку, — не тутъ-то было, — сумка, какъ въ воду капнула. А денегъ, говорятъ, было въ ней болѣе 10 тысячъ.

Слышалъ я потомъ, что онъ обращался черезъ нашего посла въ Константинополь къ высшимъ властямъ, чтобы его вознаградили за потерю, такъ какъ онъ утратилъ ихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Но, къ несчастію, просьбу эту отклонили.

Я уже говорилъ, что жили мы здѣсь очень дружно. Дударычъ мой былъ подвижной, энергичный человекъ, и чрезвычайно веселаго характера. Онъ никогда не сидѣлъ безъ дѣла, — все что нибудь да мастерилъ. То винтовку чистилъ, то пашку протиралъ масломъ, то призоветъ вахмистра и начнетъ съ нимъ свои безконечные разговоры о сотнѣ. А не то сидеть на маштака *), котораго ему добыли его казаки гдѣ нибудь, и поѣдетъ объѣзжать. Магометь былъ джигитъ и ѣздилъ отлично. А такъ какъ онъ былъ чрезвычайно аккуратенъ въ своихъ счетахъ, то поэтому чаще всего его можно было встрѣтить дома, за столикомъ, съ карандашемъ въ рукѣ. Тутъ онъ старательно высчитывалъ разныя артельные и фуражныя суммы,

*) Маштакомъ у казаковъ вообще зовется небольшого роста лошадь, малоѣзжанная.

приварочныя, свѣчныя, дровяныя, квартирныя,—прошедшія и будущія.

Магометъ Дударычъ былъ старый служака. Неоднократно участвовалъ въ разныхъ походахъ на Кавказъ. Грудь его была вся увѣшена всевозможными крестами и медалями за покореніе Кавказа. Дударычъ мой былъ молодчина видомъ и всегда отлично одѣвался. Кинжалъ, шашка, портунья, ремень при кинжалѣ, все это у него было въ серебрѣ, самой тонкой чеканной работы и вызолочено черезъ огонь. Я любилъ смотрѣть, какъ одѣвался Дударычъ, и какъ сидять на немъ бешметъ или черкеска. Онъ превосходно зналъ каждаго казака своей сотни, его нужды, его характеръ. Былъ справедливъ и никого напрасно не обижалъ. А это, на мой взглядъ, самое главное достоинство каждаго начальника. За все это Магомета моего казаки очень любили.

Изъ села Кеплы мы частенько ѣздили въ Адриано-поль повеселиться. Желѣзнодорожная станція Суфли была всего отъ насъ верстахъ въ 12-ти. Я, какъ любитель старины, большую часть времени проводилъ тамъ на базарѣ. Мнѣ чрезвычайно нравился здѣшній базаръ, большое полутемное зданіе, съ землянымъ поломъ. Въ особенности правилась мнѣ вся эта обстановка базара и манера торговать. Всѣ эти торговцы-армяне, которые, забравшись въ свои конурки, сидѣли поджавши ноги, близехонько другъ возлѣ друга, и повидимому занимались больше руготней, чѣмъ торговлей. И чего, чего только нельзя было достать здѣсь! — Начиная отъ гнилыхъ фруктовъ и кончая настоящими рѣдкостями и драгоценностями. Но со здѣшними торговцами надо было держать ухо востро. Одинъ пріятель мой, помню, же-

стоко поплатился за свою опрометчивость. Опъ завѣдывалъ во время кампаніи хозяйствомъ въ своемъ полку и, паконивъ изрядную сумму денегъ, возымѣлъ страстное желаніе послать въ Россію подарочекъ своей невѣстѣ,—или другой какой особѣ, теперь уже хорошо не помню. Но не въ этомъ дѣло. И приглянулася ему здѣсь на базарѣ брошка въ видѣ мухи съ брилліантовыми глазами. Давай торговаться. Ну и купилъ, — кажется, ежели не ошибаюсь, за 600 рублей, и немедленно же отослалъ ее домой. Но въ темнотѣ опъ, должно быть, хорошо не рассмотрѣлъ, такъ какъ глаза то у мухи оказались внослѣдствіи фальшивыми.

Меня тоже здѣсь обманули.

Хожу разъ по узкому корридору отъ лавки къ лавкѣ. Шумъ такой, что голова трещитъ. Народу множество. Пыль столбомъ. Покупатель все больше русскій. Тутъ и солдаты всевозможныхъ полковъ, и офицеры. Множество разныхъ чиновниковъ. Но главный покупатель, крупный—интенданты. О! у этихъ денегъ много! Съ ними не шути.

Смотрю, тащить какая-то фигура въ чалмѣ, не то турокъ, не то армянинъ, перекинувъ черезъ плечо, лисьи шкуры. Отличныя, пушистыя! Дай, думаю, шубу себѣ сдѣлаю изъ нихъ, время наступаетъ холодное. Деньги есть—чего мѣшкать. Сколько штукъ? спрашиваю его, и указываю на пальцы. Продавецъ понялъ, и начинаетъ перекидывать шкуры, съ плеча на плечо. Оказалось—какъ разъ на шубу. Купилъ мѣхъ,—давай покрышку искать. Вижу въ одной лавченкѣ торгуютъ шелковыми матеріями.

— Что, фай есть? спрашиваю.—Показываютъ. Щупаю—кажется, хорошъ.

— А получше есть? Подаютъ, повидимому, высшій сортъ. Заплатилъ, какъ сейчасъ помню, по 5 франковъ за аршинъ. Прихожу домой и немедленно же посылаю за сотеннымъ портнымъ. Опъ славился своимъ искусствомъ на весь полкъ.

— Швець пришелъ, докладываетъ мнѣ мой казакъ.—Зови!—Является. Это былъ человѣкъ низенькій, широкоплечій, съ большой широкой бородой. Степеннаго вида. Ходилъ вѣчно въ коричневомъ бешметѣ, съ заколотыми на груди иглами и съ толсто замотанными на нихъ нитками. Меня, какъ ребенка, интересовало, что скажетъ онъ о моей покупке.

— На-ко смотри!—и велю ему разложить по полу шкуры.

— Что, хороши?

— Шкуры добрыя, свѣжія и выдѣлка хороша!—восклицаетъ онъ, ползая вокругъ нихъ на колѣняхъ.

— Хватить на шубу?

— Достаточно, еще съ остаткомъ будетъ!—У меня отлегааетъ отъ сердца.

— Ну, а вотъ это посмотри? И достаю ему изъ дорожныхъ переметныхъ сумъ матерію.

— А-а-а-а!—фа-ій! восклицаетъ онъ, и не безъ тордости разворачиваетъ кусокъ. Фай у насъ, между казаками, считался величайшимъ шикомъ.

— Что, хорошъ?

— Хорошъ! добрая будетъ шуба! Только ваты надо. Коли у васъ, ваше высокоблагородіе, нѣтъ, такъ у меня пайдется!—съ нѣкоторымъ подобострастіемъ говоритъ мой швецъ. Забираетъ вещи и уходитъ. Шубу обѣщаль онъ сдѣлать черезъ недѣлю.

Такъ, дней черезъ десятокъ, мы сговорились съ Лударычемъ куда-то поѣхать рано утромъ. Съ вечера

я нарочно пораньше легъ спать. На другой день встаю, выхожу на улицу, погода холодная. Въ это время швецъ мой, какъ нельзя кстати, приноситъ шубу. Ну, роскошь, да и только! Рука такъ въ мѣхѣ и тонетъ. Фай блеститъ, а какъ цараннень его, свиститъ. Легкость такая, что и на плечахъ не слышишь, а между тѣмъ тепла, какъ печь. Живо надѣваю ее, сажусь на лошадь, и съ торжествомъ ѣду на встрѣчу Дударычу. Тотъ еще издали замѣтилъ мою обновку.

— Это откуда у тебя такая шуба?—кричитъ онъ мнѣ такимъ голосомъ, точно хотѣлъ сказать, какъ ты осмѣлился безъ моего спроса заказать себѣ такую вещь.

— Покажи! покажи!—продолжаетъ кричать онъ. Подѣзжаетъ ко мнѣ, разсѣянно здороваясь, и затѣмъ внимательно начинаетъ разсматривать обновку.

— Вотъ, чортъ возьми, славная шуба!—восторженно восклицаетъ онъ.—Продай! Пожалуйста, продай! Знать тебя не хочу, коли не продашь!—кричитъ онъ обидчивымъ голосомъ.

— Да вѣдь я себѣ сдѣлалъ, а не на продажу! Видишь, какая начинается холодная погода!—оправдываюсь я. Но пріятель мой и слышать не хочетъ ничего.

— Ты себѣ другую сошьешь, а эту уступи мнѣ. Чуть не стаскиваетъ меня съ сѣдла, снимаетъ шубу, примѣряетъ, шуба точно по немъ сшита.

— Сколько она тебѣ обошлась?

— Да 100 рублей! — На, получай! И подаетъ сторублевку.

Дѣлать нечего, пришлось ѣхать назадъ, переодеваться.

Проходить такъ послѣ того съ недѣлю, не больше. Я всѣ эти дни не видалъ моего товарища. Наконецъ, приходитъ онъ ко мнѣ,—я и не узнаю па немъ своей шубы. Фай оказался гнилымъ, весь потрескался, и вата такъ и лѣзла отовсюду. Я такъ и ахнулъ.

— На-ка, на-ка, полюбуйся на свою шубу, какую ты мерзость продалъ мнѣ!—кричитъ мой пріятель, и съ сердцемъ выдергиваетъ куски ваты. Погоревали мы, погоревали, но дѣлу не пособили.

Штабъ полка нашего находился въ это время въ городѣ Узунъ-Кепри, что въ переводѣ означаетъ «длинный мостъ». Названіе это городъ получилъ отъ длиннѣйшаго моста черезъ долину рѣчки, которая протекала передъ городомъ и впадала въ Марицу. Построенъ этотъ мостъ, Богъ знаетъ, въ какія отдаленныя времена, — да какъ построенъ! на удивленіе! Мѣстами просто затруднишься сказать, — гдѣ природа работала, гдѣ рука человѣческая—изъ такихъ онъ сложенъ громадныхъ плитъ. И стоитъ этотъ мостъ, стоитъ, и точно смѣется надъ временемъ. Тянется онъ версты на двѣ, и когда подъѣзжаешь къ городу въ ясный, солнечный день, то еще издали блеститъ бѣлой узкой полосой. Ыдешь, ѣдешь по немъ, бывало, кажется, и конца не будетъ.

Какъ-то разъ обѣдаютъ у меня въ Кеплы товарищи по дивизиону: Магометъ Дударычъ самъ, и его субалтерны. Вдругъ среди самага обѣда, вѣзжающъ къ намъ во дворъ, весь въ грязи, казакъ изъ штаба, и подаетъ два пакета, одинъ мнѣ, другой Магомету. Пока я распечатывалъ конвертъ, слышу—Магометъ уже успѣлъ прочитать и кричитъ захлебывающимся отъ радости голосомъ: «Голубчикъ Сашенька, вотъ

гдѣ счастье-то привалило! Велѣно дѣлать заготовку фуража на 3 мѣсяца, по прежнимъ цѣнамъ». И я вижу, какъ онъ едва сдерживается, чтобы не пуститься откалывать трепака передъ нами.

— Да погоди, погоди радоваться, дай прочесть толкомъ!—говорю ему.

— Да чего ждать? На, прочти!—и онъ суетъ мнѣ бумагу. Я читаю свою въ слухъ.

Приказаніе:

По 4-му Армейскому Корпусу

16-го Октября 1878 г.

№ 118.

Главкомандующій Арміей приказать соизвоилъ:

1) Обязать войска, въ мѣстахъ настоящаго ихъ расположенія, озаботиться заготовкой по цѣнамъ, утвержденнымъ на Октябрь мѣсяцъ, зерноваго фуража въ размѣрѣ двухъ-мѣсячной пропорціи, рассчитывая съ 1-го Ноября, сѣна и дровъ на 3 съ половиною мѣсяца, такъ же съ 1 Ноября.

— Ну что? понялъ теперь!—кричитъ Магометъ. Вѣдь сѣна то, ты самъ знаешь, у насъ здѣсь хватить турецкаго «до втораго пришествія». Цѣлые стоги стоятъ непочатые! А о самаѣ *) и говорить нечего! Давай-ко, сочтемъ, сколько это придется заразъ получить денегъ? И мой Магометъ, по своей живой натурѣ, немедленно же достаетъ изъ боковаго кармана записную книжку съ карандашикомъ, и тутъ-же, за обѣденнымъ столомъ принимается высчитывать. Я тоже начинаю считать. Мнѣ должно было больше причестся, такъ какъ при моей сотнѣ продовольствовались еще лошади полковаго обоза.

*) Рубленая солома.

— 13,540 руб.!—воскликаетъ наконецъ Магометъ,—срываетъ со своей сѣдой, мясистой головы, стриженной подъ гребенку, маленькую осетинскую папаху и торжественно машетъ ей въ воздухѣ. Субальтерны наши продолжаютъ себѣ довольно равнодушно кончать свой обѣдъ. Они хорошо сознаютъ, что имъ нечего радоваться этому извѣстію. Мы рѣшаемъ завтра же, чуть свѣтъ, отправиться въ штабъ за деньгами. Нужно было проѣхать верстъ 40. Но долго ли намъ собираться! Утромъ садимся на лошадей, и въ сопровожденіи двухъ казаковъ направляемся въ штабъ.

Ѣдемъ все время широкимъ размашистымъ шагомъ. Вотъ, въ такихъ-то именно большихъ переходахъ, просторный шагъ у лошади составляетъ великое ея достоинство. Надо помнить, что ежели, напримѣръ, у начальника вашего лошадь идетъ свободнымъ шагомъ, а у вашей лошади шагу нѣтъ, то вамъ придется все время поспѣвать за нимъ мелкой рысью, что равносильно, своего рода, пыткѣ.

Къ полдню мы были на мѣстѣ. Первый, къ кому мы направляемся по пути, былъ, разумѣется, казначей. Онъ сидѣлъ въ канцеляріи, обложенный пачками кредитныхъ билетовъ. Тутъ же лежали свертки золота и мѣшки съ серебромъ.

— А-а-а! вотъ и хорошо сдѣлали, что пріѣхали! весело кричить казначей, Семень Петровичъ, полный, красивый эсаулъ, съ окладистой русой бородкой. Черная черкеска очень шла къ его мужественной фигурѣ.

— Расчеты окончены, пожалуйста получайте, а то мнѣ уже надоѣло возиться съ такой уймой денегъ!—и онъ подаетъ мнѣ расчетный листъ.

— Вотъ, вотъ, здѣсь! А всего,—и тычетъ паль-

цемъ въ бумагѣ. Смотрю: 11.357 руб. 46 коп., цифра хотя и изрядная, по далеко не та, что мы считывали съ Магометомъ. Мнѣ даже меньше приходилось, чѣмъ ему. Я останавливаюсь въ нерѣшительности.

— Надо бы провѣрить! — говорю казначею. Какъ же такъ, мы больше насчитали съ нимъ! — и головой киваю на Магомета. Тотъ быстро заглядываетъ въ расчетный листъ, и затѣмъ, какъ бы спохватившись, восклицаетъ:

— Валяй, валяй, подписывай! Вѣрно! Вѣдь мы и забыли съ тобой вычесть 20⁰/о въ полковую экономическую сумму.

— Ну то-то! И меня-то напугали напрасно! — добродушно возражаетъ Семень Петровичъ. Слона-то вы и не примѣтили. — Я росписываюсь и забираю пачки сторублевыхъ кредитокъ. Магометъ Дударычъ тоже прячетъ деньги въ карманъ, и мы расходимся каждый по своимъ дѣламъ.

Въ эту минуту Дударычъ мой почему-то вдругъ напомнилъ мнѣ соотечественника своего, другого осетина, еще совсѣмъ юнаго, который тоже служилъ въ нашемъ осетинскомъ дивизионѣ, только простымъ всадникомъ *).

Въ то время, какъ нашъ полкъ еще дѣйствовалъ подъ Плевной 8-го и 18-го іюля, а затѣмъ позже подъ Ловчей, фуражъ для нашихъ лошадей поставляла знаменитая вполсѣдствіи еврейская компанія «Грегерь и Горвицъ».

*) Такъ какъ осетины шли въ походъ по своей охотѣ и на своихъ лошадяхъ, то поэтому, въ отличіе отъ простыхъ казаковъ, ихъ называли всадниками.

И воть однажды, когда я ѣхалъ куда-то въ командировку, въ числѣ сопровождавшихъ меня казаковъ былъ и этотъ всадникъ. Онъ былъ красивый, стройный брѣунетъ, высокаго роста, съ чрезвычайно тонкими чертами лица. Дорогой, онъ вдругъ догоняетъ меня, и пренаивнѣйшимъ тономъ говоритъ мнѣ своимъ гортаннымъ осетинскимъ акцентомъ:

— Паслюсай, сотникъ, скази, пазалуста, мой командиръ Даркоховъ: я три «фитанецъ» *) писалъ ему, а онъ хотъ бы одинъ залятой далъ мнѣ!—И при этомъ мой проситель самымъ серьезнымъ образомъ указываетъ на кончикъ своего указательнаго пальца.

— Какой «фитанецъ»?—съ любопытствомъ спрашиваю его.

— Какой!—обидчиво восклицаетъ онъ.

— Агенты, жида, каждый мѣсяцъ прѣзжаютъ къ намъ въ сотни, спрашивать сотенныхъ командировъ: Ячмень надо?

— Не надо.

— Сѣна надо?

— Не надо.

— Солома надо?

— Не надо.—Пиши «фитанецъ», получай деньги!—А Даркоховъ писать не умѣетъ, вотъ я и писалъ ему,—и мой вѣрный спутникъ добродушнѣйшимъ образомъ представляетъ, какъ онъ писалъ «фитанецъ». Я отъ всей души обѣщаю ему помочь горю, и замолвить за него словечко Даркохову.

Простившись съ казначеемъ, направляюсь къ бывшему моему командиру полка, Левису. Онъ уже теперь—генералъ, и исправляетъ должность бригаднаго.

*) Квитанцію.

Оскаръ Александровичъ (такъ звали Левиса) — жилъ по близости. Онъ только что вышелъ на улицу, и, заложивъ свои маленькія пухлыя руки за спину, задумчиво прогуливался по утопанной дорожкѣ взадъ и впередъ мимо своего дома. Папахъ съ чернымъ верхомъ тутъ заломлена на затылокъ. Черная ластиковая шуба подпоясана серебрянымъ съ вызолоткой ремнемъ при книжалѣ. Генераль былъ, видимо, чѣмъ-то озабоченъ.

— Здравія желаю, ваше превосходительство! — весело рапортуетъ ему. — Я очень любилъ Левиса.

— А-а-а! здравствуйте! — восклицаетъ онъ, и, какъ всегда, дружески здоровается со мной. Затѣмъ, не освѣдомляясь ни о сотнѣ, ни о товарищахъ моихъ, ни даже о томъ, зачѣмъ я пріѣхалъ и надолго-ли, спрашиваетъ меня, по обыкновенію, отрывочно:

— Вы были на судѣ? — Очевидно, онъ продолжалъ думать свою думу, прерванную моимъ приходомъ.

— На какомъ судѣ, ваше превосходительство?

— Какъ! вы ничего не знаете! Вѣдь судили генерала М. за фуражное довольствіе, — съ жаромъ рассказываетъ онъ. — Въ тонъ его голоса слышалась обида. Онъ, видимо, весь былъ на сторонѣ подсудимаго, и, казалось, только не говорилъ: вѣдь уже ежели его за это судить, такъ и насъ всѣхъ, грѣшныхъ, туда же тащить надо!

— Нѣтъ, не слыхалъ, не знаю! говорю ему.

— Ахъ, какъ интересно было! Я два дня тамъ пробылъ. Что народу собралось! Кажется, вся дѣйствующая армія слушала! — восклицаетъ онъ. — Въ это время дождливая осенняя тучка разсѣялась, и изъ-за нея выглянуло яркое солнце. Окрестности ра-

зомъ оживились. Въ городѣ заперстыли разноцвѣтныя стѣны домовъ и красныя черепичныя крыши. Минареты и мечети отчетливѣе взвивались къ синему небу. Вдали, верстахъ въ трехъ, заблестѣлъ тотъ знаменитый бѣлый мостъ, благодаря которому получилъ названіе и самый городъ. Остроконечные верхи бѣлыхъ палатокъ нашего лагеря, широко раскинувшись на обширной зеленой равнинѣ, точно загорѣлись отъ солнца. Часовой у знамени, гдѣ мы прогуливались, въ порывѣлюй, выгорѣвней отъ времени черной буркѣ, съ винтовкой за плечами и съ шашкой наголо, упорно встрѣчалъ и провожалъ насъ взоромъ.

— Вы знаете генерала Д.? — также отрывисто спрашиваетъ Левисъ, продолжая прогуливаться мимо своего дома.

— Какже, — видалъ его у васъ! — отвѣчаю ему.

— Ну, такъ вотъ онъ экспертомъ былъ! — не безъ ироніи добавляетъ мой бывшій отецъ-командиръ, и, по своей всегдашней привычкѣ, осторожененько чешетъ четвертымъ пальцемъ руки кончикъ своего багрового носа.

— Ну да и потѣха же была! Это чортъ знаетъ что такое! — смѣясь восклицаетъ онъ, при чемъ одновременно выражаетъ и удивленіе, и радость. Полныя, жирныя щеки его такъ и колыхались отъ смѣха.

— Да изъ-за чего дѣло-то началось? — допытываюсь я.

— Да ну, понимаете! М. довольствовалъ полкъ также, какъ и всѣ мы, на коммерческомъ правѣ, — т. е. сдавалъ довольствіе командирамъ эскадроновъ за вычетомъ 20% въ экономическую сумму. Разница только въ томъ, что у насъ, у казаковъ, диви-

зіонеровъ не полагается, а у нихъ въ регулярной кавалеріи—есть. Цѣны на фуражъ, во все время войны были, сами знаете, какія высокія! Ну, эскадроннымъ-то въ мѣсяцъ все кое-что оставалось,—а дивизионеровъ-то онъ и забылъ. Тѣ бацъ, да на него рапортомъ и донесли по командѣ, что, молъ, остатки отъ фуражнаго довольствія не поступили въ полковую экономическую сумму.—Ну, вотъ и попала потѣха!

— Вы вѣдь генерала Л., говорите, хорошо помните?—продолжаетъ Левисъ.

— Какъ-же, какъ-же!

— Ну, представьте себѣ только его фигуру: черная голова коротко острижена, длинные усы закручены. Сидитъ, бѣдняга, впереди, какъ разъ противъ судей, и такъ на нихъ сердито смотреть,—ну, просто умереть со смѣха.—Ему этотъ процессъ былъ, что пожъ острый!

— Какъ!—говорилъ онъ мнѣ потомъ,—смѣть судить такого лихого командира за фуражное довольствіе, когда онъ весь походъ былъ впереди со своимъ полкомъ и не жалѣлъ жизни!

— Ну, а Л.-то что-же?—напоминаю я, когда замѣтилъ, что дѣло уклоняется въ сторону.

Левисъ останавливается, принимаетъ свою любимую позу, т. е. подпираетъ бока руками, и весело восклицаетъ:

— Ну, во время разбирательства, одинъ судья тамъ, тоже генералъ, обращается къ нему и говоритъ:

— Вотъ, ваше превосходительство, вы сами участвовали въ компаніи. Здѣсь въ дѣлѣ значится расходъ на ковку. Скажите намъ, пожалуйста, сколько разъ въ мѣсяцъ слѣдуетъ ковать лошадей въ походѣ?

Какъ услыхалъ мой Л. такой вопросъ, какъ извѣст-

ся весь, что змѣя, да подскочить къ судѣѣ, такъ я право думалъ, что онъ побьетъ его.—При этомъ Левисъ представляетъ, какъ Л. подскочилъ къ судѣѣ.

— Можно-ли, ваше превосходительство, задавать такіе вопросы!—шипить онъ ему прямо въ лицо, а самъ такъ и трясется отъ злости. Да ежели мнѣ понадобится, такъ я тридцать разъ на день ковать ее буду!

— Ну, а судья-то что-же?—съ удивленіемъ спрашиваю его.

— А тотъ только руками замахалъ и ужъ больше его не беспокоилъ.—И Левисъ мой, не отымая рукъ отъ боковъ, заразительно хохочетъ, покачиваясь своимъ полнымъ, рыхлымъ туловищемъ изъ стороны въ сторону.

— М. оправдаютъ! вотъ увидите! Еще и бригаду дадутъ! Потому, ни въ чемъ не виновать!—самоувѣренно добавляетъ опъ.

И дѣйствительно, пророчество Левиса сбылось очень скоро. Помню, когда я впоследствии читалъ въ «Инвалидѣ» о назначеніи М. бригаднымъ командиромъ, мнѣ пришла на память слѣдующая картина.

Большая, свѣтлая комната, изрядно накурена. Человѣкъ 7—8 офицеровъ оживленно о чемъ то бесѣдуютъ. Жаркое лѣтнее солнце ярко освѣщаетъ ихъ лица и блещитъ на желтыхъ и бѣлыхъ приборахъ бѣлыхъ кителей. Между присутствующими тутъ, высокая, стройная фигура генерала Скобелева съ Георгіемъ на шеѣ рѣзко выделяется. Опъ, по обыкновению, не можетъ, какъ другіе, сидѣть спокойно на одномъ мѣстѣ, —а, засунувъ руки въ карманы своихъ синихъ рейтузъ съ красными лампасами, нервно разгуливаетъ по комнатѣ. Но вотъ онъ подходитъ къ одному тол-

стому полковнику, въ очкахъ, усатому, бѣлобрысому, съ умнымъ выраженіемъ лица, хватаетъ того за пуговицу, дергаетъ и хочетъ что-то сказать. Полковникъ, польщенный такимъ вниманіемъ, спѣшитъ встать. Скобелевъ-же, удерживая его рукой за плечо, торжественно восклицаетъ своимъ картавымъ голосомъ, при чемъ продолжаетъ усиленно дергать за пуговицу:

— Знаете ли вы, полковникъ, что, за всю ту-рецкую кампанію, только три полковыхъ командира представили сполна экономическую сумму: графъ Штак—ргъ, полковникъ Р—ръ, и баронъ К—фъ!— При чемъ, понизивъ голосъ, съ грустью добавляетъ: «И все нѣмцы»!

ВЪ АХАЛЪ-ТЕКЕ.

„Воны умерлы“.

Конецъ мая. Часа два пополудни. Я, шагъ за шагомъ, тащусь верхомъ за небольшимъ караваномъ верблюдовъ изъ укрѣпленія «Яглы-Олумъ» въ укрѣпленіе «Чадъ». Жара невозможная. Солнце такъ кожу и деретъ съ лица тонкими лепестками.

Можно подумать, что оно побилось съ кѣмъ о закладъ сжечь насъ сегодня живыми. Хотя изрѣдка проносится легонькій вѣтерокъ, по такой раскаленный, что только усиливаетъ мученія. Въ головѣ сильно стучить. Кажется, вотъ-вотъ, хватить ударъ, и повалишься съ лошади. Стремена накалились настолько, что ногъ невозможно держать въ нихъ. Сидишь на сѣдлѣ, точно пьяный. Такъ и мотается изъ стороны въ сторону. Дума въ головѣ одна: скоро ли доберешься до пристанища, гдѣ можно будетъ уѣсться въ тѣнь и напиться воды. Боже, какъ хочется поскорѣй добраться до всего этого... До Чада еще верстъ 8. Но въ пустынѣ горизонтъ обширный, значить, скоро замѣтимъ его. Не видно нигдѣ ни деревца, ни кустика. По дорогѣ встрѣчаются такія разсѣлины почвы, что лошадь невольно останавливается, не рѣшаясь перескочить ихъ.

Трецины эти такія глубокія, что при всемъ ста-

раніи невозможно разглядѣть дна. Кругомъ песокъ, и песокъ красный, раскаленный. И вотъ, здѣсь-то долженъ жить человѣкъ!, думается мнѣ.

— Чадъ, Чадъ видать! слышу позади себя крики казаковъ.

— Гдѣ? гдѣ? радостно спрашиваю ихъ,—губы мои потрескались, въ горлѣ пересохло.

— А вонъ, ваше высокородіе. Во-о-нъ, кибитки-то чернѣютъ вправо! восклицаетъ одинъ изъ нихъ, и плетью указываетъ направленіе.

Впереди, верстахъ въ 4-хъ, на желтовато-красномъ фонѣ, чернѣли кибитки, одна возлѣ другой, въ видѣ маленькихъ, едва замѣтныхъ пятнышекъ.

— Такъ это Чадъ, невольно восклицаю я, и мнѣ становится грустно за ихъ обитателей. Трудно выбрать мѣстность болѣе ужасную. Кажется, только каторжниковъ, за самыя жестокія преступленія, можно ссылатъ сюда. Я рысью обгоняю караванъ, и самъ направляюсь напрямкомъ къ укрѣпленію.

Комендантомъ здѣсь оказался славный малый, поручикъ Криштаненко, служившій раньше въ Туркестанѣ. Онъ просто поразилъ меня своимъ видомъ. Хотя и небольшого роста, но такъ былъ крѣпко сложенъ, такой имѣлъ веселый видъ, что сразу разогналъ всю мою меланхолію. Полное, загорѣлое лицо его пышало здоровьемъ. Свободная холстинная рубаха, подпоясанная ремнемъ, легко обхватывала его мускулистую фигуру. Больше же всего понравились мнѣ его шаровары, широкія, кожаныя, коричневаго цвѣта. Шаровары эти онъ привезъ изъ Туркестана. Они были такъ прочны, что, казалось, ихъ должно было хватить на всю его жизнь.

— Ну, слѣзайте, слѣзайте скорѣй, да пойдемъ

въ кибитку! такими словами привѣтливо встрѣчаютъ меня комендантъ. Онъ уже давно замѣтилъ нашъ караванъ. Нѣсколько солдатъ изъ гарнизона бросились ко мнѣ. Я слѣзаю, и черезъ минуту уже наслаждаюсь тѣнью, въ просторной кибиткѣ, устланной коврами и бурками.

Въ кибиткѣ я нашелъ одного моего пріятеля, сотника кубанскаго полка, Бабича. Вскорѣ появляется передъ нами на низенькомъ столикѣ: вино, закуска, чай, и, какъ рѣдкость въ здѣшней мѣстности, холодная вода.

Отъ сильнаго утомленія я почти ничего не могу ѣсть. За то воды пью безконечное количество. Вѣдь протащиться 40 верстъ подъ палящимъ солнцемъ, черепашьимъ шагомъ, вслѣдъ за верблюдами, чего нибудь да стоить.

Полчаса спустя, я уже спалъ, какъ убитый, растянувшись на буркѣ. Просыпаюсь: смотрю въ противоположномъ углу, скорчившись, спитъ мой хлѣбосольный хозяинъ. Я опять, не безъ зависти, люблюсь на его цвѣтныя кожаныя шаровары. Рядомъ со мною лежитъ на спинѣ, въ легонькомъ сѣромъ ситцевомъ бешметѣ, Бабичъ. Его полное, добродушное лицо раскраснѣлось и вспотѣло отъ хорошей высылки.

— Ну, что, маіоръ, соснули? спрашиваетъ онъ, замѣтивъ, что я не сплю.

— Да, ничего, всхрапнулъ изрядно, отвѣчаю ему. А, вѣдь вы, сотникъ, привыкли къ здѣшнему климату, кажется, и прошлую экспедицію были здѣсь?

— А то какъ-же, отвѣчаетъ онъ своимъ хохлатымъ нарѣчіемъ. — Я же въ самомъ этомъ Чадѣ встрѣ-

чалъ покойнаго Лазарева. Казакъ тогда еще у меня былъ, Пархоменко, такъ вотъ-же, собачій сынъ, удружилъ мнѣ,—сердито восклицаетъ онъ. — А что такое? съ нѣтересомъ спрашиваю его. Бабичъ переваливается своимъ грузнымъ туловищемъ въ мою сторону и продолжаетъ:

— Да, изволите-ли видѣть. Не забыть мнѣ этого никогда. Я здѣсь за коменданта былъ. Ну, и получаю извѣстіе, что вотъ, къ примѣру сказать, сегодня вечеромъ, привезутъ больнаго Лазарева, командующаго войсками. Карбункулъ ему на шею сѣлъ, и онъ ѣхалъ на Кавказъ лѣчиться. Ну вотъ, хорошо. Жду его. Генераль ѣхалъ въ тарантасъ. Жду часть, другой, третій. Наступаетъ темнота. Генерала все нѣтъ. Наконецъ, и полночь подходитъ. Ну, думаю, вѣроятно, что-нибудь задержало, — сегодня не будетъ. Ложусь спать и крѣпко наказываю Пархоменкѣ,—чуть что, сейчасъ меня разбудить. Заснулъ. Утромъ просыпаюсь, выхожу изъ кибитки, солнце только что еще выкатилось изъ за песковъ, оглядываюсь,—батюшки мои, среди двора тарантасъ стоитъ, и верхъ поднять. Я кидаюсь къ казаку, а тотъ спитъ себѣ, и буркой укрылся. Толкъ его въ бокъ ногой. Всакивается.

— Это чей тарантасъ? тихонько говорю, чтобы не разбудить кого.

— Генераль пріѣхали,—какъ ни въ чемъ не бывало, тоненькимъ гнусавымъ голоскомъ тянетъ онъ, и кулакомъ растираетъ слюни по лицу; при этомъ рассказчикъ съ озлобленіемъ старается представить своего казака.

— Что-же ты, такой, сякой, не разбудилъ меня? сердито шепчу ему.

— Да, воны умерлы,—отвѣчать опъ, преспокойнымъ голосомъ.

А! какъ вамъ нравится?—дескать, чего же теперь и торопиться съ нимъ!

— Ну, что-же вы? спрашиваю я.—Ну, извѣстно, побрапилъ казака, да поторопился отправить генерала далыпе.

Разсказъ этотъ очень мнѣ понравился. Помню, когда я пріѣхалъ въ отрядъ и увидѣлъ Скобелева, то, между прочимъ, передаю ему и этотъ случай, со всѣми подробностями, какъ самъ слышалъ. И что-же? Скобелевъ, вмѣсто того, чтобы разсмѣяться, — задумывается и, послѣ нѣкотораго молчанія, жалобно говоритъ мнѣ:

— Какую грустную исторію вы мнѣ рассказали! Въ тонѣ его голоса, въ это время, точно вѣяло предчувствіемъ, что и ему, бѣдняжкѣ, недолго оставалось жить.

Прогулка.

Баами *). Часовъ 6-ть утра. Около бассейна, выкопаннаго нарочно для купанья офицеровъ и штабныхъ, собралось человѣкъ 7—8. Нѣкоторые изъ нихъ уже окунулись въ холодной, какъ ледъ, утренней водѣ, и теперь сидятъ на лавочкахъ, завернувшись въ бѣлыя простыни, точно римскія тоги. Ихъ мокрыя тѣла быстро сохнутъ на горячемъ солнцѣ. Между возстающими тутъ отчетливѣе всѣхъ выделяется, своей роскошной длинной бородой, главный контролеръ отряда, Владиміръ Павловичъ Череванскій. Онъ грѣется на солнышкѣ и самодовольно потираетъ простыней руки, плечи, шею и свою длинную съ просѣдью бороду. Другіе же еще не купались. Они тоже мирно сидятъ на лавочкахъ, безъ простынь, въ костюмахъ праотцевъ, и въ нерѣшительности поглядываютъ на воду. Почесываются, переговариваются, изрѣдка наклоняются, пробуютъ ногой воду, ежатся отъ страху, и какъ бы размышляютъ про себя: «ужь не вернуться ли назадъ,—что-то вода холодна сегодня».

Въ это время, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ бассейна, возлѣ генеральской палатки, приотившейся въ

*) Названіе одного мѣстечка въ Ахаль-Теке.

густой зелени маленькаго садика, стѣзжается конвой. Тутъ и казаки, тутъ и осетины, тутъ и самъ начальникъ конвоя, небольшого роста, худенькій, подвижной поручикъ Гайтовъ. Нѣкоторые изъ нихъ джигитуютъ, горячатъ лошадей, другіе смирно стоятъ. Впереди всѣхъ, точно вылитый изъ серебра, блеститъ на солнцѣ своей атласной шерстью бѣлый жеребецъ генерала, иноходецъ, замѣчательно широко сложенный, совсѣмъ уже осѣдланый. Онъ строго водитъ ушами, жуется мундштучныя удила и нетерпѣливо роетъ копытами землю.

«Шалишь! Шалишь!» изрѣдка доносятся успокоительныя восклицанія конюха, гусара Бражникова. Небольшаго роста, коренастый, широкоплечій, съ черными бакенбардами, онъ крѣпко держитъ коня за трензельные поводья. Скобелевъ не любилъ ѣздить на уздечкѣ. Синяя вепгерка на гусарѣ сильно истрепалась. Желтые гарусные шнуры мѣстами пооборвались. Дружески гладитъ онъ крутую шею своего любимца, морду, грудь, причемъ не забываетъ также провести своей широкой ладонью и по сытому круглому крупу, вымоть до самаго хвоста. Наконецъ выходитъ изъ своей палатки и самъ Скобелевъ, какъ всегда, въ кителѣ, съ Георгіемъ на шеѣ, при шашкѣ. Онъ здоровается за руку съ каждымъ изъ офицеровъ. Тутъ находятся: капитанъ Баранокъ, поручикъ Ушаковъ, капитанъ Мельницкій, штабсъ-ротмистръ Эрдели, поручикъ Кауфманъ, поручикъ Лутцау, еще нѣсколько офицеровъ, и человѣкъ 20 казаковъ и осетинъ.

Командующій войсками направляется въ утреннюю прогулку къ аулу Беурма. Солнце еще невы-

соко, и отъ всадниковъ ложатся на землю длинныя, уродливыя тѣни.

Генераль быстро садится на лошадь и съ мѣста-же трогается размашистымъ галопомъ. Вся свита едва поспѣваетъ за нимъ. Но что это за люди скачутъ далеко впередъ? Пыль такъ и стелется отъ нихъ, точно облако. Ужъ не текишцы-ли? Это паши джигиты, подъ начальствомъ своего предводителя, знаменитаго Нефесъ-Мергена, который когда-то спасъ жизнь Скобелеву въ Хивинскую экспедицію. Такъ вотъ теперь, этотъ самый Нефесъ-Мергенъ «освѣщаетъ мѣстность», зная, что генераль поѣдетъ кататься въ ту сторону.

Беурма отъ Бами верстахъ въ 12-ти. Въ ясный день она хорошо видна.

Безъ шума, безъ разговоровъ скачутъ всадники. Впередъ, передъ глазами, стелется небольшое рѣдкое поле кукурузы. Темноватая, спѣлая головки початокъ, на высокихъ, тонкихъ стебляхъ, одиноко покачивались по вѣтру изъ стороны въ сторону, какъ бы призывая хозяина воспользоваться ихъ плодами. Вдругъ генераль осаживаетъ коня и говоритъ, обращаясь къ офицерамъ:

— Господа! видите вы вонъ эту кукурузу? Представьте себѣ, что все это непріятель. Стройтесь къ атакѣ и по моей командѣ бросайтесь и рубите ей головы. Всѣ быстро выстраиваются.

— Маршъ-маршъ—раздается его команда. Всѣ офицеры и конвой, какъ вихрь, несутся въ атаку и скрываются въ облакахъ сѣрой пыли. И что-же въ результатъ? Поручикъ Кауфманъ отрубилъ ухо у своей лошади, донской казакъ Рожковъ отрубилъ оба уха у своей лошади. Одинъ осетинъ изъ конвоя по-

ранилъ себѣ правое колѣно такъ сильно, что его пришлось немедленно отправить въ госпиталь.

— Ха! ха! ха! хохочетъ Скобелевъ.—Браво! браво! Ну, Мика! кричить опъ Кауфману,—не смѣйте мѣнять лошадей! Извольте въ наказанье за свою не ловкость ѣздить на карпаухой. И долго еще раздавался, среди оторопѣвшаго конвоя, его веселый смѣхъ.

Такъ окончилась эта прогулка.

К а з н а ч е й.

Часовъ 5 утра. День солнечный, и обѣщаетъ быть очень жаркимъ. Весь отрядъ уже на ногахъ, тѣсно построился на песчаной равнинѣ. Офицеры въ кителяхъ, ежась съ просонья отъ свѣжаго утренняго воздуха, собираются въ кружки. Кто поболтать, кто закурить, а кто выпить рюмочку. Садиться на землю еще неудобно, она сырая, и на рѣдкихъ, тощихъ стебелькахъ травы весело играетъ багровое утреннее солнце, то мигая, то отражаясь. Вонъ одинъ высокій пѣхотный поручикъ, рыжій, въ веснушкахъ, съ подстриженными на скорую руку усами и бородой, старательно подтягиваетъ ремень отъ револьвера. Другой, товарищъ его, маленькаго роста, кругленькій, безъ бороды и усовъ, никакъ не можетъ пропустить портупею подъ погонь: тычетъ, тычетъ, не попадаетъ, сердится, и наконецъ, пропускаетъ. Ротные командирь, съ серьезными лицами, разгуливаютъ вдоль своихъ ротъ и озабоченно разговариваютъ съ фельдфебелями. Кавалерія выстроилась длиннымъ фронтомъ въ двѣ шеренги. Люди стоятъ около лошадей, съ поводьями въ рукахъ, въ полголоса разговариваютъ, и нетерпѣливо ждутъ знакомой протяжной команды: «Садитесь».

Во-о-онъ, дальше всѣхъ, протянулись въ безконечно-длинную веревницу верблюды съ обозными тяжестями. Съ прoderнутыми въ переносы веревочками, медленно, шагъ за шагомъ, выступаютъ они, подымая за собою тучи пыли. Нѣкоторые изъ нихъ упорно не желаютъ трогаться съ мѣста, рѣзко, неприятно ревуть и скалятъ свои безобразныя морды. Обширный лагерь разомъ опустѣлъ. Повсюду валяются жестянки изъ-подъ сардинокъ, бутылки изъ-подъ сельтерской воды, пустыя коробки спичекъ, огарки свѣчекъ, обрѣзки лимона, тряпки, суконки и разный другой мусоръ. Палатокъ точно и не бывало. Вотъ, наконецъ, снимаютъ и просторную генеральскую палатку. Десятокъ дюжихъ рукъ разомъ берутъ ее, складываютъ, и только деревянные приколы еще указываютъ мѣстечко, гдѣ она стояла, но и тѣ вскорѣ убираются. Значить, генераль всталъ и сейчасъ покажется. Штабные,—ординарцы, адъютанты, въ томъ числѣ и я, вертимся тутъ же по близости и суедемся. Но вотъ появляется и командующій войсками.

— Здорово, братцы!—далеко раздастся его звонкій картавый голосъ. Генераль здоровается съ коновоемъ осетинъ.

— Берекетъ-Берсенъ!—отвѣчаютъ тѣ на своемъ нарѣчїи. То-есть «будь здоровъ». Скобелевъ садится на лошадь. Свита его бросается тоже къ лошадямъ и садится. Генераль въ отличномъ расположеніи духа. Весело со всѣми здоровается, затѣмъ выѣзжаетъ на обширную площадь, гдѣ былъ лагерь, и вдругъ, къ удивленію своему, видитъ по срединѣ еще бѣлѣетъ чья-то пеубранная палатка. Около нея вертится и хлопочетъ депыщикъ.

— Это кто тамъ еще дрыхнетъ!—сердито кри-

чить онъ, — припнориваетъ лошадь и галономъ направляется туда. Всѣ мы скачемъ за нимъ.

— Охъ! это вѣрно нашъ полевой казначей изволить поживать еще, думается мнѣ. И въ то же время припоминаю, какъ мнѣ еще на дняхъ пришлось будить его цѣлая четверть часа. Долго бился я, да такъ и отсталъ ни съ чѣмъ; вдобавокъ, онъ же еще во снѣ чуть не прибилъ меня, до того сильно остервенился, отмахиваясь руками.

— Чья палатка? — раздается строгій голосъ Скобелева деньщику.

Такъ и есть:

— Полевого казначея, статскаго совѣтника Пущкарева, ваше превосходительство! — бойко отвѣчаетъ тотъ и вытягивается.

— Что же, развѣ онъ спитъ еще?

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Что же ты его не будишь, — вѣдь отрядъ сейчасъ уходитъ! — уже добродушнымъ тономъ спрашиваетъ генералъ. Гнѣвъ его переходитъ въ шутовое настроеніе.

— Да я будилъ, ваше превосходительство, да никакъ невозможно разбудить, — крѣпко спать люты! — отвѣчаетъ тотъ.

— Эй, снимай палатку! — повелительно кричитъ генералъ, и самодовольно расправляетъ свои рыжія баки, передъ предстоящимъ веселымъ зрѣлищемъ. Моментально бросаются нѣсколько солдатъ и осторожно, торжественно снимаютъ ее. Глазамъ всѣхъ присутствующихъ представляется слѣдующая умильная картина: слегка прикрывшись простыней, въ одной бѣлой сорочкѣ, крѣпко почивалъ пожилой господинъ, съ длинной русой бородой, положивъ, для удобства,

подъ щеку ладонь. Одна нога его высунулась наружу. Въ изголовьяхъ стоялъ складной столикъ. На немъ виднѣлись: свѣчка, манишка, черный галстухъ и золотыя очки.

— Ха, ха, ха!.. раздается всеобщій дружный взрывъ смѣха.

На шумъ этотъ со всѣхъ концовъ сбѣгаются еще офицеры, и густой стѣной окружаютъ спящаго.

— Будите его! — шутливо кричитъ генералъ. Бросаются будить — ничего не помогаетъ. Статскій совѣтникъ только мычить и въ просонѣ сердито брыкается. Опъ, бѣдный, конечно, и не подозреваетъ, что на него въ эту минуту смотрятъ сотни глазъ. Солнце ярко освѣщаетъ всю эту веселую картину.

— Ваше превосходительство, — вставайте, генералъ на васъ смотрятъ! — шепчетъ деньщикъ въ самое ухо своему барину. Эти слова подѣйствовали на спящаго сильнѣе всякихъ криковъ. Пушкаревъ широко раскрываетъ глаза, испуганно озирается, и, точно подстрѣленный, разомъ привскакиваетъ и садится среди кровати.

— Ха, ха, ха! — хохочетъ генералъ, а за нимъ и вся публика.

У бѣднаго казначея куда и сонъ, пропалъ. Сконфуженный, не говоря ни слова, кидается онъ на глазахъ всѣхъ искать свою одежду... Генералъ уѣзжаетъ.

И что же! Этотъ случай, по словамъ деньщика, пошелъ его барину на пользу. Съ тѣхъ поръ достаточно было сказать ему: «Ваше превосходительство, генералъ сейчасъ выѣзжаетъ!» — какъ онъ уже быстро спрыгивалъ съ кровати и принимался одѣваться.

Защитники.

Опять Баши. Время послѣ обѣда. Жара жестокая. Солнце такъ палитъ, что глазамъ больно смотрѣть. Воздухъ какой-то густой, — точно что дрожить въ немъ и переливается. Лагерь будто вымеръ. На улицѣ встрѣчаешь только того, кому необходимость крайняя идти. Куда ни взглянешь въ палатку, всѣ спятъ. Нѣкоторыя палатки сверху прикрыты бурками или войлоками, дабы не пропекало ихъ. Снизу же, съ тѣновой стороны, приподняты, чтобы вѣтеръ продувать.

Между тѣмъ, среди самаго лагеря, возлѣ обширнаго обѣденнаго шатра, замѣтно оживленіе. Съ одной стороны полотно приподнято, и въ шатрѣ видны большой столъ и ряды стульевъ, разставленныхъ точно для какого представленія. Сегодня назначенъ полевой судъ надъ тремя текинцами-шпіонами, которыхъ захватили въ плѣнъ наши казаки. Одного изъ нихъ я долженъ защищать. Цѣлыхъ три дня возился я съ этимъ дѣломъ. Исписать нѣсколько листовъ, мучился. Ночи не спалъ. Все мнѣ представлялось: какъ-то я буду его защищать? что скажу? нельзя-ли совершенно оправдать? и т. д.

И вотъ насталъ, наконецъ, памятный для меня этотъ день суда. Въ три часа назначено засѣданіе.

Присутствовать будетъ самъ генераль. Собираются остальные два защитника. Обвинитель. Много постороннихъ офицеровъ. Наконецъ приводить и обвиняемыхъ, — трехъ несчастныхъ оборванныхъ, исхудалыхъ босыхъ текинцевъ. Одинъ былъ въ халатѣ, а два другихъ, — въ однихъ длинныхъ рубахахъ и въ бѣлыхъ мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ. Черные глаза ихъ, съ большими выпуклыми бѣлками, рѣзко выдѣлялись на блѣдныхъ испуганныхъ лицахъ. Они сидѣли за шатрами, поджавши ноги, связанные по рукамъ. Солдатъ съ ружьемъ караулилъ ихъ.

Вотъ входитъ въ шатеръ и самъ генераль. За нимъ начальникъ штаба Гродековъ. Всѣ торжественно занимаютъ свои мѣста. Мы, защитники, садимся рядомъ одинъ возлѣ другого.

Я перво перелистываю тетрадь съ защитительною рѣчью. Мнѣ приходится говорить первому. Хотя въ шатрѣ была духота, по отъ волненія я совершенно забываю и думать о ней. Изрѣдка только чувствую, какъ по спинѣ катятся крупная капли пота. Въ это время, вижу, входитъ въ шатеръ полный, симпатичный пріятель мой, эсаулъ Бабичь, командиръ сотни, дежурный по отряду. Опъ останавливается вдали у дверей, дабы знать, когда ввести въ шатеръ перваго подсудимаго. Но только что предсѣдательствующій хотѣлъ обратиться къ Бабичу съ какимъ-то вопросомъ, какъ за шатромъ раздаются отчаянные крики: «Держи! держи! Лови! Лови ихъ!» — «Вопь! вонь! Вонъ гдѣ побѣгли!» и т. д. Всѣ мы стремительно выбѣгаемъ. И что-же узнаемъ: подсудимые бѣжали. Глазамъ нашимъ представляется слѣдующая картина: толстый эсаулъ Бабичь, верхомъ на гнѣдомъ конѣ, свернувшись какъ-то весь на сто-

рону, маршъ-маршъ несется куда-то за лагерь съ обнаженной шашкой въ рукѣ. Правѣй его, къ горамъ, скачетъ солдатъ артиллеристъ безъ фуражки, тоже съ шашкой на голо. Впереди его, точно заяцъ, улепетывала какая-то фигура. За ними гонятся еще нѣсколько человѣкъ—пѣшихъ. Мѣстность-же, какъ нарочно, чрезвычайно была благопріятная для бѣглецовъ. Вся изрыта оврагами, арыками и ложбинами. Горы Капеть-Дахъ, покрытыя лѣсомъ, близехонько темнѣли, передъ нами. Мы стоимъ, точно окаменѣлые, такъ все это неожиданно случилось. За спиной слышу сердитые возгласы генерала:

— Это чортъ знаетъ, какой безпорядокъ!

— Подъ судъ отдамъ всѣхъ!—и т. д.

Долго продолжаясь погоня. Наконецъ, одинъ за другимъ, потные, усталые, возвращаются преслѣдователи. Счастливей всѣхъ оказался солдатъ артиллеристъ. Только онъ догналъ свою жертву и зарубилъ ее. Остальные убѣжали.

Такъ плачевно закончилось это судьбище, а вмѣстѣ съ нимъ и моя защита. Я такъ и не полюбопытствовалъ узнать, мой-ли кліентъ спасся.

На другой день въ приказѣ по отряду, всему составу суда, а въ томъ числѣ и мнѣ, былъ отданъ строжайшій выговоръ за упущеніе по службѣ.

Спустя нѣкоторое время, выбравъ благопріятную минутку, говорю я генералу:

— Ваше превосходительство! За что-же защитники-то выговоръ получили, что текинцы бѣжали? Вѣдь мы ихъ не караулить должны были, а защищать.

— Ха! ха! ха! — хохочетъ Михаилъ Дмитріевичъ.—Ну, ежели вы считаете себѣ обиженными, такъ запишите это къ зачету на будущее время.

Рекогносцировка Геокъ-Тепе

6-го іюля.

6-е іюля хотя ни въ одномъ календарѣ и не обозначено ничѣмъ замѣчательнымъ, но оно должно быть памятно для каждаго русскаго. Въ этотъ день, во время текинскаго похода въ 1880 году, была произведена покойнымъ Мих. Дм. Скобелевымъ изумительная по своей смѣлости рекогносцировка крѣпости Геокъ-Тепе.

При первомъ взглядѣ на эту рекогносцировку, иному читателю покажется, что въ ней ничего особеннаго и не было, такъ какъ участниковъ было почти 800 человекъ, но, вникнувъ внимательнѣе въ это дѣло, онъ пойметъ всю его трудность.

Надо помнить, что всего за годъ передъ этимъ, нашъ же отрядъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Ломакина, около 4 тысячъ человекъ, сунулся было штурмовать Геокъ-Тепе, и былъ съ великимъ урономъ отбитъ и прогнанъ, и вдругъ теперь подѣлами же стѣнами появляются тѣ-же русскіе, но только не тысячи, а сотни, тогда какъ защитниковъ въ крѣпости сосредоточилось со всего Ахаль-Теке около 30 тысячъ. При малѣйшей неудачѣ, спасенія отряду не было,—онъ долженъ былъ погибнуть, такъ

какъ набѣгъ производился налегкѣ, безъ всякихъ запасовъ и воды, въ ста слишкомъ верстахъ отъ ближайшей помощи и при жарѣ свыше 50 градусовъ. Но Скобелевъ считалъ необходимымъ прежде всего двинуться изъ Бами въ Геокъ-Тепе съ главными силами, осмотрѣть самому крѣпость, и насколько возможно ближе ознакомиться съ неприятелемъ.

Отъ Бами до Геокъ-Тепе было 115 верстъ. Отрядъ состоялъ изъ трехъ ротъ пѣхоты, изъ которыхъ двѣ, Самурскаго полка, оставшихся еще здѣсь со времени прежней экспедиціи, были такъ слабы, что едва въ обѣихъ насчитывалось полтора человека; затѣмъ—трехъ сотенъ казаковъ, въ такомъ же слабомъ составѣ, четырехъ девяти-фунтовыхъ орудій, четырехъ картечныхъ, ракетной команды и взвода саперъ. При этомъ надо сказать, что текинцы, какъ отчаянные кавалеристы, презирали нашихъ казаковъ, у которыхъ маленькія, заморенныя лошадки, конечно, не могли идти въ сравненіи съ ихъ пятивершковыми чудными аргамаками. А потому вся надежда отряда возлагалась на пѣхоту и артиллерію.

При Скобелевѣ находились, кромѣ начальника штаба, полковника Гродекова, еще капитанъ Баранокъ *), капитанъ Ланге **), поручикъ Ушаковъ ***), поручикъ Кауфманъ, я и поручикъ Эрдели ****).

1-го іюля выступили довольно поздно. Прошли

*) Состоялъ въслѣдствіи по особымъ порученіямъ при военномъ министрѣ.

**) Нынѣ г.-м., состоявшій при Е. И. В. Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ

***) Нынѣ полковникъ, состоитъ тоже при Е. И. В. Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

****) Нынѣ полковникъ, состоитъ при начальникѣ Главнаго Штаба.

всего 11 верстъ и заночевали въ аулѣ Беурмѣ. На другой же день мы тронулись еще до свѣта. Переходъ этотъ мы сдѣлали точно на крыльяхъ. Скобелевъ страшно любилъ бѣшеную скачку. Какъ только авангардъ нашъ, состоявшій изъ джигитовъ-туркменъ, замѣтилъ впереди нѣсколько текинцевъ и далъ намъ залпъ, Скобелевъ съ кавалеріей бросается за ними въ погоню, совершенно забывая объ остальномъ отрядѣ. Помню, лошади, горячася одна передъ другой, закусивъ удила, неслись за генераломъ, что дальше, то быстрее. Первый разъ въ жизни мнѣ пришлось такъ отчаянно долго скакать. Подъ конецъ я даже боялся за свою лошадь: какъ бы съ непривычки, думаю, не грохнулася она о-земь, тогда заднія изменють меня въ порошокъ...

Подъ Скобелевымъ былъ въ этотъ день его любимый, бѣлый, какъ снѣгъ, ипоходецъ «Шейновъ». Кличка эта дана была ему за то, что на немъ генераль участвовалъ еще въ Турецкой кампаніи 77—78 годовъ при взятіи деревни «Шейнова». Любо было смотрѣть на нашего генерала, когда только что показавшіеся первые лучи солнца озарили его фигуру въ легонькомъ, сѣромъ пальто на красавцѣ «Шейновѣ», который, потемнѣвшій отъ поту, съ раздувшимися ноздрями, какъ вихрь неся по гладкой степи, обдавая себя облаками пыли... Оглядываюсь назадъ, смотрю, кавалерія наша—у-у-у какъ растянута. Только конной осетинъ, сплоченной массой, въ своихъ напахахъ, въ развивающихся по вѣтру буркахъ, грозно слѣдовалъ за пачальникомъ. Всѣ скачутъ молча, сосредоточенно, съ озабоченными лицами, слышится только стукъ сотенъ конныхъ о песчаную почву, да фырканіе и храпъ усталыхъ лошадей. Но вотъ показались

темные сады аула Арчмана. Мы вносимся въ нихъ, соскакиваемъ съ лошадей и спѣшимъ укрыться въ тѣни деревь. Жара наступаетъ почти одновременно съ восходомъ солнца.

Черезъ нѣсколько часовъ подтянулся и остальной отрядъ. Мы отдыхали здѣсь цѣлый день. 3-го и 4-го іюля мы опять провели въ пути.

5-го іюля, утромъ, съ одного небольшого пригорка, мы, наконецъ, увидали калу «Ягинь-Батырь». Сама по себѣ кала эта представляла, какъ и всѣ здѣшнія калы, четырехъугольникъ, обнесенный глиняными стѣнами, сажени въ двѣ вышиною, который служилъ загономъ для скота. Для насъ кала эта имѣла то важное значеніе, что за ней въ 12 верстахъ находилась главная крѣпость Геокъ-Тепе, гдѣ насъ ожидало все населеніе Ахала, вооруженное съ мала до велика и твердо рѣшившееся умереть за свою свободу.

Пристально смотрю я съ этого холмика. Передъ глазами на красно-желтоватой песчаною степи, верстахъ въ четырехъ, темнымъ пятномъ выдѣляются зеленые сады Ягипь-Батырь и за ними опять тянется ровная степь. Геокъ-Тепе отсюда еще не замѣтно. Мы всѣ послѣзали съ лошадей и всматриваемся въ даль, но нигдѣ не видно ни души. Ягипь-Батырь кала тиха и мертва. Трогаемся дальше, направляемся къ калѣ и, вслѣдъ за джигитами, карьеромъ въѣзжаемъ въ сады. Былъ полдень. Жара страшная. Мы всѣ обливаемся потомъ.

Надо сказать, что еще при самомъ началѣ похода я слышалъ отъ участниковъ прежней экспедиціи множество чудесныхъ разсказовъ о текинцахъ, какъ объ удивительной кавалеріи, и о быстротѣ ихъ

коней. Поэтому не удивительно, что меня съѣдало любопытство увидѣть поближе хоть одного текинца. Едва слѣзъ я съ лошади, какъ взбираюсь на переднюю глиняную стѣнку сада и смотрю въ бинокль.

— Вонъ, маіоръ, видите тамъ, за гребнемъ горизонта, синеватый холмъ, это ихъ сторожевой курганъ,—объясняетъ мнѣ бравый артиллерійскій капитанъ Полковниковъ, отличившійся еще въ прошлую экспедицію противъ текинцевъ мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ.

— Тамъ у нихъ и пушка стоитъ, и они стрѣляютъ изъ нея въ торжественныя минуты и этимъ подаютъ сигналы.—Съ лихорадочнымъ интересомъ продолжаю всматриваться въ даль, и вдругъ начинаю замѣчать, что изъ-за зеленоватаго гребня, скрывающаго горизонтъ, начинаютъ появляться всадники. Они длинными, безконечными вереницами спускаются съ гребня шагомъ въ нашу сторону, съ какимъ то недоумѣвающимъ видомъ, точно они все еще сомнѣвались, чтобы мы, русскіе гяуры, осмѣлились такъ близко подойти къ ихъ столицѣ въ такомъ ничтожномъ числѣ.

Текинцы выползаютъ изъ-за гребня все больше и больше. Линія горизонта протянулась передо мной, по крайней мѣрѣ, верстъ на 10, считая влѣво отъ подножія горъ Копе-Даго до песковъ, которые, подобно морю, терялись въ пространствѣ.

Вдоль стѣнки, на которой я сижу, расположились кучки любопытныхъ солдатъ. Кое-гдѣ видны и офицеры. Они тоже пристально наблюдаютъ за неприятелемъ. Слышатся восклицанія: «Ой, братцы, да какая же ихъ и сила! Эва-но, вправо-то за курганомъ что ихъ скопилось!» Между тѣмъ текинцы все

выползали и выползали изъ-за гребня. Приблизившись такъ на пушечный выстрѣлъ, они слѣзаютъ съ лошадей и съ поводьями въ рукахъ разсаживаются въ кучки. Мнѣ ясно видно въ бинокль, какъ изъ за распахнувшихся на ихъ колѣняхъ коричневыхъ халатовъ виднѣлись вторые халаты не столь яркаго цвѣта. Большинство лошадей ихъ покрыты длиннѣйшими сѣрыми попонами. Текинцы съ замѣтнымъ любопытствомъ тоже смотрятъ на нашу сторону, разсуждаютъ между собой, при чемъ энергично размахиваютъ руками.

Стѣнка, гдѣ я сидѣлъ, была вся на солнцѣ. Несмотря на убійственную жару, я, какъ пригвожденный, все глядѣлъ и глядѣлъ, настолько картина передъ глазами была для меня нова и интересна.

«Такъ вотъ они, текинцы! думалось мнѣ.—Посмотримъ, чья возьметъ!» И въ восторгѣ, что, наконецъ, вижу давно желанныхъ текинцевъ, совершенно забываю о томъ, что ихъ чуть не въ 50 разъ больше, чѣмъ насъ. Въ эту минуту слышу позади себя сдержанный разговоръ: «Повѣрь, милый ты мой, что наша кавалерія имъ ни почемъ. Вотъ «топъ-топъ» *) они боятся, да еще пѣхоты. Это тоже имъ не по нутру. А казаки, попробуй,—хоть на минуту отдѣлись отъ пѣхоты—моментально изрубятъ». Оглядываюсь, смотрю, два пѣхотныхъ офицера, изъ которыхъ одинъ участникъ прежней экспедиціи, высокій, рыжій, въ очкахъ, съ лицомъ, изрытымъ оспой, идутъ вдоль стѣнки и, не глядя на текинцевъ, сумрачно толкуютъ.

«Вотъ увидишь, дѣло будетъ дрянъ! Чего онъ суется прямо имъ въ горло, много-ли насъ!»—слышу я.

*) Текинцы называли наши пушки топъ-топъ.

Разговоръ этотъ точно пробуждаетъ меня отъ какого-то очарованнаго сна и я, озабоченный, отправляюсь въ сады искать товарищей. Смотрю: Ушаковъ, Кауфманъ, Эрдели уже давно мирно почиваютъ подъ деревьями. Не успѣлъ я лечь отдохнуть, какъ генераль требуетъ меня къ себѣ и вручаетъ предписаніе. Изъ этого предписанія узнаю, что отрядъ завтра, чуть свѣтъ, выступаетъ подъ Геокъ-Тепе, я же долженъ немедленно привести калу въ оборонительное положеніе и запереться въ ней съ одной полуротой. Кромѣ того, мнѣ назначались въ помощь денщики, всѣ обозные, конюха, всѣ слабые и больные. Такъ что всего у меня скопилось около 70 человѣкъ и одна картежня. Кала должна была составлять для отряда опорный пунктъ.

Съ лихорадочной поспѣшностью бресаюсь выполнять приказаніе. У меня оказались отличные помощники: прапорщикъ Панфиловъ и гардемарины Майеръ. Ко времени выступленія отряда весь мой гарнизонъ уже стоялъ на подмосткахъ и съ любопытствомъ выглядывалъ изъ-за стѣнъ. Входъ въ калу былъ крѣпко загороженъ, и воды занасено на нѣсколько сутокъ.

Чуть свѣтъ отрядъ вытянулся изъ садовъ и направился къ Геокъ-Тепе. Я, какъ и наканунѣ, забрался на самое удобное мѣсто на стѣнѣ, и уперся глазами въ бинокль. Впереди всѣхъ, какъ и во время всего движенія отъ Бами, скачетъ сухощавый, съ рысьими глазами и точно вычищенной бородкой, начальникъ джигитовъ Нефесъ-Мергенъ, старый сподвижникъ Скобелева въ его хивинскихъ походахъ. Джигиты съ гикомъ несутся, размахивая локтями, и, точно ищейки, высматриваютъ по сторонамъ, не увидятъ ли гдѣ добычи. Впрочемъ, смѣлость ихъ основа на исключитель-

по на близости отряда. Во время движенія изъ Бами, мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть, чуть только гдѣ вдали покажется непріятель, они или оставаивались, или маршъ-маршемъ скакали назадъ, пока не слышатъ знакомый, повелительный, картавый голосъ Скобелева: «Нефистъ-Мергенъ, пошелъ впередъ! Чего вы тутъ скопились, какъ зайцы! Въ плети велю гнать!» и тѣ круто поворачиваютъ назадъ и опять, какъ крыльями, размахиваютъ локтями.

Въ началѣ я разбираю всѣхъ въ лицо: вонъ генералъ на сѣрой, могучей кобылѣ, тоже бывшей въ турецкомъ походѣ. Вонъ Ланге, вонъ Ушаковъ, Эрдели, вонъ Гродековъ на гнѣдомъ кабардинцѣ. Отрядъ двигается быстро, держась подножія горъ. Онъ такъ тѣсно сплоченъ, точно, какъ говорится, молотками сбитъ. Все дальше, дальше—уже отдѣльные лица теряются въ пространствѣ. Отрядъ направляется прямо на курганъ, верстахъ въ 3-хъ отъ нашей калы. Смотрю пристальнѣе, и ясно вижу цѣлую шайку текинцевъ, притаившуюся въ тѣни кургана. Она такъ ловко спряталась, что простому глазу была почти незамѣтна. Но вотъ тутъ-то наши джигиты и сослужили службу. Они живо открыли непріятеля, и со страшнымъ крикомъ, который даже долетѣлъ до нашей калы, понеслись назадъ. Удивительно эффектную картину представили эти текинцы, когда вынеслись изъ-за кургана вслѣдъ за джигитами. Первые секунды ничего, кромѣ облака пыли, не было видно. Когда же оно разсѣялось, то надъ отрядомъ появляется бѣлое облако, слышится рѣзкій, шипящій взрывъ, взрывается ракета, и вся толпа текинцевъ поворачиваетъ назадъ и скрывается. Отрядъ все удаляется, съ каждымъ шагомъ становится все меньше и меньше и, наконецъ, превращается въ черную точ-

ку. Но вотъ со сторожевого кургана Геокъ-Теле раздается вѣстовой тревожный выстрѣлъ. Взглядываю въ ту сторону—клубъ бѣлаго дыма медленно вздымается къ небу. Солнце уже порядочно взошло и ярко освѣтило окрестности. Влѣво отъ меня виднѣлись безкопечные, золотистые пески, вправо же, гдѣ двигался отрядъ, темпѣли фіолетовые скаты Копе-Дага, мѣстами покрытые лѣсомъ.

Впередѣ, на горизонтѣ, изъ-за гребня холма начинаютъ опять появляться вереницы всадниковъ. Всмотриваюсь пристальнѣе, чтобы убѣдиться—много ли ихъ, и просто поражаюсь. Полчаса тому назадъ горизонтъ былъ чистъ, только-кое гдѣ виднѣлись одиночные всадники. Теперь же, куда ни взглянешь—вездѣ текинцы. Но это уже не тѣ флегматичные зрители, что были вчера. Сегодня они точно напились какого-то дурмана. Съ ревомъ носятся изъ стороны въ сторону, сбиваются въ кучи и опять разсыпаются. За плечами у всѣхъ ружья съ рогатками. У нѣкоторыхъ за спиной на сѣдлѣ сидитъ еще по человѣку,—это должно быть бѣдняки, у которыхъ нѣтъ своей лошади. Свирѣпыя крики ихъ ясно достигаютъ до нашихъ ушей.

— Ой, ой, что ихъ! Господи помилуй! съ нами крестная сила! Царица Небесная! — слышатся мнѣ восклицанія моихъ солдатъ со стѣнъ.

Точно муравьи внезапно растревоженнаго муравейника, тысячи текинцевъ усѣяли черными точками желтоватый горизонтъ. Первое время они носятся изъ стороны въ сторону, повидимому, безъ всякаго опредѣленнаго назначенія. Кричатъ, визжатъ, крутятся. Но вотъ, понемногу, они начинаютъ скопляться въ массы. Сердце мое начинаетъ биться силь-

нѣй. Вижу, что-то у нихъ затѣвается. Замѣчаютъ-ли это наши? — мелькаетъ у меня въ головѣ. Ищу отрядъ. — Да гдѣ-же онъ! Куда ни взгляну — вездѣ текинцы. Боже, сколько ихъ! Старательно слѣжу биноклемъ по подножію горъ, и, наконецъ, настигаю своихъ.

— Фу, ты, Богъ мой, какая ихъ крошечная кучка! Неужели они устоятъ противъ этой громады! — И сердце мое невольно сжимается при одной мысли о неудачѣ. А вѣдь съ гибелью отряда, гарнизону моему, конечно, тоже не было-бы спасенія. Но уже такова человѣческая патура, — пока живъ, трудно свыкаться съ мыслью о смерти.

При томъ-же, вся обстановка кругомъ была такъ нова, такъ торжественно интересна. Самая природа съ ея ослѣпительно-яркимъ солнцемъ и чуднымъ темно-синимъ небомъ, прозрачнымъ, еще не нагрѣвшимся, свѣжимъ воздухомъ, такъ и тянула къ жизни.

— Бу-у-у!... — раздается далеко, далеко впереди.

— Это наши, наши! — съ живѣйшей радостью кричатъ мои солдаты. Въ калѣ подымается сильнѣйшее оживленіе. Всѣ, даже слабые, прилегшіе было отдохнуть, повзлѣзали на стѣнку и давай смотрѣть. Но простымъ глазомъ трудно что-либо разобрать. Только клубы бѣлаго дыма, взвивающіеся по временамъ въ воздухѣ, указывали направленіе отряда. Смотрю въ бинокль и невольно опять прихожу въ ужасъ. Такого количества кавалеріи, какое скопилось въ эту минуту въ полумерстѣ отъ отряда, я никогда не видывалъ. Что передъ ней тѣ двѣ-три дивизіи, которыя бывали въ Красномъ Селѣ въ лагеряхъ, на ученіи всей кавалеріи, или на парадахъ! — Ничто. — Тутъ

скопище тысячъ въ десять всадниковъ, по крайней мѣрѣ. И передъ этимъ-то скопищемъ кровожадныхъ звѣрей въ образѣ человѣческомъ, съ ножами въ зубахъ, съ шашками на-голо, бѣлѣетъ кучка нашихъ, едва-едва замѣтная въ бинокль. Смотрю чуть правѣе, и вижу: такая-же многотысячная толпа текинцевъ, только уже разсѣянная нашими пушечными выстрѣлами, уносилась во весь карьеръ, преслѣдуемая облакомъ пыли. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, отрядъ нашъ все подается впередъ, окруженный непріателемъ. Ясно, что у него нѣтъ твердой, руководящей силы, которая сѣмѣла-бы заставить ихъ, несмотря на наши выстрѣлы, броситься и смять гяуровъ. Въ безсильной злобѣ они съ гикомъ выются возлѣ отряда и не даютъ ему ни минуты покоя. Но вотъ отрядъ заворачиваетъ правымъ плечомъ, и прямикомъ направляется къ ихъ родному гнѣзду, т. е. къ Геокъ-Тепе, и вскорѣ скрывается за горизонтомъ. Довольно долго послѣ этого слышались еще наши выстрѣлы, но подъ конецъ и ихъ не стало. Когда они прекратились, невольно у каждого изъ насъ закралось сомнѣніе, что-то будетъ? Послѣ прошлогодняго погрома нашего отряда въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, понятно, непріатель теперь былъ увѣренъ, что или захватить насъ живьемъ, или уничтожить до послѣдняго.

Какъ теперь помню, съ какимъ томительнымъ ожиданіемъ проходили для нашего гарнизона эти часы. Какъ тревожно прислушивались мы, не раздастся-ли пушечный выстрѣлъ. Вотъ уже и за полдень перевалило. Солнце, точно заодно съ текинцами, разозлилось на насъ и печетъ немилосердно. Блеститъ такъ, что смотрѣть въ даль невозможно. Гарнизонъ почти весь, кромѣ часовыхъ, разбрелся на калѣ и улегся подъ

примостками. Наконецъ, уже подъ вечеръ, такъ часа въ четыре, раздались давно желанные выстрѣлы, и на горизонтѣ показались толпы текинцевъ, а за ними и отрядъ. Онъ поминутно отстрѣливается и, то съ той, то съ другой стороны, падъ нимъ взвиваются бѣлые дымки. Толпы текинцевъ, не столь многочисленныя, но, должно быть, самыя отчаянныя, казалось, по мѣрѣ приближенія отряда къ нашей калѣ, все бѣше-нѣе крутились возлѣ отряда. Имъ все очевидное становилось, что гяуры ускользаютъ безнаказанно изъ ихъ рукъ. Но вотъ отрядъ ближе, ближе. Непрiатель, точно снѣгъ на горячемъ солнышкѣ, быстро исчезаетъ,—и мы это ясно видимъ, — Скобелевъ, все на той же сѣрой кобылѣ, шагомъ подъѣзжаетъ къ садамъ. За нимъ слѣдуютъ Гродековъ и остальные. Кажется, всѣ, слава Богу, живы и здоровы. Я выѣзжаю къ генералу и рапортую о благополучiи, причемъ замѣчаю, что лошадь подъ генераломъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ранена: красныя кровавыя пятна ярко выдѣлялись на сѣрой масти.

— Опасный, батенька, непрiатель, очень опасный! А все-таки у него не хватило духу сѣпнуться съ нами!—весело кричитъ онъ мнѣ.

Рекогносцировка обошлась намъ въ нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ; непрiатель потерялъ гораздо больше.

Казалось, съ возвращенiемъ нашихъ изъ - подъ Геокъ-Тепе опасность миновала. Но Скобелевъ отлично зналъ врага, и былъ увѣренъ, что ночью на нашъ лагерь будетъ нападенiе. Поэтому, генераль рѣшилъ принять всевозможныя мѣры. Прежде всего необходимо было порубить обширныя сады, которыхъ по нашей малочисленности мы не могли занять. Все

это было поручено капитану Баранку, и, надо правду сказать, просьбы были сдѣланы настолько широки, что положительно, только благодаря имъ, мы остались въ эту ночь цѣлы и невредимы. Опасенія Скобелева вполне оправдались. Непріятель отлично понималъ, что ночью пушки наши не могутъ быть имъ такъ опасны, и вся сила будетъ на ихъ сторонѣ.

Усталый, измученный отрядъ вскорѣ крѣпко заснулъ, конечно, разставивъ сильные посты. Подъ утро я съ Ушаковымъ просыпаемся, — что-то такое щелкаетъ подлѣ насъ. Слышимъ: чаще, чаще. Да вѣдь это стрѣляютъ по насъ. Нападеніе! — догадываемся мы. Кидаемся къ генералу, но его уже давно Баранокъ разбудилъ, и оба они убѣждали провѣрять сторожевыя цѣпи. Уже начало разсвѣтать и непріятельскіе выстрѣлы прекратились. Потомъ оказалось, что текинцы ночью въ большихъ силахъ подползли садами близехонько къ отряду, но наткнулись на просьбы, которыя представляли широкія прогалины, и остановились. Притомъ-же наши посты не отвѣчали на ихъ беспорядочную стрѣльбу и грозно молчали. Скобелевъ еще наканунѣ строго воспретилъ отвѣчать по одиночнымъ выстрѣламъ. И вотъ, эта-то тишина также напугала ихъ, черезъ что непріятель потерять драгоценное время. Тьма разсѣялась, солнце блеснуло, и «топъ-топъ» наши снова заговорили. Текинцы толпами поползли отъ садовъ на приличную дистанцію.

Часа черезъ два отрядъ благополучно выступилъ изъ Ягинъ-Батырь и потянулся по старой дорогѣ, а черезъ три дня былъ въ Бами.

Рекогносцировка 6 іюля имѣла громадное значеніе для дальнѣйшаго успѣха нашей экспедиціи. Кромѣ того, что Скобелевъ ознакомился съ характеромъ не-

пріятеля, — онъ лично осмотрѣлъ самую крѣпость, ея окрестности, и тѣмъ заранѣе обезпечилъ успѣхъ предстоявшаго штурма. А что главное, какъ генералъ и разсчитывалъ, — возвратилъ бодрость духа бывшимъ участникамъ прежней Ломакинской экспедиціи, коихъ было не мало въ нашемъ отрядѣ, а также сильно поднялъ престижъ нашъ въ Средней Азіи, который былъ страшно поколебленъ за послѣднее время.

Т о в а р и щ и.

Быль августъ мѣсяцъ. И только что перебрался изъ мѣстечка Бами, гдѣ скопились главныя силы нашего отряда, въ укрѣпленіе Бендесены, куда я былъ назначенъ комендантомъ. Оно находится при самомъ входѣ въ ущелье горъ Копетъ-Дагъ. У подножья этихъ горъ протянулась обширная долина, покрытая сочною травой. Долина эта орошалась маленькимъ ручейкомъ и потому вѣчно была зеленая, что составляло рѣзкую противоположность съ остальною песчаною мѣстностью.

Вотъ на этой-то долині, да на прилегающей горѣ и расположилось Бендесенское укрѣпленіе.

Въ моемъ распоряженіи были три роты пѣхоты, сотня казаковъ, 1 орудіе и еще охотничья команда. Эта послѣдняя, хотя нѣсколько дней всего какъ была сформирована, но уже успѣла сдѣлаться грозой для непріятеля. Безъ нея плохо пришлось бы баминскому гарнизону. Текипцы совсѣмъ-было завладѣли Бендесенскимъ переваломъ: такъ, несмотря на отчаянную храбрость охотниковъ и ихъ эпергію, всего за два дня до моего прихода въ Бендесены, въ самомъ этомъ ущельѣ убили нѣсколькихъ нашихъ солдатъ, которые

конвоировали партію лошадей. Лошадей, конечно, текинцы захватили. Между ними попался и любимый Скобелевскій ипоходецъ «Шейновъ», на которомъ Скобелевъ въ Турецкую кампанію, подъ деревнею Шейновымъ, такъ блистательно разбилъ турокъ и полонилъ всю армію Весселя-паша. Бендесепское ущелье, какъ только я подъѣхалъ къ нему, сразу мнѣ не понравилось. Оно крайне было опасно. Со всѣхъ сторонъ, изъ-за безчисленнаго множества горъ, холмиковъ и пригорковъ, ведетъ къ дорогѣ множество незамѣтныхъ тропинокъ. Когда ѣдешь, такъ и кажется, что вотъ сейчасъ изъ-за этого бугорка выскочить партія текинцевъ и искрошить тебя. Мѣстность вообще была такова, что достаточно засѣсть десятку стрѣлковъ, дабы остановить сильный отрядъ. И вотъ, для очистки этого ущелья, Скобелевъ и придумалъ сформировать охотничью команду. Кликнули кличъ по всѣмъ частямъ, и вызвали самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ. Въ команду эту шли въ особенности охотно тѣ люди, которые не любили нести обязательную службу, какъ-то: ходить въ караулъ, стоять на часахъ, въ секретяхъ, работать въ провіантскихъ складахъ, и вообще тѣ, которые любили быть на волѣ и, конечно, обладали извѣстною долей храбрости и смѣлости. Такъ какъ охотничья команда рѣдко ходила въ полномъ составѣ на розыски непріятеля, то людямъ приходилось отдыхать чуть не цѣлую недѣлю, и тогда уже они предавались, можно сказать, безпросыпному снанию. Командиромъ ихъ былъ назначенъ первое время прапорщикъ Усачевъ. Черненскій, маленькій, широкоплечій, еще совсѣмъ молодой, лѣтъ 20, онъ былъ точно рожденъ охотникомъ. Цѣлые дни и ночи шнырялъ онъ со своими

молодцами по ущельямъ горъ. Охотники появлялись тамъ, гдѣ текинцы и не подозрѣвали ихъ встрѣтить. Подползали, днемъ на привалѣ, ночью на почлегѣ, рубили, стрѣляли и, что хуже всего для нихъ было, отгоняли и уводили лошадей. Этого текинцы рѣшительно не переносили. Тѣмъ болѣе, что сами они ничѣмъ не могли попользоваться отъ охотниковъ. Что у него есть? Одна рубаха, да шаровары—и тѣ почти всегда изодранныя, да сумка съ сухарями. Положимъ, у охотниковъ есть ружье—берданка, столь драгоценная для непріятеля. Но ее, какъ говорится, голыми руками не вдругъ возьмешь. Ну, вотъ и стали текинцы поемногу очищать переваль и вскорѣ совершенно его очистили. Путь по немъ вполнѣ сталъ безопасенъ.

Я часто удивлялся отважности охотниковъ. Случалось, ѣдешь ущельемъ, смотришь, высоко на вершинѣ стоитъ себѣ солдатикъ, преспокойно посматриваетъ по сторонамъ, и, точно коршунъ, выглядываетъ себѣ добычу. Ну, подкрадись непріятель подъ него, вѣдь, какъ мишень какую, могутъ разстрѣлять. А онъ хоть бы что. Постойтъ, постойтъ, спустится, на другую гору подыметъ, опять высматриваетъ. Гдѣ найдешь еще такихъ солдатъ, какъ наши? Частенько приходило мнѣ въ голову, смотря на этихъ охотниковъ. И вѣдь никогда никакой жалобы или какого неудовольствія. Всегда веселы, довольны.

Часть укрѣпленія въ Бендесенахъ, какъ я уже сказалъ, была на горѣ, при самомъ входѣ въ ущелье, а часть на долинѣ, у подножья горы. Здѣсь располагалась и охотничья команда, въ земляномъ баракѣ.

Вотъ днемъ, послѣ обѣда, я осматриваю лагерь и подхожу къ охотничьему бараку. Чтобы не без-

покоить людей, осторожно заглядываю въ дверку. Въ баракѣ человѣкъ 30-ть. Значить, половина ушла въ горы. Тѣ, что на-лицо, — кто спитъ, кто спдитъ, разговариваютъ, третьи играютъ въ карты, въ дураки. Всѣ они расположились на высокихъ парахъ изъ дерну, покрытыхъ широкими войлочными кошмами. Хотя карты были строго запрещены въ отрядѣ, но у охотниковъ онѣ имѣлись, какъ исключеніе. Двое играютъ, а человѣкъ пять обступили и съ любопытствомъ смотрятъ. Въ одеждѣ ихъ смѣсь полная: тутъ и саперы, тутъ и простая пѣхота, тутъ и казаки, и драгуны! Однимъ словомъ, чего хочешь, того и просишь.

— Го! го! го! опять пятокъ! хохочутъ наблюдающіе, такъ спокойно, весело, точно у себя дома въ деревнѣ. Очевидно, имъ теперь никому и въ голову не приходитъ, что, можетъ быть, еще въ нынѣшнюю же ночь имъ придется столкнуться гдѣ-нибудь въ лѣсу, въ ущельѣ, съ непріателемъ и лечь костью.

Какъ разъ возлѣ дверей, гдѣ я стою, головою къ свѣту разлегся на спинѣ здоровенный рябой дѣтина. Опъ держитъ въ рукахъ растрепанный молитвенникъ, и на гласъ 8-ой съ истиннымъ наслажденіемъ папѣваетъ вполголоса: «На божественной стражѣ богоглаголивый Аввакумъ да станеть»...

— Здорово, братцы! — кричу имъ, входя въ баракъ.

Моментально, точно ужаленные, вскакиваютъ они.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе! — раздастся по казармамъ веселый отвѣтъ.

Карты спрятаны, молитвенникъ тоже улетѣлъ куда-то въ сторону.

— Скоро своихъ ждете?

— Такъ точно, сегодня вечеромъ прапорщикъ общались быть!

И иду дальше. Нѣкоторое время въ баракѣ сохраняется тишина, но вскорѣ опять слышу тотъ же настойчивый, заунывный голосъ: «Да станеть съ нами и покажетъ».

Вотъ поди же, какъ этотъ молодецъ старательно распѣваетъ божественное!—разсуждаю про себя.—А попадись ему неосторожный текинецъ, живо подстрѣлить.

Вслѣдствіе того, что въ Бендесенской долинь былъ такой чудный подножный кормъ, Скобелевъ рѣшилъ устроить здѣсь лазаретъ для больныхъ верблюдовъ. Къ этому времени отъ усиленной перевозки тяжестей, а главное—отъ неумѣнія солдатъ обращаться съ этими животными, верблюды начали падать у насъ въ транспортахъ и караванахъ ежедневно, чуть не сотнями. Главная болѣзнь заключалась въ томъ, что горбы ихъ отъ неумѣлой навьючки сбивались, и образовывались раны. Затѣмъ, благодаря жарѣ, раны эти быстро превращались въ громаднѣйшія гнѣзда червей и гноя, отчего верблюдъ и погибалъ. И стали ихъ ко мнѣ пригонять сотнями. Медленно, шагъ за шагомъ, точно выныривали мои бѣдные пациенты изъ тѣснаго ущелья и широко расплывались по зеленой долинь, вытянувъ свои длинныя шеи и пугливо поглядывая по сторонамъ. Многихъ удалось намъ вылечить, но больше того, во много разъ, перекопѣло. Закапывать ихъ было очень трудно. Воздухъ заражался на далекое пространство.

Тяжелое мнѣ было житье здѣсь въ первое время, пока я не свылся со своимъ положеніемъ. Днем томительная жара. На градусникъ хоть и не смотри,

навѣрное около 50° по Реомюру. Ночью одолѣвала боязнь, какъ бы непріятель не напалъ, да не изрубилъ сонныхъ. Въ особеннсти я сталъ опасаться послѣ того, какъ текинцы напали на сосѣднее укрѣпленіе Хаджамъ-Калу, верстахъ въ 20-ти отъ меня.

Помню, лежишь, бывало, ночью на своей койкѣ, какъ есть не раздѣваясь, и тревожно прислушиваешься, не раздастся ли гдѣ съ секретовъ выстрѣлъ. Но что хуже текинцевъ разстраивало мнѣ нервы, такъ это шакалы. Каждую ночь обязательно, сейчасъ же послѣ восхода луны, подымался у нихъ возлѣ лагеря концертъ, да такой, что просто мурашки забѣгаютъ по тѣлу. Концертъ этотъ невозможно передать: онъ не поддается описанію.

Разъ какъ-то сижу въ своей кибиткѣ, вдругъ входитъ пожилой маіоръ, лѣтъ 55-ти. Фамилія ему была Бекузаровъ. Средняго роста, широкоплечій, съ небольшою черной бородкою. Китель бѣленькій, черезъ плечо пашка на черной португѣ. Маіоръ является мнѣ и говоритъ, что онъ командированъ въ Бендесены завѣдывать верблюжьимъ лазаретомъ. По загорѣлому, шидроватому лицу его, съ крупными чертами, видно было, что человѣкъ этотъ много перенесъ на своемъ вѣку. Онъ оказался туркестанцемъ и почему-то сразу мнѣ понравился. Я предложилъ ему пока поселиться въ моей кибиткѣ. Поставили койку, и мой маіоръ живо устроился. Живетъ педѣлю другую.

Однажды послѣ зари собираемся мы спать. Несмотря на дневную жару, почи здѣсь бывали свѣжія. И вижу я, при свѣтѣ огарка, вставленнаго въ бутылку изъ подъ сельтерской воды, какъ мой Беку-

заровъ съ великимъ оханьемъ и кряхтеньемъ укрывается буркою, дабы пигдѣ не дуло.

— Да ну, маіоръ, полно вамъ, сейчасъ и спать! Расскажите лучше что-нибудь про ваши туркестанскіе походы! Не встрѣчались ли вы тамъ гдѣ-нибудь съ нашимъ Скобелевымъ? Вѣдь онъ тоже дѣлалъ походы съ Кауфманомъ.

— Какъ не встрѣчался!—удивленно восклицаетъ онъ, приподымаетъ голову отъ подушки и смотреть на меня своимъ грубымъ, добродушнымъ лицомъ, съ толстымъ какъ картошка носомъ.

— Развѣ я вамъ не рассказывалъ!—оживленно кричить онъ, и снова опускается на постель.—Вѣдь мы съ нимъ товарищи были. Въѣстъ Хивинскій походъ дѣлали. Онъ чуть было разъ совѣмъ не погибъ въ одномъ мѣстѣ.

— Какъ такъ?

— Да такъ!—и затѣмъ, понизивъ голосъ, предупредительно говорить:

— Пускай только «чакалки» отвоюютъ!—Дѣйствительно, въ эту самую минуту «чакалки» исподволь, одинъ за другимъ, затягивали свой дьявольскій концертъ: сначала одинъ тявкнетъ, потомъ другой, третій, четвертый, и все на разные голоса, и вѣдь, казалось, такъ близко, что даже явственно раздавалось щелканье ихъ голодныхъ челюстей одна о другую. Затѣмъ вдругъ, точно по командѣ, сотни этихъ голосовъ сливались въ одинъ ужасный вой. И пошла потѣха. У меня невольно мурашки пробѣгали по тѣлу во время этой музыки. Когда все это кончилось, сожитель мой начинаетъ:

— Я былъ тогда штабсъ-капитаномъ и командовалъ ротой. Кромѣ того у меня была еще сотня казаковъ и одно орудіе. Мы развѣдывали хивинцевъ. Вдругъ на одномъ привалѣ нагоняетъ меня молодой гвардеецъ, офицеръ. Высокій, стройный блондинъ. Лошадь отличная, какъ сейчасъ вижу, рыжій жеребецъ. Позади слѣдовалъ проводникъ, тоже изъ хивинцевъ. Такой шустрый, глаза такъ и бѣгаютъ, какъ у рыси, небольшого роста, худенькій.

— Не помните ли, какъ его звали! — съ интересомъ восклицаю я, — можетъ быть, Нефесъ Мергенъ?

— Кажись, что такъ! — отвѣчаетъ рассказчикъ.

— Ну, такъ онъ теперь здѣсь, джигитами при генералѣ завѣдуетъ, говорю я. — Бородака у него рѣденькая, точно кто выщипалъ.

— Честь имѣю, говорить, явиться, капитанъ Скобелевъ, прикомандированъ къ вашему отряду, — продолжаетъ рассказывать майоръ.

— Что съ нимъ дѣлать, думаю. Пускай себѣ идетъ вмѣстѣ. Ладно, — трогаемся дальше. И вижу я, что моему капитану все отличиться хочется. Такъ вотъ все и пристаётъ ко мнѣ: — позвольте, капитанъ, я вамъ розыщу непріятеля. Позвольте мнѣ только хотя изводъ казаковъ. — А чего ему дать, коли они всѣ обезпожили.

Ужъ не помню теперь, какимъ только образомъ, на одномъ переходѣ отдѣлился онъ отъ насъ со своимъ проводникомъ и пропалъ. Приходимъ на привалъ, — пѣтъ моего капитана. Какъ быть, гдѣ искать? Вдругъ смотримъ — скачетъ его проводникъ и машетъ намъ своею шапкой. Бросаемся за нимъ, и находимъ бѣднаго Скобелева. Лежитъ онъ въ тѣни, между двумя

курганами безъ всякаго движенія. Лицомъ въ песокъ, руки распростерты и вся спина исколота, какъ рѣшето. Ну, такъ и плаваетъ въ крови. Скорѣй давай его отхаживать, обмывать водою,—ничего, слава Богу, ожить.

Потомъ, какъ поправился, разсказалъ онъ мнѣ слѣдующее: проводникъ сообщилъ ему, что въ такомъ-то мѣстѣ скопилась шайка хивинцевъ. Ну, ему и захотѣлось, прежде чѣмъ донести объ этомъ, самому лично удостовѣриться. Поѣхалъ, да и попался. Хорошо, что еще послушался проводника, соскочилъ съ лошади, да подъ кошму спрятался. Ну, шайка и пронеслась мимо. Но нѣкоторые все-таки спрашивали проводника, чѣмъ у него подъ кошмою, и, не вѣря, что ничего нѣтъ, на всякій случай прокалывали ее шашками насквозь. Скобелевъ же, собравъ всѣ свои силы, лежалъ ни живъ, ни мертвъ и, чтобы не крикнуть, закусилъ губы. Конечно, онъ все это устроилъ въ надеждѣ, что ежели откроетъ хивинцевъ, получить за это Георгія. Ужъ очень хотѣлось ему заслужить его!

— Ох-о-о-охъ-охъ-охъ! — сладко зѣваетъ разсказчикъ и усиленно скребетъ въ головѣ.

— Были, были когда-то мы товарищами! Только онъ-то вотъ въ генералы выскочилъ, войсками командуетъ, а я-то все еще въ маіорахъ сижу,—верблужимъ лазаретомъ завѣдую.

Послѣднюю фразу Бекузаровъ тянетъ сонливымъ, безсвязнымъ тономъ и плотнѣе закутывается буркою.

— Ну, и что-же, получилъ онъ Георгія за это дѣло?—спрашиваю Бекузарова.

Отвѣта нѣтъ.

— Маіоръ!!! слышите? получилъ онъ Георгія?—
кричу громче.

Отвѣта все нѣтъ.

— Экъ его, ужъ успѣлъ уснуть!—ворчу я недовольнымъ тономъ, тоже завертываюсь въ бурку и засыпаю.

Ч И Н О В Н И К Ъ.

Это случилось уже зимой, когда все наши силы сосредоточились въ Игинь-Батырь-Калѣ, или, какъ впослѣдствіи мы переименовали ее, въ Самурскомъ укрѣпленіи. Отсюда Скобелевъ очень часто производилъ рекогносцировки крѣпости Геокъ-Тепе.

Дѣлалъ онъ это, конечно, съ цѣлью, какъ можно лучше изучить мѣстность, а также и самую крѣпость, которую, въ концѣ концовъ, все-таки намъ предстояло брать штурмомъ.

Рокогносцировки эти были опасныя, и всегда кончались нѣсколькими убитыми и ранеными. Производились онѣ такимъ образомъ: съ вечера, обыкновенно, отдавался приказъ по войскамъ, какія части назначены къ выступленію. А затѣмъ, намъ, штабнымъ, предлагалось участвовать всѣмъ, кто не занятъ какимъ-либо особымъ порученіемъ.

Какъ разстояніе до крѣпости было около 12-ти верстъ, то выступленіе происходило обыкновенно часовъ въ 7—8 утра.

Какъ сейчасъ помню, шелъ декабрь мѣсяцъ. Стою я однажды, утромъ, совсѣмъ готовый, чтобы сѣсть на лошадь, и смотрю со стѣнки на приготовленія къ выступленію. День отличный, солнечный, не жаркій.

Въ лагерѣ оживленіе. Раздаются команды, крики, голоса.

Спѣшенныя казачьи сотни, одна за другой вытягиваются изъ садовъ, и выстраиваются за лагерьемъ, по направленію къ Геокъ-Тепе.

Вопъ ко мнѣ подходитъ, своей развалистой походкой, товарищъ мой Эрдели. Широкая борода его такъ отросла, что почти и лица не видно. Эрдели въ сѣромъ пальто, сверху бурка, на груди, такъ-же какъ и у меня, болтается пестрый форменный шнуръ отъ револьвера. На боку шанка.

— Кажется, у насъ сегодня будетъ настоящая генеральская рекогносцировка!—съ нѣкоторой ироніей, басисто кричитъ онъ мнѣ. Мы здороваемся.

— А почему?—спрашиваю его.

— Да полюбуйся: четыре генерала, и чуть не всѣ начальники отдѣльных частей сопровождать насъ будутъ.

— Какъ четыре генерала?

— Да такъ, Скобелевъ, Гродековъ *), Петрушевичъ и Анпенковъ,—перечисляетъ онъ, причемъ широко ухмыляется своимъ бородатымъ лицомъ.

— Но только вотъ что, по моему это неосторожно со стороны генерала!—въ полголоса говорить онъ.

Эрдели любитъ конспирировать.

— Обрати вниманіе, мы идемъ съ одной кавалеріей, и даже безъ артиллеріи. Какъ-бы намъ текинцы не выпали.

Оглядываюсь, — дѣйствительно, ни нѣхоты, ни артиллеріи не видно.

*) Гродековъ только что передъ тѣмъ получилъ генерала за рекогносцировку 4-го декабря.

Въ это время изъ садовъ показывается стройная фигура Скобелева, на сѣрой въ яблокахъ лошади. Лѣвѣй его виднѣется небольшая фигура генерала Анненкова, за нимъ представительная фигура Петрусевича, съ большой рыжей бородой. Потомъ показывается и начальникъ штаба Гродековъ, и рядомъ съ нимъ полковникъ Куронаткинъ. Сзади тѣснится конвой, съ отряднымъ значкомъ, изъ пестрой индѣйской матеріи. Какъ уже я говорилъ въ своихъ запискахъ, значекъ этотъ прислалъ Скобелеву, изъ Парижа, братъ мой Василій, взамѣнъ изстрѣляннаго въ лохмотья въ Турецкую кампанію.

Скобелевъ добродушно разговариваетъ то съ однимъ генераломъ, то съ другимъ.

— Здорово, братцы! Здорово, братцы! — раздается его зычный голосъ.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! — дружно перекачивается въ войскахъ отвѣтный возгласъ.

Мы присоединяемся съ Эрдели къ своимъ, и ѣдемъ за генераломъ.

Только что мы выѣхали за лагерь, какъ къ Скобелеву подъѣзжаетъ одинъ чинovníкъ, находившійся при отрядѣ, высокій, представительный, въ очкахъ.

Прикладывая руку къ козырьку, онъ что-то убѣдительно начинаетъ объяснять въ полголоса.

— Пожалуйста! Пожалуйста! Я буду очень радъ! Ежели вы свободны! Можете ѣхать съ нами! Посмотрите, какъ мы будемъ дѣйствовать! — весело и чуть улыбаясь, отвѣчаетъ ему командующій войскамъ, и слегка жметъ ему руку. Послѣ чего, даетъ лошади шпоры, и съ мѣста-же пускается галопомъ. Мы всѣ спѣшимъ за нимъ. Земля влажная, — пыли нѣтъ. Воз-

духъ свѣжій, чудный. Не жарко. Солнце ярко освѣщаетъ окрестности.

— Это что-же чиновнику-то надо?—спрашиваю я Эрдели въ полголоса, стараясь ѣхать рядомъ съ нимъ.

— Да, видно, любитель сильныхъ ощущеній. Хочетъ испытать себя, каково быть подъ пулями,—улыбаясь отвѣчаетъ тотъ, послѣ чего сердито дергаетъ за поводъ своего вороного, толстомордаго иноходца, который все горячился.

Впереди насъ далеко скачутъ наши джигиты, по обыкновенію, освѣщая мѣстность. Мы отѣхали версть девять. Генераль останавливается на пригоркѣ. Глазамъ нашимъ, въ верстѣ разстоянія, представляются обширные сады съ маленькой глиняной калой (крѣпостцой). Сады пересѣчены низенькими глиняными-же стѣнками. Мѣстность эта называется Инги-Кала. Она служитъ какъ-бы пригородомъ къ самой крѣпости Геокъ-Тене, которая находится версты двѣ лѣвѣе.

Вслѣдствіе того, что мы все время ѣхали рысью изъ Самурскаго, непріятель насъ замѣтилъ только тогда, какъ мы уже почти совсѣмъ близко подѣхали къ Инги-Калѣ. Но вотъ раздается съ холма Денгиль-Тепе запоздалый вѣстовой выстрѣлъ. Въ Геокъ-Тене подымается тревога. Зачернѣли ихъ стѣны отъ тысячей защитниковъ, а затѣмъ, разглядѣвши хорошенько, гдѣ мы находимся, густыми массами бросаются занимать сады Инги-Калы. Пули начинаютъ посвистывать надъ нашими головами. Оглядываюсь назадъ, смотрю—Самурскаго укрѣпленія почти не видно. Только сады чуть чернѣютъ. Конные текинцы вытянулись позади насъ на приличной дистанціи въ

длинную линію, и какъ бы громадной подковой намѣреваются отрѣзать намъ отступленіе.

Скобелевъ попеременно разговариваетъ съ начальниками частей, и каждому изъ нихъ подробно разъясняетъ его задачу въ предстоящемъ штурмѣ.

Вечерѣтъ. Рекогносцировка кончилась благополучно. Убитыхъ нѣтъ. Мы возвращаемся назадъ, по обыкновенію преслѣдуемые непріятелемъ чуть не до самаго лагеря. Раненыхъ у насъ оказалось всего 4 человека, въ томъ числѣ генераль-лейтенантъ Анненковъ. Онъ былъ раненъ въ руку. Наступаетъ ночь. Люди послѣ рекогносцировки крѣпко утомились. Лагерь погружается въ глубокій сонъ. Вдругъ, среди общей тишины, раздаются раздирающіе душу крики: «Ой-ой-ой!...» — кричитъ все одинъ и тотъ-же голосъ, безъ передышки, не переставая. Но вотъ, — тише, тише и наконецъ умолкаетъ. Тишина въ лагерьѣ возобновляется. Проходитъ такъ съ часъ времени. Вдругъ опять раздаются тѣ-же отчаянные крики. Слышу, рядомъ со мною, въ кибиткѣ, ворчитъ чей-то недовольный голосъ.

— Кто это такъ отчаянно оретъ! Точно кто его душисть, вѣдь спать невозможно!

На другой день встрѣчаю пріятеля моего Ушакова.

— Михаилъ Ивановичъ, не знаете-ли, кто это ночью такъ оралъ? говорю ему. Просто всему лагерю спать не давалъ.

— А это тотъ самый чиновникъ, который просился у генерала сопутствовать намъ вчера въ рекогносцировку. Онъ думалъ, тамъ весело будетъ. Прокатится и, когда захочетъ, вернется назадъ. А какъ пули стали свистать надъ нимъ, онъ и поблѣднѣлъ, затрясся, и давай умолять всѣхъ, какъ бы ему назадъ

попасть въ Самурское. Ему и говорятъ: оглянитесь, посмотрите, можете-ли вы одни проѣхать? Смотрить, — сзади стоятъ текинцы сплошной стѣной. А тутъ на бѣду Скобелевъ еще впередъ къ Геокъ-Тене сталъ подвигаться. И вотъ ему, бѣдному, хочешь не хочешь, пришлось цѣлый день пробыть подъ пулями. Это такъ подействовало на него, что, вернувшись домой, онъ слегъ въ постель и цѣлую ночь прокричалъ. Все текинцы грезилась, — смѣясь добавляетъ Михаилъ Ивановичъ.

Но одной этой ночью не кончилось. Бѣдный чиновникъ мой сталъ такъ кричать по ночамъ, что для спокойствія лагеря его пришлось перевести въ другое укрѣпленіе. А затѣмъ, какъ я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, съ нимъ вскорѣ приключился ударъ, и онъ умеръ.

Штурмъ Геокъ-Тепе.

12-го января.

«Станція Геокъ-Тепе! Поѣздъ стоитъ 10 мин.!» — монотонно восклицаетъ кондукторъ, переходя изъ вагона въ вагонъ. Сонный пассажиръ равнодушно высматривается изъ окна, смотритъ по сторонамъ на выжженную солнцемъ песчаную степь, и мирно направляется въ буфетъ, выпить стаканъ чаю. Опъ и не подозреваетъ, какія ужасныя минуты переживало самое это Геокъ-Тепе всего какихъ-нибудь 18 лѣтъ тому назадъ.

Въ то, столь еще недавнее время, здѣсь не только что желѣзной дороги не существовало, но даже ни конному, ни пѣшему проходу не было. Кто бы только ни сунулся сюда изъ европейцевъ, опъ неминуемо рисковалъ попасть къ безжалостнымъ текинцамъ. А тѣ живо набили бы ему па ноги колодки и посадили бы молотъ пшеницу на ручныхъ жерновахъ. И такъ, вернемся нѣсколько назадъ.

Ночь на 12-е января 1881 г. нашъ маленькій отрядъ тѣсно сгучился въ траншеяхъ, почти подъ самыми стѣнами крѣпости. А стѣны здоровыя, глипо-

битныя, сажени 3—4 вышиной, да почти такой же и толщины въ основаніи.

Еще за нѣсколько дней до штурма, непріятель замѣтилъ, по усиленному передвиженію войскъ, перепоскѣ по траншеямъ штурмовыхъ лѣстницъ и вообще по необыкновенному оживленію, что у насъ творится что-то особенное. Въ свою очередь, и онъ сталъ готовиться къ отчаянной оборонѣ.

Необходимо сказать, что, всего за недѣлю передъ штурмомъ, текинцы произвели на нашъ лагерь свою послѣднюю и самую рѣшительную вылазку, съ цѣлью перерубить всѣхъ столь ненавистныхъ имъ «гяуровъ». Тысячъ десять челоувѣкъ, въ однихъ рубахахъ, босикомъ, съ шашкой на голо, пользуясь полнѣйшей темнотой, какъ бываетъ здѣсь между закатомъ солнца и восходомъ луны, подкрались-было къ лагерю и, съ злоувѣщимъ крикомъ: Ала! Ала! бросились рубить направо и налево. Минута была ужасная. Но предшествовавшія двѣ несчастныя для насъ вылазки не прошли безслѣдно. Скобелевъ принялъ всѣ мѣры предосторожности. Честь отбитія вылазки на лѣвомъ флангѣ выпала на долю 3-го баталіона Ставропольскаго полка, а въ центрѣ Ширванскому редуту, который занимали туркестанцы. Вылазка вездѣ была отбита съ громаднымъ уропомъ для непріятеля. Дѣло это имѣло большое вліяніе на наши войска. Оно страшно ободрило ихъ, и сдѣлало просто непобѣдимыми.

11-го января подкопъ подъ непріятельскую стѣну, который мы такъ упорно вели, былъ готовъ, и 72 пуда пороху заложено. Оставалось только соединить электрическіе проводы. На 12-е января назначенъ штурмъ Геокъ-Тепе. Штурмъ этотъ велся 3-мя колоннами: 1-я—подъ начальствомъ полковника Куропаткина,

2-я—полковника Козелкова, и 3-я, самая маленькая,— подполковника Гайдарова. Остальные силы сосредоточивались въ рукахъ Скобелева.

Помню, когда мнѣ пришлось двинуться съ демонстрирующей на мельничную калу колонной подполковника Гайдарова, рано утромъ, на душѣ чувствовалось какъ-то неловко. Это происходило не отъ робости, а просто отъ того, что ночныя движенія вообще непріятны.

Мы всѣ идемъ первое время сонные, недовольные. Всѣмъ хотѣлось бы еще поспать. Сначала мы двигаемся почти въ совершенной темнотѣ, и затѣмъ, не доходя такъ саженьей 300 до мельничной калы, останавливаемся ждать разсвѣта.

Въ то время, какъ мы стоимъ тутъ, мнѣ невольно думается: какъ-то наши бросятся на штурмъ? Самая большая колонна Куропаткина. Въ ней одиннадцать ротъ. Вѣдь это почти цѣлый полкъ. Въ Азіи это сила большая. На Куропаткина-то я вполне надѣялся. Лишь бы только не убили его, а ужъ онъ не отступить. Еще въ турецкой войнѣ наглядѣлся я на него. Козелковъ тоже, кажется, постоитъ за себя. 4-го января, при вылазкѣ текинцевъ, вѣдь, его ставропольцы, главнымъ образомъ, отбили атаку. Въ Гайдаровѣ я почему-то тоже не сомнѣвался. Мнѣ казалось, стоило только взглянуть на его энергичное бронзовое лицо, съ сѣдыми нависшими бровями, изборожденное морщинами, дабы убѣдиться въ томъ, что человѣкъ этотъ не знаетъ отступленія. Ну, а главными силами командовалъ самъ Скобелевъ. Вообще, въ пачальникахъ я былъ увѣренъ, войска же, послѣ 4-го января, такъ и рвались покончить съ непріателемъ.

Ни одно сраженіе въ Европейской Турціи, ни одинъ штурмъ, даже не исключая и самого штурма Ловчи, столь близкаго миѣ, не произвелъ на меня такого захватывающаго интереса, какъ штурмъ Геокъ-Тепе.

Произошло это, вѣроятно, отъ того, что тутъ столкнулись: съ одной стороны грубая физическая сила, въ лицѣ 40 тысячъ защитниковъ, съ другой совершенство оружія, и всего 6 тысячъ атакующихъ. Кроме того, вся обстановка здѣсь была какая-то поэтически увлекательная: эти сотни текинцевъ, ежедневно гарцовавшіе вокругъ своей крѣпости, въ своихъ коричневыхъ халатахъ, черныхъ мохнатыхъ шалкахъ, на роскошныхъ аргамакахъ. Самыя стѣны крѣпости—длинные, сѣрые, зубчатые, этотъ подкопъ, штурмовыя лѣстницы, фашины, туры—все это невольно переносило къ среднимъ вѣкамъ.

Въ европейской войнѣ такой обстановки уже не встрѣтишь. Тамъ непріятель не будетъ гарцовать вокругъ стѣны, а спрячется за брустверъ и начнетъ стрѣлять за 5 версты.

Тутъ не то. Вонъ смотри, гдѣ ея стѣны! Вонъ какъ близко—и версты не будетъ! Наша батарея начинаетъ стрѣлять по мельничной калѣ, которую мы должны штурмовать. Вскорѣ въ одномъ мѣстѣ она обваливается и образуетъ окно. Проходитъ еще съ часъ времени, и наша пѣхота быстро направляется занимать калу. Я же долженъ былъ скакать къ артиллеріи, дабы передать приказаніе Гаїдарова: переменить цѣль и стрѣлять по крѣпости.

Когда я догналъ пѣхоту у калы, насъ осыпали пулями со стѣны Геокъ-Тепе. Суглинистая почва кру-

томъ была такъ жестка и тверда, что можно было отчетливо видѣть крупныя, съ грецкій орѣхъ величиной, фалькопетныя пули, рикопетирующія вокругъ нашихъ ногъ.

Но вотъ мы въ калѣ. Это небольшое пространство, сажень 40 квадратныхъ, обнесенное глиняными полуразвалившимися стѣнами. Та самая стѣнка, которую мы такъ старательно стремились разрушить, теперь очень намъ пригодилась. Мы всѣ бросаемся подъ ея защиту. Я же прильнулъ къ ней лицомъ и съ лпхорадочнымъ интересомъ гляжу сквозь небольшое отверстіе, что дѣлается у непріятеля.

Стѣны Геокъ-Тепе отъ насъ всего сажень на сто. Гребень ихъ сплошь покрытъ непріателемъ. Въ рукахъ у нихъ виднѣются какіе-то значки, съ конскими хвостами, пикн, рогатины, копыя, а всего больше ружья съ рогатками. Отсюда даже можно различить лица защитниковъ. Они свирѣпо смотрятъ на насъ и, очевидно, даже и въ мысляхъ не держатъ просить «пардону». По сію минуту они вполне увѣрены въ побѣдѣ. Тысяча ихъ скопилось на стѣнахъ противъ насъ, и съ удивленіемъ смотрятъ, что мы думаемъ предпринять.

Между тѣмъ, на противоположномъ концѣ крѣпости, тамъ, гдѣ залегли наши главныя силы, начинается ожесточенная канонада изъ брешь-батарей, въ 35 орудій. Батарея эта была расположена всего въ какихъ-нибудь 400 саженьяхъ отъ стѣнъ, на самыхъ тѣсныхъ интервалахъ. За полчаса до взрыва мины, батарея должна была открыть наисильнѣйшій огонь по одной и той же цѣли, т. е. сбивать гребень стѣны на случай, ежели бы взрывъ мины былъ неудаченъ и недостаточно разрушилъ стѣну.

Дѣйствительно, огонь съ нея былъ адскій. и брешь въ стѣпѣ быстро была доведена до конца. Изъ нашей мельничной калы орудія тоже стрѣляютъ. Дымъ затянулъ все пространство внутри калы. Смотрю кругомъ—люди наши точно въ туманѣ. Подъ прикрытіемъ стѣнки они чувствуютъ себя прекрасно. О неудачѣ ни у кого и мысли нѣтъ. Да, правду сказать, за послѣднее время я вообще ни отъ кого не слыхалъ малѣйшаго сомнѣнія въ успѣхѣ штурма. Этому, какъ я полагаю, главнымъ образомъ содѣйствовала рекогносцировка 6-го іюля, гдѣ Скобелевъ всего съ 800 человекъ налетѣлъ изъ-за 120 верстъ на Геокъ-Тепе и, осмотрѣвъ его, безнаказанно ушелъ. Затѣмъ послѣдняя отбитая вылазка 4-го января.

Какъ бы то ни было, но я теперь вижу все довольныя лица у солдатъ. Они шутятъ себѣ, отпускаютъ остроты, и, согнувшись, остороженненько, дабы какал шальная пуля не задѣла, перебѣгаютъ съ одного конца калы на другой, чтобы поболтать. Вообще послѣднія минуты передъ штурмомъ мы проводимъ съ великимъ интересомъ, при чемъ всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ взрыва. Начальство и офицеры скопились около того мѣста, гдѣ я стою, и смотрятъ въ ту сторону, гдѣ долженъ быть взрывъ. Вонъ, вправо отъ меня стоитъ бравый фельдфебель съ красивыми бакенбардами. Онъ самодовольно вытаскиваетъ изъ за борта мундира серебряную луковицу на толстой серебряной цѣпочкѣ, и какъ бы про себя, но такъ, что я хорошо слышу, говорить: еще минутъ десять до взрыва осталось!—послѣ чего старательно прячетъ луковицу на прежнее мѣсто. Но вотъ кто-то маршь-маршемъ скачетъ къ намъ изъ лагеря. Ближе, ближе, — оказывается начальникъ штаба Гродековъ. Онъ привезъ извѣстіе Гайдарову, что сей-

часть будетъ взорвана мина и, чтобы мы одновременно атаковали стѣны Геокъ-Тепе.

Еще до взрыва, отъ одной ужасной канонады осадныхъ батарей, текинцы оробѣли. Кучками спускаются въ ровъ, и по дну его съ наружной стороны украдкой пробираются мимо насъ. Вотъ опъ, я вижу одного. Опъ скрючился въ три погибели, и ползкомъ-ползкомъ карабкается мимо нашей калы, при чемъ съ ужасомъ на своемъ бородатомъ черномъ красномъ лицѣ, озирается въ нашу сторону. Коричневый халатъ его распахнулся, черная панаха съехала на затылокъ. Сзади его еще двое, — вонъ еще! и еще! Вдругъ земля подъ нами заколыхалась. Въ ушахъ загудѣло, всѣ мы бросаемся къ стѣнкѣ калы. Взорамъ нашимъ представляется громадный темный столбъ дыму и огня, перемѣшанный съ пескомъ. Столбъ этотъ взвивается все выше и выше, при чемъ, почти на самой вершинѣ его я отчетливо вижу человѣческую фигуру въ сидячемъ положеніи, какъ бы намѣревающуюся улетѣть за облака. Картина эта удивительно напомнила мнѣ лубочное изображеніе — поднятіе Эноха живымъ на небо. Мы точно шальные бросаемся изъ-за нашей засады. Какъ поднесли лѣстницы къ стѣнамъ, какъ ихъ поставили — я и не видалъ. Меня вмѣстѣ съ прочими точно вѣтромъ взнесло на гребень стѣны. Гляжу съ высоты на непріятельскій курганъ, эту завѣтную твердыню текинцевъ, и къ великому изумленію своему, вижу, что на самой вершинѣ его уже водруженъ нашъ государственный штандартъ. Полотно его широкое, оранжевое, съ чернымъ двуглавымъ орломъ посерединѣ, весело развѣвалось по вѣтру.

Эффектъ взрыва мины былъ ужасный. Ошеломленный непріятель съ страшнымъ воємъ, густыми тол-

памп валимъ со стѣпъ внутрь крѣпости. Торжествующее «ура» ясно доносилось до нашихъ ушей. Непріятель, очевидно, сбитъ со своей позиціи. Побѣда полная.

Ура! Ура! Ура! — вторимъ мы нашимъ и, какъ угорѣлые, бросаемся со стѣпъ преслѣдовать текинцевъ.

Послѣ штурма Геокъ-Теле.

Весело развѣвается по вѣтру нашъ штандартъ на самой вершинѣ кургана Денгиль-Теле *) и какъ бы хочетъ оповѣстить всему міру, что отнынѣ война здѣсь окопчена, и что эта твердыня текипцевъ принадлежитъ уже Русскому царю.

Но война какъ будто еще не совсѣмъ кончилась. Вонъ тамъ, далеко впереди, что-то творится. Я стою возлѣ штандарта и пристально смотрю въ бинокль. Это самъ командующій войсками, генералъ Скобелевъ, во главѣ дивизіона драгунъ и одной казачьей сотни, съ шашками на-голо, во весь карьеръ гонится за бѣжавшимъ непріятелемъ. Черной, узкой, безконечнодлинной полосой растянулись текинцы по желтой песчаной равнинѣ. Они спасаются въ свои родные пески. Позади драгунъ и казаковъ остается такая же черная узкая полоса людей, но уже не живыхъ, а мертвыхъ. Только женщинъ да дѣтей щадятъ. Первыя, желая спасти своихъ мужей, пытаются прикрывать ихъ своими юбками. Но и это не помогаетъ. Гяуры догадались: срываютъ юбки—и безжалостная шашка отдѣляетъ голову притаившагося отъ трепещущаго туловища.

*) Такъ звали текинцы самый центръ своей крѣпости Геокъ-Теле.

Уже 15 верстъ пронесся Скобелевъ съ кавалеріей. Тысячи труповъ лежатъ слѣдомъ за ними. Наконецъ, по выраженію Лермонтова, «рука бойцовъ колоть устала» — и Скобелевъ приказываетъ трубить отбой. Вотъ онъ скачетъ назадъ мимо меня, по за стѣнами, въ мундирѣ, при орденахъ и аксельбантахъ. Радостный, гордый побѣдой, точно самъ богъ войны. Да какъ и не радоваться. Этотъ день, конечно, счастливѣйшій въ его жизни. Завѣтная мечта его — когда-либо столкнуться съ красными мундирами на границѣ Индіи — повидимому приближалась къ осуществленію. Взятіемъ Геокъ-Тепе, какъ выражался вполнѣдствіи Скобелевъ, мы открыли себѣ туда ворота.

Вотъ уже онъ объѣзжаетъ кругомъ крѣпости, вносятся по трупамъ въ проломъ стѣны и наконецъ галопомъ въѣзжаетъ на курганъ.

— Вы назначаетесь комендантомъ Геокъ-Тепе! Извольте взять крѣпость въ свое распоряженіе, да слѣдите, чтобы не творилось никакихъ безобразій! — кричать мнѣ генераль.

Я сажусь на лошадь и ѣду. Было около трехъ часовъ пополудни. Главный пылъ преслѣдованія уже затихъ: кой-гдѣ только еще раздавались одиночныя выстрѣлы. Солдаты толпами шиняли по крѣпости, перебѣгая отъ кибитки къ кибиткѣ и съ ворохами разной добычи, счастливые, направлялись во-свои.

— Вотъ тебѣ и задача! — разсуждаю про себя. Только что отдали крѣпость на разграбленіе солдатамъ на 3 дня, а теперь приказываютъ слѣдить, чтобы не творилось никакихъ безобразій. Какъ тутъ согласовать эти приказанія?

Ѣду въ лагерь, забираю вещи, и возвращаюсь со своимъ казакомъ въ крѣпость. Здѣсь, недалеко отъ

взорванной стѣны, на ровной площадкѣ, уже расположилась одна полубатарея, 3 роты пѣхоты и сотня казаковъ. По близости ихъ помѣщалось и я. Приказываю выбрать чистую новую кибитку. Выборъ былъ большой. Около 15 тысячъ ихъ стояло свободныхъ. Но только почти всѣ онѣ были наполнены трупами. Въ нѣкоторыхъ находили по десяти и болѣе труповъ. Минѣ солдаты доставили одну, такую просторную, что хоть танцуй въ ней.

Но вотъ наступать и почъ — первая послѣ штурма. Надо бы хорошенько заснуть, отдохнуть. А между тѣмъ кругомъ и взглянуть страшно. Что ни шагъ, то трупы. Отовсюду, я знаю, торчатъ мертвыя головы, руки, ноги: мужчины, женщины, дѣти. Но вмѣстѣ съ симъ сознаешь, что крѣпость взята и мы побѣдили. Мысль эта чрезвычайно успокоительно, отрадно дѣйствуетъ на нервы. Невольно чувствуешь, что самая главная задача окончена, и что вмѣстѣ съ ней опасность быть убитымъ или раненымъ миновала.

Передъ тѣмъ, чтобы лечь спать, я еще разъ выхожу изъ палатки. Небо ясное. Кругомъ крѣпости высоко вздымаются багровые костры, осыпая пространство тысячами искръ. Войска ликуютъ. Смѣхъ и веселые разговоры долетаютъ до моихъ ушей. Кое-гдѣ съ трескомъ лопаются попавшіе подъ костры ружейные патроны. Изъ воздухъ тянетъ дымомъ и гарью.

Осторожно зову дежурнаго, спрашиваю, посланы ли разъѣзды, разставлены ли посты, затѣмъ вхожу въ кибитку и ложусь на текинскій коверъ. Но что это такое!.. отъ него сильный трупный запахъ. Трогаю рукой, — сырость какая-то. Осматриваю съ огнемъ: одинъ край его весь въ крови. Скорѣй выкидываю коверъ

вонъ и, закрывшись слуха буркой, съ легкимъ сердцемъ засыпаю.

Трудно описать тѣ чувства, которыя человекъ испытываетъ послѣ взятія крѣпости, столь долго и съ такимъ трудомъ осаждаемой. Ихъ можетъ только понять участникъ штурма. Горделиво рассказываетъ онъ на другой день по стѣнамъ и осматриваетъ окрестности. Припоминаетъ—гдѣ что творилось, при чемъ невольно сознаетъ, что и онъ, хоть и маленькій, но все-таки участникъ въ этомъ торжествѣ.

«Вонъ откуда непріятель дѣлалъ свою послѣднюю вылазку! Вонъ тамъ попалъ на нашихъ. Тамъ его встрѣтили залпами и повернули назадъ!» и т. д. Чувства эти, пожалуй, можно приравнять, хоть, конечно, и не совсѣмъ, къ тому, какъ охотникъ, высвободившись изъ-подъ лапъ медвѣдя, самъ убиваетъ его, и затѣмъ, радостный и довольный, спокойно осматриваетъ его: оскаливаетъ ему зубы, выворачиваетъ когти—и все это безъ тревоги, будучи увѣренъ, что уже теперь звѣрь этотъ не опасенъ.

Я очень скоро свыкъ здѣсь со своимъ положеніемъ. Единственно только, къ чему не могъ привыкнуть—это къ трупному запаху. А между тѣмъ убирать и зарывать тѣла положительно некому было. И вотъ всѣ эти кучи гнили и разлагались.

Насколько воздухъ здѣсь былъ зараженъ, достаточно сказать, что пріятель мой, поручикъ Ушаковъ, тоже состоявшій при Скобелевѣ и раненный въ грудь при штурмѣ, только на минуту заѣхалъ ко мнѣ въ крѣпость, такъ и то заразился и чуть не умеръ отъ тифа.

Надо сказать, что въ моемъ распоряженіи была

только западная сторона крѣпости, восточной же за-
вѣдывалъ инженерный капитанъ Масловъ.

Въ самый же день штурма, къ вечеру, подъ стѣ-
пами крѣпости образовался базаръ, который съ каж-
дымъ днемъ возрасталъ съ изумительной быстротой. Сю-
да стекались со всѣхъ сторонъ туркмены, персы, евреи,
курды, армяне и разныя другія народности. Мѣш-
ками сносились сюда серебряныя и золотыя женскія
и конскія украшенія. Они продавались приблизительно
около 10 р. за пудъ, при чемъ армяне самымъ пахаль-
нымъ образомъ увѣряли солдатъ, что желтыя пластинки
на женскихъ уборахъ были мѣдныя, тогда какъ онѣ
состояли изъ самого чистаго золота. Сюда же на ба-
заръ сносились въ громадныя кучи драгоцѣнные те-
кинскіе ковры: какое количество найдено было ихъ въ
крѣпости, даже и приблизительно трудно сказать.
Ежели только положить по одному коврику на кибитку,
то и тогда это составляло 15 тысячъ штукъ. Я купилъ
себѣ четыре отличныхъ ковра, нѣсколько женскихъ и
2 конскихъ убора. Могъ бы, конечно, и больше купить,
да везти было негдѣ, такъ какъ въ верблюдахъ былъ
у насъ крайній недостатокъ. Притомъ же предстояло
еще движеніе впередъ. Самыми же счастливыми въ
этомъ отношеніи оказались артиллеристы. Не знаю,
какъ другіе, а только тѣ, которые стояли у меня въ
гарнизонѣ, понабили всѣ орудійные передки и ящики
коврами.

Здѣсь со мной произошелъ такой курьезный слу-
чай. Купилъ я у солдата чудную текинскую, такъ на-
зываемую, дорожку. Дорожка эта представляла до-
вольно широкую шерстяную ковровую полосу, какими
стягивались кибитки. Подобная полоса, какую я ку-
пилъ, конечно могла быть только у богатыхъ текин-

цевъ. Она представляла положительно чудо искусства въ своемъ родѣ. Обыкновенно дорожки эти ткались вершковъ шести шириной, моя же была въ аршинъ. По бѣлому какъ снѣгъ фону были затканы шелковымъ плющемъ самые причудливые узоры. По верхъ совершенства—середина дорожки. Отъ нея просто не хотѣлось отвести глазъ, до того красивъ былъ узоръ. Длиной эта полоса была аршинъ 15-ть. Я приказалъ моему казаку спрятать ее хорошенько.

Разъ какъ-то возвращаюсь съ объѣзда крѣпости, смотрю—казакъ мой что-то старательно копошится за кибиткой, даже не замѣчаетъ моего пріѣзда. Соскакиваю съ лошади, подхожу къ нему, и къ ужасу своему вижу, что драгоценная дорожка моя разрѣзана пополамъ, самая середина вырѣзана, и казакъ мой что-то трудится около нея.

— Что ты надѣлалъ, такой-сякой!—кричу ему внѣ себя отъ злости.—Какъ ты смѣлъ ее разрѣзать?

— Да гдѣ же, ваше высокородіе, всю ее возить! мѣста нѣтъ. Ну, я только на чепрачекъ середочку выкроилъ, а остальное пехай здѣсь остается.—И вѣрный слуга мой прехладнокровно показываетъ мнѣ, какой чудный чепрачекъ сдѣлалъ онъ для меня, и даже началъ уже обшивать ремешкомъ. Оставалось только плюнуть съ досады да развести руками.

Еще 15-го января *), т. е. на третій день штурма, полковникъ Куропаткинъ былъ посланъ съ отрядомъ занять Асхабадъ, и одновременно съ этимъ догнать и возвратить бѣжавшихъ въ пески текипцовъ. 17-го января двинулся за нимъ налегкѣ и самъ Скобелевъ, а 18-го Асхабадъ былъ уже занятъ безъ боя. Жители

*) См. «Война въ Туркменіи», Гродекова.

всѣ бѣжали въ пески. Пришли же мы туда съ главными силами въ началѣ февраля. Къ этому времени я благополучно сдалъ свое комендантство Геокъ-Тепе и долженъ былъ присоединиться къ штабу.

Это вторичное движеніе наше къ Асхабаду было въ высшей степени интересно и пріятно. Оно уже нисколько не походило на войну, а просто на военную прогулку. Но только прогулка-то эта происходила не гдѣ-либо подъ Гатчиной или Петергофомъ, а вблизи Мерва, на пути въ Индію. Скобелевъ не даромъ гнался съ кавалеріей за бѣжавшими текинцами. Онъ былъ знатокъ Азіи, и хорошо понималъ, что для умиротворенія здѣшняго края нуженъ ударъ. И ударъ этотъ былъ нанесенъ страшный.

Вѣсть о взятіи Геокъ-Тепе разнеслась по Азіи съ изумительной быстротой, а потому послѣ этой побѣды все склонялось передъ нашимъ могуществомъ, и мы двигались впередъ спокойно, чѣмъ гдѣ-либо.

Погода стояла восхитительная. Жары еще не начались, и чувствовалась отрадная прохлада. Солнце съ утра уже блестяло и ярко озаряло покрытую брилліантовой росой изумрудную мураву. Кругомъ быстро все пачинало зеленѣть. Деревья одѣвались листьями, и послѣ кратковременной зимы жизнь рѣзко начинала проявлять себя. Птицы стаями тянулись подъ синимъ небесемъ. Звонкіе крики ихъ часто долетали до нашихъ ушей. Въ воздухѣ стояло благоуханіе отъ распускающихся деревьевъ, цвѣтовъ и разныхъ другихъ растеній. Сердце радовалось при взглядѣ на все это.

Мы углублялись въ страну, дотолѣ никому, кромѣ текинцевъ, невѣдомую. По пути начальникъ экспедиціи частенько отставалъ съ начальникомъ штаба Гродековымъ для переговоровъ съ мѣстными жителями.

Тѣ во множествѣ возвращались изъ своихъ псковъ. Безпрестанно являлись разныя депутаціи, отъ текинцевъ—съ просьбами, и отъ персовъ—съ поздравленіями. Вскорѣ Скобелевъ опять обгонялъ насъ со своимъ конвоемъ, при чемъ, случалось, ѣхалъ уже не верхомъ, а въ легонькомъ таранасикѣ, запряженномъ тройкой лихихъ киргизскихъ лошадей сѣрой масти, очень маленькихъ, но чрезвычайно выносливыхъ. Лошади эти принадлежали Мангышлакскому приставу, полковнику Навроцкому. Онѣ слѣдовали за нами всю экспедицію.

Асхабадъ представлялъ въ это время самую грустную картину. Это было ничто иное, какъ довольно обширное пространство, на которомъ видѣлись полуразвалившіеся глиняныя мазанки, дворики, перегороженные глиняными же стѣнками, загоны для скота и неизбѣжныя въ здѣшней мѣстности сторожевыя башни, отъ случайнаго нападенія непріятеля. Да еще кой-гдѣ чернѣли ветхія закоптѣлыя и изодранныя кибитки. Кругомъ было пусто и дико. Одни сады, начинающіе уже покрываться листвою, какъ будто доказывали, что еще недавно тутъ была жизнь въ полномъ разгарѣ.

Скобелевъ оставилъ здѣсь гарнизонъ, а самъ двинулся дальше по направленію къ Мерву. 17-го февраля мы заняли мѣстечко Лютфабадъ. Куропаткина тогда съ нами не было. Такъ какъ ему предстояло возвращеніе въ Туркестанъ по безводнымъ пустынямъ, то онъ долженъ былъ спѣшить, чтобы добраться домой до начала жаровъ, пока колодцы еще не пересохли. И все-такі, несмотря на то, что онъ тронулся въ путь въ началѣ февраля, ему пришлось перенести немовѣрные трудности. Доказательствомъ этому служить то, что изъ 900 верблюдовъ, находившихся въ его

отрядъ при выходѣ изъ Бами, пало дорогой болѣе 600 отъ безкормицы и безводья *).

Лютфабадъ прелестное мѣстечко, принадлежавшее Персіи. Оно такъ и тонуло въ зелени садовъ. Почва богатѣйшая, плодородная. Когда мы прибыли сюда, то уже миндальныя деревья были въ полномъ цвѣту. Цвѣтъ ихъ, бѣловаторозовый, мнѣ чрезвычайно нравился.

Первое время мы крайне нуждались здѣсь въ провизіи. Съ собой взяли очень мало, подвозить было далеко, а правитель Лютфабада почему-то вдругъ запретилъ жителямъ продавать намъ продукты. Положеніе становилось критическимъ. Между тѣмъ Скобелевъ очень опасался войти въ какія-либо рѣзкія пререканія съ персидскими властями.

Какъ быть? Жаловаться нашему послу и добиваться продажи продуктовъ дипломатическимъ путемъ была бы слишкомъ длинная исторія, и нашему отряду пришлось бы голодать. Все это генераль отлично понималъ. И вотъ онъ отправляется съ визитомъ къ правителю Лютфабада. При этомъ участвовали Гродековъ, сотникъ Денисовъ, я и еще нѣсколько человѣкъ. Правитель принялъ насъ въ своей резиденціи—глинобитномъ и грязномъ темномъ зданіи. Это былъ тощій, длинный и смуглый господинъ въ высокой барашковой шапкѣ. Онъ сидѣлъ, поджавши ноги на коврѣ, намъ же были поданы стулья. Во время угощенія кофе и сладостями, Скобелевъ велъ съ нимъ черезъ переводчика переговоры о провіантѣ. Чѣмъ эти переговоры кончились, уже не помню, но только что мы вернулись къ себѣ въ лагерь, какъ Скобелевъ получаетъ въ по-

*) «Война въ Туркменіи» Гродекова, т. IV, стр. 48.

дарокъ плохонькаго рыжаго конька, такъ рублей въ полтора. Генераль нашъ, помню, осматриваетъ это животное и, смѣясь, говорить Гродекову:

— Послушай, Николай Ивановичъ, пошли ты этому... триста полуимперіаловъ.

Гродековъ немедленно исполняетъ приказаніе черезъ сотника Денисова, который временно завѣдывалъ штабными суммами. А что же вышло? Помню, какъ сейчасъ, просыпаюсь я на другой день утромъ, выхожу изъ палатки—и глазамъ своимъ не вѣрю. Вся огромная площадь, отъ того мѣста, гдѣ мы стояли лагеремъ, еще накануне совершенно пустая, вплоть до крѣпостныхъ воротъ, гдѣ находилась резиденція правителя, запружена торговцами. Горы хлѣба, чурековъ, плодовъ и разныхъ разностей ласково дразнили наши взоры. Гамъ и шумъ стоялъ на площади пвообразимый. Персюки въ своихъ курточкахъ и кругленькихъ шапочкахъ въ родѣ ермолокъ, тибетейкахъ, съ бритыми открытыми лбами, потные, грязные, наперерывъ кричали и выхваляли свои товары.

Все это произошло точно по волшебству. Солдаты наши будто у себя дома, мирно расхаживаютъ между торговцами, прицѣпиваются, очень много всего пробуютъ, смѣются, шутятъ и ходятъ отъ одного продавца къ другому.

Всюду видны ликующія лица какъ нашихъ солдатъ и офицеровъ, такъ и обывателей.

Торговцы такъ спокойно сидятъ, точно они тутъ помѣстились уже давнымъ давно.

Я подхожу къ одному старику. Онъ сидитъ, поджавъ ноги, босой, и съ жаромъ тараторить что-то сосѣду, такому же старику, какъ и самъ. Передъ нимъ, въ глиняной чашкѣ, плаваютъ въ молокѣ нѣсколько,

какъ мнѣ показалось сначала, творожниковъ. Но вотъ старикъ увидалъ меня.

— Каймакъ! Каймакъ! — оретъ онъ во все горло, уперевъ на меня свои черные глаза съ большими выпуклыми бѣлками.

«А! вотъ онъ знаменитый персидскій каймакъ! — съ удовольствіемъ думаю про себя. Довольно питаться однимъ чаемъ съ солдатскими сухарями, надо и полакомиться». И я съ наслажденіемъ беру чашку, плачу вмѣстѣ съ посудиною какой-то пустякъ и пиду къ себѣ въ кибитку. Каймакъ замѣчательно вкусный. Въ немъ нѣтъ той сладкой приторности, какъ его готовятъ у насъ въ Россіи. Это — просто крѣпко сбитыя сливки, свернутыя въ трубочку, и къ нимъ прибавлено чуть-чуть сахару.

Кромѣ каймака, тутъ же продавались чрезвычайно вкусныя кукурузныя чуреки и различныя лепешки. Однимъ словомъ, на другой же день послѣ скобелевскаго подарка, мы были завалены всевозможной провизіей. Она продавалась крайне дешево. Мы, какъ говорится, катались здѣсь, точно сыръ въ маслѣ.

Въ Лютфабадѣ Скобелевъ получилъ два извѣстія, совершенно противоположныя по характеру. Одно — самое для него радостное: флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Меллеръ Закомельскій привезъ ему отъ Государя Императора, за взятіе Геокъ-Тепе, орденъ Георгія 2-й степени и чинъ полного генерала.

А вскорѣ же послѣ того, а именно 3-го марта, пришла горестная вѣсть о смерти незабвеннаго Императора Александра II. Помню, случилось это такъ. Утромъ вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ въ кибитку кто-то изъ товарищей и кричитъ: «Слышали, государь убитъ!» и самъ куда-то скрывается.

Какъ? Что такое? Бѣгу къ генеральской кибиткѣ, смотрю, нашъ священникъ и дьяконъ, въ траурныхъ ризахъ, подергивая плечами и выправляя волосы изъ-подъ ризъ, торопливо приготавливались служить панихиду.

Скобелевъ, окруженный офицерами, стоитъ позади священника и, закрывъ носовымъ платкомъ лицо, навзрыдъ плачетъ, какъ ребенокъ.

Я стаповлюсь по близости и спрашиваю у товарищей, какъ все это случилось? Никто не знаетъ никакихъ подробностей.

Дня черезъ два, черезъ три, какъ-то подъ вечеръ, когда первое, самое сильное, горе пріутихло, Михаилъ Дмитріевичъ по обыкновенію ѣдетъ прокатиться верхомъ. Мы всѣ сопровождаемъ его. Ёдемъ верстъ десять, и почти все садами и миндальнымъ лѣсомъ. Ароматъ отъ цвѣтущихъ деревьевъ былъ восхитительный.

Въ одномъ мѣстечкѣ останавливаемся и слѣзаемъ съ коней. Генераль задумчиво прогуливается въ тѣни деревьевъ, затѣмъ подзываетъ всѣхъ насъ и отрывисто восклицаетъ сквозь слезы: «Вы... господа... меня оставьте теперь. Я ничего для васъ не могу сдѣлать. Теперь я ничто! Отправляйтесь всѣ къ графу N: онъ теперь сила!» Жметъ памъ руки, снова садится на лошадь, и галопомъ возвращается обратно въ лагерь.

Не смотря на то, что къ этому времени прибыла отъ мервцевъ депутація о принятіи ихъ подъ высокую руку «Бѣлаго Царя», что дорога къ Герату была открыта и стоило только дойти, чтобы занять все это—тѣмъ не менѣе экспедиція была остановлена и Скобелевъ отозванъ.

Такъ грустно окончилась эта, столь славно было начавшаяся, страничка въ нашей исторіи.

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ. *

Очерки и воспоминанія.

Воля.

Давно это было—около сорока лѣтъ тому назадъ.

Теплый июльскій вечеръ. Багровое солнце на закатѣ, и уже чуть не задѣваетъ вершины темнаго сосноваго бора, бросающаго на обширный зеленый покосъ, упирающійся въ самый берегъ рѣки—густую тѣнь. Съ покоса распространяется сильный, рѣзкій, здоровый запахъ скошенной травы.

На пизенькомъ, всего въ нѣсколько ступеней, балконѣ, сидитъ моя мамаша, въ свѣтломъ ситцевомъ платьѣ, съ широкимъ кружевнымъ воротникомъ, и старательно вышиваетъ гладью, по батисту, какой-то узоръ, нашитый на черную клеенку.

Рядомъ съ ней сидитъ мой отецъ, и по своей привычкѣ, разставивъ колѣни, играть камышевой тростью со слоновой рукояткой. Онъ только-что вернулся съ покоса. На немъ коломенковое пальто и такія же жилетка и брюки. На головѣ сѣрая касторовая шляпа съ мягкими полями. Передъ родителями моими стоятъ на помостикѣ, безъ шапокъ, чело­вѣкъ 5—6 коноводовъ *) въ коричневыхъ сермяж-

*) Крестьяне, специально занимающіеся тягой судовъ по бичевнику.

ныхъ кафтанахъ и синихъ крашевинныхъ порткахъ. На ногахъ ланти. Волосы на головѣ сбились въ какія-то войлока. Лица отъ солнечной жары, а также непогоды, страшно загорѣли и облупились. Воспаленныя губы потрескались.

Вообще видъ ихъ производитъ какое-то особо удручающее впечатлѣніе. Я, маленькій, въ розовой ситцевой рубашенкѣ и такихъ же панталонахъ, съ шерстяной вязаной сумочкой, для носоваго платка, черезъ плечо, стою сзади въ башмачкахъ и слушаю разговоръ. Панаана только-что продалъ имъ сѣно по выгодной цѣнѣ, и потому въ духѣ.

— «Батюшка-баринъ, правда-ли народъ гуторить, Царь волю дать хочетъ православнымъ?» глухимъ, осиплымъ голосомъ говоритъ передній мужикъ, съ небольшой бородкой, высокій, смуглый. Косматые черные волосы сбились ему на его каріе глаза. Мужикъ старательно завязываетъ тесемочкой свой тонкій бумажникъ изъ синей сахарной бумаги, и бережно засовываетъ къ себѣ за пазуху. У ногъ его стоитъ выгорѣвшая отъ солнца коричневая шляпа въ видѣ усѣченного конуса. Нѣкоторая пауза.

— Что же, развѣ вамъ хочется воли?—тоненькимъ пріятнымъ голосомъ наивно спрашиваетъ мамаша, слегка передергиваетъ плечами отъ свѣжаго вечерняго воздуха и, мелькомъ взглядывая на мужиковъ, равнодушно продолжаетъ работу, причемъ далеко оттопыриваетъ мизинецъ на правой рукѣ.

— Какъ же, матушка-барыня, не радоваться волѣ! Царь жаловать хочетъ!—въ одинъ голосъ восклицаютъ тѣ, и въ нерѣшимости переминаются съ ноги на ногу.

— Это, б-б-ратцы, давно говорить. Только когда

это будетъ, никто навѣрно не знаетъ! — внушительнымъ тономъ, слегка заикаясь, говоритъ отецъ. Разговоръ этотъ видимо ему непріятенъ. Мамаша же, не обращая вниманія на тонъ голоса папаша, продолжаетъ:

— Ну, и что же? Вы думаете, лучше вамъ будетъ? — Она любовно разглаживаетъ на колѣняхъ свою вышивку, и затѣмъ продолжаетъ шить.

— Какъ-же, матушка-барыня! какъ не лучше! опять раздаются тѣ же осиплыя, точно какія-то могильныя, удушливыя восклицанія, — при чемъ одѣ руки лѣзутъ въ затылки, другія же пробираются подъ коротенькіе кафтаны и усиленно стараются проскрести крашенинныя шаровары пониже спины, какъ бы желая указать тѣ самыя мѣста, которымъ въ особенности будетъ легче при отмѣнѣ крѣпостнаго права. Мамаша продолжаетъ тѣмъ же наивно-равнодушнымъ тономъ:

— Вотъ теперь, ежели у кого изъ васъ лошадка «умретъ», помѣщикъ сейчасъ же новую купитъ. Ибо-ли сгорить — лѣсу дать! А тогда-то кто объ васъ позаботится, — и, чуть улыбаясь, она обкусываетъ конецъ новой шитки, быстро смотритъ на свѣтъ, вдѣваетъ въ иголку и принимается дальше шить.

— Такъ-то такъ! сударынька-барыня! А только все-же! Царская милость! Божье хотѣнье! — слышатся заунывные голоса, и загорѣлыя мозолистыя руки, не переставая, усиленно продолжаютъ скрести затылки и сѣдалища. Папаша молчитъ и сосредоточенно смотритъ. Только по усиленному обращенію рукоятки трости между колѣнъ можно судить, что онъ не особенно-то настроенъ дѣлать ихъ златая

надежды на будущее. Наконецъ мужики уходятъ. Комары сильно начинаютъ донекать насъ, и мы нехотя скрываемся съ балкона въ комнаты.

* * *

19-го февраля 1861 года, въ Петербургѣ былъ морозный день. Мнѣ было тогда 10 лѣтъ. Утромъ, передъ тѣмъ, чтобы бѣжать въ пансіонъ, захожу на кухню, дабы занаестись чѣмъ-либо на завтракъ. Наша крѣпостная кухарка Марья, высокая, щедровитая вологодская дѣвка, уже пожилая, всегда снабжала меня чѣмъ-нибудь съѣстнымъ. Марья эта была презабавная. Почти старуха, замѣчательно некрасивая, она имѣла особенную способность правиться своимъ землякамъ-матросамъ, которыхъ, какъ извѣстно, очень много служить изъ Вологодской губерніи. Когда ни заглянешь бывало на кухню, вѣчно у ней сидитъ какой-нибудь молодчина, вершковъ 14-ти ростомъ, съ бакенбардами, усами, съ длиннымъ, чернымъ тесакомъ на боку, а иногда даже и съ боцманской цѣпочкой и свистулькой черезъ шею — атрибутомъ морской власти. Раскраснѣвшійся отъ чаю и водочки, гость, самодовольно покрикивая, обтираетъ краснымъ ситцевымъ платкомъ потное лицо, и, покручивая усы, аппетитно поглядываетъ на дорогую землячку. Такъ какъ я былъ въ то время небольшой, то красавица наша не особенно-то меня остерегалась, почему мнѣ частенько случалось патыкаться куда на нескромныя картинки. Такъ вотъ эта самая Марья теперь только что вернулась съ Андреевскаго рынка, отъ котораго мы недалеко жили, и тяжелой, развалистой походкой направлялась къ плитѣ, укутанная съ головой въ большой сѣрый байковый платокъ.

Въ одной рукѣ ея была корзина съ провизіей, въ другой — дѣтская кроликовая муфта — подарокъ моей маленькой сестрени. Муфта эта, конечно, могла прикрывать разѣ 2 или 3 пальца Марьи.

— Ой, да и морозно! — своимъ протяжнымъ волюгодскимъ наръчіемъ восклицаетъ она, ставитъ корзину на столъ, и начинаетъ дуть на раскрасившіеся отъ мороза кулаки возлѣ потопленной печки.

— Говорятъ, Царь волю далъ! — продолжаетъ рассказывать она безучастнымъ тономъ, точно рассказывала о томъ, какъ на рынкѣ подрались два пьяныхъ мужика.

— А ты почему знаешь? — говорю ей.

— А у Андріевской циркви народу страсть что сконилось! Священникъ манихвествъ читаетъ! я-бы и еще постоила, послушала, да плиту-то надо разогрѣвать, ну вотъ и пошла.

— А это къ тебѣ, што-ли? — спрашиваю ее, указывая пальцемъ на черные, закрученные усы, выглядывавшіе изъ-за ея ширмочекъ, возлѣ кровати.

— А это ко мнѣ! Землякъ мой! Кумъ будеть, флюцкій, гвардійскаго экипажа! — спокойно объясняетъ она, и не глядя на меня, принимается растапливать плиту. Въ тонѣ ея голоса слышалась полная увѣренность въ томъ, что кумъ ея не вѣтренникъ какой, никуда не убѣжить отъ нея, и что торопиться ей угощать его — не къ чему.

Воскресенье. День солнечный, ясный. Часовъ десять утра. Отецъ мой, мать, сестра и я, сидимъ всѣ въ большомъ тарантасѣ, запряженномъ тройкой лошадей, и неслышно переправляемся на паромѣ че-

резь рѣку, передъ самымъ нашимъ уѣзднымъ городомъ. На паромѣ, кромѣ насъ, сидятъ на лавкахъ, и стоитъ, много мѣстныхъ жителей-крестьянъ, бабъ, мужчинъ и дѣтей. Всѣ они въ праздничныхъ нарядахъ, спѣшаютъ въ городъ къ обѣднѣ. Три перевозчика, въ поношенныхъ красныхъ кумачевыхъ рубахахъ, боспкомъ, съ мокрыми растопыренными на рукахъ пальцами, усиленно тащатъ канатъ, и торопливо перебѣгаютъ съ одного конца парома на другой.

— Ну такъ, что жъ, что бара! — крикливымъ, недовольнымъ тономъ восклицаетъ одинъ старикашка-мужиченко не вдалекѣ отъ насъ. Онъ сидитъ на лавкѣ, въ синемъ кафтанѣ, подпоясанный краснымъ кунакомъ. На головѣ черный картузь съ клеенчатымъ козырькомъ. Бородка рѣдеющая, съ просѣдью. Онъ пристально смотритъ въ нашу сторону, и порывисто дергаетъ плечомъ, за которое жена-старуха пытается его остановить. Старикъ, очевидно, на-веселѣ. Изъ-подъ его нависшихъ бровей я вижу полный злости взглядъ. Онъ замѣтно недоволенъ моимъ отцомъ, съ которымъ у него, вѣроятно, остались старые крѣпостные счеты, и порывается сказать ему какую-то дерзость.

— Ну, чего ты! чего! Эка невидаль—бары!— Раздается на весь паромъ, внезапно притихнувшій, его хотя и хриплый, но пронзительный тенорокъ.

— Ныпче бара—на грошъ пара! Хе, хе, хе!— дрябло хохочетъ онъ своей выдумкѣ, весь трясется, и самодовольно поглядываетъ по сторонамъ. Мамаша отъ этихъ словъ блѣднѣетъ, затѣмъ, какъ бы вся вспыхиваетъ. Я боюсь взглянуть на отца. Но мелькомъ вижу, какъ онъ усиленно моргаетъ вѣками и багровѣетъ. Въ душѣ я молю Бога, какъ-бы отецъ не

вздумалъ вступитъ въ препирательство съ этимъ старикомъ.

Къ чести остальной публики, надо правду сказать, что никто мужиченка этого не поддержалъ въ его выходкѣ, а напротивъ, обступили кругомъ, дабы скрыть его отъ пашихъ глазъ. Старуха же его, я хорошо видѣлъ, быстро зажала ему ротъ своею черствой, костлявой рукой.

* *
*

Полдень. Солнце ярко блеститъ на сипемъ небѣ. На обширномъ дворѣ передъ нашимъ деревенскимъ домомъ разставлены длинные кухонные столы, съ различными яствами: кусками мяса, пирогами, хлѣбомъ и цѣлыми ведрами съ пивомъ.

Все мужское населеніе нашей деревни, душъ 60, сконилось передъ крыльцомъ, и хотя и съ непокрытыми головами стоятъ, но уже вольные. Они внимательно слушаютъ, что читаетъ имъ высокій, полный, представительный мужчина, съ коротко остриженными сѣдыми волосами на головѣ и гладко бритымъ подбородкомъ. На немъ надѣтъ черный сюртукъ, бѣлый коломнянковый жилетъ и такія же брюки. Поверхъ сюртука надѣта бронзовая цѣпь со знакомъ мирового посредника.

На подъѣздѣ, сзади посредника, стоитъ вся наша семья: отецъ, мать, братья, сестра, я, и еще нѣсколько гостей, мужчинъ, дамъ и барышень. Всѣ торжественно слушаютъ чтеніе. Посредникъ, картавя, громко читаетъ Уставную Грамоту.

Но вотъ онъ кончилъ. Наступаетъ тишина. Вдругъ показывается изъ толпы крестьяннъ, маленький, черненькій мужичекъ, Максимъ Михалевъ, — одинъ изъ

самыхъ вліятельныхъ въ деревнѣ, большой говорунъ. Подходить къ посреднику и спрашиваетъ:

— А что, ваше благородіе, все, что вы изволили тапериче читать, такъ и должно остаться, али впрредъ до распоряженія?—Посредникъ отъ этихъ простыхъ словъ почему-то приходитъ въ полную ярость, изступленіе.

Моментально раздается на весь дворъ самая непечатная брань. Мамапа моя, всѣ барыни-гости, зажимаютъ уши, круто поворачиваются и исчезаютъ въ комнаты.

— Разсылный, возьми его! Отвести его на коношню! Отодрать его! оретъ начальникъ на весь дворъ.

Подбѣгаетъ такой-же маленький, какъ и самъ провинившійся Максимъ, лысый стариканка, съ клюшкой въ рукахъ, съ которой онъ никогда не расставался въ своихъ походахъ по уѣзду, и трогательно ведетъ, въ сопровожденіи нашего старосты Алексѣя, высокаго, угрюмаго мужика, несчастнаго Михалева, на коношню. Вскорѣ до ушей моихъ долетаетъ раздирающей дуну крикъ:

— Ой! ой! ой!..

Дворъ пустѣетъ. Только наша вѣчно сварливая, съ людской кухни, кухарка Ульяна, медленно обходитъ столы и, громко ругаясь съ помощниками своими направо и палѣво, убирать чашки, ложки и корки хлѣба—остатки угощенья.

Ш а р и к ъ.

— Это, братъ, было недавно, лѣтъ 50 тому назадъ, смѣясь рассказывалъ мнѣ старый, сѣдой помѣщикъ. Онъ сидѣлъ на мягкомъ диванѣ и игралъ кистями своего сѣраго драповаго халата.

— Я тогда еще былъ холостой и служилъ въ Сенатѣ, а братъ мой былъ въ лейбъ-гусарахъ и жилъ въ Царскомъ Селѣ. Полкомъ командовалъ у нихъ тогда графъ Левашевъ, ужасно строгій господинъ. Какъ-то, помню, рассказывалъ братъ, разсердился этотъ Левашевъ на парадъ на какого-то тамъ чиновника 14-го класса, что находился при ихнемъ полку, да при всемъ честномъ парадѣ какъ гаркнетъ на него:

— Знаешь ли ты, такой-сякой, что я всѣ твои 14 классовъ въ 24 часа сниму!

Вотъ какой бѣдовый быть.

Жили тогда гусары, куда широко! Почти каждый обязательно держалъ четверку сѣрыхъ. Ежели же кому изъ нихъ случалось ѣхать по Царскому на извозчикѣ, то возница не смѣлъ сидѣть на козлахъ, а бѣжалъ рядышкомъ съ экипажемъ и уже такимъ образомъ правилъ. Вотъ какія времена были, сударь ты мой.

Затѣмъ старикъ, почесывая затылокъ, продолжалъ:

— И давно хотѣлось мнѣ завести лошадку, небольшую, но рѣзвую. Дѣло было весною. Отправляюсь на Конную, и какъ разъ натыкаюсь тамъ на толпу цыганъ и барышниковъ. Всѣ они такъ и увиваются вокругъ одной лошади. Смотрю, лошадка отличная: небольшая, такъ съ верипочкомъ, караковой масти въ яблокахъ. Широкая, красивая, ноги прямые, ну точно вся молотками сбита. Рядомъ стоитъ мужиченко въ лохматой мѣховой шапкѣ, хозяинъ лошади.

— Откуда ты?—спрашиваю его.

— Изъ Каргополя, батюшка, — и шапку снимаетъ.

А я слыхалъ, что каргопольки славились своею рѣзвостью. Тѣмъ временемъ мужика моего совсѣмъ барышники задержали. Одинъ кричитъ: «Моя лошадь, бери задатокъ!», другой выдергиваетъ у него поводъ и тащитъ лошадь къ себѣ. Вижу, зѣвать нечего. Велю мужику проѣхать верхомъ.—Лошадь бѣжитъ, что шаръ катится. Рѣшаю кончать.

— Сколько хочешь за лошадь?—спрашиваю его.

— Сто рублей, баринъ!

— Получай!—и даю деньги.

Купилъ лошадь и велю вести за собою. Денекъ-другой даю ей отдохнуть, затѣмъ начинаю проѣзжать. Лошадь — что день, то лучше бѣжить. И называлъ я ее «Шарикомъ».

Вскорѣ послѣ того ѣду я къ брату въ Царское Село на бѣговыхъ дрожкахъ. Это было тогда самый модный экипажъ у золотой молодежи. Для одиночекъ въ то время въ Царскомъ существовалъ отдѣльный бульваръ. Только выѣхалъ за заставу, смотрю, обгоняетъ меня, на чудной тройкѣ сѣрыхъ жереб-

цовъ, съ бубенчиками, въ коляскѣ, товарищъ брата, тоже лейбъ-гусаръ, красавецъ-брюпетъ, князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій—страшный богачъ и любитель лошадей. Ему, что годъ, то приводили коней со всѣхъ концовъ Россіи: и изъ Тамбова, и изъ Воронежа, и изъ Сибири, и съ Кавказа. И какихъ только лошадей, помню, у него не стояло на копытищахъ,—и горбоносыхъ, и особенныхъ какихъ-то широко-лобыхъ, съ косматыми гривами, и киргизовъ, и допцовъ, и разныхъ, разныхъ. Вотъ догналъ онъ это меня и кричить:

— Василій Матвѣичъ! Ты куда? Въ Царское? Садись со мною!

— Благодарю, князь, только куда же я лошадь-то дѣну?

— Да вотъ, онъ сядетъ! И князь тычетъ въ бокъ своего деньщика на козлахъ.

— Нѣтъ, князь, благодарю, я лучше за вами поѣду,—отвѣчаю ему.

А Шарикъ мой такъ и рвется, будто ногъ подъ собою не слышитъ. Припускаю возжи, слышу, князь грозно кричитъ кучеру: Пшо-о-о! Прибавляю еще ходу и начинаю обгонять тройку. Оглядываюсь, смотрю, князь хлопъ кулакомъ кучера въ шею, такъ, что у того бѣднаго и пляна съ павлиньимъ перомъ на затылокъ стѣхала. Коренная, вишь, заскакала у него. Тогда пускаю я Шарика полною рысью, и тройки больше не видалъ. Приѣхалъ въ Царское, куда раньше князя! Такъ, минутъ 20 спустя, смотрю, сердитый, на взмыленныхъ лошадяхъ, съ громомъ проносится Бѣлосельскій мимо нашихъ оконъ. Дня черезъ три приѣзжаетъ ко мнѣ въ Петербургъ братъ мой и говорить:

— Послушай, Василій, что у тебя за лошадь завелась такая? Князь проходу не даетъ мнѣ! Уговори, да уговори Василія продать ее. Уступи ты ему, пожалуйста! Возьми съ него, сколько знаешь, только успокой его.

— Ну, и что-же, уступили?—съ любоньствомъ спрашиваю его.

— Дѣлать нечего, взялъ съ него 1,200!

И старый помѣщикъ, при одномъ воспоминаніи объ этомъ, расхохотался до слезъ.

Каникулы.

Что такое поѣздка дѣтей теперь на каникулы, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ, помню, мы ѣздили 40 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, еще во времена крѣпостнаго права? Боже, какая разница! Теперь мальчикъ 9—10 лѣтъ преспокойно садится въ вагонъ, одинъ-одинешенекъ, и въ большинствѣ случаевъ, почти не вылѣзая, подѣзжаетъ къ дому,—развѣ какихъ-нибудь 20—30, а нѣтъ, полсотни верстъ сдѣлаетъ на лошадахъ. Столько стало желѣзныхъ дорогъ! А вотъ намъ, такъ приходилось ровно половину дороги отмахивать на почтовыхъ, т.-е. 3-10 верстъ по желѣзной дорогѣ, или, какъ тогда выражались, «по машинѣ», и столько же на почтовыхъ.

Ѣхало насъ всегда много: отецъ, мать, 3—4 брата (всѣхъ-то насъ было шестеро), сестра, гувернантка, студентъ-товарищъ старшихъ братьевъ моихъ, общій другъ нашъ Левъ Давыдовичъ, или, какъ папаша говорилъ «Давыдовичъ», небольшого роста, широкоплечій, сутуловатый, близорукій, очень симпатичный. По предварительному договору съ отцомъ, онъ долженъ былъ, за право гостить у насъ, заниматься и готовить насъ, младшихъ, въ гимназію.

Кромѣ того, ѣхали двѣ горничныхъ и крѣпостной лакей моего старшаго брата, Аоанасіи.

Аоанасія этого я очень люблю. Онъ всегда былъ въ отличномъ расположеніи духа, веселый, довольный, и часто шутилъ съ нами, маленькими. Но одновременно съ симъ онъ служилъ иногда для насъ и пугаломъ. Помню, когда бывало съ маленькимъ братомъ расшалился, то мамаша кричала: «Вотъ, я Аоанасія, наконецъ, позову, — и онъ васъ высѣчетъ».

Чемодановъ, коробокъ, узловъ и разной разности собирается у насъ огромное количество. Отецъ, во время сборовъ въ дорогу, частенько заглядывалъ въ наши дѣтскія комнаты и покрикивалъ: «Зачѣмъ вы это берете! Для чего тотъ узелъ! Куда вы все это дѣнете въ тарантасъ! Мѣста не будетъ!» и т. д. Но, несмотря на все огромное количество поклажи, папаша зорко примѣчалъ, что учебныхъ пособій, книгъ и тетрадей, мы беремъ что-то очень мало, и вообще ихъ не видно.

— Гдѣ же книжки-то ваши? — кричитъ онъ, и удивленно смотритъ на насъ.

— Какія книжки? — какъ бы не понимая, говоримъ мы.

— Какія книжки? — сердито повторяетъ онъ. — Да по какимъ готовиться-то будете? Вѣдь думаю, не въ пастухи же вы хотите идти, — кричитъ онъ.

— Я достаю двѣ, три книжки, показываю ихъ — и папаша, вполне удовлетворенный, уходитъ. Наконецъ сборы все окончены, мы разсаживаемся въ гостиную молиться Богу и, какъ говорится, за одинъ скрънь направляемся съ Васильевского острова, гдѣ жили, на Николаевскій вокзалъ. Интересно при этомъ прибавить, что та квартира, за которую мы платили 100 руб. въ годъ, и родители мои находили ее еще

очень дорогою, теперь ходить 1400 руб. Отец возилъ насъ по желѣзной дорогѣ не иначе, какъ въ 3-мъ классѣ, и, какъ тогда называлось, «съ тяжелымъ поѣздомъ».

Сколько было хлопотъ, чтобы достать всеѣмъ намъ билеты! Такъ какъ кассиръ непремѣнно желалъ видѣть лично насъ, дѣтей, для выдачи половинныхъ билетовъ, то насъ выстраивали въ хвостъ въ одну линію. Тутъ, помню, у отца начинались споры.

Какъ съ пассажирами 3-го класса, кассиръ не особенно-то и перемонился въ выраженіяхъ.

— Вотъ, извольте, смотрите, вотъ этимъ четверемъ половинные билеты! — съ серьезнымъ видомъ восклицаетъ папаша. Онъ одѣтъ по дорожному: въ сѣрое пальто и съ толстою дорожною сумкой чрезъ плечо.

Въ сумкѣ этой находится, какъ мнѣ извѣстно: пачка рублевыхъ бумажекъ, нарочно намѣнянныхъ для расплаты съ ямщиками на почтовыхъ станціяхъ, серебро, мѣдъ и завитая дорожная. Папаша, очевидно, хотѣлъ-было пріобщить къ дѣтямъ и студента, да ужъ тотъ такъ былъ великъ ростомъ, что никакъ не могъ проскочить за малолѣтняго.

— Какъ! Вонъ и тотъ сзади,—тоже 10 лѣтъ?—удивленно восклицаетъ кассиръ, указывая пальцемъ на средняго брата.

— Я же вамъ говорю, что гдѣтъ 10-ти, — настаиваетъ отецъ, хотя брату было не менѣе 15-ти, и онъ готовился уже чуть-ли не въ гардемаришскіе классы. Начинается споръ. Папаша свирѣпо смотритъ на брата: почему тотъ не можетъ приклониться и казаться меньше, а точно нарочно въ это время еще выпрямляется. Дѣло доходить чуть не до жандарма.

Въ безконечномъ хвостѣ пассажировъ начинается ропотъ, что такъ долго ихъ задерживаютъ. Наконецъ, кое-какъ дѣло улаживается. Кассиръ машетъ на отца рукою, лишь бы не спорить съ такимъ упрямымъ пассажиромъ. Чуть не полъ-вагона занимаемъ мы.

— Четверыхъ-таки удалось по «дѣтскимъ» провезти, матушка, — самодовольно говоритъ папаша, усаживаясь рядомъ съ нею.

Въ 3-мъ классѣ тѣснота. Народу множество. Вскорѣ отецъ опять начинаетъ спорить съ кондукторами. Слышится голоса:

— Это ваши вещи?

— Наши.

— Уберите ихъ, тутъ вотъ онъ сядетъ!—говоритъ кондукторъ, указывая рукою на высокаго, сѣдого мужика съ холщевою котомкою за плечами.

— А я-то гдѣ же?

— Вамъ мѣсто у окна?

— И это мое.

— Вамъ одно мѣсто полагается!—и т. д. Долго мы усаживаемся, наконецъ 3-й свистокъ, и поѣздъ трогается.

Въ 3-мъ классѣ, въ особенности 40 слишкомъ лѣтъ назадъ, рѣдкая голова не оголялась, когда поѣздъ трогался. Пассажиры начинаютъ широко креститься.

— Господи помилуй! Царина небесная!—набожно раздаются голоса. Не проходитъ и часа, какъ уже пассажиры понемножку знакомятся и вступаютъ другъ съ другомъ въ разговоры. Большинство въ вагонѣ простой рабочій народъ, но есть и приказники, и кунцы. Повсюду надъ головами на крючкахъ видны простые котомки, узлы, лапти, корзины, чайники

жестяные и разныя другія дорожныя принадлежности простого люда.

Папаша долго не въ духѣ. Онъ точно послѣ сраженія какого не можетъ прійти въ обычную колею. Неразговорчивъ и суровъ. Мы, маленькіе, боимся приступить къ нему.

Но вотъ братъ Алеша—таки рѣшается спросить его:

— Папа, можно корзинку развязать?

— А что?—сердито раздается его голосъ.

— Можно развязать?—повторяетъ братъ, и рукою указываетъ на корзинку съ провизіей, завернутую въ непремѣнную спящую сахарную бумагу.

— Да развязывай!—слышится отвѣтъ. —Мы всѣ разомъ набрасываемся на нее. Пирожки, яйца, котлетки, булки—все это истребляется съ невѣроятною скоростью.

— А мнѣ то! Мнѣ пирожка! Я и не пробовала! Саша! Алеша! Сережа! — пищитъ сестра Маша, и принимается плакать. Ее забыли.

Папаша, немного было успокоившись, снова сердится.

— Вѣдь васъ шестеро, а сестра одна, какъ вамъ не стыдно! Хоть бы одинъ вспомнилъ о ней.

Закусывать кончили. Корзинка опустѣла съ такою быстротою, что, казалось, ни одному фокуснику такъ скоро не очистить ее. Папаша приманивается у стѣнки вздремнуть. Вдругъ онъ видитъ, что сосѣдь его, высокій, сѣдой мужикъ, въ сѣромъ кафтанѣ, преспокойно снимаетъ лапти, опучи и начинаетъ противъ пальцы на ногахъ. Картина эта у меня какъ сейчасъ передъ глазами. Папашу это взрываетъ.

— Т-т-ты, б-б-б-ратецъ, гдѣ сидишь?—какъ все-

гда заикаясь въ минуты гнѣва, восклицаетъ онъ, обращаясь къ мужику.

— А тебѣ чего? — спокойно отвѣчаетъ тотъ, продолжая ковырять пальцы.

— Развѣ это можно дѣлать такія гадости, ты видишь, господу сидить! — сердито говорить отецъ.

— А ты чего же, коли баринъ, въ нашъ мужицкій вагонъ сѣлъ? — возражаетъ тотъ, смѣется и поглядываетъ по сторонамъ, думая найти поддержку своимъ словамъ. Но на него со всѣхъ сторонъ сыплются нападки, и бѣдный мужикъ спѣшитъ покончить со своею работою.

— Чего же станешь дѣлать, коли поги опрѣли! — недовольнымъ тономъ ворчитъ опъ, и надѣваетъ лапти.

— А ты изъ чѣхъ? — не безъ достоинства спрашиваетъ папаша, какъ бы желая узнать, нельзя ли тебѣ, голубчикъ, за твой грубый отвѣтъ баньку задать горячими. Но мужикъ, какъ бы предугадывая намѣреніе барина, лукаво возражаетъ, не торопясь, и какъ бы въ раздумьѣ закручивая на ногахъ оборы отъ лаптей:

— Мы то? Мы были графскіе, да графинюшка, покойница, царствіе ей небесное, на волю насъ выпустила! — дескать, не много съ насъ возьмешь, не выдерешь.

Папаша терпѣть не могъ слово «вольные». Слово это всегда расхолаживало его. Онъ слегка отворачивается отъ мужика, и въ свою очередь задумчиво смотритъ въ окно на мелькающія мимо поля и деревья.

Колпино, Саблино, Тосно, Ушаки, Любань, Померань, и т. д. и т. д. быстро пропосытся передъ нами.

Не смотря на неудобство и тѣсноту, настроеніе наше въ это время такое радостное, веселое, что всё трудности дороги казались ни по чемъ. Да къ тому же мы, маленькіе, никогда не ѣздившіе иначе, какъ въ III-мъ классѣ, и не мечтали о лучшихъ удобствахъ. Поэтому намъ казалось, что иначе и быть не могло. Какъ сейчасъ помню, я съ братомъ Алешей со страхомъ и трепетомъ заглядываемъ въ окно II-го класса. Мягкіе диваны, занавѣски, свѣтлыя металлическія ручки у дверей, поражаютъ наши взоры.

— Что, Алеша, вѣдь я думаю, здѣсь только одни генералы ѣздятъ? — говорю ему.

— Еще-бы, — отвѣчаетъ онъ съ увѣренностью, — развѣ мужиковъ сюда пустятъ!

Исходною точкой нашей поѣздки по желѣзной дорогѣ была станція «Валдайка». Господи, сколько воспоминаній, сколько дорогихъ, незабвенныхъ минутъ, волненій и мечтаній связано съ этимъ именемъ!

— Валдайка, Валдайка! — кричимъ мы наконецъ въ вагонѣ и на перерывъ бросаемся взглянуть въ окно. Подъѣзжали мы сюда обыкновенно часовъ въ 5 утра. Но намъ всёмъ было уже не до сна. Поѣздъ останавливается, и мы всё выбѣгаемъ на платформу. Пока идетъ получка багажа, я и братъ Алеша бѣжимъ за папашей по знакомой тропинкѣ на почтовую станцію, прописать подорожную, дабы заручиться лошадьми. Дѣло въ томъ, что такъ какъ на станціяхъ содержалось всего, по положенію, три тройки, то, ежели-бы кто изъ проѣзжающихъ раньше насъ забралъ-бы хотя пару, намъ не хватило-бы лошадей. Ежели-же на первой станціи намъ-бы пришлось ждать, то тогда это ожиданіе стало-бы повто-

ряться на всемъ пути, пока нашъ соперникъ не свернетъ съ дороги куда-либо въ сторону.

Папаша былъ правъ. Только что подалъ онъ станціонному смотрителю подорожную, какъ торопливо входитъ другой господинъ, въ шинели въ накидку, и тоже предъявляетъ свою подорожную. Смотритель, высокій, тощій, какъ мумія, старикъ, съ сѣдымъ, жесткимъ, какъ щетка, заострившимся подбородкомъ, наскоро застегиваетъ свой выплывшій темно-зеленый форменный сюртукъ, сипло откашливается и направляется къ своему столу. Здѣсь онъ достаетъ изъ ящичка неуклюжія очки, обмотанныя ниткою, неторопясь протираетъ ихъ краснымъ посовымъ платкомъ съ зелеными отъ нюхательнаго табаку пятнами, надѣваетъ ихъ на носъ, садится на табуретку, и медленно начинаетъ прописывать подорожную въ книгу для проѣзжающихъ. Подорожную онъ предварительно расправляетъ передъ собою на столѣ, при чемъ, для большаго удобства, прижимаетъ ее въ видѣ пресснапье старыми заржавленными пожницами. Начинается чуть не по складамъ въ полголоса монотонное чтеніе и вписываніе. Указательный перстъ лѣвой руки его послѣдовательно прогуливается отъ буквы къ буквѣ.

— Отъ станціи Валдайки до города Череповца давать по шести лошадей. Гм...—онъ вопросительно кашляетъ.—Коллежскому ассесору Василью Васильевичу Верещагину и т. д.

— Пожалуйте-съ!—сухо восклицаетъ смотритель и подаетъ папашѣ сложенную подорожную.

— Прогоны здѣсь уплатите?

— Да, какъ-же, здѣсь! Сколько слѣдуетъ? Тутъ 14 верстъ до Рѣчки, по 2½ коп. на версту, на 6-ть

лошадей 2 рублей 10 копѣекъ—говорить отецъ. У него уже заранѣе высчитано, сколько платить на каждой станціи.

— За смазку экипажей по 12 копѣекъ слѣдуетъ,— напоминаетъ смотритель.

— У меня здѣсь свой одинъ тарантасъ и мазь своя!—отпѣкивается отецъ. Смотритель, недовольный, что не получилъ на табакъ, уходитъ прописывать подорожную другому проѣзжающему. Въ отместку за то, что не получилъ съ отца на часекъ, онъ устраиваетъ такъ, что за первымъ нашимъ экипажемъ подають тарантасъ другому проѣзжающему, а затѣмъ опять намъ. Начинаются опять безконечные споры и препирательства. Но кончаются они ничѣмъ. Мы въ такомъ порядкѣ и должны были ѣхать.

Въ передній тарантасъ, нашъ собственный, огромный, тяжелый, обшитый желтою кожей, начинаютъ укладывать вещи. Укладываніе продолжается добрыхъ полчаса. Цѣлая группа ямщиковъ, въ красныхъ рубашкахъ, жилеткахъ и кафтанахъ, суетится и помогаетъ укладывать. Мы, малепькіе, всѣ стоимъ тутъ же, съ наслажденіемъ прислушиваемся къ ихъ разговорамъ, и съ трепетомъ ожидаемъ, когда начнутъ запрягать лошадей.

Но вотъ, пзъ воротъ показывается ямщикъ не-большаго роста, приземистый, въ низенькой поярковой шляпѣ съ мѣдною форменною блихой. Одѣтъ онъ въ темно-коричневый сермяжный кафтанъ, который волочится у него чуть не по землѣ. Ямщикъ одною рукой несетъ дугу съ колокольчикомъ, другою ведетъ коренную лошадь, гнѣдую, въ хомутѣ и сѣделкѣ. Лошадь оттянула поводъ и еле-еле слѣдуетъ за своимъ мучителемъ. Она, видимо, далеко не раз-

дѣлаетъ нашихъ радостей. Мы толпимся вокругъ тарантаса и съ жадностью слѣдимъ за каждымъ движеніемъ ямщика. При этомъ у насъ идутъ разговоры между собою.

— Алеша, что ты думаешь? нашъ «Добрый» больше будетъ этой?

— Ну, «Добрый», конечно, меньше!

— А пѣтъ, больше!

— Нѣтъ, меньше! и т. д.— Въ это время другой ямщикъ, въ синей рубахѣ, пзмазанный дегтемъ, ведетъ пристяжныхъ, тоже гнѣдыхъ, и столь же флегматично выстунавшихъ.

— Ай! Ай! Саша! смотри, точно наша «Лисичка»!—кричитъ сестра Маша и показываетъ на одну пристяжную.—Такое-же бѣлое пятнышко у ней на лбу.—Я подбѣгаю и смотрю, дѣйствительно, лошадь совершенно какъ наша деревенская пристяжная.

Мы бѣгаемъ вокругъ, шалимъ и мѣшаемъ укладывать. Слышится безпрестанно, то суровые клики отца: Убереешься-ли ты отсюда!, то крикливый, тонкій возгласъ мамыши: Василій Василчъ! Да уйми ты Александра, силъ пѣтъ какъ онъ шалить.

Мы всѣ, дѣйствительно, точно съ нѣпи сорвались, выбравшись изъ душнаго Петербурга. Да и гдѣ же мы,—на почтовой станціи! Послѣ завтра будемъ дома, обнимемъ нашу бѣдную старушку няню, увидимъ родины мѣста, нашихъ мужиковъ, всю нашу дворню! И попеременно, то тотъ изъ нихъ, то другой, вырастаетъ въ моемъ воображеніи, и всѣ въ такомъ симпатичномъ, дорогомъ образѣ, что, кажется, сейчасъ обнялъ-бы ихъ и разцѣловалъ. Даже здѣсь, на станціи, и то намъ все дорого и пріятно въ сравненіи съ Петербургомъ. И самый станціонный домъ

съ покосившимся полосатымъ верстовымъ столбомъ, и доскою съ надписью: «Отъ станціи Валдайки, до станціи Рѣчки 14³/₄ версты!» Грязный навозный почтовый дворъ тоже милъ, потому что папоминаеть, и видомъ своимъ, и запахомъ, нашу конюшню.

Но всему бываетъ конецъ, такъ и тутъ.

— Ну, дѣти, садитесь! Господи благослови!— восклицаетъ отецъ, грузно берется за край экипажа и взбирается на мягкія, пышно набитыя подушки. Онъ глубоко осаживаются подъ нимъ, выпуская кругомъ тучи пуху. За нимъ слѣдуетъ мамаша. Пожилая по обыкновенію слегка плечами, въ лиловенькой накидкѣ, она медленно взбирается на подножку, и съ трудомъ усаживается рядомъ съ отцомъ. Напротивъ садятся сестра, гувернантка, горничная. Другая горничная, съ какой-то картонкой въ рукахъ, садится на облучокъ, рядомъ съ ямщикомъ. Тотъ благосклонно подвигается, уступаетъ мѣсто и восклицаетъ:

— Ну садись, што-ли!

За этимъ тарантасомъ, какъ я уже сказалъ, слѣдовалъ тарантасъ посторонняго господина. Онъ ѣхалъ одинъ съ лакеемъ. За нимъ слѣдовали мы, въ почтовой телѣгѣ, желтой, широкой, безъ дрожинъ, поэтому ужасно тряской. Теперь, кажется, я не въ силахъ былъ-бы проѣхать въ ней и 5-ти верстъ. А тогда хоть-бы что! Даже и вниманія на это не обращалось. Въ эту телѣгу сѣли все мы братья, студентъ и Аванасій. Какъ мы все помѣстились, я теперь и понять не могу. Помню, что встрѣчные ямщики, смѣясь, кричали нашему: «По чемъ съ пуда везешь?» А мы превесело ѣхали. Даже въ одномъ мѣстѣ ямщикъ пробовалъ-было гоняться съ нашимъ соперникомъ

господиномъ, дабы не сидѣть на станціи за неимѣніемъ лошадей, но безуспѣшно.

Одна станція помѣщалась въ обширномъ селѣ. Здѣсь мы потребовали себѣ молока. Боже, съ какимъ наслажденіемъ хватали мы кринки, и деревянной ложкой снимали жирныя сливки. Это уже было не петербургское разведенное всякой всячиной. И сколько мы этихъ кренокъ уничтожали, казалось, въ селѣ ихъ больше и не осталось. Во время этого питья молока опять слышны восклицанія:

— Александръ! Посмотришь, какъ ты облился! Весь животъ у тебя въ молоко! — кричитъ отецъ.

— Батюшки мои! Маша! Маша! Ты всю шляпку выкупала въ молоко, носъ, лицо, грудь! — брезгливо восклицаетъ мамаша, хватая сестру за руку и передаетъ ее, чуть не плачущую, горничной.

Такъ ѣдемъ мы день, ночь, а на слѣдующій день приблизились къ роднымъ мѣстамъ. Вотъ мы подъѣзжаемъ къ нашей усадьбѣ. Солнце уже на закатѣ. Мы въѣзжаемъ въ нашу родную деревню. Мужики, бабы бѣгутъ на встрѣчу. Отовсюду сыплются чуть не земные поклоны, радостныя восклицанія.

— Кормильцы-то наши! Слава тебѣ Господи! Пріѣхали! Пріѣхали! — Взоры наши между тѣмъ устремлены впередъ на одну точку.

В-о-о-нъ нашъ родимый домъ, крашеный въ голубиный дикій цвѣтъ, съ красною деревянною крышей. Мы маршъ-маршъ проносимся черезъ деревню. Въ толгѣ мы уже не сидимъ, а стоимъ, держась другъ за друга. Всѣ взоры наши устремлены: — гдѣ пьянка? Она знаетъ, что мы не сегодня-завтра должны пріѣхать, и потому, вѣрно караулитъ насъ. Такъ и есть! Ухъ, какъ стучитъ сердце! Мы вносимся на горку.

Кучерь Мосей, переваливаясь съ боку на бокъ, бѣжить торопливо отворить ворота, а вонъ изъ дому выбѣгаетъ, шатаясь точно пьяная, наша старая, дорогая сердцу старушка, въ темно-синемъ платьѣ. Коричневый платокъ съ головы ея слѣхалъ на затылокъ. Руки ея уже заранѣе распростерты для объятій. Она судорожно хватается то одного изъ насъ, то другого, цѣлуетъ, обнимаетъ, и при этомъ не замѣчаетъ, какъ пачкаетъ наши лица своимъ табачнымъ носомъ. Всасывается въ одного, — какъ клещами впивается своими костлявыми руками въ другого, и такъ до изнеможенія.

— Ой батюшки! Ой кормильцы! Ой умру отъ радости! восклицаетъ она, и, наконецъ, бережно поддерживаемая нами подъ руки, девяностолѣтняя старушка направляется въ свою комнату, чтобы тамъ, уже сидя, на свободѣ, еще разъ перецѣловать всѣхъ насъ.

Мы быстро осваивались со своимъ положеніемъ въ деревнѣ. Вставали довольно рано. Отецъ не давалъ намъ долго спать.

— Вставайте, вставайте! — говорилъ онъ, входя къ намъ въ просторную общую спальню, въ которой стояло четыре широкихъ, деревянныхъ кровати подъ пологами. — Вставайте! Вѣдь такъ можно и жизнь всю проспать! — весело восклицаетъ онъ часовъ въ 8 утра, подходитъ къ окнамъ, открываетъ ихъ, и зацѣпляетъ рамы за крючки, дабы ихъ не разбило вѣтромъ. Свѣжій, здоровый воздухъ врывается въ комнату, что было очень кстати, ибо за ночь онъ сильно спирался.

— Вы, Левъ Давидовичъ, пожалуйте, займитесь съ дѣтьми, а то вѣдь уже они сколько времени ничего не дѣлають. Пора и честь знать.

Послѣ такихъ рѣшительныхъ словъ, добрѣйшій наставникъ нашъ, серьезно изучившій 8 иностранныхъ языковъ, принимался за нашу подготовку. Доставались изъ подспуда географическія карты, атласы, глобусы, разные учебники и всякія другія принадлежности обученія наукъ. Учебнымъ временемъ назначалось отъ 9 до 12 утра. Остальное время каждый проводилъ, какъ хотѣлъ. Надо отдать справедливость Льву Давидовичу, — объяснялъ онъ науки удивительно хорошо и старательно, что называлось, такъ разжевывалъ все, что оставалось только глотать. Точно сейчасъ помню, съ какимъ онъ увлеченіемъ показываетъ мнѣ на картѣ берега Гвинеи и Сахары и, сравнивая ихъ съ берегами Греции и Италіи, объясняетъ вліяніе извилистости береговъ на цивилизацію страны. И все это объяснялось такъ кротно, внятно и увлекательно, что какъ ни хотѣлось мнѣ бѣгать и палить на дворѣ, невольно слушалъ я и поучался.

Развлеченій и удовольствій въ деревнѣ у насъ было множество:—и съ ружьемъ, и съ удочкой, катались въ экипажахъ, верхомъ, ходили за грибами, за ягодами.

Но самой главной забавой, въ которой съ величайшимъ удовольствіемъ принималъ участіе и нашъ добрѣйшій Левъ Давыдовичъ, одинъ изъ выдающихся нынѣ дѣятелей въ министерствѣ финансовъ—это была игра въ бабки, или, какъ у насъ называлось въ деревнѣ, «въ козны». Игра происходила каждое воскресенье, и не у насъ въ усадьбѣ, а въ деревнѣ за рѣчкой, на самой главной широкой улицѣ. Къ игрѣ этой присоединялось чуть-ли не все мужское населеніе деревни. Кругомъ любовались на

насъ старъ и малъ. Конь состоялъ иногда болѣе чѣмъ изъ сотни бабокъ. Какъ сейчасъ вижу, первая очередь кидать битку въ конь (гладкую желѣзную пластинку) за красивымъ пріятелемъ моимъ, Митькой Оборинымъ. Конь далеко, далеко отъ него, едва видѣнъ. Поверхъ розовой ситцевой рубахи, на Митькѣ накинута кафтанъ. Синяя праздничная фуражка, съ лакированнымъ козырькомъ, чуть заломлена на затылкѣ. Передъ тѣмъ, что кинуть битку, онъ ловко скидаетъ кафтанъ съ праваго плеча, чтобы удобнѣе было дѣйствовать, самодовольно улыбается, встряхиваетъ длинными русыми волосами и бросаетъ. Битка ловко врѣзается въ самую середину, и десятка два бабокъ лежитъ опрокинувшись далеко за кономъ.

— Вотъ такъ ловко! Ай-да Митька!—слышатся съ разныхъ сторонъ восклицанія. А Митька мой уже обернулъ свой выпрышъ, и весь засыпалъ его за пазуху рубахи, отчего та далеко оттопырилась у него впередъ. Надо сказать, что бабки дѣлились у насъ на два сорта: простыя, высокія цѣнились копейка десяткомъ,—а лодыжки—вдвое дороже. Послѣ Митьки Оборина очередь за Ванькой поваренкомъ. Его въ народѣ за что-то не любили, вслѣдствіе чего ему было прозвище «Окайма». Что это значило, ужъ Богъ знаетъ.

— Ну, Окайма! тебѣ валять,—слышатся крики. Ванька бросаетъ и даетъ промахъ.

— Гдѣ тебѣ! Ха, ха, ха! — раздается хохотъ. Ванька съ пасмурнымъ видомъ отходитъ въ сторону.

— Барчуку, барчуку бить. Саникъ,—кричатъ въ толпѣ.

Надо сказать, что очередь шла по тѣмъ черточ-

камъ на землѣ, какъ далеко каждый изъ игравшихъ закидывалъ отъ кона заранѣе свою битку, надѣясь на свое умѣніе. Митька Оборинъ, какъ лучший игрокъ, кидалъ всегда дальше другихъ, за что и билъ первый въ петропугый еще пикѣмъ цѣлый конъ. Левъ Давыдовичъ, сознавая свою близорукость, оставался всегда «дома», т. е. у самаго кона, надѣясь на то, что ему все сколько-нибудь да останется, и тогда онъ билъ, что называется, въ самый упоръ.

Очередь за мной. Меня мужики любили, вслѣдствіе чего я слышу теперь одобреніе:

— Ну, ну, Саша, постарайся! Молодчинище! Срази хорошенько,—въ самую цендру норови, подъ корешокъ!—Но какъ Саша ни старается, битка его, точно нарочно, передъ самымъ копомъ скользитъ въ сторону, и я со стыдомъ прячусь въ толпѣ.

— Эхъ, Саша! Оплошалъ, братъ, ты!—фамильярно восклицаетъ нѣсколько въ носъ, богатый рыжій мужикъ, Аптонъ.—Ну, да не тужи, на слѣдующій разъ торнешь хорошенько,—добавляетъ онъ.

Но вотъ, наконецъ, подходит очередь и Льву Давыдовичу. На его счастье, почти половина кона осталась въ сохранности. Почтенный преценторъ нашъ съ пресерьезнѣйшимъ видомъ, точно рѣшалъ какой государственный вопросъ, медленною развалистою походкой подходилъ къ кону. Конъ протянулся чуть не на сажень въ длину. Промахнуться невозможно. Вся публика: мужики, старые и малые, бабы, дѣвки, съ любопытствомъ тѣснятся вокругъ него, чтобы посмотреть, сколько теперь однимъ ударомъ «учитель», какъ его звали въ деревнѣ, сшибетъ козип. Левъ Давыдовичъ преважно упирается лѣвой ногою чуть не въ самый конъ, откидывается туловищемъ нѣ-

сколько назадъ, многозначительно поправляетъ на носу очки, цѣлится долго, долго,—наконецъ, размахивается, и вмѣсто коня чуть не раскраиваетъ близъ стоящему парню голову. Какъ уже онъ могъ такъ умудриться, я и до сихъ поръ понять не могу. Парень стоялъ порядочно въ сторонѣ.

— Хо, хо, хо, хо!..—раздастся кругомъ гомерическій хохотъ. Слышны возгласы:

— Ну, да и баринъ! И тутъ-то не попалъ! Вишь, чуть парню башку не раскроилъ!—Кто-то ворчитъ:—Этакъ, паря, можно изуродовать человѣка. Долголи до грѣха! Смотри, наскрозь шапку пробилъ, ажъно кожу ссадилъ!

Левъ Давыдовичъ, окончательно сконфуженный, тихонечко прячется въ толпѣ и, не пробуя вторично оставаться у коня, мирно направляется домой на «бѣлый дворъ».

Игра эта очень не понравилась папанѣ.

— Что вамъ за общество крестьянскіе мальчишки! Мало васъ, что-ли? Играли бы между собою! Ну, чему вы тамъ научитесь?—говорилъ онъ намъ утромъ передъ ученьемъ.

— И вы, Левъ Давыдовичъ, нотакаете имъ! Пожалуйста, прекратите эти игры!

Какъ-то, вскорѣ послѣ того, бѣгу я въ свою комнату за кознями. Онѣ у меня хранились въ мѣшкѣ подъ кроватью. Ихъ я наигралъ множество, нѣсколько сотенъ. Въ особенности много было лодыжекъ. Всѣ онѣ были съ просверленными дырочками, панизаны на веревочку. Каждую я самъ перемылъ въ горячей водѣ. Заглядываю подъ кровать, — ухъ, батюшки-свѣты, отъ мѣшка и слѣдъ простылъ! Бросаюсь туда, сюда, къ братьямъ, и вдругъ узнаю,

что папаша приказалъ Льву Давыдовичу отобрать козны и запретилъ больше играть. Горю моему не было конца. Я убѣгаю на дворъ, прячусь въ хлѣвъ подлѣ людской кухни, и не выхожу оттуда цѣлый день. Плакалъ я объ этихъ козняхъ, точно о какой величайшей драгоцѣнности. Хорошо слышалъ, какъ меня искали братья, прислуга, кричалъ отецъ, Левъ Давыдовичъ,—я твердо выдержалъ до вечера. Только сильный голодъ заставилъ меня подъ конецъ выйти. За ужиномъ отецъ строго посмотрѣлъ на меня. Я былъ увѣренъ, что на другой день буду высѣченъ. Но къ счастью, за ночь гнѣвъ папашы прошелъ, и все обошлось благополучно.

* *
*

А время все идетъ и идетъ. Лѣто близится къ концу. Безцѣнная старушка, наша няня, уже опять закручинилась. Больше не рассказываетъ намъ веселыхъ сказочекъ. Дряхлое сердечко ея чувствуетъ, что скоро придется разставаться съ нами, и на этотъ разъ, вѣроятно, уже навсегда. Дни становятся замѣтно короче. Ночи темнѣютъ и удлиняются. Обширные покосы, точно гигантскими грибами, быстро поросли стогами сѣна. По утрамъ вереницы бабъ, звонко, шумно разговаривая, направляются въ поля со свѣтлыми серпами на плечахъ, жать спѣлую рожь. По вечерамъ, на закатѣ багроваго солнышка, уже курятся закопѣлые овины. Въ воздухѣ тянетъ горьковатымъ дымомъ. Полуголодные семьи мужиковъ до солнышка поднимаются съ жесткихъ постелей, и спѣшатъ обмолотить десятокъ сноповъ ржи на своихъ крохотныхъ глиняныхъ гумнахъ.

Вотъ, я стою у воротъ одного овина, и смотрю.

Молотить длиннымъ цѣпомъ высокій, смуглый старикъ Иволій, родной братъ нашей няни, въ синей краше-нинной рубахѣ и такихъ-же штанахъ, босой, съ раз-стегнутымъ воротомъ и съ непокрытой головой. Темно-коричневые волосы сплелись отъ поту и космами свѣсылись ему на глаза; ноги въ колѣняхъ согну-лись, какъ у разбитой лошади. Плохо слышится тя-желое молотило въ его слабыхъ старческихъ рукахъ. Безпрестанно задѣваетъ онъ цѣпомъ по сосѣднему, вслѣдствіе чего складная, монотонная дробь рѣзко нарушается. Усталъ старикъ, пѣтъ больше силъ, тря-сется весь, а товарищъ его, здоровый мужикъ, ши-рокоплечій, сутуловатый, съ ремешкомъ на лбу, что-бы волосы не свѣшивались на лобъ, бодро, весело покрикиваетъ на него, ухмыляясь своимъ широкимъ, скуластымъ лицомъ.

— Ну, дѣдко, дѣдко, не отставай! Навались напослѣдокъ! — Потпый, въ сажѣ, дюже работаетъ онъ. Высоко взмахиваетъ цѣпомъ надъ головою. и самъ вполне сознаетъ, что работаетъ за двоихъ. Ря-домъ съ нимъ, вся изогнувшись, съ подоткнутымъ, рванымъ, розовымъ сарафаномъ, усиленно колотить цѣпомъ по мягкимъ снопамъ молодая женщина, кра-сивая, миловидная брюнетка, жена его, въ желтомъ повойникѣ на головѣ. Полныя, налившіяся груди ея такъ и колышутся подъ закомѣлою рубахой. Она, очевидно, давно не кормила своего ребенка, кото-рый, задремавши свои ножонки, почти голый, брошен-ный въ углу овина на соломѣ, надрывается, пищить изо всѣхъ силъ. Мать вся погружена въ свою труд-ную работу. Думушка у ней, очевидно, одна: какъ-бы поскорѣй намолотить ржи, свезти на мельницу, намолоть муки, да испечь хлѣбушка. Вѣдь только и

поработать на себя, что сегодня до вечера, а завтра надо на барщину идти.

Всѣ эти картины почему-то крѣпко врѣзались въ моей памяти. Точно сейчасъ вижу нашъ обратный отъѣздъ въ Петербургъ. Съ надорваннымъ сердцемъ, весь заплаканный, сажусь я между братьями въ тарантась. Мальчишки дворовые и деревенскіе, всѣ друзья мои, весело черезъ пожку прыгаютъ, и далеко провожаютъ насъ за околицу. Я вливаюсь въ нихъ глазами напоследяхъ, и крѣпко завидую имъ, что они остаются дома. И вдругъ, точно на зло, сѣрая, густая туча пыли, поднятая нашими экипажами, къ величайшей моей досадѣ, скрываетъ отъ моихъ взоровъ всѣ эти дорогія для меня лица.

Деревенскій праздникъ.

Утро. Я только-что проснулся въ своей маленькой деревянной кроваткѣ, выкрашенной черной краской. Солнечные лѣтніе лучи брилліантами просвѣчиваютъ сквозь дырявыя одѣяла, которыми наша дорогая старушка-няня заботливо завѣсила окна. Я щурюсь съ просонья и осматриваюсь. Вонъ, недалеко отъ меня, у той же стѣны виднѣтся кроватка брата Алеши. Онъ, очевидно, тоже только-что проснулся. Ему 6 лѣтъ. Онъ старше меня годомъ.

— Саша, ты не спишь? Пора вставать; пойдемъ въ деревню! Ты забылъ, что сегодня Кузьмы-Демьяна?—сонливый, осипшій голосомъ говоритъ онъ.

— Ахъ, правда!—радостно кричу я,—Кузьмы-Демьяна! Няня! Няня! скорѣй одѣваться, пойдемъ въ деревню! И подымаюсь въ постели.

Въ это время няня наша, высокая худошавая старушка, въ темномъ платьѣ, съ повойникомъ на головѣ, входитъ въ дѣтскую. Замѣтивъ, что мы проснулись, она подходитъ къ окнамъ, и одно за другимъ сдвигиваетъ одѣяла. Глазамъ представляется обширный зеленый дворъ. Въ противоположной сторонѣ его виднѣются двѣ деревянныя постройки; вѣtro сушило съ

погребамъ, вправо людская и поварская. Между ними, саженой сто дальше, за рѣчкой на горѣ, чернѣла наша деревня. Вотъ туда-то мы и стремились сегодня.

— Нянюшка, милая, скорѣй, скорѣй, скорѣй! Давай одѣваться!—кричимъ мы и бросаемся къ ней.

— Сейчасъ, рожденные! Сейчасъ одѣну васъ! Вотъ ужотко Анфиса принесетъ чистенькія рубашечки,— и няня ласково обнимаетъ, цѣлуетъ и гладитъ наши головы своей костлявой рукой.

Оказывается, что няня, какъ нарочно, сама сегодня проспала, и даже еще и не умывалась. Она подходитъ къ мѣдному тазу, который стоялъ на табуреткѣ, достаетъ ковшикомъ воды изъ ведра, забираетъ полость ротъ, фыркаетъ на руки, и такимъ образомъ умываетъ свое морщинистое коричневатое лицо. Фыркнувъ раза два-три, она снимаетъ съ гвоздя свое грубое полотенце, и со спокойной совѣстью вытирается. Затѣмъ становится въ уголъ, передъ маленькимъ деревяннымъ образкомъ, и начинать набожно молиться, причемъ, кланяясь въ землю, предварительно подстилаетъ передникъ.

— Паценька уже въ дѣвичьей, кушанье повару заказываетъ,—сообщаетъ она полушепотомъ.

Вскорѣ горничная Анфиса, или, какъ мы ее звали, Анфиза, приноситъ намъ только что выглаженные пунцовыя ситцевыя рубашечки. Мы одѣваемся, становимся противъ того же образа, и молимся вслухъ, причемъ, какъ сейчасъ помню, прибавляемъ въ концѣ: «И тетевъ, и дядевъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ». Послѣ всего этого, съ визанными шерстяными сумочками черезъ плечо для носоваго платка, въ бапмачкахъ самодѣльной домашней работы, мы торжественно направляемся, въ сопровожденіи няньки, здо-

роваться съ родителями. Папаша дѣйствительно былъ въ дѣвичей п, сидя бокомъ на стулѣ, въ сѣромъ байковомъ халатѣ, заказывалъ кушанье. Поваръ Михайло, высокій, тощій, въ нанковомъ сѣренькомъ сюртукѣ, съ подвязаннымъ бѣлымъ передникомъ, стоялъ руки по швамъ въ дверяхъ у притолки. Лицо его было пасмурное и выражало затаенную злобу. Мы подходимъ къ панамѣ. Онъ цѣлуетъ насъ, и затѣмъ въ свою очередь подставляетъ намъ свои щетинистыя щеки. Проходимъ въ слѣдующую комнату, каминную. Здѣсь, у туалета, въ бѣлой ночной кофточкѣ, откинувшись туловищемъ назадъ, сидѣла въ креслахъ мамаша, и, покуривая тоненькую папироску, какъ бы любовалась собой въ зеркало. Позади, за кресломъ, любимая ся горничная Варюша причесывала ей голову. Чесаніе это продолжалось обыкновенно чуть не до полудня. Вотъ Варюша отдѣлила топенькую прядь черныхъ волосъ, быстро наматываетъ себѣ на указательный палецъ, старательно снимаетъ колечко и затѣмъ прикалываетъ его пинькой барынѣ на високъ. Губами она придерживаетъ какую-то засаленную тесемочку. Мамаша въ зеркало видитъ насъ. Пинька въ это время подобострастно останавливается въ дверяхъ, покорно складываетъ руки на животъ и отвѣшиваетъ барынѣ низкій, низкій поклонъ. Мысленно она, я знаю, творитъ молитву, чтобы Господь помогъ ей на этотъ разъ представить благополучно своихъ дѣтушекъ. Мамаша она боялась больше отца, такъ какъ та всегда находила какой-либо безпорядокъ въ нашихъ костюмахъ. Впрочемъ, это зависѣло отъ настроенія барыни.

— Что ты ихъ причесать-то не умѣешь какъ слѣдуетъ? Сто разъ тебѣ говорить, чтобы ты ихъ такъ не прилизывала!—Мамаша съ сердцемъ поворачивается въ

креслѣ, и гребенкой начинаетъ насъ причесывать по-своему. Нервно обдергиваетъ на насъ рубашки, такъ что я едва стою на ногахъ, подтягиваетъ клеенчатые пояса со стальными застѣжками чуть не подъ самыя мышки, послѣ чего небрежно суетъ намъ руку для поцѣлуя. Продѣлавъ все это, она снова погружается въ свое куреніе, и уже, очевидно, больше о насъ не думаетъ. Насъ было у ней семеро, и мы, послѣдніе, конечно, ей надоѣли.

— Барыня-матушка, позвольте намъ въ деревню къ молебнѣ съ дѣточками сходить, — проситъ няня и опять низко кланяется.

— Уже отзвонили, я слышала! Торопитесь, Ларіоновна! Попы сейчасъ пріѣдутъ, — сквозь зубы невнятно цѣдитъ Варюша, продолжая держать во рту тесемку.

Она въ ладахъ съ нянькой, и потому нарочно торопится настроить барыню такъ, чтобы та отпустила ее.

— Ступайте, да, пожалуйста, чтобы у меня тамъ не шляться по избамъ. Только отстойте молебенъ, и сейчасъ же назадъ! — восклицаетъ мамаша, поводитъ своими бѣлыми лысыми плечами, затягивается папирской и равнодушно посылаетъ къ потолку тоненькія колечки дыму, одно за другимъ, какъ бы въ догонку.

Мамаша продѣлывала это очень ловко, чѣмъ часто забавляла насъ.

— Слушаю, матушка! Слушаю, сударыня, — бормочетъ нянька.

Мы уходимъ той же дорогой мимо папаша. За спиной слышу наставительный голосъ его повару:

— Не забудь, сегодня попы будутъ! Щуку подать, да севрюжки соленой можно прибавить. Только

смотри, не какъ на Святой съ душкомъ подаль! Носъ-то есть у тебя, али нѣтъ?

— Да я объяснять тогда ключницѣ, а она говоритъ: «Куда же мнѣ дѣвать ее, не вываливать же въ помойную; поны съѣдятъ!» — глухимъ недовольнымъ голосомъ возражаетъ Михайло.

Только скрываемся мы изъ глазъ отца, такъ разомъ точно перерождаемся. Съ крикомъ и визгомъ летимъ мы въ дѣтскую и бросаемся одѣваться. Такъ черезъ четверть часа, мы уже направляемся черезъ дворъ къ деревнѣ. Няня одѣлась по праздничному. Кацавейка на ней зеленаго цвѣта, на желтой подкладкѣ. Платье коричневаго цвѣта. На головѣ красный ситцевый платокъ, который привезъ ей изъ Петербурга братъ мой Василій. На платкѣ этомъ была изображена охота за волками, на тройкѣ лошадей. Для меня съ братомъ Алешей было одно изъ величайшихъ удовольствій, когда няня показывала намъ этотъ платокъ. Берегла она его пуце глаза, и надѣвала только въ самые торжественные дни.

Какъ мы ни торопились, но, къ нашей величайшей досадѣ, священники уже были въ деревнѣ. Отецъ Василій изумительно скоро служилъ обѣдню, въ особенности въ тѣ дни, когда гдѣ-либо въ его приходѣ былъ праздникъ, и ему надо было спѣшить туда.

Въ такія минуты приближаться къ нему было положительно опасно. Искры изъ кадила по временамъ летѣли у него, какъ изъ какой-нибудь фабричной трубы. Самъ священнослужитель бывалъ въ эти минуты торжественно грозенъ. Росту высокаго, голосъ имѣлъ басистый. Длинные, слегка вьющіеся волосы, отъ быстрыхъ, порывистыхъ движеній развѣвались по воздуху. Вообще видъ его былъ бы очень предста-

вителенъ, ежели бы ему не портила все дѣло чрезвычайно коротенькая риза, едва достигающая до колѣнъ, такъ какъ она шита была на его предшественника, очень маленькаго росту. Риза эта жала ему въ плечахъ, чрезъ что отецъ Василій во время служенія безпрестанно подергивалъ то однимъ плечомъ, то другимъ.

Дьякона въ нашей церкви не полагалось, а помогалъ служить дьячокъ Осипъ, маленькій, сморщенный старикъ съ жиденькой черпой косичкой, замотанной, какъ у женщинъ, комкомъ на затылкѣ. Осипъ нюхалъ табакъ, и поэтому носъ его былъ, какъ и у няньки нашей, въ зеленыхъ пятнахъ. Ходилъ онъ постоянно въ демикотоновомъ подрясникѣ, причемъ лѣвой рукой вѣчно щипалъ свою жиденькую бородку, а правую держалъ въ карманѣ подрясника. Во время же пѣнія на клиросѣ онъ правой рукой поддерживалъ лѣвую. Въ тѣ дни, когда отецъ Василій торопился, служба шла у нихъ, ну, какъ на почтовыхъ. Но несмотря на все это, пѣніе у нихъ шло очень складно, и я съ большимъ удовольствіемъ вслушивался въ него. Однако вернемся къ разсказу.

Мы поднялись въ гору, и приближаемся къ нашему обширному скотному двору, который занималъ лучшую часть деревни. Дворъ этотъ былъ очень старый и вмѣщалъ въ себѣ безчисленное множество разныхъ стойлъ, закутокъ, хлѣвовъ и хлѣвупшковъ. Грязь въ немъ всегда стояла невылазная, и, несмотря на то, что въ такіе торжественные дни передъ приходомъ священниковъ дворы повсюду густо постилались соломой, проходить по нимъ все-таки было затруднительно.

— Святіи мученицы, Козьма и Даміане, молитесь... —

доносится изъ-за угла старостиной избы заунывный, гнусавый голосъ дьячка Осипа; самого его еще не видно. Но вотъ показываются изъ-за того же угла два крестьянина, безъ шапокъ, въ синихъ суконныхъ кафтанахъ, подпоясанныхъ красными кушаками. На бѣлыхъ полотенцахъ черезъ плечо они не безъ труда несутъ большую икону. Позади ихъ дьячокъ Осипъ съ оловянной чашей съ рукахъ, а за нимъ слѣдуетъ самъ отецъ Василій.

— Молите Бога о насъ! — басисто гудить по вѣтру его пріятный, знакомый голосъ. Въ лѣвой рукѣ его блеститъ серебряный крестъ, въ правой же кропило, которымъ онъ по временамъ методично помахиваетъ направо и налево. Народъ густой толпой слѣдуетъ за иконой, и отъ времени до времени съ благоговѣніемъ растираетъ по лицу падающія капли святой воды.

— Нянька, веди дѣтей сюда! — кричитъ отецъ Василій, киваетъ львиной головой и милостиво оставливается.

Нянька хватаетъ насъ за руку и торопливо подводитъ. Отецъ Василій даетъ намъ приложиться ко кресту, слгка кропитъ намъ головы, и въ то же время спрашиваетъ няньку вполголоса:

— Что, баре встали?

— Встаютъ, отецъ Василій, встаютъ, — отвѣчаетъ та и цѣлуетъ ему руку.

Но онъ уже не смотритъ на насъ больше, а устремляется впередъ, прямо на нашъ скотный дворъ.

На дворѣ встрѣчаютъ его нашъ скотникъ Иванъ, смиренный, добрый мужикъ, небольшого роста, съ кудреватыми волосами, а также и его жена Авдотья, тоже очень хорошая женщина, маленькая, очень пол-

ная. Она была кормилицей брата моего Сергѣя. О ней у меня остались самыя лучшія воспоминанія. Когда, бывало, во время гулянья мы зайдемъ сюда съ няней, Авдотья непременно вынесетъ намъ по крышкѣ молока съ густымъ устосемъ сливокъ, каждому отдѣльно, сколько бы человекъ насъ ни пришло, а также по куску чернаго хлѣба, отлично выпеченнаго. Радостямъ нашимъ въ эти минуты не было конца.

Въ первыхъ же воротахъ икона останавливается. Иванъ набожно прикладывается ко кресту, беретъ отъ дьячка чашу съ водой, и, предшествуя священнику, ведетъ его по всѣмъ закоулкамъ двора. Старый дьячокъ, порядочно уже уставшій, съ удовольствіемъ уступать свою ношу. Ему, видимо, страшно хочется понюхать табаку. Я уже давно замѣтилъ, какія онъ дѣлаетъ носомъ отчаянныя гримасы. Быстро отвертывается онъ въ сторону, достаетъ изъ-за пазухи подрясника берестовую тавлинку, съ любовью похлопываетъ по ней ладонью, откупориваетъ, жадно запускаетъ въ нее пальцы, и съ наслажденіемъ начинаеть свой постъ, послѣ чего снѣпшъ догонять священника.

Онъ уже едва виденъ въ концѣ зданія. Ноги его проступаются сквозь солому, и самъ онъ чуть не по колѣни тонетъ въ грязь, при чемъ далеко обдастъ брызгами прихожанъ, настойчиво сонутствующихъ ему по всѣмъ хлѣбамъ.

Отецъ Василій предусмотрителенъ. Онъ зналъ, гдѣ ему придется ходить сегодня, а потому ноги его обуты въ высокіе сапоги. Ризу же онъ надѣлъ для этого случая такую коротенькую, что она едва замѣтна на его могучемъ станѣ. Но вотъ дворъ обойденъ весь. Иванъ направляется съ чашей въ избу. Тутъ опять

встрѣчаетъ священника сама хозяйка — Авдотья. Она вторично прикладывается ко кресту, послѣ чего опророметью кидается къ столу, накрытому чистой скатертью, и начинаеть уставлять его разными яствами. Отецъ Василій разоблачается. И съ сожалѣніемъ смотрю, какъ ему пеловко спимать свою ризу. Онъ совершенно снутываетъ при этомъ свои кудреватые волосы. Слегка тѣснясь между лавкою и столомъ, отецъ Василій осторожно забирается въ самый передній уголь, подъ обрара, куда ставятъ и икону. Дячокъ тѣмъ времнемъ вѣшаеть кадило на душикѣ печки, убираеть въ другую комнату чашу съ святой водой, откашливается, выправляеть спритавшуюся-было за воротъ подрясника косичку, и искоса посматривая на графинны съ водкой и наливкой на столѣ, пробирается къ отцу Василію и усаживается рядомъ съ нимъ. За столъ садятся еще деревенскій староста Алексѣй, представитель мѣстной власти, и самъ хозяинъ. Пасъ съ няней тоже приглашаютъ, но мы отказываемся и остаемся наблюдать.

Хозяинъ ставить передъ гостями рюмки и наливаетъ водку. Слышится голосъ отца Василія: «Ну-ка, самъ-то!» Затѣмъ слѣдуетъ кряхтѣніе отъ выпитой водки. Отецъ Василій весело отпускаеть шуточкы, отъ чего всѣ присутствующіе хохочуть. Комната наполняется зрителями: разными старушками, бобылками, ребятишками. Воздухъ въ пзбѣ страшно спирается. Отецъ Василій самъ отворяеть окно. Подъ конецъ этихъ бобылокъ столько скопляется, что хозяинъ, несмотря на всю свою доброту, безъ церемоній выпроваживаетъ ихъ вонъ.

Между тѣмъ, такъ какъ день постный, на просторномъ столѣ появляются прежде всего спеціально

для «поповъ» приготовленные полубѣлые пироги съ пшениной кашей. Вся провизія была еще наканунѣ отпущена Авдотѣй ключницей нашей Аписей Ромашовой, сварливой старушенкой, съ очками на носу. Она постоянно была вся въ мукѣ, ибо почти не выходила изъ амбара, отвѣшивая провизію для двюрни.

За пирогами съ кашей слѣдовали такіе же съ рыбой. За ними, въ большій желтой чашкѣ, появляется уха изъ окуней, — любимое кушанье отца Василія. Онъ самъ былъ великій рыболовъ, и потому зналъ цѣну рыбѣ.

— Ну-ка, отецъ Василій, пригубь! — восклицаетъ хозяинъ съ поклономъ и подноситъ ему рюмку.

— Наливай смородиновой! — строго баситъ тотъ.

Дьячокъ Осипъ боится, какъ бы его не забыли, и медленно придвигаетъ свою рюмку поближе къ хозяину. Онъ обожалъ смородиновую.

За ухой слѣдовала соленая щука — на холодное. За щукой жареный лецъ съ огурцами. За каждымъ изъ этихъ кушаній слѣдовало прохожденіе по рюмочкѣ. На послѣднее были поданы кисели: сначала гороховый, съ постнымъ масломъ, а затѣмъ клюквенный; передъ ними опять вино. Дѣйствіе его на гостей было различное. Отецъ Василій сдѣлался угрюмѣе. Дьячокъ же Осипъ порядочно повеселѣлъ, и уже подперъ было лѣвую руку правой, приготовляясь пѣть какое-то славословіе. Вдругъ отецъ Василій, словно спохватившись чего, кричитъ:

— Пора, пора, пу, подымайся! — и, толкнувъ дьячка въ бокъ, поспѣшно выбирается изъ-за стола.

Икону подхватываютъ тѣ же мужики въ синихъ кафтанахъ, дьячокъ быстро снимаетъ съ душника кадило, достаетъ чашу съ водой, и не проходитъ и

двухъ минутъ, какъ уже въ растворенныя окна доносится совмѣстное дружное пѣніе дьячка и священника:

— Иже добре страдавше...

Около полудня священники приходятъ къ намъ въ усадьбу. Отецъ мой набожно провожаетъ икону въ залъ, и послѣ молебна самъ обходитъ комнаты, впереди священника, съ чащею въ рукахъ. По окончаніи молебна начинается угощеніе. Подается почти то же самое, что и у скотника Ивана. Я, съ братомъ Алешей, всегда наблюдалъ за ихъ ѣдой.

Но вотъ они уходятъ. Изъ деревни начинаютъ доноситься къ намъ въ усадьбу пѣсни, крики и пьяные голоса. Очевидно, тамъ уже гуляютъ. Теперь мнѣ частенько приходитъ на умъ: какъ наши крестьяне могли тогда веселиться и гулять? Положеніе ихъ было самое безотрадное. А между тѣмъ еще какъ они веселились и пѣли! Варились цѣлые ушаты пива. Такого сусла я съ тѣхъ поръ нигдѣ и не пивалъ. Вкусное, ароматное, пьешь, пьешь, бывало, а все еще хочется. Водки тоже выпивалось изрядное количество. И откуда только мужики деньги брали? Три дня въ недѣлю крестьянинъ долженъ былъ работать на помѣщика, или, какъ называлось, ходить на барщину. За малѣйшую провинность слѣдовало наказаніе, а чуть-что посерьезнѣе, такъ и въ солдаты угодишь. А служба тогда была куда какая трудная! Съ однимъ изъ нашихъ отставныхъ солдатъ, Иваномъ Михалевымъ, произошелъ, помню, такой случай.

Былъ солнечный лѣтній день. Я съ братомъ Алешей бѣгаемъ, малепькіе, по двору и стрѣляемъ изъ самострѣловъ.

Вдругъ, слышимъ, изъ деревни начинаютъ доно-

ситься до наших ушей вой и плачь. Выбѣгаемъ на горку, смотримъ, народъ со всѣхъ сторонъ сбѣгается къ избѣ Ивана Михалева. «Ужъ не пожаръ-ли?» думается намъ. Нѣтъ, не видно. Мы тоже бѣжимъ туда. И что же оказывается? Ивана Михалева, отслужившаго вѣрою и правдою чуть не двадцать пять лѣтъ, требуютъ опять на службу. И вотъ несчастный, почти старикъ, успѣвшій уже со времени выхода въ отставку жениться и обзавестись дѣтьми, долженъ снова браться за ружье и затягиваться въ мундиръ. Оказывается, что онъ былъ ошибочно уволенъ отъ службы, недослуживъ своего срока около пяти мѣсяцевъ.

Вся деревня сбѣгается смотреть на это чудо. Жена, дѣти вѣспились въ него, воютъ и не отпускаютъ. Но сотскій неумолимъ. Въ бумагѣ, присланной изъ города, значилось строжайшее приказаніе: «немедленно представить . То было время крымской кампаніи, когда каждый лишній солдатъ былъ такъ дорогъ. Дѣлать нечего, надо покориться судьбѣ. Съ котомкой за плечами садится Михалевъ въ телѣгу. Бабы, дѣвки, ребятишки голосятъ и причитаютъ. Жена его и дѣти, не помня себя отъ горя, хватаются за колеса и, заливаясь слезами, провожаютъ его, какъ покойника.

Но въ это дѣло вступился, наконецъ, папаша. Онъ самъ поѣхалъ въ городъ и все уладилъ. Михалеву вторично не пришлось служить.

Но вернемся къ священникамъ. Долго они еще ходятъ изъ дома въ домъ съ молебномъ, чуть не до темноты. Вездѣ закусываютъ, вездѣ выпиваютъ. Подъ конецъ они усаживаются въ телѣги, и ихъ отвозятъ во-свояси.

Стерлядка.

«Шекснинска стерлядь золотая».

Державинъ.

Осень. Время подъ вечеръ. Я сижу у окна низенькаго деревяннаго домика и гляжу, какъ чудно отражается въ зеркальной поверхности рѣки огненный закатъ солнца. Въ это время подходитъ ко мнѣ моя ключница Ульяновна, хромаѣ старушка, въ синей кацавейкѣ и въ валенкахъ, подаетъ письмо и говорить:

«Сотскій въ городѣ былъ! На почту заходилъ, такъ и вамъ письмо принесъ».

Читаю. Письмо было изъ Вологды, отъ пріятеля моего Корчагина. Онъ извѣщалъ, что въ воскресенье, 10-го сентября, будетъ у меня съ женой, — погостить на денекъ.

«Десятаго! разсуждаю про себя, а сегодня восьмое. Такъ скоро, а у меня. кажется, и стерлядки въ садкѣ нѣтъ. Эй! Ульяповна!» кричу. Старуха показывается въ дверяхъ.

«Позови Кирилу Савушкина, рыбака!» говорю ей. Та молча удаляется. Такъ черезъ часъ является сосѣдній крестьянинъ, Кирилъ Савушкинъ. Онъ заведывалъ у меня рыбной ловлей. Это былъ малень-

кій рыжій стариканка, съ жиденькой рыжей бородкой. Ходилъ вѣчно въ нагольпомъ полушубкѣ. Правую руку постоянно держалъ въ карманѣ, а лѣвую за пазухой. Выпить любилъ очень, и никогда не отказывался.

«Здорово, Кирило!» говорю ему, и уже издали слышу запахъ чесноку, которымъ онъ, очевидно, наскоро закусилъ дома, дабы заглушить запахъ водки.

«Здравствуйте, батюшка - баринъ!» со старинной крѣпостной манерой, отвѣчаетъ онъ, и низко кланяется, причемъ его пчесанные коричневатые волосы спадаютъ ему на глаза.

«Ко мнѣ гости ѣдутъ!» говорю я.

«Та-а-акъ!» многозначительно тянетъ онъ.

«Какъ знаешь, а что-бы стерлядка была!»

«Та-а-акъ! Можно постараться! наловимъ!» и старый рыбакъ, какъ всегда дѣластъ русскій чело-вѣкъ въ затруднительныя минуты, сначала скребетъ въ затылкѣ, а затѣмъ лѣзетъ чесать все ниже и ниже.

«Ну что-же, можно надѣяться, достанешь?» съ безпокойствомъ спрашиваю его.

«Постараемся, батюшка», постараемся! И старикъ какъ-то укоризненно смотритъ на меня. Взоръ этотъ мнѣ сразу доказалъ въ чемъ дѣло. Старику, очевидно, хотѣлось выпить. Онъ весь согнулся вперед и судорожно вертѣлъ въ своихъ жилистыхъ рукахъ дырявую войлочную шляпу. Маленькіе глаза его усиленно моргали.

«Ну что, хочешь рюмочку?» спрашиваю его.

«Если милость ваша будетъ, такъ отчего-же не выпить!» самодовольно отвѣчаетъ онъ, причемъ голосъ его дрожить и отъ предстоящаго удовольствія спираетъ въ зобу.

«Эй, Ульяновна!» кричу опять. Въ дверяхъ снова показывается безмолвный образъ все той-же старухи.

«Поддай водку!» Черезъ минуту передъ нами появляется на столѣ большой квасной графинъ, чайный стаканъ и кусокъ чернаго хлѣба. На радостяхъ, въ ожиданіи стерлядки, наливаю старику цѣлый стаканъ. Тотъ пристально смотритъ и изрѣдка откашливается, какъ-бы собираясь съ духомъ. Осторожно беретъ онъ отъ меня стаканъ, бережно подноситъ ко рту, при чемъ съ грустью убѣждается, что нѣкоторая часть драгоценной влаги непроизводительно расплескивается въ его дрожащихъ рукахъ, и съ видимымъ наслажденіемъ принимается пить. Пьетъ не залпомъ, а исподволь, смакуетъ, всасываетъ.

«Ну, да и водка-же у тебя, баринъ! Такой намъ въ кабаки не дадутъ!» хриплымъ довольнымъ голосомъ восклицаетъ онъ и закусываетъ хлѣбомъ.

Отъ такой сильной порціи у старика выступаютъ на глазахъ слезы. Онъ растираетъ ихъ по морщинистому лицу своимъ жесткимъ кулакомъ. Водка развязываетъ ему языкъ. Какъ-бы въ благодарность за угощеніе, онъ начинаетъ успокаивать меня:

«Ужо на вечеръ поѣду выбирать переметы, такъ авось Господь и пошлетъ рыбку», глухо бормочетъ онъ, и съ трудомъ пережевываетъ корку хлѣба. «Авось и поймаетъ». Въ это время меня зовутъ за чѣмъ-то въ комнаты. Я ухожу. Вскорѣ возвращаюсь, смотрю, Кирилы уже пѣтъ. Въ графинѣ осталось водки самая малость, чуть на доннышкѣ. Ульяновна заявила, что Кирила пождалъ, пождалъ, да домой и ушелъ.

На другой день утромъ выхожу въ прихожую, смотрю, стоитъ молодой парень, сынъ рыбака Кирилы,

Андрей, вылитый отецъ. Такой-же маленькій, рыженькій, широкоплечій, и такой-же любитель ловить рыбу. Онъ съ поклономъ встрѣчаетъ меня.

«Что скажешь, Андрей?» говорю ему.

«Позвольте взять, баринъ, съ вашего двора парочку тесинокъ.»

«Зачѣмъ тебѣ?» спрашиваю его.

«Да тятка померъ, такъ вотъ домовище сдѣлать.»

«Какъ! твой отецъ, Кирило, умеръ!» съ ужасомъ восклицаю, и чувствую, какъ отъ неожиданности такой, ноги отказываются служить мнѣ. Поскорѣй сажусь на табуретку возлѣ стола.

«Что-же съ нимъ случилось?»

«Да пришелъ вечеромъ отъ васъ гораздо вынимши. Легъ спать. А ночью схватило его. Опъ и давай кричать: Ой, нутро горить! Ой, батюшки, смерть моя пришла! Посылайте за попомъ! Покричалъ, покричалъ, да къ утру Богу душу и отдалъ».

Долго не могъ я придти въ себя. Старческій образъ Кирилы такъ и стоялъ передо мной, съ маленькими слезящимися глазами и добрымъ, кроткимъ выраженіемъ лица. Въ ушахъ слышался его хриплый кашель.

Накопецъ голосъ Андрея: «Что-же, баринъ, можно теску-то взять», приводитъ меня къ дѣйствительности.

«Возьми, возьми, голубчикъ, сколько надо», спѣшу ему отвѣтить. Тотъ молча кланяется и уходитъ.

„Чудо-Богатырь“.

Это случилось въ 1874 году. Я возвращался въ полкъ изъ кратковременнаго отпуска въ Петербургъ, куда ѣздилъ взглянуть на Туркестанскую выставку картинъ брата моего Василія. Онъ устроилъ ее тогда близъ Александринскаго театра, въ домѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Выставка эта произвела на меня подавляющее впечатлѣніе, въ особенности эти горы череповъ, и ряды головъ нашихъ солдатъ, воткнутыхъ на шесты, и разныя другія страсти.

Приѣхалъ я на выставку рано утромъ. Брата не было въ Петербургѣ, онъ уже уѣхалъ обратно за границу. На выставкѣ въ это время находились только два господина. Одинъ—высокій, рыжеватый, съ небольшою бородкой; узнавъ, должно быть, по сходству или отъ прислуги, что я братъ художника, господинъ этотъ подходитъ ко мнѣ и умоляющимъ голосомъ говоритъ: «Батюшка, Александръ Васильевичъ, упрсите вы брата, чтобы онъ нарисовалъ еще такой прелести», и въ то-же время указываетъ рукой на картину «Дверь Тамерлана».—Это былъ извѣстный московскій любитель картинъ Дмитрій Петровичъ Боткинъ. Какъ я узналъ потомъ, онъ пер-

вый торговалъ у брата всю коллекцію за 85 тысячъ рублей, но потомъ ее перебилъ у него еще болѣе страстный любитель изъ Москвы-же, Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, за 92 тысячи рублей.

Итакъ, я возвращаюсь въ полкъ. Опъ стоялъ въ г. Ахтыркѣ, Харьковской губерніи.

На одной станціи, недалеко отъ Алексѣевки, нашъ поѣздъ останавливаютъ и переводятъ на запасный путь. Было часовъ 8 утра. Я иду въ буфетъ, чтобы узнать, зачѣмъ насъ остановили. Оказывается, мы должны были пропустить Царскій поѣздъ. Государь Императоръ Александръ II ѣхалъ въ Ливадію. Сидя въ буфетѣ за стаканомъ чаю, я невольно обращаю вниманіе на двухъ стариковъ. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, какъ лунь сѣдой. Длинная, бѣлая борода достигала чуть не до пояса. Одѣтъ онъ былъ по деревенски: въ охабнѣ и высокой коричневатой шляпѣ. Другой старикъ былъ маленькій, худенькій, сгорбленный. Волоса его были гораздо темнѣе. Загнувшійся къ носу подбородокъ плохо выбрить. Узенькіе глаза постоянно слезились, вслѣдствіе чего старецъ частенько вытиралъ ихъ грязной тряпицей, сложенной въ нѣсколько разъ. Одѣтъ онъ былъ въ военный мундиръ Екатерининскихъ временъ: темнозеленаго цвѣта, однобортный, съ большими, мѣдными, гладкими пуговицами и высочайшимъ краснымъ воротникомъ.

Меня въ особенности заинтересовало отношеніе перваго старика ко второму. Высокій ухаживалъ за маленькимъ, какъ за ребенкомъ: то воды принесетъ ему въ ковшикѣ, то, не говоря ни слова, распустилъ ему воротъ мундира, чтобы легче было дышать, то подыметъ палку, на которую тотъ, опираясь,

безпрестанно ронялъ, и поднесетъ ему. Они оба, очевидно, кого-то дожидались.

— Кто эти старики?—спрашиваю буфетчика.

— А это, изволите видѣть, здѣшніе жители, крестьяне, отецъ и сынъ. Вонъ тотъ маленькій-то—отецъ. Онъ всѣ походы съ Суворовымъ продѣлалъ, Варшаву бралъ, Альпы переходилъ. Сынъ-то вотъ и привезъ его Царю показать, авось что-нибудь и пожалуетъ,—любезно рассказываетъ буфетчикъ, затѣмъ смотритъ на свои карманные часы и прибавляетъ:—только наврядъ,—ничего изъ этого не выйдетъ. Рано очень, не примутъ.

Я подхожу къ почтенному старцу. Онъ встаетъ со скамейки и исподоволь вытягивается по военному, на сколько позволяла ему его сгорбленная спина.

— Ну что, старинушка,—говорю ему:—Суворова помнишь?—Древній воякъ, видимо, не слышитъ. и своими слезящимися туманными глазами пристально всматривается въ меня, какъ бы желая узнать.

— Туговать онъ на ухо-то сталъ, ваше благородіе, вы погромче скажите,—предупредительно гудитъ сынъ своимъ глухимъ басомъ.

Я повторяю громче свой вопросъ. Старецъ, точно обрадовавшись, что могъ разслышать, восклицаетъ плаксивымъ, захлебывающимся дрожащимъ голосомъ, нѣсколько на распѣвъ: «Помню, помню! Какъ косы носили, помню. Мы ихъ масломъ мазали, мукой посыпали. Ну, а въ походѣ, бывало, на почлегѣ крысы и испакосятъ ихъ», хрипитъ старикъ, и отъ слабости весь начинастъ дрожать,—и колѣни дрожать и голова дрожить. Говорилъ онъ такимъ коснящимся языкомъ и такъ замѣтно утомлялся, что пришлось прекратить разпросы. Можетъ быть, думаю, не раз-

вяжетъ-ли ему языкъ маленькая рюмочка водки. Беру въ буфетѣ и подношу ему.

— Ваше благородіе, не подносите! совсѣмъ ослабнеть! Много-ли старику надо! — снова слышится тотъ-же басъ. Возвращаю рюмку обратно, усаживаю старика на скамейку и опять принимаюсь разсматривать эту живую археологическую древность.

— Сколько-же ему лѣтъ?—спрашиваю сына.

— 110 годовъ,— отвѣчаетъ тотъ.

— А тебѣ?

— Восемьдесятъ первый съ зимняго Миколы пошелъ. Вотъ, второй разъ «старика» вывозимъ, да все не удастся: Царь-то утромъ поживаетъ, — рассказываетъ сынъ такимъ тономъ, точно самому-то ему не девятый десятокъ пошелъ, а всего какихъ-нибудь полъ-сотни лѣтъ было. Въ это время на станціи вдругъ всѣ засуетились. Поѣздъ показался. Суворовскаго ветерана восьмидесятилѣтній сынокъ бережно беретъ подъ руку и ведетъ на платформу. Я не безъ волненія слѣжу за ними глазами. Мнѣ невольно думается въ эти минуты: лѣтъ 80 тому назадъ, такъ-ли выглядывалъ этотъ «чудо-богатырь»? Таковъ-ли онъ былъ, когда карабкался на вершины Альпъ, перебирался черезъ Чортовъ мостъ и разгуливалъ по долинамъ Италіи и Швейцаріи.

Тѣмъ временемъ, тихо, безъ шума, подходитъ и Царскій поѣздъ къ станціи. Не знаетъ Монархъ, не вѣдаетъ, что его съ трепетомъ ожидаетъ, можетъ быть, послѣдній изъ живыхъ сподвижниковъ незабвеннаго Суворова. Поѣздъ стоитъ минуту, стоитъ двѣ, — никто не показывается изъ вагоновъ. Вотъ онъ трогается дальше. Старецъ невольно поникаетъ головой и пристально слѣдитъ за удаляющимся по-

ѣздомъ, точно ожидаая, не покажется-ли Царь, не выглянетъ-ли на него изъ окошечка. Все той-же грязной тряпицей протираетъ онъ свои слезящіеся глаза, медленно поворачивается и съ трудомъ передвигая ноги, постукивая палочкой, уныло направляется во свояси. Сынъ поддерживаетъ отца подъ руку. Я отъ души пожалѣлъ ихъ обоихъ.

Скобелевъ у гроба Наполеона I.

Послѣ Текинской экспедиціи, Скобелевъ, его адъютантъ Ушаковъ, Girardé (бывшій учитель Скобелева) и я, отправились въ Парижъ. Я помѣстился отдѣльно въ *Chambres-garnies* на *rue Faubourg Montmartre*, Ушаковъ-жъ и Girardé у Скобелева на *rue du Colisée*.

Вскорѣ по приѣздѣ, мы вздумали съ Ушаковымъ прокатиться вечеромъ по Парижу, посмотрѣть кое-какія диковинки, а главное—побывать въ театрѣ. Сопровождать насъ въ качествѣ чичероне вызвался *garçon Louis*, изъ моей гостиницы, разбитной малый, не дуракъ выпить и, какъ оказалось впослѣдствіи, не могшій спокойно видѣть, что плохо лежитъ.

Louis приводитъ намъ шикарную колясочку въ одну лошадь. На козлахъ возсѣдаетъ, въ бѣломъ клеенчатомъ пальто и въ такой-же шляпѣ, представительный возница, съ бритымъ подбородкомъ и длиннымъ бичомъ въ рукѣ. Я съ Ушаковымъ садимся рядомъ, а противъ насъ усаживается на передней скамейкѣ нашъ чичероне, въ розовомъ галстухѣ, заколотомъ бронзовой булавкой съ зеленымъ стеклышкомъ. Трогаемся довольно торжественно. Вдругъ начинается накрапывать дождикъ.

— Cocher, arrêtez-vous!—кричитъ Ушаковъ, испуганнымъ голосомъ.

— Чего вы?—говорю ему.

— Да, вѣдь, надо-же поднять верхъ!

Кучеръ останавливается, слѣзаетъ и пачинаетъ подымать.

Но только что онъ опустилъ его окончательно, какъ раздается отчаянный крикъ. Что такое? Оказывается, верхомъ какъ разъ ударило по головѣ нашего бѣднаго Louis и превратило въ блинъ его цилиндръ. Мы кое-какъ утѣшаемъ его.

Онъ между тѣмъ совершенно спокойно расправляетъ шляпу, и затѣмъ равнодушнѣйшимъ тономъ говоритъ:

— Oh, cela ne fait rien, messieurs, je l'ai pris chez un de mes locataires!—и, расправивъ, снова надѣваетъ ее, какъ ни въ чемъ не бывало.

Накатавшись досыта, мы, по совѣту того-же Louis, ѣдемъ въ театръ «Porte St. Martin». Беремъ ложу. Во время представленія Ушакову понадобился бинокль. Опъ обращается къ женщицѣ-старушкѣ, которая разносила публикѣ скамейки подѣ ноги и отдавала на прокатъ бинокли. Та подаетъ намъ 3 бинокля. Мы смотримъ на сцену. Вдругъ, во время самаго интереснаго мѣста, чувствую, Louis дергаетъ меня за рукавъ и многозначительно киваетъ головой. Затѣмъ точно также зоветъ Ушакова и ему шепчетъ что-то на ухо. Ушаковъ смѣется.

— Что ему надо?—спрашиваю. Тотъ едва держится отъ смѣха и говоритъ:

— Louis предлагаетъ намъ удрать съ биноклями, благо старуха ушла далеско и не замѣтитъ насъ.

Вотъ каковъ былъ нашъ чичероне.

На другой день утромъ, ѣдемъ мы со Скобелевымъ осматривать знаменитый «Hôtel des Invalides», гдѣ, какъ извѣстно, находится и могила Наполеона I. Дорогой Ушаковъ рассказываетъ Михаилу Дмитріевичу наши вчерашнія похождения. Когда-же онъ дошелъ до того мѣста, какъ Louis предлагалъ намъ улепетнуть съ биноклями, Скобелевъ разражается такимъ хохотомъ, что даже встрѣчные прохожіе стали озираться на насъ. Долго послѣ того нашъ добрыйшій Михаилъ Дмитріевичъ, каждый разъ, когда встрѣчалъ меня и Ушакова вмѣстѣ, весело восклицалъ Ушакову своимъ картавымъ голосомъ:

— Мишенька, Расскажи мнѣ, пожалуйста, какъ garçon въ Парижѣ хотѣлъ научить васъ воровать бинокли. Ха-ха-ха—и покатывался со смѣху.

Мы подъѣзжаемъ къ величественному зданію Hôtel des Invalides. Генералъ нашъ, въ сѣренькомъ штатскомъ пальто, снимаетъ со своей коротко остриженной головы высокій сѣрый цилиндръ и, держа его передъ собой, долго стоитъ задумавшись надъ могилой великаго завоевателя. Мы тоже стоимъ позади его и стараемся проникнуться величіемъ Наполеона. Наконецъ, Михаилъ Дмитріевичъ выходитъ изъ склепа и вступаетъ въ разговоръ съ случайно подвернувшимся тутъ бравымъ инвалидомъ, высокимъ, убѣленнымъ сѣдинами, еще совершенно бодрымъ. Одѣтъ онъ въ длинную синюю шинель въ рукава и такое-же кэпи. Ветеранъ, узнавъ, что передъ нимъ находится русскій генералъ, объясняетъ ему, что онъ бралъ Москву въ 1812 году.

— Comment, vous étiez à Moscou!—удивленно восклицаетъ Скобелевъ и начинать усиленно моргать рѣсницами.

— Mais oui! mais oui; mon général! J'ai fait la siège de Smolensk! J'ai pris part à la bataille de Borodino!—воскликаетъ старикъ, все съ большимъ и большимъ паосомъ.

Смотрю, Скобелевъ вытираетъ кулакомъ выступившія слезы, лѣзетъ въ карманъ, достаетъ золотой и подаетъ старику.

— Voilà, prenez cela en souvenir du général Skobeleff!—лепечетъ онъ, въ голосѣ слышны слезы.

Ободренный такимъ явнымъ успѣхомъ, бравый ветеранъ мой еще яростнѣе начинаетъ выкрикивать:

— J'ai vu Jena, Marengo, Austerlitz! J'ai vu les Pyramides!—кричитъ онъ пакопецъ, и трогательно указываетъ рукой на могилу Наполеона.

«Ну, заврался-же ты, голубчикъ! — невольно мелькаетъ у меня въ головѣ.—Въ Египтѣ-то ты ужъ никакъ не могъ быть!» И я мысленно начинаю соображать: «Египетская кампанія была въ 1799 году, сейчасъ идетъ 1881. Да ежели ты участвовалъ тамъ двадцати лѣтъ только, то и тогда надо имѣть 102 года, а тебѣ, милый мой, павѣрное, и 90 лѣтъ нѣтъ».

Но нашъ генералъ въ это не вдумывается. Онъ совершенно растроганъ. Вторично достаетъ изъ кошелька полуимперіаль и своими длинными, худоща-выми пальцами судорожно суетъ рассказчику въ руку.

Не знаю, сколько-бы онъ передавалъ золотыхъ ловкому инвалиду, если-бы мы общими усиліями не увели его прочь.

Тросточка.

— Вотъ трость, такъ трость! говорю своему пріятелю Сергѣю Сергѣичу, встрѣтивъ его какъ-то на Невскомъ проспектѣ и люблюсь его тростью.

Сергѣй Сергѣичъ былъ красавецъ-мужчина. Служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Одѣтъ былъ всегда,—что модная картинка, съ пробормомъ на лбу и на затылкѣ. Ботинки носилъ лакированные съ очень острыми носками и почти совсѣмъ безъ каблучковъ. Галстухи у него были самые модные, съ кольцами. Но что всего больше любилъ онъ,—это тросточки. Какихъ у него ихъ не было: и винограднаго дерева, и чернаго, и слоновой кости, и разныхъ, разныхъ. Теперь онъ держалъ въ рукахъ великолѣпную камышевую палку, съ рукояткой изъ моржовой кости.

— Гдѣ вы такую достали?—спрашиваю его.

— А это я самъ, батенька, по своему вкусу заказалъ въ Брюсселѣ. Мнѣ тамъ часто случается бывать по моей службѣ. Опять на-дняхъ туда поѣду,—но уже надолго, мѣсяца два, пожалуй, пробуду,—говорить онъ, и не безъ удовольствія вертитъ трость въ рукахъ. Затѣмъ продолжаетъ:

— Я увидалъ этотъ моржовый клыкъ въ окнѣ у токаря. Заплатилъ 40 франковъ, да трость камыше-

вая, — кольцо вотъ это золотое, да работа! Вообще палка обошлась мнѣ около 100 франковъ. Пріятель мой былъ славный паренъ и привирать не любилъ. Мы поболтали еще кой о чемъ и разошлись.

Проходитъ такъ съ полгода. Завтракаю я какъ-то въ ресторанѣ у Лейнера, смотрю, входитъ въ залъ Сергѣй Сергѣичъ. Какъ всегда — красивый, довольный самъ собой. Онъ замѣтилъ меня, и, неслышно ступая мягкими подошвами, направляется прямо ко мнѣ. Начинаются ярыя рукопожатія.

— Ну что, — какъ погостили въ Брюсселѣ? — Спрашиваю его.

— Ничего, понемножку, — весело отвѣчаетъ онъ и вѣшаетъ свой котелокъ на крючокъ. Въ это время мой взоръ случайно падаетъ на его трость. Но уже эта была, куда проще и хуже.

— А гдѣ-же у васъ та, знаменитая? — говорю ему и указываю на палку.

— А! — не спрашивайте! — отвѣчаетъ онъ съ досадою, — садится противъ меня, беретъ карточку, и начинаетъ бѣгло просматривать меню.

— Украли! — обидчиво добавляетъ онъ. — Тычетъ пальцемъ лакею на два кушанья въ картѣ и, затѣмъ съ улыбкой, полушопотомъ говоритъ мнѣ: — Изъ-за этой палки у меня цѣлый романъ вышелъ.

— Расскажите, пожалуйста! — пристаю къ нему. Пріятель кокетливо поправляетъ колечко на галстукѣ, самодовольно потираетъ руки передъ предстоящей закуской, наклоняется ко мнѣ и начинаетъ рассказывать:

— Послѣ того, какъ мы съ вами разстались, тогда на Невскомъ, я вскорѣ опять поѣхалъ въ Брюссель. Чтобы не переплачивать тамъ лишнихъ денегъ въ гостиницѣ, я отыскалъ себѣ отличныя двѣ комнаты на

одной изъ главныхъ улицъ,—прекрасно меблированная, съ шикарнымъ ходомъ. Квартиру показывала сама хозяйка, — высокая, стройная блондинка. Глаза большіе, носицъ чуть вздернутый, грудь высокая,—ну, сама богиня Венера, да и кончено! Она просто очаровала меня. Въ особенностяхъ у ней красивы были свѣтлыя, какъ ленъ, волосы. Цѣлый громадный пучокъ ихъ былъ зачесанъ на головѣ и приколотъ шпильками. Только взвопелъ я въ квартиру, она, точно бѣсъ какой—давай носиться по комнатамъ и расхваливать ихъ.

— Вамъ будетъ здѣсь очень удобно, господинъ!—какъ у себя дома!—воскликаетъ она пріятнымъ картаснымъ голосомъ,—при этомъ, то вазы повернетъ на каминѣ, то на картину укажетъ на стѣнѣ,—пiанино откроетъ,—по клавишамъ похлопаетъ. А сама все подымаетъ свои роскошныя руки кверху, чтобы блеснуть браслетами, причемъ, рукава у платья были такіе широкіе, что даже подмышнички видѣлись...

Въ это время пріятелю моему подають осетрину съ хрѣномъ. Подливая уксусу, онъ продолжаетъ:

— Ну, вотъ и сторговались мы за 150 фр. въ мѣсяцъ, двѣ комнаты съ прислугой, Признаться сказать, прислуги-то я и не видалъ: когда ни придешь, все хозяйка сама комнаты убирала, и всегда съ улыбочкой на лицѣ.

Разъ, какъ-то по дѣламъ, мнѣ нужно было объѣхать чуть не всѣ окрестности города. Я предпочелъ оставить палку свою дома и замѣнить ее зонтикомъ.

Проѣздивъ я цѣлую недѣлю. Возвращаюсь домой,—хватился палки,—а ея и слѣдъ простылъ.

— Что за шутка!—думаю. Куда она могла дѣться? Начинаю припоминать, не оставилъ-ли гдѣ? Нѣтъ, трость моя оставалась дома, и уже цѣлая недѣля про-

шла, какъ я не трогалъ ее. Неужели, думаю, хозяйш-ка моя ее подтибрила? Не можетъ быть! Она такая любезная, такая красивая, эlegantная! Но кто-же, кромѣ нея, могъ взять? Ключъ отъ комнаты всегда у ней оставался. Она сама всегда убирала ее, стирала пыль. Но какъ сказать ей,—пожалуй, обидится! Наконецъ, собираюсь съ духомъ и звоню. Какъ и ожидалъ,—является сама хозяйка, въ голубомъ, шелковомъ платьѣ, съ розой въ волосахъ, на рукахъ браслеты, на пальцахъ кольца съ драгоценными каменьями,—ну шикъ, да и только!

— Что вамъ угодно, господинъ,—спрашиваетъ, и чуть улыбается. Я объясняю ей, что какъ ни жалко, но долженъ разстаться съ ея квартирой.

— Какъ! почему?—восклицаетъ она,—будто ничего не подозревая.

— У меня,—говорю,—пропала тросточка, которой я очень дорожилъ.—Помните, она стояла вотъ тутъ,—веду ее къ постели,—и указываю мѣсто.

Красавица моя дѣлаетъ невинное лицо и горестно восклицаетъ:

— Господинъ! клянусь вамъ, что я не брала ее!—И такъ начинаетъ ломать себѣ пальцы, что тѣ даже захрустѣли въ суставахъ.

Но я рѣшаюсь твердо, не уступать ей, и говорю:

— Я даю вамъ срокъ три дня. Ежели въ это время палка моя не найдется, то я съѣду съ квартиры. Хозяйка удаляется, очень недовольная мною.

Проходить три дня. Утромъ, на четвертый день, часовъ въ 9, я лежалъ еще въ постелѣ и потягивался, какъ слышу легкій стукъ въ дверь.

— «Entrez»,—кричу. Смотрю, входитъ хозяйка. Свѣженькая, хорошенькая, какъ еще никогда. Но что

съ ней случилось такое! Грустная, заплаканная, въ рукахъ носовой платокъ, которымъ все вытираетъ свои большіе, красивые глаза. Рыжеватые волосы ея, при свѣтѣ утренняго солнца, блестѣли какъ золотые. Пестрый утренній пеньюаръ мягко скатывался по ея пышной, стройной фигурѣ. Медленной походкой, подходитъ она къ моей постелѣ, извиняется, что побеспокоила меня въ такой ранній часъ, и начинаетъ подробно объяснять, гдѣ она за эти дни перебивалась, въ розыскахъ, за моей тростью.

— Я всѣ полицейскіе участки объѣхала, всѣ бюро, вездѣ заявляла и спрашивала, и все напрасно! не могла отыскать вашей пропажи. Приэтомъ, томно опускаетъ голову на грудь и начинаетъ плакать. Горестныя всхлипыванія оглашаютъ мою комнату. Я прихожу въ невольное смущеніе. Осторожненько беру ея руку и, желая успокоить, тихонько сжимаю ея ладонь. Вижу, она не вырываетъ руки. Я начинаю сильнѣе успокаивать,—а она сильнѣе плакать. Красивая, высокая грудь ея сильно колыхнется. Тогда я приподымаюсь и усаживаю ее около себя. Не отымая платка отъ глазъ, она садится и продолжаетъ рыдать. Запахъ духовъ и одеколону раздражаютъ мнѣ нервы... *Ne pleurez pas! Ne pleurez pas!..* шепчу ей, и осторожно обхватываю ея стройный станъ.

Прекрасная хозяйонка, уже вполне увѣренная, что я не съѣду съ ея квартиры, стоитъ противъ зеркала и спокойно заматываетъ свою растрепавшуюся чудную косу. Закалываетъ волосы шпильками, и, не простившись со мной, шмыгаетъ за двери.

«Прощай, моя милая тросточка!»! шутливо добавляетъ рассказчикъ, и машинально шевелитъ ложечкой въ остывшемъ кофе.

Изъ записокъ оцѣнщика.

(Картинки съ натуры).

I.

Лѣто близилось къ концу, — наступала осень. Сухіе листья на деревьяхъ послышпо падали на землю къ безчисленнымъ товарищамъ своимъ и плотно прикрывали влажную почву. Трава желтѣла, подсыхала и не веселила больше пичьихъ взоровъ. Солнце рѣдко показывалось изъ-за дождливыхъ тучъ. Кругомъ сыро и мрачно.

Я уже второй день тащился по грязной проселочной дорогѣ къ помѣщику Ухареву.

Около полудня подъѣзжаю къ старой полуразвалившейся усадьбѣ.

Сквозь густыя заросшія аллеи, на берегу пруда, виднѣлся желтый барскій домъ, одноэтажный деревянный, длинный — предлинный. Средина его шибко осѣла, отчего тесовая позеленѣлая крыша представляла изогнутую линію.

На пруду множество утокъ полоскалось и ныряло въ зеленой тинѣ. Куры, гуси, при вѣздѣ моемъ во дворъ, поднимаютъ страшный переполохъ. Два здоровыхъ черныхъ пса, оскаливъ бѣлые зубы, съ хриплымъ лаемъ назойливо провожаютъ меня къ подъѣзду.

На крыльцѣ встрѣчаю самого хозяина въ панковой сѣренькой визиткѣ. Еще бодрый господинъ, пожилыхъ лѣтъ, небольшого роста, широкоплечій, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и съ нагайкой въ рукѣ. Сапоги длинные, походные.

Хозяинъ имѣлъ чрезвычайно типичный видъ, такъ что его можно-бы нарисовать нѣсколькими штрихами. Коротко стриженная и круглая, какъ арбузъ, серебристая голова его, блестѣла точно дорогой боберъ съ просѣдью. Уши оттопырены, лицо смуглое, носъ горбомъ, и подъ нимъ длинные черные усы, за которые владѣлецъ, по своей старой военной привычкѣ, безпрестанно хватался. Сильно выдающійся подбородокъ съ ямочкой посрединѣ—гладко выбритъ.

— Пожалуйте вотъ сюда, въ мою комнату,—говорить онъ добродушно, нѣсколько осипшимъ голосомъ.—Я, знаете, служилъ на Кавказѣ, воевалъ съ горцами, и какъ вышелъ въ отставку, да все у этого окошечка и сплужу и коротаю нѣтъ свой. — Хозяинъ любезно провожаетъ меня къ себѣ и усаживаетъ въ глубокое кресло съ просиженнымъ клеенчатымъ сидѣньемъ.

Въ комнатѣ пахло табакомъ и гераніями. На окнахъ, на столахъ, валялась зола, выковыренная изъ трубки.

Покончивъ со мной, хозяинъ и самъ садится на свое мѣсто у окна и съ невозмутимымъ спокойствіемъ принимается крутить усы.

Во время этого занятія онъ изрѣдка пощелкиваетъ себя нагайкой по сапогамъ и пристально рассматриваетъ меня изъ-подъ густыхъ бровей, какъ-бы желая узнать, съ кѣмъ придется ему имѣть дѣло по залогу имѣнія.

Съ виду Ухаревъ казался мнѣ дѣльнымъ хозяиномъ.

— Что-же это мы сидимъ тутъ?—какъ-бы очнувшись, кричитъ онъ.—Пойдемте, я васъ познакомлю съ женой, она у себя во флигелѣ.

Идемъ черезъ дворъ къ желтому каменному зданію съ обвалившейся штукатуркой, отворяемъ дверь, и сразу попадаемъ въ громадную комнату. И такъ и останавливаюсь отъ удивленія. Потолокъ, стѣны, подоконники, всѣ столы, скамейки,—все было увѣшено и уставлено клѣтками съ канарейками. Кромѣ того, великое множество птичекъ еще летало на волю и одна изъ нихъ живо успѣла усѣсться мнѣ на плечо.

Хозяйка, еще молодая, красивая блондинка, была страстная любительница канареекъ. Вся раскрасившись, въ розовомъ ситцевомъ капотѣ, съ засученными рукавами выше локтей, она стояла, наклонившись надъ одной клѣткой и любовно кормила птичекъ куринымъ желткомъ: желтокъ держала во рту и подцѣпляла его крошечной ложечкой въ родѣ ухвертки.

Барыня весело здоровается со мной, захлопываетъ клѣтку, быстро оправляетъ рукава на красивыхъ, здоровыхъ рукахъ, и направляется съ нами въ домъ.

Въ просторной столовой, на кругломъ ясеневомъ столѣ, вскорѣ появляется самоваръ, и мы съ хозяйкой усаживаемся пить чай. Хозяинъ съ нами не садится, а беретъ свой стаканъ и медленно удаляется въ кабинетъ.

У меня съ барыней, конечно, завязывается разговоръ о хозяйствѣ.

— Много коровъ держите? спрашиваю собесѣдницу, которая тѣмъ временемъ подставила мой стаканъ подъ кранъ и доливала кипяткомъ.

— Ахъ! ужъ это вы меня не спрашивайте. Мос дѣло—канарейки. Вотъ имъ такъ я знаю счетъ,—весело восклицаетъ она, смѣется и показываетъ рядъ, какъ снѣгъ, бѣлыхъ зубовъ.

— Такъ, значить, я съ этими вопросами буду къ хозяину обращаться,—шутливо отвѣчаю ей.

— Тоже нашли кого спрашивать... Да вы спросите его, знаетъ-ли онъ, какой сегодня день.—Барыня моя стыдливо упирается взоромъ въ свою чашку и старательно шевелитъ ложечкой сахаръ.

Мужъ, очевидно, не слышитъ нашего разговора, искоса выглядываетъ на меня изъ-за дверей, достаетъ со стола кisetъ съ табакомъ, набиваетъ коротенькую глиняную трубочку, и вскорѣ окутывается дымомъ.

— Знаете-ли вы, что этотъ господинъ, 20 лѣтъ, дальше вонъ этого пруда нигдѣ не былъ. Хоть-бы вы расшевелили его. Вѣдь онъ кавалеристъ, былъ когда-то,—полковникъ. Хоть-бы разъ лошадей на конюшнѣ провѣдалъ. Никогда никакой книги въ руки не возьметъ, ничѣмъ не интересуется. У-у-у, сидѣнь...—Полковница шутливо грозитъ ему издали кулакомъ, подымается со стула, прощается, и торопливо бѣжитъ докармливать своихъ пернатыхъ питомцевъ.

Интересно дѣйствительно-бы знать, думалось мнѣ въ эту минуту, что этого человѣка занимаетъ. Жена его хоть канареекъ любить, а онъ и тѣхъ, кажется, знать не хочетъ. До лошадей не охотникъ, до коровъ—тоже, хозяйствомъ не занимается, ничего никогда не читаетъ, ну что это за человѣкъ! Шуточное-ли дѣло 20 лѣтъ дальше своего двора не выходить. Кажется, только табакъ ему въ свѣтѣ и дорогъ!—Я направляюсь къ хозяину. Тотъ тѣмъ временемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, покуривалъ себѣ у своего око-

шечка,—да покуривалъ. На лицѣ его, казалось, такъ и было написано: не трогайте меня, дайте спокойно курить, и мнѣ больше ничего не нужно.

Не выпуская трубочки изъ рта, молча, указываетъ онъ рукой на мое прежнее кресло съ разѣхавшейся подушкой, при чемъ принимаетъ такой дѣловой видъ, точно онъ Богъ вѣсть какой проектъ обдумывалъ.

— Ну-съ, полковникъ, можете вы мнѣ сказать, сколько у васъ, хотя приблизительно, содержится коровъ?—спрашиваю его, желая удостовѣриться, неужели онъ дѣйствительно этого не знаетъ.

Полковникъ, оказывается, былъ туговатъ на ухо и не слышитъ. Я повторяю громче свой вопросъ.—Какъ? Что?—нервно восклицаетъ онъ, приостанавливается курить и слегка наклоняетъ голову въ мою сторону.

— Помплуйте! я развѣ этими дѣлами занимаюсь? Я и на скотномъ-то никогда не бывалъ!—недовольнымъ голосомъ восклицаетъ хозяинъ, и, какъ-бы въ доказательство своихъ словъ, еще сплѣнѣе затягивается изъ трубки, задираетъ голову кверху, и медленно посылаетъ въ потолокъ одно за другимъ, ровныя, круглыя колечки дыма.

Ну, думаю, вѣроятно, онъ, какъ истый кавалеристъ, и слышать не хочетъ о коровахъ. Я знаю нѣсколько такихъ товарищей по кавалерійскому училищу. Одинъ изъ нихъ, помню, по прїѣздѣ въ имѣніе, полученное отъ отца, немедленно-же, какъ онъ самъ выразился, всѣмъ коровамъ произвелъ «сѣкимъ башка». Я, говорить, этого животнаго видѣть не могу за его безобразіе. То-ли дѣло лошадь. Ну, такъ, поди тоже самое и Ухаревъ.

— Ну, а лошадей, вы можете показать мнѣ?—
допытываюсь я.

— Это все вамъ прикащикъ покажетъ. Богъ съ
ними! Сколько есть, всѣхъ увидите.—И онъ маши-
нально повертываетъ въ сжатомъ кулакѣ засусленный
мундштукъ трубки.

Дѣлать нечего, отправляюсь съ прикащикомъ
осматривать имѣніе.

Беспорядокъ, какой я нашелъ въ немъ, прево-
сходитъ всякое описаніе. Большинство полей было
выпахано сосѣдними крестьянами исполу,—и забро-
шено. Скота и лошадей почти не существовало. Гра-
ницы заросли и господскій лѣсъ рубился крестьянами,
какъ свой собственный.

Скрѣпя сердце, возвращаюсь обратно въ домъ.

Ухаревъ сидѣлъ все на томъ-же мѣстѣ, и съ тѣмъ-
же невозмутимымъ спокойствіемъ курилъ, поглядывая
въ окно. Онъ, очевидно, былъ вполне увѣренъ въ
благополучномъ исходѣ осмотра имѣнія.

— Ну, что, осмотрѣли? Какъ вы нашли? Вый-
детъ намъ ссуда, что мы просимъ?—скороговоркой
говоритъ онъ съ такимъ видомъ, точно рѣчь шла не
объ его имѣніи, а о какомъ-то чужомъ, котораго онъ
никогда и въ глаза не видалъ.

— Вы, кажется, 18 тысячъ просите?—говорю.

— Да. А что? Можно, думаете, больше про-
сить?—съ радостной надеждой восклицаетъ онъ.—И
такъ и знать! Вѣдь моя земля не то, что у сосѣда
Сѣновалова въ «Глухомъ», куда вы хотите отъ меня
ѣхать. Здѣсь черноземъ! земля жирная! а у того го-
лый песокъ, ничего не стоитъ.—И Ухаревъ, изрекши
все это разомъ, скороговоркой, опять затягивается изъ
трубки и широко таращитъ на меня глаза. Я, конечно,

не сталъ доказывать его заблужденіе и въ тотъ-же день вечеромъ выѣхалъ въ сосѣднее имѣніе «Глухое» къ помѣщику Сѣновалову. До «Глухаго» было всего 15 верстъ.

II.

— «Мотри ливые забирай, какъ до лѣсу-то доѣдешь, а то въ болото попадешь, на зимникъ»... кричитъ моему ямщику Ивану ухаревскій работникъ. Онъ безъ шапки, съ разстегнутымъ воротомъ, босикомъ, провожаетъ насъ за околицу, при чемъ немилосердно скребетъ животъ сквозь свою синюю крашенинную рубаху.

«Ланно, лан-но! найдемъ», гнусливо восклицаетъ мой возница.

Ивана этого я нанялъ въ ближайшемъ городѣ, когда онъ везъ меня съ вокзала въ гостиницу. Изъ разговора съ нимъ оказалось, что онъ отлично зналъ всѣ тѣ имѣнія, куда мнѣ слѣдовало ѣхать. Порядилъ я его, на парѣ, по 4 руб. въ сутки.

Человѣкъ онъ былъ презабавный: лѣтъ 30-ти, худенькій, рыжеватенькій, голосъ имѣлъ гнусавый. Иванъ удивительно быстро мѣнялся въ настроеніи духа: сейчасъ веселый, а черезъ минуту — чуть не плачетъ.

Мы ѣдемъ крупной рысью. Дорога идетъ ровная, вдоль берега. Солнца хотя и нѣтъ, но погода стоитъ хорошая. Видъ кругомъ живописный. Обширный пожелтѣвшій покосъ далеко протянулся передъ глазами. Посрединѣ извилистой лентой протекаетъ рѣка. По сторонамъ, высокой непрерывной зубчатой стѣной виднѣлся темный лѣсъ. И все это вмѣстѣ — и лѣсъ, и рѣка,

и покось, далеко—далеко сливаются на горизонтѣ съ синимъ небомъ.

Когда мы отъѣхали съ версту, Иванъ обращается ко мнѣ въ полъ-оборота, и восторженно восклицаетъ своимъ гнусавымъ голосомъ:

— «Эко, баринъ, жите-то здѣсь прикащику Василію Антонову. Подумать надо. Весь господскій хлѣбъ въ свой карманъ за зиму продалъ, а господамъ хоть бы тѣ грошъ далъ», и онъ слегка подстегиваетъ лошадей.

Я молчу и слушаю.

— «Свой хлѣбъ, вишь, съ пустоши, кулей десятокъ овса, выпросилъ у барина въ ихній же амбаръ свалить, да всю зиму и продавалъ. Баринъ-то здѣшній, маненько, значить, головой тронумшися», — и онъ слегка касается рукой своей головы, — «ни во что не входитъ, а сама то гораздо добрая, все кругъ своихъ «мташекъ»; ну а тому Ироду и на руку. Сказываютъ, ужъ своихъ двѣ пустоши купилъ», добавляетъ онъ серьезнымъ тономъ.

Мнѣ почему-то вдругъ чрезвычайно жалко стало и этого старика съ серебристой головой, и жены его съ ея «мташками», и даже ихъ имѣнія, выпаханнаго и раззореннаго. Какая ссуда, думалось мнѣ, поможетъ имъ? Ну, дай имъ 5 тысячъ, 10 тысячъ, все равно прикащики разворуютъ. Самъ баринъ по прежнему изъ комнаты не выйдетъ, а барыня его, навѣрно, прикупить еще сотни двѣ канареекъ, и также будетъ кормить ихъ изъ своего рта куринымъ желткомъ.

Дорога начинается песчаная. Лошади идутъ шагомъ. Рѣки не видно, — она ушла куда-то вправо. Иванъ мурлычетъ что-то себѣ подъ ность, и изрѣдка покрикиваетъ на лошадей. Мнѣ опять вспоминается

моя новая знакомая, любительница канареекъ. Что, думаю, стоитъ содержаніе этихъ птицъ, интересно было бы спросить, и я жалѣю, что не узналъ объ этомъ. Въ то же время припоминается мнѣ одинъ старикъ, помѣщикъ, высокій, тощій. Сѣдую бороду носилъ онъ подъ галстукомъ, усы же крѣпко фабрилъ, отчего они казались точно наклеенными. У него я, года два назадъ, тоже былъ для залога имѣнія. Старикъ чрезвычайно любилъ собакъ. И хотъ бы держалъ-то хорошихъ: ну, тамъ, лягавыхъ какихъ, понтеровъ, сетероу и т. п., а то просто дворняги. И вѣдь какая ихъ была у него пропасть—ну, не пройдешь.

Какъ сейчасъ помню, день былъ пасмурный, скучный. Сижу я у этого барина, въ большомъ залѣ, за ломбернымъ столомъ и составляю повѣрочную опись.

При вѣздѣ въ имѣніе, я хота и видѣлъ собакъ штукъ 5—6, но не обратилъ на нихъ вниманія. Разбѣжались онѣ—и кончено. Но тутъ, во время работы, вдругъ слышу за спиной, кто-то сладко скулить. Оглядываюсь, смотрю, на креслѣ, покрытомъ дорогой зеленой матеріей, лежитъ здоровенный черный песъ, съ коричневыми подпалинами и, распустивъ слюни, сладко потягивается на подушкѣ. Далѣе, на другомъ креслѣ, еще такой же почиваетъ, подвернувъ подъ себя морду. Еще далѣе, на диванѣ—цѣлая тройка лежитъ. Тѣ казались мнѣ еще здоровѣе.

Батюшки мои! Да ихъ здѣсь больше десятка! Запахъ псины началъ распространяться въ компаніи ужаснѣйшій. Въ то же время мнѣ даже страшно стало. Ну, какъ, да они вздумаютъ броситься на меня, что я съ ними едѣлаю?

Разсматриваю залъ, вижу среди самой комнаты, на хорошемъ крашеномъ полу, поставлены два ло-

малыхъ горшка съ водой. Полъ въ этомъ мѣстѣ уже началъ гнить отъ постоянной сырости. На диванѣ и на креслахъ матерія была вся изодрана собачьими когтями.

Въ это время входитъ старикъ хозяинъ. Собаки приподымаютъ морды, настораживаютъ уши и радостно виляютъ хвостами. Фигура хозяина преоригинальная. Изъ-за старческаго заострившагося подбородка, непривѣтливо торчала сѣдая борода. Такія бороды всегда можно встрѣтить у финскихъ скиперовъ, когда пойдешь по набережной Васильевского острова. Сѣрая, изношенная фризловая шинель висѣла на его высокомъ тощемъ туловищѣ, какъ на вѣшалкѣ. Въ рукахъ онъ держалъ черную бархатную фуражку съ клеепчатымъ козырькомъ. Старикъ на цыпочкахъ, дабы не помѣшать мнѣ, направлялся въ мою сторону. Я вижу, какъ онъ по пути любовно грозитъ пальцемъ, то тому, то другому псу.

— «Ну, знаете, Николай Петровичъ, прогоните собакъ, вѣдь это невозможно заниматься въ такой атмосферѣ, сердито говорю ему. Старикъ моментально мѣняется въ лицѣ; изъ веселаго — дѣлается грустнымъ. Отходить въ сторону, и я слышу за стеной восклицанія: Трезоръ! Полканъ! Вилей! н-н-но! и т. п. Уводитъ ихъ за двери и черезъ минуту возвращается уже одинъ.

Проходитъ такъ нѣкоторое время. Слышу, скрипнуть дверь, за пей другая, смотрю, — собаки просунули морды въ комнату и вопросительно посматриваютъ: дескать, нельзя-ли взойти? Гляжу на хозяина, а тотъ умильно, точно роднымъ дѣткамъ, грозитъ имъ пальцемъ.

Я вскакиваю со стула и рѣшительно говорю:

«Ежели вы ихъ немедленно не выгоните, я складываю бумаги и уѣзжаю». Тогда старикъ мой приходитъ въ отчаяніе, — бросается вонъ изъ комнаты, выгоняетъ дворнягъ и опять возвращается ко мнѣ, сердитый, недовольный, съ плетью въ рукѣ. Но не проходитъ и 10 минутъ, какъ двери снова начинаютъ скрипѣть, собачьи морды снова показываются, и мой старикъ по прежнему умильно грозитъ имъ пальцемъ. Я перехожу работать въ сосѣдній флигель.

Какъ потомъ оказалось, всѣхъ дворнягъ у этого помѣщика кормилось 60 штукъ. Онъ былъ одинокій и прокормилъ на нихъ все свое имѣніице, которое и продали съ аукціона. Тогда бѣдный помѣщикъ, съ двумя любимыми кобелями, поселился у сосѣда — мужичка, у котораго и прожилъ до самой смерти чуть не изъ милости.

Пока я такъ раздумывалъ, вдругъ слышу, мой возница Иванъ плаксиво восклицаетъ все тѣмъ-же гнусавымъ голосомъ:

— «Ой-ой, куда мы заѣхали!»

Смотрю, ѣдемъ лѣсомъ. На небѣ скопились тучи и сдѣлалось совершенно темно. Небольшія ели и березы, въ темнотѣ, кажутся мнѣ огромными деревьями, взвивающимися въ небеса. Лошади еле двигаются. Тарантасъ такъ сильно толкаетъ изъ стороны въ сторону, что, того и смотри, вывалишься.

Я не любилъ ѣздить ночью, въ особенности лѣсомъ. Все боялся, чтобы вѣткой или какимъ сучкомъ не выхлестнуло глазъ. Кромѣ того, ночью, то-же пространство проѣдешь втрое дольше.

— «Ой, ой, — темень какая! да кажись и «дождь» сейчасъ пойдетъ!» продолжаетъ онъ плакаться, и я, хотя и съ трудомъ, но все-таки различаю, какъ онъ

крѣпче подтягиваетъ истрепавшимся кушакомъ свой сѣрый кафтанъ. Въ это время чувствую, какъ широкая еловая вѣтвь, точно лапа какая, мягко гладитъ меня по головѣ, а затѣмъ едва не сдергиваетъ фуражку. Я вдругъ вспоминаю, что мы, вѣрно, сбились съ настоящей дороги и попали на зимнюю, о которой насъ предупреждалъ ухаревскій работникъ.

— Да ты куда забрался-то? злобно кричу на ямщика. — Ты, вѣрно, прозѣвалъ поворотку, — розиня ты этакая?

— Да, гдѣ прозѣвать, я все лѣва держалъ! И онъ по своему обыкновенію начинаетъ снова причитать, а затѣмъ брапитъ себя, что поѣхалъ со мной въ такую дальнюю дорогу.

— За грѣхи попуталъ Господь! Я бы дома по гривенничкамъ выручилъ эти деньги! При этомъ безпрестанно наклоняется, чтобы не зацѣпить головой за сучки. Въ довершеніе нашего бѣдствія начинаетъ накрапывать дождикъ.

Наступаетъ молчаніе. Слышенъ только стукъ колесъ, хрустъ сучьевъ подъ ногами лошадей, чавканье грязи, да рѣдкое, монотонное позвякиваніе колокольчика. Долго тащимся мы такъ по болоту, рискуя ежеминутно завязнуть. Наконецъ, выбираемся на твердую дорогу. Лошади идутъ бодрѣе, подымается вѣтеръ, тучи разлетаются. Вдали, на горизонтѣ, показывается заря, и на ея огненномъ фонѣ зачернѣли деревенскія крыши. Мы мелкой рысью въѣзжаемъ въ «Глухое».

Чтобы не будить владѣльца въ такой поздній часъ, мы останавливаемся около одной избы, вблизи господскаго дома, по виду, должно быть, кухни. Вылѣзаю изъ тарантаса, подхожу къ окну и стучу.

Отвѣта нѣтъ!

— Хо-о-о-о,—зѣваетъ Иванъ.—Шибко запоздали мы съ тобой, баринъ! Ишь, какъ свѣтло, должно, скоро и солнышко покажется!—разговариваетъ онъ, сидя на облучкѣ, въ добродушномъ сонномъ настроеніи. Усталыя лошади трутся мордами о концы оглобель, чрезъ что колокольчикъ отъ времени до времени усиленно звякаетъ и нарушаетъ ночную тишину. Кругомъ, въ бѣломъ туманѣ, коростели точно въ запуски громко перекликаются.

— Стучи смиле, чего они тамъ разоспались!—фамиллярно восклицаетъ Иванъ, снимаетъ шляпу, скребетъ въ головѣ и глубже надѣваетъ ее. Я вторично стучусь въ окно и кричу.

— Эй, выйди, кто-нибудь!

Накопецъ, слышатся шаги, лязгъ щеколды, дверь отворяется, и на крыльцо выходитъ мущина со взъерошенными волосами, высокій, тощій, въ бѣлой рубахѣ, такихъ-же шароварахъ, босикомъ. За нимъ на полуvinу высовывается женская фигура, то же въ бѣломъ. Въ полутемпотѣ, лицъ ихъ мнѣ невозможно хорошо разобрать.

Мужчина дико озирается, сначала на меня, потомъ на повозку, затѣмъ присѣдаетъ и вдругъ, точно сумасшедшій, оретъ во все горло.

— Ка-ра-у-уль! ка-ра-у-уль! гра-а-абятъ!

Женщина бросается къ нему, зажимаетъ ротъ ладонью и начинаетъ усовѣщивать.

— Петро! Петро! опомнись, что ты? Вѣдь это вѣрно къ нашему барину пріѣхали, тотъ господинъ, котораго они ожидали.

— Да! — Ладно! — рассказывай! — недовѣрчиво бормочетъ тотъ тоненькимъ сонливымъ голосомъ, по уже, видимо, опомнившись.

— Ты поди-ко посмотри, какъ кухню-то обрабатывали!—Онъ пристально всматривается въ пазъ какимъ-то ошпалымъ взоромъ, поворачивается, хочетъ почесать рукой посреди спины, что ему, очевидно, не удается и, виляя плечами изъ стороны въ сторону, дабы утолить зудъ, быстро скрывается. Черезъ мину-ту выходитъ та-же самая женщина съ платкомъ на головѣ, и провожаетъ меня въ господскій домъ.

Еще не прошелъ я и половины дороги, какъ вижу, при свѣтѣ показавшихся солнечныхъ лучей, на встрѣчу медленно выступаетъ, въ бѣломъ халатѣ, точно привидѣніе какое, самъ владѣлецъ, высокій сѣдовласый старецъ, съ длинной, какъ лентъ, бѣлой бородой. Мы знакомимся. Смотрю на него и невольно люблюсь, — какой красивый, представительный мужчина. Длинные сѣдые волосы, мягко ниспадая на плечи, вились кольцами. Лицо покрыто матовой блѣдностью. Длинные усы прикрывали ротъ. Старикъ страдалъ удушьемъ и говорилъ медленно, съ разстановкой.

— А я, знаете, слышу крики: «Караулъ, грабятъ», взялъ револьверъ, да и вышелъ, чтобы узпаты, что случилось!

Я рассказываю ему, какъ было дѣло.

— Эхъ, этотъ Петруха! вѣчно онъ что-нибудь да накуралесить. Вчера, знаете, праздникъ былъ, ну, вотъ онъ съ утра еще напился, меня безъ обѣда оставилъ, и вотъ, до сихъ поръ, проспаться не можетъ.

Входимъ въ домъ.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, я одишь въ домъ, жена съ дѣтми уже въ городъ переѣхала. Экзамены, знаете! Дѣтямъ учиться надо! — медленно, задыхаясь, говоритъ онъ и провожаетъ меня въ кабинетъ, гдѣ уже была приготовлена постель.

Тотъ, кто не ѣздилъ по нашимъ отвратительнымъ проселочнымъ дорогамъ, да еще на плохихъ лошадяхъ, тотъ не можетъ понять того блаженного чувства, когда послѣ всѣхъ этихъ мученій, въ особенности послѣ станціонныхъ клоповъ, уляжешься на мягкой кровати, покрытой чистымъ бѣльемъ, подъ теплое ватное одѣяло.

Утромъ, послѣ чаю, отправляемся съ хозяиномъ осматривать имѣніе. Проходимъ какъ разъ мимо кухни. Сквозь отворенное окно вижу фигуру моего вчерашняго знакомаго Петра. Въ бѣлой поварской курткѣ и такомъ-же колпакѣ, съѣхавшемъ немного на бокъ, сумрачный, рубилъ онъ мясо, при чемъ ловко выбивалъ тактъ. При видѣ насъ, на отекомъ отъ перепоя, морщинистомъ, потномъ лицѣ его, покрытомъ рѣдкими, черноватыми волосами, выражается смущеніе. Казалось, онъ готовъ былъ куда-нибудь скрыться, да нельзя, самъ хозяинъ тутъ.

Тра-та-та! тра-та-та! отчетливо барабанить онъ полами.

— Петро! поди-ко взгляни, какъ кухню-то обрабатали!—смѣясь, кричу ему.

— Э, ну васъ, баринъ, уже, молчите, не вспоминайте!—виноватымъ голосомъ восклицаетъ онъ и бросаетъ на меня изъ-подлобья укоризненный взглядъ.

Мы садимся въ одноколку, запряженную плохонькой рабочей лошадежкой вороной масти. Хозяинъ править, и мы сряду-же за усадьбой выѣзжаемъ на покосъ. Онъ далеко протянулся вдоль берега рѣки. Отъѣзжаемъ немного, и я прошу владѣльца остановиться.

— Дайте мнѣ, говорю, свѣриться съ мѣстностью,—и начинаю развертывать плащъ имѣнія. Вдругъ паша

лошаденка пугается бѣлой бумаги и со всѣхъ четырехъ ногъ кидается къ рѣкѣ. Мы оба хватаемся за возжи и изо всѣхъ силъ стараемся остановить лошаденку. Та, между тѣмъ, прижавъ уши, какъ бѣшеная, несется напрямикъ къ рѣкѣ. Ближе, ближе. Уже я вижу страшно обрывистый берегъ и внизу синеватую воду. Вдругъ одна возжа лопается. Это кажущееся на первый взглядъ несчастіе и послужило намъ на спасеніе. Наши соединенныя усилія невольно устремляются на одну возжу, и около самой кручи намъ удается свернуть въ сторону и упереть лошадь въ сарай. Смотрю на Сѣновалова, онъ блѣденъ, какъ его бѣлая борода. Отъ удушья онъ ничего не можетъ говорить, и только усиленно моргаетъ глазами, да неестественно улыбается. Вылѣзаю изъ одноколки, подхожу къ берегу, смотрю, и только дивуюсь, гдѣ былъ нашъ слѣдъ отъ колесъ. Еще аршинъ—и мы опрокинулись-бы навѣрно. Внизу, на глубинѣ 10—12 саженьей, большіе, сѣроватые, ослизлые камни непривѣтливо выглядывали изъ воды и поминутно обмывались пѣнистыми волнами.

— Случай этотъ, знаете, напомнилъ мнѣ, какъ года три назадъ меня чуть коломъ не убило,—разсказываю моему спутнику, когда мы, успокоившись немного, поѣхали дальше.

— Это было тоже при осмотрѣ одного имѣнія. Ъхалъ я днемъ съ владѣльцемъ въ его пролеткѣ на парѣ лошадей. Проѣзжаемъ деревню. Вдругъ слышимъ, что-то въ дрожкахъ зашуршало; смотрю, передъ нами съ передней скамейки слетаетъ на землю мой соломенный чемоданчикъ, вотъ тотъ самый, который вы помогали мнѣ вчера нести. На мѣсто-же его, сквозь кожаный передокъ дрожекъ вылѣзаетъ

коль. Острый копецъ его уже торчалъ отъ моей груди въ какихъ-нибудь 2—3 вершкахъ.

Спутникъ мой въ ужасѣ смотритъ на меня, качаетъ головой и что-то хочетъ спросить, но я продолжаю.

— Хорошо, что мы шагомъ ѣхали и успѣли остановить лошадей. Оказалось, что коренная ступила на коль; тупой копецъ его уперся въ землю, острый-же, обращенный въ нашу сторону, приподнялся и экипажъ такъ на него и наѣхалъ. Едва, едва вытащили, такъ онъ засѣлъ.

— Господи, Боже мой! — уже не говорить, а какъ-то шипитъ Сѣноваловъ. Отъ всѣхъ этихъ страховъ удущье совсѣмъ охватило его.

— Вѣдь этакъ васъ могло насквозь пронзить? — говоритъ онъ и едва замѣтно крестится.

Мы объѣзжаемъ поля, луга, лѣса. Все было въ образцовомъ порядкѣ. Возвращаемся домой.

— Вѣдь я и денегъ-то прошу только для того, чтобы расчистить заросли по рѣкѣ, — жалобно рассказываетъ хозяинъ и пропускаетъ меня первымъ взойти въ домъ.

Входимъ въ кабинетъ. Сѣноваловъ тяжело опускается въ глубокое кресло подлѣ письменнаго стола, гдѣ были разложены плапы имѣнья, и съ задумчивымъ видомъ начинастъ перебирать мягкими глянцевитыми пальцами свою длинную бороду.

— Вотъ мой сосѣдъ, Ухаревъ, — рассказываетъ онъ, какъ-бы припоминая что. — Вы, кажется, отъ него пріѣхали?

Я молча киваю головой въ знакъ согласія.

— Такъ вѣдь тому сколько ни давайте, все равно, мимо рукъ пройдетъ. Вы знаете, что пока онъ въ

гусарахъ служилъ, такъ три великолѣпнѣйшихъ имѣнїя прожилъ.—И Сѣповаловъ рассказываетъ мнѣ про своего сосѣда нѣсколько анекдотовъ, сїлясь доказать, что тому необходимо совершенно отказать въ ссудѣ, точно боялся, что если я Ухареву назначу сколько-нибудь, то уже для него, Сѣповалова, въ банкѣ и денегъ не хватитъ.

Я достаю бумаги, смотрю, сколько онъ просить. вижу всего 10 тысячъ.

— Да успокойтесь,—говорю ему,—вы получите вашу ссуду!—Старикъ остается очень доволенъ, благодарно смотреть на меня своими большими голубыми глазами, тяжело подымается съ кресла, жметъ мою руку и, шаркая ногами по полу, медленно выходитъ изъ комнаты распорядиться на счетъ обѣда.

III.

Было часовъ шесть утра, когда я остороженько, чтобы не разбудить хозяина, выхожу на крыльцо, узнать, заложены-ли лошади, какъ то приказано было съ вечера. Оказывается, онѣ были уже готовы и разнузданныя стояли у сѣна. Ивалъ мой дремалъ, прикурнувъ на сидѣннѣ.

Но сколько ни старался я ходить на цыпочкахъ, а хозяинъ все таки услышалъ и вышелъ ко мнѣ въ своемъ бѣломъ халатѣ.

— Я слы-ы-шу, что вы ходите!.. Эку рань поднялись! Напились-бы чайку, закусили, да тогда и съ Богомъ, ласково говорить Сѣповаловъ и провожаетъ меня въ комнату.

— Да гдѣ-же это Мишка? Что онъ не поможетъ вамъ?—Высовывается въ корридоръ и кричитъ:

— Мишка! Мишка!

Изъ сосѣдней комнаты, точно ошпаренный, выбѣгаетъ мальчикъ лѣтъ 15-ти, босикомъ, въ парусиныхъ панталонахъ и такой-же визиткѣ, очевидно съ барскаго плеча, и въ припрыжку направляется къ намъ. Лицо одутловатое, заспанное.

— Помоги мнѣ застегнуть чемоданъ, отрывисто говоритъ баринъ. Тотъ сряду же падаетъ передъ моимъ сакъ-вояземъ на колѣни такъ сильно, что мнѣ даже больно становится за него, и, придерживая одной рукой свою черезчуръ коротенькую рубашу, чтобы та не вылезала изъ панталонъ, другой, одновременно, съ недовольнымъ видомъ, принимается укладывать вещи.

Но вотъ я и готовъ. Мы прощаемся.

— Прощайте, — прощайте, дорогой мой. Такъ уже я буду крѣпко надѣяться, что къ ноябрю-то ссуда выйдетъ, задыхаясь говоритъ хозяинъ, обнимаетъ меня и цѣлуетъ въ щеку.

— Ручаться не могу, ужъ вы теперь сами торопите! говорю ему.

Выходимъ на крыльцо. Мишка бѣжитъ черезъ дворъ за лошадьми.

— Такъ вы теперь въ «Ершово», къ Охвостьеву? восклицаетъ Сѣноваловъ и затѣмъ шутливо добавляетъ: «къ Матюшѣ»; онъ поди теперь одинъ. Радехонекъ, что хозяйку спровадилъ. Его вѣдь то-же, какъ и моя, съ дѣтьми въ городъ уѣхала — рассказываетъ онъ и многозначительно подмигиваетъ мнѣ глазомъ.

Что-бы это значило? думаю.

— Ну, да ладно, ладно! — Сами узнаете! смѣясь

говорить онъ, замѣтивъ мой удивленный взглядъ и подсаживаетъ меня въ тарантасъ.

Мы еще разъ обнимаемся и лошади трогаются съ мѣста.

— Ты знаешь-ли дорогу-то? говорю Ивану, боясь, чтобы, какъ и прошлый разъ, опять не сбиться.

— Слава Богу! въ Ершово-то не знать! Вѣдь отъ нашего города всего въ 12 верстахъ! весело восклицаетъ тотъ.

Ну, наконецъ-то, думаю, Иванъ доволенъ. Лошади его въ «Глухомъ» замѣтно поправились, да и самъ онъ за это время не мало рюмочекъ выпилъ.

Мы ѣдемъ сжатымъ полемъ. Солнце чуть выкатилось изъ-за мѣся. Кусты и хлѣбныя скирды бросаютъ на землю рѣзкія длинныя тѣни. Разношерстное барское стадо коровъ, позвякивая колокольчиками, разбредлось чуть не по всему полю, и мирно щиплетъ осеннюю, полузавядшую траву, покрытую росой. Вонъ одна красивая бѣлая корова остановилась на самой дорогѣ, подняла морду, оттопырила уши и удивленно смотреть на насъ. Повидимому, она не хочетъ очищать путь и упорно стоитъ на своемъ мѣстѣ. Но вотъ мы наконецъ почти совсѣмъ паѣзжаемъ на нее. Корова испуганно кидается въ сторону, жалобно мычить и неловко прыгаетъ черезъ канаву, помахивая грязнымъ, зеленоватымъ хвостомъ.

Въ сторонѣ, подъ хлѣбнымъ скирдомъ, пріютились пастухи. Беззаботно плетутъ они себѣ изъ лыка лапти и изрѣдка посматриваютъ по сторонамъ.

— Что, какъ полагаешь, Ершовскій баринъ дома теперь? говорю Ивану.

— Теперь дома, тихо и какъ-бы съ нѣкоторой

опаской въ голосѣ, отвѣчаетъ тотъ, и съ просонья поводитъ плечами, ежась отъ свѣжаго утренника.

— Одинъ живеть? продолжаю спрашивать.

Мой возница искоса смотреть на меня, точно желая узнать, серьезно я говорю, или шучу.

— Гдѣ одинъ, знамо съ «посестрой»! Эта у него куда красивѣе прежней. Отъ нашей деревни недалече, въ 2-хъ верстахъ взялъ, Катериной зовутъ. Ту, Настю-то, домой отправилъ, къ родителямъ. Землю купилъ ей, домъ въ деревнѣ выстроилъ, корову подарилъ. Я, говоритъ, тебя, Настя, николи не забуду, рассказываетъ Иванъ, такимъ дружескимъ тономъ, что видимо былъ весь на сторонѣ Охвостьева и одобрялъ всѣ его дѣйствія.

Я зналъ Матвѣя Семеновича. Познакомился съ нимъ случайно, у его-же сосѣда — помѣщика. Онъ мнѣ сразу понравился. Недаромъ говорится: «лицо есть зеркало души». Ни къ кому, кажется, эта пословица такъ не шла, какъ къ Охвостьеву. Лицо у него было чрезвычайно открытое, моложавое, добродушное и вѣчно веселое. Большіе, на выкатѣ, голубые глаза, постоянно выражали пѣкаторое изумленіе.

Небольшого роста, плотный, коренастый и замѣчательно подвижной, Матвѣй Семеновичъ удивительно умѣлъ своимъ интереснымъ разговоромъ расположить къ себѣ каждаго встрѣчнаго. Стоило поговорить съ нимъ съ полчаса, какъ казалось, что уже вѣкъ съ нимъ знакомъ былъ.

Въ особепности нравился онъ мнѣ тѣмъ, что ежеминутно готовъ былъ дѣлать, что вы хотите: гулять, кататься, читать, писать, охотиться, рыбу ловить, разговаривать о чемъ угодно и сколько угодно.

Не смотря на свой веселый нравъ и кажущуюся

съ перваго раза вѣтренность, Охвостьевъ считался въ округѣ первымъ хозяиномъ. Все у него росло и поспѣвало и лучше и скорѣе, чѣмъ у сосѣдей. Какаянибудь сельскохозяйственная машина, о которой сосѣдъ его еще только вычиталъ въ газетахъ, — смотришь, у Охвостьева уже привезена и работаетъ. Кромѣ того, онъ былъ добръ и частенько ссужалъ крестьянъ и хлѣбомъ, и деньгами.

За все это Охвостьевъ пріобрѣлъ общую любовь въ своей сторонѣ.

Дома жена и сестры звали его «Матюшей», отсюда и крестьяне тоже стали такъ звать.

И сталъ мой Матвѣй Семеновичъ «Матюшей».

Въ Ершовѣ былъ я раза два, а потому еще издали узналъ его красную крышу, потонувшую въ глубокой зелени тѣнистаго сада.

Смѣшно сказать, меня, точно мальчишку какого, подмывало увидать, какъ поживаетъ мой Охвостьевъ, одинъ-одинешенекъ со своей «посестрой». Мнѣ это было тѣмъ болѣе интересно, что я зналъ и его жену, дебелую барыню, пухлую, близорукую и весьма некрасивую, а также всю его семью: сына и трехъ дочерей, изъ коихъ старшей уже было за тридцать.

Вѣѣзжаю во дворъ — ни души. Останавливаюсь около дома у стараго покосившагося подъѣзда, и подымаюсь во второй этажъ. Первое, что вижу, черезъ открытую настежь дверь прихожей, среди кабинета, заваленнаго разнымъ домашнимъ скарбомъ: перинами, тюфяками, сундуками и разными разностями, стоитъ лицомъ ко мнѣ, въ чистой голландской рубашкѣ и новенькихъ сѣрыхъ панталанахъ, мой добрый-пній Матвѣй Семеновичъ: руки растопырены, и на нихъ надѣты холщевыя рукавички, какъ у малень-

кихъ дѣтей, чтобѣ они не расчесывались ночью. Изъ-за плеча его выглядывала черноглазенькая дѣвушка. Конечно, думаю, это и есть посестра Катерина, о которой говорилъ Иванъ. Она старательно подвязывала барину галстукъ подъ подбородкомъ.

Баринъ видитъ меня. На лицѣ его высказывается недоумѣніе. Онъ какъ будто чего пугается; на устахъ появляется улыбка, и я слышу восклицаніе, точно моего Матюшу разомъ окатили уша-томъ холодной воды.

— О-хо-хо-хо! батюшка! Отецъ родной! Это вы, Александръ Васильевичъ! И онъ бросается ко мнѣ съ распростертыми объятіями.

— Боленъ, нездоровъ, никуда не выхожу, чешотка одолѣла, вотъ видите! уныло восклицаетъ онъ и безпомощно протягиваетъ мнѣ руки, обвязанные рукавчиками.

Мы сердечно обнимаемся.

Дѣвушка, между тѣмъ, стоитъ себѣ, въ своемъ голубенькомъ платицѣ, стыдливо потупивъ глаза и не знаетъ, что ей дѣлать: уходить или оставаться. Она была въ эту минуту прехорошенькая.

— Батюшки! Отцы родные! съ отчаяніемъ восклицаетъ мой пріятель и всплескиваетъ руками. — Вѣдь вы, значить, ко мнѣ, для осмотра?

— Да! А что же такое? съ удивленіемъ спрашиваю его.

— До зарѣза въ городъ надо! Сегодня срокъ моему векселю въ 13 тысячъ! И въ доказательство своихъ словъ онъ проводитъ у себя пальцемъ по горлу.

— Вы видите, я собрался въ городъ! и взоромъ указываетъ мнѣ на свои новыя панталоны.

— Ну, а когда же вернетесь?

— Завтра, ранехонько! Но очевидно вспоминая что-то, вопросительно посматриваетъ, то на свою красавицу, то на меня.

— Ну, такъ что-же? говорю ему и смѣюсь. — Вы себѣ поѣзжайте, а я тутъ останусь, подожду васъ. Скучать не буду.

— Ха-ха-ха! хохочетъ Матвій Семеновичъ самымъ задушевымъ смѣхомъ, широко раскрывая свой беззубый ротъ.

— Чего-же вы хохочете? говорю ему, стараясь быть серьезнымъ. — Вѣдь не ѣхать же мнѣ обратно въ Петербургъ!

Тутъ мой Охвостьевъ соображаетъ, что дѣло не шуточное, а между тѣмъ не знаетъ, какъ ему быть: и ѣхать-то необходимо, да и красавицу-то свою боится оставить. Лицо его становится уморительно смѣшнымъ и соединяетъ въ себѣ одновременно и страхъ и недоумѣіе.

— Катя? Какъ же ты? Останешься съ бариномъ? Спрашиваетъ онъ свою возлюбленную, стараясь придать голосу совершенно спокойное безучастное выраженіе.

— Хи-хи-хи, хохочетъ та, жеманится и закрываетъ лицо рукавомъ.

— Ну, чего хохочешь, говори? — Баринъ сумрачно достаетъ со стола грязную гребенку, и съ озабоченнымъ видомъ начинаетъ расчесывать клочковатую, свѣтло-рыжую бородку.

Мнѣ мой пріятель становится жалокъ, и, чтобы успокоить его, говорю ему:

— Знаете что! я васъ выручу?

— Ну! Какъ? Отецъ родной! радостно воскли-

цаетъ онъ, и удивленные, большіе глаза его еще болѣе расширяются.

— Вы доставьте меня только къ вашему сосѣду Плеткину. И тамъ погощу, переночую, а утромъ прѣйду и осмотрю ваше имѣніе. Согласны?

— Благодѣтель! Вотъ ужъ дѣйствительно выручилъ!—И онъ радостный бросается меня обнимать, послѣ чего торопится доканчивать свой туалетъ.

Я иду внизъ и рассчитываю Ивана, а затѣмъ, такъ, черезъ часъ времени, послѣ сытнаго завтрака, который намъ приготовила черноглазая Катя, изъ воротъ Ершова выѣзжаютъ одновременно два тарантаса. Одинъ, въ коемъ сидѣлъ успокоившійся духомъ Матюша, повертываетъ направо въ городъ, другой же, со мною, заворачиваетъ налѣво.

Ужъ я порядочно отѣхалъ, а между тѣмъ, хорошо вижу, что мой Матюша все еще украдкой выглядываетъ изъ тарантаса и слѣдитъ за мной глазами, какъ бы грѣхомъ не повернулъ я обратно въ Ершово.

Въ гостяхъ у князя Кунгурова.

I.

— Легче, легче! чего гонишь какъ сумасшедшій,—кричу ямщику, парнишкѣ лѣтъ 17, въ синей поддевкѣ и такомъ же картузѣ, съѣхавшемъ совершенно на затылокъ. Тотъ въ это время выѣхалъ на базарную площадь города N и, точно боясь осрамиться передъ городскими жителями, сломя голову погонялъ лошадей. Тарантасъ убійственно трясся по булыжной мостовой.

— Сейчасъ, за угломъ, остановись у гостиницы. Заворачиваемъ. Смотрю, у подъѣзда стоитъ знакомая мнѣ рыжая тройка, въ коляскѣ, пріятеля моего, помѣщика Дѣдапова. Дѣдаповъ, или, какъ его звали въ городѣ, «Дѣданъ», былъ любитель лошадей.

Вылѣзаю изъ тарантаса, расплачиваюсь съ ямщикомъ и затѣмъ поднимаюсь по лѣстницѣ.

Гостинница помѣщалась на углу Большой улицы и окнами выходила на площадь.

Каждый пріѣзжій здѣсь, ежели ему нужно было узнать что, или услышать какую-либо уѣздную новость, непременно завертывалъ сюда.

Хозяйка-буфетчица была здѣсь молодая вдовушка, довольно смазливенькая и великая сплетница. Она

представляла изъ себя живую газету и знала до малѣйшихъ подробностей все, что творилось въ уѣздѣ.

Вхожу въ гостиницу. Пахнетъ помоями и кухней. Сквозь растворенныя двери еще издали вижу въ залѣ, у окна, плотную фигуру Дѣданова. Онъ сидѣлъ за столомъ, въ толстой синей визиткѣ и, подвязавъпись салфеткой, какъ маленькія дѣти, держалъ обѣими руками какую-то косточку и старательно глодалъ ее.

— Здравствуйте, Егоръ Ивановичъ!—кричу ему. Знакомый былъ туговать на ухо.

— А-а-а! д-д-другъ мой!—хрипло и слегка заикаясь восклицаетъ онъ и подымается со стула. Наскоро отеревъ руки о болтавшуюся на шеѣ салфетку, съ распростертыми объятіями онъ идетъ ко мнѣ на встрѣчу и пресерьезно подставляетъ свои щетинистыя пунцовыя щеки для поцѣлуя.

Дѣдановъ былъ оригиналенъ. Лѣтъ подь шестьдесятъ, съ хорошими средствами, большой добрякъ и превеликій спорщикъ, въ то же время онъ, какъ говорится, былъ «нраву моему не препятствуй». Егоръ Ивановичъ долго не могъ отстать отъ своихъ старыхъ крѣпостныхъ прпвычекъ. Чуть съ кѣмъ изъ работниковъ своихъ, бывало, заспорить, такъ руки у него и начинаютъ чесаться. Голось имѣлъ грубый, рѣзкій, точно рубилъ, а не говорилъ. Сужденія его были чрезвычайно рѣшительны. Всѣ у него были мошенники и подлецы, всѣхъ, по его мнѣнію, слѣдовало вѣшать, въ особенности чиновниковъ, которые-де только даромъ хлѣбъ ѣдятъ и казну обкрадываютъ.

Бывало, мой Егоръ Ивановичъ, даже и при гостяхъ, такую фразу ляпнетъ, что потомъ самъ долго съ удивленіемъ посматриваетъ по сторонамъ, какъ

бы соображая, что такое онъ брякнулъ и какъ могъ онъ это выговорить? Послѣ чего, обыкновенно, подходилъ къ кому-либо изъ гостей, бралъ за пуговицу и, заикаясь, сердито спрашивалъ: Согласитесь, что я п-п-правъ! Вѣдь я вѣрно говорю?

— Ко мнѣ, ко мнѣ ѣдемъ!—восклицаетъ Дѣдановъ и дружески шуритъ на меня свои узенькіе подслѣповатые глаза.

— Какая у меня, батенька, п-п-правая п-п-пристяжная! Какъ змѣя вьется!—и онъ въ избыткѣ чувствъ посылаетъ мнѣ рукой воздушный поцѣлуй.

Не дождавшись отвѣта, и даже не спрашивая, куда я ѣду, зачѣмъ, тороплюсь или пѣтъ,—мой пріятель оборачивается и кричитъ на всю залу сильнымъ голосомъ:

— Эй, малый!

Изъ-за буфета выбѣгаетъ мальчишка, въ засаленной курткѣ и съ салфеткой на плечѣ.

— Бѣги къ моему Павлу кучеру, вотъ тутъ у воротъ,—и опытычь пальцемъ въ дверь.—Знаешь его?

— Какъ же, знаю-съ,—и парень киваетъ головой.

— Скажи, чтобы сейчасъ ѣхалъ на квартиру и оставилъ тамъ ящикъ съ провизіей, съ подводой пойдеть, а съ нами, молъ, гость поѣдетъ! Слышишь?—и онъ поворачиваетъ его, и слегка толкаетъ въ спину.

— Что вы, помилуйте!—говорю ему.—Да развѣ я могу теперь ѣхать съ вами?

— Отчего? Что за пустяки!—удивленно восклицаетъ мой пріятель и сердито ерошитъ голову.—Куда вы туронитесь?

— Въ Питеръ, домой надо, дѣла везу.

— Пospѣете, будете и въ Питерѣ. Поѣдемъ лучше

ко мнѣ!—говорить онъ такимъ голосомъ, точно я ѣхалъ для удовольствія, а не по службѣ.

Егоръ Ивановичъ понемногу убѣждается, что я не могу къ нему ѣхать, отпускаетъ парня, закуриваетъ папироску, и мы пачинаемъ съ нимъ прогуливаться по залѣ и разговаривать.

— Мнѣ бы вотъ еще Кустаревского повидать надо, по дѣлу, да не знаю, здѣсь ли!—говорю ему.

— Это земскаго? Николая Андреевича? Да вѣдь сегодня съѣздъ ихъ. Навѣрно здѣсь.

— Какъ же-съ, они только что у меня кофе кушать изволили, и вмѣстѣ съ Бороздкинымъ и Трефлевымъ въ собраніе пошли-съ!—визгливо докладываетъ намъ изъ-за буфета почтенная вдова-хозяйка и кокетливо поправляетъ черные волосы. По ея лицу такъ и видно было, что она все время прислушивалась къ нашему разговору.

— Эй, малый!—снова кричитъ помѣщикъ.

Тотъ же парнишка бѣжитъ опять.

— Кустаревского знаешь?—прежде всего грозно спрашиваетъ Дѣдановъ.

— Знаю-съ!—отвѣчаетъ тотъ, останавливается и усиленно моргаетъ глазами, точно бонтся, что вотъ-вотъ сердитый гость сейчасъ дастъ ему щелчокъ по его коротко-стриженной головѣ.

— Ну, такъ бѣги туда, въ собраніе, вызови его и скажи, что-молъ васъ желаетъ видѣть оцѣнщикъ изъ господскаго банка. Слышишь? оретъ онъ. — Пошелъ!

Мальчикъ пускается бѣжать.

— Да постой, постой! — достаетъ кошелекъ и суетъ парню въ руку двугривенный.— Поѣзжай на извозчикѣ.

Мальчикъ пропадаетъ.

— Да вѣдь собраніе, кажется, тутъ и есть, что же вы велите на извозчикѣ-то ѣхать?—говорю ему.

— А вонъ оно напротивъ! — и Егоръ Ивановъ рукой указываетъ на бѣлый каменный домъ, какъ разъ противъ гостиницы, черезъ площадь, ну такъ, саженой съ полсотни, не больше,

— Все скорѣе доѣдетъ! Да вотъ увидите, всѣ земскіе сейчасъ сюда явятся, только узнаютъ, что оцѣнщикъ изъ банка пріѣхалъ, — съ увѣренностью добавляетъ онъ.

Смотримъ, нашъ гонецъ, безъ шапки, выбѣгаетъ изъ гостиницы съ салфеткой въ рукахъ, какъ съ атрибутомъ своей власти, не торгуясь садится на извозчикъ и дрожки и ѣдетъ къ бѣлому дому.

Мы опять начинаемъ прогуливаться по залѣ.

Не проходитъ и 10 минутъ, какъ вновь раздается визгливый голосъ буфетчицы.

— Во-о-онъ они и ѣдутъ-съ!

Глядимъ въ окно, дѣйствительно, черезъ площадь ѣхалъ высокій, тощій Кустаревскій, въ очкахъ, съ длинными какъ у художника волосами, фуражка форменная, съ чернымъ бархатнымъ околышемъ. Онъ сидѣлъ не одинъ, а еще съ кѣмъ-то.

— Кто же это?—воскликаетъ Дѣдановъ и силится рассмотреть.

Смазливенькая буфетчица стремительно подбѣгаетъ къ окну, шурша своимъ сѣренькимъ ситцевымъ платьемъ.

— Это Кашемировъ! Вонъ и Трефолевъ! И Бородкинъ! Вонъ и остальные господа ѣдутъ-съ, — визжитъ вдовушка, и чуть не пляшетъ отъ радости.

— Вотъ, видите-ли! Вѣдь моя правда! Живо

покончили со своимъ засѣданіемъ, когда узнали, что вы здѣсь!—не безъ ироніи восклицаетъ мой Дѣдаповъ.

Тѣмъ временемъ, изъ подъѣзда каменнаго дома, одинъ за другимъ, выходятъ земскіе, кто пальто въ накидку, кто въ рукава. Я хорошо разбираю ихъ лица.

Всѣ въ форменныхъ фуражкахъ, серьезные, садятся попарно на извозничьи дрожки, и, точно въ какую дальнюю поѣздку, направляются черезъ площадь въ нашу сторону. Почти одновременно съ громомъ и шумомъ подкатываютъ они къ подъѣзду гостиницы. Буфетница такъ и носится съ одного конца стойки къ другому, разставляя бутылки и закуски.

Заль моментально наполняется гостями.

— А-а-а, здравствуйте! Когда пріѣхали? Куда ѣдете? На долго ли? — слышатся восклицанія, направленные ко мнѣ.

Я едва успѣваю здороваться и отвѣчать.

Вновь прибывшихъ господъ я почти всѣхъ знаю. У однихъ пмѣнія осматривалъ, съ другими познакомился случайно, у ихъ же сосѣдей. Только одинъ не былъ мнѣ знакомъ: высокій широкоплечій старецъ, должно быть, очень древній, въ военномъ сюртукѣ, безъ погонъ, съ высокимъ стоячимъ краснымъ воротникомъ. Древній вояка напомнилъ мнѣ героевъ отечественной войны, какихъ я видалъ на старинныхъ портретахъ: на головѣ кокъ, около ушей маленькіе александровскіе бакенны, усы закручены кверху. Говорилъ густымъ басомъ и постоянно прибавлялъ частичку «съ».

— Кто же это такой?—спрашиваю Дѣдапова.

— Какъ! Вы не знаете Петра Фадѣевича?—

удивленно восклицаетъ опъ. — Сейчас познакомлю! И безъ дальнѣйшихъ разговоровъ тащитъ меня къ нему.

— Очень пріятно-сь! Много наслышанъ-сь! хрипло баситъ Петръ Фадѣвичъ и протягиваетъ мнѣ сильную, мускулистую, морщинистую руку, съ большимъ золотымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ.

Пока мы знакомимся, по близости незамѣтно раскрывается ломберный столъ, Кустаревскій чуть не насильно всовываетъ мнѣ въ руку карту, ведетъ и усаживаетъ играть въ винтъ.

— Господа, помилуйте! Днемъ играть! Что за срамъ! Да мнѣ и некогда! — кричу я.

Куда! И слышать не хотятъ.

Мнѣ пришлось играть съ маленькимъ, кругленькимъ блондиномъ безъ бороды и усовъ, въ сѣренъкомъ пиджакѣ. Какъ только кто-нибудь изъ насъ задумывался въ картахъ, онъ немедленно покидалъ столъ, подбѣгалъ къ буфету, перегибался черезъ стойку, при чемъ поги его приходились выше головы, шепталъ что-то буфетницѣ на ухо, послѣ чего та, улыбаясь, наливала ему смѣси изъ бѣлой и темной водки.

Выпивъ рюмочку, партнеръ нашъ, закусывая бутербродомъ, торопливо возвращался за карты. Отъ него въ это время такъ и разило: то лукомъ, то сеledкой, то старымъ швейцарскимъ сыромъ.

Тѣмъ временемъ въ сосѣдней комнатѣ устраивается второй столъ. За него усаживается и мой Дѣдановъ.

Не играющимъ остается только Петръ Фадѣвичъ. Онъ новыхъ игръ не признавалъ.

Разговоры прекращаются. Съ другого стола доносится чей-то шепелявый и настойчивый тенорокъ:

— А я все тлефы! А я все тлефы!

— А я все пась! А я все пась!—какъ бы передразнивая его, басить Дѣдаповъ.

Мнѣ ясно видно, какъ Петръ Фадѣвичъ торжественно сидитъ возлѣ Дѣдапова, подпершись лѣвой рукой о колѣно, правую же засунулъ за бортъ сюртука и глубокомысленно смотреть къ нему въ карты. Они старые пріатели.

Я невольно люблюсь его величественной осанкой. Красный воротникъ его былъ такъ высокъ, что подпиралъ заострившійся бритый подбородокъ. Лицо коричневато-землистаго цвѣта изборождено глубокими морщинами.

Партнеръ мой, блондинъ, замѣтивъ, что я наблюдаю за старикомъ, наклоняется и шепчетъ мнѣ:

— 85 лѣтъ, батенька, прожилъ на свѣтѣ, а какая еще силища! Вы давали ему руку? Того и смотри—раздавить!

— Вотъ, когда онъ былъ предсѣдателемъ управы,—разсказываетъ Кустаревскій, медленно, по одной, собирая сданныя карты,—такъ вотъ-то смѣшилъ насъ!

Затѣмъ весело и вполголоса восклицаетъ:

— Господа, извините, ежели я прерву на минутку игру и разскажу имъ маленькій эпизодецъ,—и онъ головой указываетъ на мепя.

— Разсказывайте! разсказывайте!—отвѣчаютъ тѣ, очевидно интересуясь тѣмъ, что онъ хочетъ разсказать о Петрѣ Фадѣвичѣ.

— Разъ, какъ-то въ земскомъ собраніи,—осторожно, чтобы не услышали на другомъ столѣ, начинается Кустаревскій, встряхивая длинными черными волосами, которыя всѣ свалились у него на лобъ, и искоса поглядывая на старика,—онъ вдругъ встаетъ

и докладываетъ, знаете, басомъ, на всю залу, такъ что стѣны дрожать, при чемъ выпячиваетъ подбородокъ и старается подражать голосу Петра Фадѣевича:

— Я-съ, господа-съ, составилъ вамъ арматурный списокъ-съ земскаго имущества-съ...

— Какъ арматурный? Какой арматурный?—слышится со всѣхъ сторонъ въ собраніи возгласы.—Вѣдь мы, говорятъ, не въ полку!

А тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ себѣ докладывать:

— Сюда-съ вошли-съ, изволите ли видѣть-съ,—и показываетъ на списокъ,—мосты-съ, верстовые столбы-съ, учительницы-съ, фельдшерицы-съ, акушерки-съ...

— Ха-ха-ха,—хохочемъ мы.

Петръ Фадѣевичъ, какъ бы чувствуя, что разговоръ идетъ о немъ, медленно поворачиваетъ свое морщинистое лицо, съ выдающимися широкими скулами, бросаетъ на насъ холодный, леденящій взглядъ, кашляетъ, прикрывая ротъ по-ефрейторски двумя пальцами и снова углубляется въ карты.

— Это что! Нѣтъ, я вамъ лучше, господа, расскажу!—пронзительно восклицаетъ партнеръ мой, блондинъ, и, не дождавшись разрѣшенія, торопится рассказывать.

— Лѣтъ пять назадъ, пріѣзжаетъ къ намъ губернаторъ. Ну, Петръ Фадѣевичъ, какъ председатель управы, и предлагаетъ ему показать городъ въ своемъ экипажѣ. А экипажъ у него, надо вамъ сказать, допотопный,—какъ ѣдетъ, такъ за версту слышно. Лошади же, что свиньи откормленные, маленькія, некрасивыя, шерсть копромъ. Губернаторъ-то сначала

какъ увидалъ экипажъ, такъ хотѣлъ-было на понятный, да уже пельзя было, старикъ могъ обидѣться.

— Поѣхали. Сколько ужъ они тамъ концовъ сдѣлали, Богъ ихъ знаетъ, только выѣзжаютъ это они вотъ сюда на базарную площадь, старикъ вдругъ и кричитъ своему кучеру: «Федюха, стой-ка!»

Въ это время Петръ Фадѣевичъ опять обводитъ насъ своимъ мертвеннымъ взглядомъ, но черезъ минуту снова успокоивается.

— Выѣзаетъ изъ экипажа,—продолжаетъ рассказчикъ уже болѣе осторожно,—обращается къ губернатору и говоритъ: Ваше превосходительство, пожалуйте-сь, выходите-сь!

— Почему?—спрашиваетъ тотъ.

— Кобыла жеребится, самымъ хладнокровнымъ образомъ докладываетъ Петръ Фадѣевичъ.

— Какъ жеребится? Не можетъ быть! Что же вы раньше думали?—воскликаетъ губернаторъ, крайне сконфуженный.

— Да я было думалъ, поддержится, а она, вишь ты, какъ поторопилась?—И старикъ самъ помогаетъ губернатору выйти изъ экипажа.

— Такъ и уѣхали на извозчикѣ.

— Ха-ха-ха!—снова покатываемся всѣ мы со смѣху, но уже на этотъ разъ такъ громко, что съ другого стола начали долетать до насъ отрывочные вопросы: Что такое? Что у васъ случилось?

Играть кончили.

Дѣдановъ замѣтилъ, что я хочу ѣхать,—идетъ ко мнѣ, беретъ подъ-руку, многозначительно отводитъ въ сторону, и снова принимается убѣждать ѣхать къ нему.

— П-п-поѣдемъ ко мнѣ!

— Не могу; я же говорилъ вамъ, что тороплюсь въ Питеръ.

— Мы къ князю Кунгурову съѣздимъ, онъ ж-ж-же знаетъ съ вами п-п-познакомиться,—какъ бы поддразнивая меня, настаиваетъ пріятель.

Слово «Кунгуровъ» производитъ на меня магическое дѣйствіе. Я такъ много слышалъ о немъ въ здѣшнемъ краѣ, о его несмѣтномъ богатствѣ, о чудачествахъ его и сказочныхъ затѣяхъ въ имѣніи, что у меня невольно возгорается желаніе побывать тамъ.

— Что это ему вздумалось познакомиться со мной?—говорю Дѣданову.

— Д-д-да, онъ г-г-говорилъ, что думалъ одно время тоже закладывать свое имѣніе, да потомъ и п-п-передумалъ.

— Съ чего ему-то закладывать... такому богачу?

— А Б-б-богъ его знаетъ съ чего, кажется, денегъ у него хоть п-п-прудъ п-п-пруды,—самъ недоумѣвая отвѣчаетъ старикъ.

— Когда же вы хотите ѣхать къ нему?

— А хоть сейчасъ! Вѣдь тутъ всего 15 верстъ до Жеребцова. Отсюда и п-п-поѣдемъ,—отвѣчаетъ мой пріятель съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что, кажется, потребуй я сейчасъ ѣхать на луну, то старикъ и на то согласился бы, лишь бы послѣ того я ѣхалъ къ нему въ гости.

— Ладно, ѣдемъ! — говорю. Только, смотрите, завтра же назадъ.

— Когда хотите доставлю!—радостно бурчить Дѣдановъ. Мы прощаемся съ земскими дѣятелями и уѣзжаемъ.

II.

Рѣзвая тройка легко мчитъ насъ по широкой столбовой дорогѣ, мѣстамъ обсаженной ракетами и березами. Вѣтеръ въ лицо. Облако сѣрой пыли далеко стелется за нами по землѣ. Дѣдановъ уютно откинулся на правый бокъ коляски, закрылся чуть не съ головой парусинымъ балахономъ, и мягко покачиваясь на эластичныхъ рессорахъ, переругивается, какъ подобаетъ старому крѣпостнику, со своимъ кучеромъ Павломъ.

Павель этотъ былъ забавный субъектъ.

Вызнавъ хорошо привычки и характеръ своего барина, онъ понялъ отлично, что съ Дѣдановымъ падо было дѣйствовать по писанію, т.-е. «око за око и зубъ за зубъ».

— Д-д-дай волю коренному, д-д-дай волю! — свирѣпо оретъ помѣщикъ, осиплымъ басомъ.

Павель, очевидно, уже привыкъ къ подобнаго рода крикамъ, а потому и ухомъ не ведетъ. Но хозяинъ не унимается.

— П-п-павлуха! Слышишь-ли! Д-д-дай волю коренному! сильнѣе оретъ онъ, отчего и сильнѣе заикается.

— Дай ему волю, чтобы онъ надорвался, — чуть оборачиваясь къ намъ, въ свою очередь, огрызается Павель. Рябое лицо его съ окладистой бородой выражаетъ затаенную злобу.

— Ч-ч-чортъ! Д-д-дьяволъ! Завтра-же п-п-прогону! — кричитъ старикъ.

— Зачѣмъ завтра, и сегодня можно уйти! Мѣста что-ли нѣтъ! Слава Богу, — хладнокровно возражаетъ тотъ.

Долго еще спорять они. Въ концѣ концовъ, Дѣдановъ, точно исполнивъ свой долгъ, что поругался, прикидывается спящимъ.

Солнце за полдень. Мы ѣдемъ обширными полями. Вдали на горизонтѣ очерчиваются барскія хоромы, утопающія въ глубокой зелени тѣнистыхъ рощъ.

— Видите, вонъ Жеребцово! Вы бывали тамъ?— восклицаетъ Дѣдановъ.

— Нѣтъ, не бывалъ.

— Ну, такъ вотъ уже посмотрите чудесь, — и старикъ нервно ворочается въ экипажъ и еще старательнѣе закутывается въ балахонъ.

Привольно раскинулась богатая княжеская усадьба въ громадномъ паркѣ. Быстро, почти безъ шума, проѣзжаемъ мы по гладкому шоссе, мимо многочисленныхъ каменныхъ построекъ самой причудливой архитектуры. Со стороны можно подумать, что подъѣзжаемъ къ Царскому или Петергофу. Вонъ роскошныя конюшни съ просторнымъ плацомъ, посыпаннымъ гравіемъ и обнесенымъ высокой чугунной рѣшеткой, вдѣланной въ гранитъ. Вонъ экипажные сараи съ лошадиными мордами на стѣнахъ. Далѣе виднѣются различные флигеля для служащихъ. И какъ все выстроено! Какъ изящно!

Но вотъ, въѣзжаемъ на просторный дворъ, среди котораго красуется прелестный цвѣтникъ. Тройка круто осаживаетъ передъ великолѣпнымъ стариннымъ барскимъ домомъ.

Изъ парадныхъ дверей подъѣзда нѣсколько старыхъ слугъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ бросаются къ намъ и бережно помогаютъ выйти изъ экипажа. За ними еще болѣе стремительно выбѣ-

гаютъ казачки въ сѣрыхъ курткахъ и красныхъ жилетахъ со свѣтлыми пуговками. Они вытаскиваютъ изъ экипажа наши вещи. Мой Дѣдановъ хрипло кричить:

— Откладывать!

И затѣмъ, очевидно, преодолевая страстное желаніе взглянуть на своихъ взмысленныхъ любимчиковъ, дабы не уронить своего достоинства передъ княжеской челядью, гордо подымается въ домъ по ковровой лѣстницѣ.

III.

Мой почтенный спутникъ на минуту останавливается у зеркала, приглаживаетъ ладонью височки, слегка хватается за усы, какъ-бы желая убѣдиться, тутъ-ли они, и удостовѣрившись, что все въ порядкѣ, оставляетъ меня въ обширномъ залѣ, а самъ увѣреннымъ шагомъ направляется въ сосѣднюю комнату.

Окидываю взоромъ залъ. Посреди стоитъ билліардъ. Невдалекѣ, у стѣны, виднѣется механическій таперъ-рояль, а возлѣ него, на столахъ и стульяхъ множество потъ. Стѣны украшены гобеленами. На зеркалахъ, этажеркахъ, каминѣ чудные фарфоръ и бронза. Что ни вещь—то рѣдкость. Полъ устланъ мягкими, пушистыми коврами. Изъ зала раскрыта дверь на широкой балконъ, съ котораго нѣсколько ступеней ведутъ въ прелестный садъ. Обстановка такая, что и не вышель-бы.

— Очѣнь радъ съ вами познакомиться!—вдругъ слышу позади себя сильный, пріятный голосъ. Оглядываюсь: предо мною стоитъ самъ князь, еще молодой человѣкъ, лѣтъ 35, въ синей суконной визиткѣ.

Высокій, сухощавый, съ рыжей бородкой и такими-же усами, очень симпатичный. Онъ былъ вдовецъ, бездѣтень, и жилъ въ своемъ имѣніи совершенно одинокъ. Вся фигура его выказывала силу и энергію. Позади видѣлся низенькій, толстенькій Дѣдановъ съ самодовольной улыбкой на устахъ. Онъ, казалось, только не говорилъ: Вотъ видите-ли, обѣщалъ васъ познакомить съ княземъ—вотъ и познакомилъ.

— А я самъ хотѣлъ съ вами свидѣться!—крикливо восклицаетъ мой новый знакомый, тономъ человека, привыкшаго повелѣвать и не допускающаго никакихъ противорѣчій; при этомъ онъ подаетъ мнѣ широкую, сильную ладонь.

Мы направляемся черезъ залъ въ кабинетъ. Здѣсь я познакомился съ секретаремъ князя. Это былъ средняго роста, коренастый господинъ. Онъ почему-то сразу располагалъ къ себѣ. Впослѣдствіи онъ оказался интереснымъ рассказчикомъ.

Вдоль стѣнъ кабинета виднѣются высокіе книжные шкафы свѣтлаго дуба, сплошь уставленные книгами, преимущественно иностранными. Мебель тоже дубовая, покрытая красноватой кожей. На полу, во всю комнату, постланъ коверъ малиноваго цвѣта.

— Думалъ-было тоже закладывать здѣшнее имѣніе въ вашеѣ банкѣ, — продолжаетъ рассказывать князь, при чемъ весело улыбается и начинаетъ быстро шагать по кабинету.

— Мнѣ тутъ пужно было платить за яхту миллионъ рублей; да потомъ разсудилъ, что три миллиона просить не стоитъ, а семи вы не дадите: такъ и отложилъ. Обернулся и безъ васъ.

— Д-д-да, д-д-да, они и т-т-трехъ миллионъ никогда-бы вамъ не дали за Жеребцово!—сурово воз-

ражаетъ Дѣдановъ, къ которому уже, очевидно, приливаетъ обычное желаніе поспорить.

Безъ этого мой пріятель никогда не могъ обойтись, это составляло потребность его натуры. Брови его нахмуриваются и все лицо его принимаетъ упорное, настойчивое выраженіе. Какъ-бы запасшись такимъ настроеніемъ, онъ ставится въ выжидательную позу. Сразу было видно, что скажи ему князь въ эту минуту слово—онъ два. Скажетъ князь два, онъ четыре, и т. д. до бесконечности.

Князь хорошо изучилъ Дѣданова. Цѣнилъ его прямой и вѣрный взглядъ, и потому пропускалъ мимо ушей всѣ его грубости.

— Какъ! За Жеребцово не дать трехъ милліоновъ!—удивленно восклицаетъ хозяинъ, такимъ тономъ, точно дѣло шло о трехъ тысячахъ.

— К-к-конечно не д-д-дадутъ. Вы думаете, что настроили здѣсь дворцовъ, такъ они ихъ и оцѣнятъ. Гроша мѣднаго не д-д-дадутъ. Еще вамъ-же въ убытокъ ихъ п-п-поставятъ, — горячился старикъ, причемъ брызги слюны такъ и летѣли отъ него въ разныя стороны.

— Я самъ закладывалъ свое «Ровное», такъ ужъ знаю въ чемъ дѣло. Спросите его!—и Дѣдановъ киваетъ на меня головой, подходитъ ближе, беретъ за пуговицу моей визитки и угрюмо спрашиваетъ:

— Вѣдь я п-п-правъ, п-п-правъ? Самое большое, что тысячь двѣсти дадите! — послѣ чего бросаетъ на князя торжествующій взглядъ. Тотъ снисходительно посматриваетъ на старика, какъ на ребенка, которому прощается всякая глупость.

Дѣйствительно, думаю я, старикъ уже пересолилъ. Разговоръ шелъ о трехъ милліонахъ, а онъ вдругъ

200 тысячъ. Чтобы выйти изъ неловкаго положенія, и не обидѣть ни того, ни другого, говорю:

— Развѣ можно, Егоръ Ивановичъ, сказать что-либо положительное, не имѣя точныхъ свѣдѣній о помѣстьи? Великъ-ли чистый доходъ? Сколько всей земли? и т. д.

— Какой тутъ чистый д-д-доходъ, когда ежегодно прибавляется на расходы по имѣнію отъ 150 до 200 тыс. руб. Вотъ вамъ какой доходъ!

— Какъ! неужели расходуется такая сумма?— невольно восклицаю.

— Еще мало бываетъ! Случается, когда п-п-постройки какія, такъ и трехъ сотъ тысячъ не хватаетъ, — бурчитъ мой Дѣдановъ, и еще сильнѣе начинаетъ дергать меня за пуговицу.

— Кушать подано!—какъ пельзя болѣе кстати докладываетъ величественный дворецкій, входя въ кабинетъ въ франтовскомъ черномъ фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Онъ на мгновеніе какъ-бы замираетъ. Я, съ невольнымъ любопытствомъ всматриваюсь въ этого господина. Его представительная фигура, расчесанные, выхолощенные бакенбарды съ просьбью, какъ спѣгъ, бѣлая манишка и галстухъ, скорѣе напоминали мнѣ министра, чѣмъ лакея.

Хозяинъ привѣтливо дѣлаетъ намъ знакъ головой, и мы всѣ трое направляемся, черезъ рядъ пышно убранныхъ комнатъ, въ столовую. По пути, то и дѣло выскакивали изъ дверей официанты, все такіе-же представительные, какъ и дворецкій, съ такими-же чудными бакенбардами.

Пока мы добрались до столовой, почтенныхъ официантовъ скопилось тамъ человекъ восемь.

За столомъ сидѣло насъ всего четверо. Обѣдъ

продолжался болѣе часа. Кушанья подавались самыя изысканныя. Поваръ княжескій готовилъ превосходно, и не смотря на это, князь нѣкоторыхъ блюдъ совсѣмъ не ѣлъ, находя ихъ никуда не годными, а какъ пухъ мягкій ростбифъ называлъ просто мерзостью.

Всего болѣе заинтересовали меня во время этого обѣда тѣ предосторожности, съ какими подавались на столъ кушанья. Горячее разливалось изъ миски, стоящей на отдѣльномъ столѣ. Два офиціанта держали тарелку, третій наливалъ, дворецкій-же, наклонившись надъ миской, пристально наблюдалъ, чтобы, чего Боже сохрани, не попала какая соринка въ тарелку. Такая чрезмѣрная осторожность объяснялась тѣмъ, какъ я узналъ впоследствии, что князь былъ страшно вспыльчивъ, и что перѣдко, за малѣйшую оплошность, тарелка съ кушаньемъ летѣла за дверь, а иногда случалось, что за тарелкой вылеталъ и самъ дворецкій, вмѣстѣ со своими выхленными бакенбардами.

IV.

Послѣ обѣда, любезный хозяинъ предлагаетъ намъ осмотрѣть конюшни.

Прежде всего отправляемся на русскую, къ той самой, мимо которой уже мы проѣзжали съ Дѣдаповымъ. Старшій кучеръ Ермолай Васильевъ, любимецъ князя, встрѣчаетъ насъ низкими поклонами при самомъ входѣ въ ворота. Росту Ермолай былъ очень маленькаго, толстый и чрезвычайно широкій въ плечахъ, съ одутловатымъ краснымъ лицомъ. Правильнонъ лошадыи замѣчательно, въ особенности тройкой. Голосъ отъ постоянного пьянства сдѣлался у

него до того силлйй, что разобрать его было очень трудно. Плохой день бывалъ тотъ, когда Ермолай не выпивалъ дюжины пива. Вслѣдствіе этого, онъ такъ разбухъ, что шеи у него почти совсѣмъ не стало видно, и голова, казалось, была непосредственно поставлена на самыя плечи. Князь очень любилъ Ермолая, и хотя неоднократно прогонялъ его, но затѣмъ вскорѣ снова бралъ.

Входимъ въ конюшню. Глазамъ моимъ представляются безконечные ряды денниковъ. Всѣ со столами, колопками, украшенными мѣдными шарами, блестящими какъ огонь.

— Вотъ, ваше сіятельство, «Атласный» что-то опять захромалъ, какъ въ городъ съѣздилъ! — шипитъ, вполголоса Ермолай, и вводитъ князя въ стойло, гдѣ стоялъ его любимый коренникъ. За него было заплачено въ прошломъ году барышнику въ Воронежѣ 5 тысячъ рублей. Конь этотъ былъ замѣчательно красивъ: совершенно бѣлый, хвостъ и грива длинные, волнистые. Шерсть тонкая и блестящая, какъ атласъ.

Князь наклонился, озабоченно осматриваетъ ногу, щупаетъ, и, не говоря ни слова, пасмурный выходитъ изъ денника.

— Не жди добра! — шепчетъ мнѣ довольно фамильярно, струсившій Ермолай.

Князь ужасно не любилъ, когда заболѣвали его фавориты.

Идемъ дальше.

Съ непривычки мнѣ смѣшно было смотрѣть на эту безконечную вереницу конюховъ, выстроившихся въ одну шеренгу, въ черныхъ суконныхъ поддевахъ. Всѣ они, по мѣрѣ приближенія своего сіятельнаго

хозяина, подобно восковымъ кукламъ, низко кланялись и затѣмъ снова выпрямлялись.

Мы прошли деншиковъ съ полсотни, и до-сыта, наглядѣлись на всевозможныхъ «Атласныхъ», «Завѣтныхъ», «Кречетовъ», «Кроликовъ» и т. п.

За воротами русской конюшни, какъ на границѣ своихъ владѣній, толстякъ Ермолай, въ виду того, что хозяинъ остался недоволенъ имъ за «Атласнаго», сконфуженный, прощается съ нами, при чемъ обѣими руками снимаетъ со своей мясистой головы поярковую шляпу съ павлиньими перьями, и кланяется намъ съ какимъ-то своеобразнымъ шикомъ,—точно онъ оказывалъ намъ этимъ особое благоволеніе.

— Не извольте-де, господа, сумлѣваться, вѣдь хоша князь и осерчалъ на меня, а я все-таки и теперь значу кое-что,—говорилъ мнѣ самый этотъ поклонъ, и одновременно напоминалъ, что менѣе 3 руб. ему никакъ нельзя будетъ дать на чай при отъѣздѣ. Затѣмъ, какъ-бы вспомнивъ, что князь все время былъ со мною очень любезенъ, онъ, вѣроятно, разсудилъ, не помогу-ли я ему оправдаться передъ его господиномъ: подбѣгаетъ ко мнѣ и заискивающимъ голосомъ сыплю выкрикиваетъ:

— Ваше сіятельство!—извѣстно, что у княжескихъ кучеровъ всѣ хозяйскіе гости должны быть сіятельные,—помилуйте! чѣмъ-же я-то виноватъ!—При этомъ онъ чуточку приподымаетъ шляпу и небрежно пожимаетъ плечами.—Всю дорогу до города кричить: Пошелъ, да пошелъ! Долго-ли до грѣха! За камушекъ гдѣ-нибудь зацѣпилъ, ну и захромалъ.

Я поскорѣй отдѣлываюсь отъ него и пускаюсь догонять князя.

Ермолай медленно поворачивается и коротеньки-

ми шажками, съ перевалочкой, какъ вообще ходять толстяки, направляется во-свояси, вѣроятно, затѣмъ, чтобы запить свое горе парой пива.

Изъ русской, мы направляемся въ англійскую конюшню. Опа находилась съ версту дальше. Намъ подаютъ роскошную пару шорныхъ лошадей гнѣдой масти, запряженную въ высокій четырехмѣстный шарабанъ. Князь садится на переднее сидѣнье править, а я съ Дѣдановымъ сзади. Мы ѣдемъ старой тѣнистой ракитовой аллеей. Проѣзжаемъ сначала мимо низенькихъ красныхъ домиковъ съ небольшими двориками, покрытыми частыми проволочными рѣшетками. Это все птичники. Тутъ я видѣлъ мелькомъ куръ различныхъ мастей и величинъ, пачиная отъ малюсенькихъ сѣрыхъ съ черными хохолками, до громадныхъ желтыхъ кохинхинокъ. Между пѣтухами особенно выделялись своимъ здоровымъ видомъ, съ какими-то щучьими шеями, боевые англійскіе, небольшого роста, но съ чрезвычайно развитыми грудями. По рассказамъ служителей, князь любилъ смотрѣть на пѣтушьи бои. Какъ потомъ я узналъ, мой Дѣдановъ незадолго передъ тѣмъ скупалъ по всей окрестности самыхъ большихъ здоровыхъ пѣтуховъ и сунулся-было предложить князю помѣряться бойцами. Князь съ удовольствіемъ согласился. Спустили молодцовъ. Но пока нашъ руссопетъ собирался съ духомъ, Джонъ-Буль проклятый молніей кинулся на врага, всадилъ ему въ самый зобъ шпору, и бѣдный соотечественникъ нашъ съ честью палъ на полъ брани. Больше Дѣдановъ не рѣшался возобновлять битвы.

За птичниками возвышаются громадные конюшни съ просторнымъ манежемъ. У воротъ пасъ встрѣчаютъ завѣдующіе конюшней англичане, отецъ и сынъ. Пер-

вый изъ нихъ уже старикъ, коренастый, широкоплечій, одѣтъ франтовски въ клѣтчатомъ костюмѣ, бѣлыхъ накрахмаленныхъ жабо и въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ. Молодой одѣтъ точно также шикарно, только въ черномъ костюмѣ. Пока сыпъ держалъ нашихъ лошадей подъ уздцы, старикъ почтительно высказывалъ хозяина изъ экипажа.

Здѣсь опять начинается хожденіе изъ денника въ денникъ. Опять та-же шеренга конюховъ и тѣ-же поклоны.

Англичане предупредительно забѣгаютъ впередъ, отпираютъ двери, ловко разстегиваютъ на лошадяхъ троки, сдергиваютъ попоны, и англійскіе скакуны, то золотистые, то свѣтло-гнѣдые, то темно-гнѣдые, мускулистые, круторебрые, съ шелковистыми гривами и подстриженными хвостами, представляются намъ во всей своей красѣ. Князь подходитъ къ нимъ, гладить, холить, перекидывается нѣсколькими фразами съ почтенными англичанами на ихъ родномъ языкѣ, и затѣмъ идетъ дальше.

Позже я узналъ, что въ этой конюшнѣ зарыто цѣлое громадное состояніе, такъ какъ рѣдкій экземпляръ здѣсь не былъ заплаченъ менѣе 3 — 4 тыс. руб., а всѣхъ ихъ было здѣсь болѣе 50. Подконецъ — на середину манежа выводится темно-гнѣдой скакунъ, заплаченный въ Лондонѣ сто тысячъ франковъ. Онъ взялъ тамъ на скачкахъ нѣсколько призовъ, и теперь служилъ здѣсь заводчикомъ.

Обзоромъ англійской скаковой конюшни дѣло не кончилось. Послѣ этого мы идемъ осматривать тяжеловозовъ. Здѣсь я пришелъ окончательно въ изумленіе.

Изъ одного помѣщенія два здоровыхъ конюха вы-

водить на цѣпяхъ караковаго жеребца, породы Линкольнъ-ширъ, такихъ размѣровъ, что я даже невольно попятился отъ него, несмотря на то, что мнѣ приходилось видать за границей очень большихъ лошадей. Ростомъ онъ былъ 2 арш. 8 вершк. и ширины непомѣрной. При всей этой колоссальности, онъ былъ очень красивъ. Я хожу вокругъ него и люблюсь.

— Сколько такое чудовище можетъ взять съ мѣста?—спрашиваю старика англичанина.

— Тришта пудъ! — особеннымъ шипящимъ акцентомъ, не безъ гордости, отвѣчаетъ тотъ, и любовно гладитъ коня по крутой шеѣ.

Великана уводить. Тотъ, ровно мастодонтъ какой, тяжело переваливается съ ноги на ногу, при чемъ на заднихъ лямкахъ его мускулы выдѣлялись громадными полушаріями.

Мы безмолвно направляемся изъ манежа къ экипажу, какъ-бы вполнѣ сознавая, что лучше этого уже ничего не увидимъ.

Князь ловко вскакиваетъ въ шарабанъ, беретъ возжи и, не потрудившись взглянуть—тутъ-ли мы, крупной рысью пускаетъ обратно къ усадьбѣ. Я съ Дѣдановымъ едва успѣваемъ занять свои мѣста. Въ эту минуту мнѣ невольно вспоминается Скобелевъ. Тотъ, бывало, тоже, не только что на войнѣ, но и дома, въ деревнѣ, не особенно-то дорожилъ своей жизнью, и сломя голову скакалъ на борзomъ конѣ чрезъ рвы, канавы и заборы, заставляя слѣдовать за собой и своихъ пріятелей.

V.

Маленькое, сѣрое кэпи князя отъ быстрой ѣзды такъ и раздувается. Ловко задѣваетъ онъ длиннымъ

бичемъ то ту, то другую лошадь, устанавливая ихъ на рысь. Мы минуемъ усадьбу и ѣдемъ куда-то дальше.

— Куда это мы катимъ? — тихоенько спрашиваю Дѣдапова.

Тотъ сидитъ насупившись. Онъ очевидно недоволенъ княземъ за то, что тотъ не далъ ему времени хорошенько усѣться.

— А Богъ его знаетъ, должно въ собачникъ, — вполголоса баситъ старикъ.

Мы подъѣзжаемъ точно къ лагернымъ баракамъ, обнесеннымъ высокой зеленой рѣшеткой. Повсюду виднѣются маленькіе желтенькіе домики съ зелеными крышами. Нашъ экипажъ замѣтили еще издали. Служащіе, старики и молодые, въ кафтанахъ, курточкахъ, съ арапниками въ рукахъ и безъ арапниковъ, сбѣгаются съ разныхъ сторонъ. Слышится собачій лай, вой, ревъ. Застукали дверцы въ собачьихъ будкахъ, защелкали задвижки. Остопавливаемся около просторнаго плаца, обнесеннаго высокой проволоочной рѣшеткой, и выѣжаемъ. Идемъ на плацъ. Точно по командѣ, дверцы въ будкахъ растворяются, и сотни борзыхъ, и бѣлыхъ, и черныхъ, рыжихъ и пѣгихъ, съ воемъ бросаются къ намъ, выпятивъ свои длинные узкія морды. Къ князю подходятъ съ докладами разные субъекты въ поддевкахъ, перетянутыхъ кавказскими ремнями съ серебрянымъ наборомъ. Видъ ихъ, ухватка, манера доказывали, что эти господа живутъ исключительно въ средѣ собакъ, дышатъ ими, и объ нихъ только и пекутся. Князь, какъ ярый собачникъ и охотникъ, моментально весь углубляется въ разсматриваніе собакъ, гладитъ ихъ, ласкаетъ, играетъ. Нѣкоторымъ изъ этихъ животныхъ удается

вскочить къ своему хозяину передними лапами на плечи и лизнуть его своимъ длиннымъ краснымъ языкомъ прямо въ лицо. Князь веселъ и счастливъ.

Псы разбѣжались по площадкѣ и ихъ трудно загнать. Раздаются крики:

— Катай, назадъ!.. Цезарь, сюда!..

Насмотрѣвшись на собакъ, мы направляемся въ собачій лазаретъ. Толпа разпыхъ добъжачихъ и выжлятипковъ сопровождаетъ насъ. Здѣсь, въ свѣтлой комнатѣ, на разостланномъ соломенномъ матрацѣ, лежалъ больной кобель «Ругай». На боку у него былъ положенъ гутаперчевый пузырь со льдомъ. Ветеринарный врачъ, нѣмецъ, почтеннаго вида, съ золотыми очками на носу и въ бѣломъ передникѣ, озабоченный суетился вокругъ собаки и все успокаивалъ князя, что болѣзнь скоро должна пройти. Термометръ спалъ и жаръ значительно уменьшился.

Уже было около 7-ми часовъ вечера, когда мы, сильно усталые, вернулись въ домъ.

Послѣ чаю отправляемся въ билліардную. Играемъ въ пирамидку, затѣмъ играемъ на таперѣ «Лучинушку», да еще какой-то маршъ, и затѣмъ расходимся спать.

— Володя! — кричитъ князь.

Подходитъ лакей, почтенныхъ лѣтъ, во фракѣ, золотыхъ очкахъ, и тоже съ красивыми бакенбардами.

— Вотъ, ты будешь служить Александру Васильевичу! — говоритъ князь, и самъ ведетъ меня во второй этажъ, показывать мою комнату.

Громадный верхъ весь состоялъ изъ отдѣльных номеровъ, ну точь въ точь, какъ въ шикарной столичной гостинницѣ. Все здѣсь было предусмотрѣно до мельчайшихъ подробностей, — начиная почтовыми

марками на письменномъ столѣ и кончая туфлями подъ кроватью.

Я, насколько могъ, поблагодарилъ любезнаго хозяина и принимаюсь раздѣваться.

Признаться сказать, мнѣ не особенно-то пріятно было все это продѣлывать передъ франтовскимъ лакеемъ. Одѣтъ я былъ по-дорожному. Брюки отъ ѣзды въ тараптасѣ протерлись гдѣ слѣдуетъ. Рубаха была далеко не первой свѣжести.

Бережно и съ замѣчательно серьезнымъ, дѣловымъ видомъ снимаетъ съ меня мой 60-лѣтній Володя визитку. Направляется съ ней къ дверямъ и тамъ кому-то передаетъ. Вглядываюсь хорошенъко, смотрю: въ дверяхъ стоялъ на вытяжкѣ ливрейный казачокъ. Опъ, въ свою очередь, озабоченно принимаетъ мою визитку, высовывается за двери и звонко кричитъ: мужикъ! По длинному корридору гулко раздаются тяжелые, мужскіе торопливые шаги, и затѣмъ появляется здоровый усатый парень въ красной кумачевой рубахѣ, подвязанной бѣлымъ передникомъ. Парень этотъ оставался тутъ все время, пока меня раздѣвали, какъ архіерея, и одежда моя по порядку попадала сначала въ руки Володѣ, затѣмъ казачку, и наконецъ мужику.

«Ну, какъ да случится ночью пожаръ! — невольно приходитъ мнѣ въ голову, — не дай Богъ! гдѣ я буду искать мое облаченіе?» — Ну я все-таки, скрѣпя сердце рѣшаюсь до конца подчиниться порядкамъ дома. Хотя ночку-то одну, думаю, пересплю по княжески.

— Володя, расскажите мнѣ, какъ же вамъ тутъ живетъ? — спрашиваю моего камердинера, не безъ удовольствія завертываясь въ шелковое ватное одѣяло небеспо-голубого цвѣта.

— Сколько вы жалованья получаете?

Серьезность на лицѣ слуги моего моментально сглаживается. Онъ поправляетъ на носу очки, и мягкимъ, вкрадчивымъ тономъ отвѣчаетъ:

— Жалованья намъ, лакеямъ, здѣсь всѣмъ одно. Мы получаемъ по 60 руб. въ мѣсяцъ. Ну, кромѣ того, семью кормятъ на княжескій счетъ. Кто ежели старъ становится, силы не хватаетъ, пенсія полагается. Нашъ князь добрый. Вотъ этта, па-дняхъ пріятелю своему въ Лондонъ, князю Кубышкину, 200 тыс. изъ конторы перевести велѣли! Позапутались они тамъ, что-ли! Вотъ-сь, кушники-то какіе отваливаются!

И мой Володя хитро улыбается, какъ бы желая сказать этимъ: вотъ, умѣй подбиться, и ты у нашего князя заработаешь. Затѣмъ низко кланяется, спрашиваетъ, въ которомъ часу прикажу будить себя, и на цыпочкахъ выходитъ изъ комнаты.

Прежде чѣмъ заснуть, долго мнѣ мерещились разныя прелести, на которыя я наглядѣлся здѣсь за день. То ѣду я лѣтомъ въ Петербургъ на чудномъ «Атласномъ» по Дворцовой набережной. Разманисто отмѣриваетъ ногами красавецъ рысакъ, и неслышно несется по торцовой мостовой въ легонькихъ дрожкахъ, заставляя заглядываться на себя прохожихъ. То вдругъ катаюсь на тройкѣ, въ ковровыхъ пошевняхъ по той же набережной. Тотъ же «Атласный» въ корню, по бокамъ англійскіе гнѣдые скакуны. Ёдемъ шагомъ. Паръ густо валить отъ взмыленной тройки. Лошади по-очередно, то та, то другая, фыркаютъ и встряхиваются всѣмъ тѣловищемъ. Бѣлая шерсть на коренномъ, даже хвостъ и грива, такъ смокли отъ поту, что сдѣлались совершенно бурыми. Заснулъ я уже поздно, не помню на какой улицѣ.

Князь встает рано. Утромъ, часовъ въ 9-ть, я уже пилъ съ нимъ въ кабинетѣ кофе, а затѣмъ мы идемъ прогуляться. Надо сказать, что усадьба Жеребцово вся обнесена большимъ каменнымъ валомъ. Въ самомъ высокомъ пунктѣ мы взбираемся на этотъ валъ, откуда можно видѣть далеко княжескія владѣнія. Мѣстность открытая, ровная. Глазамъ представляются то желтѣющія поля, то зеленые покосы, на которыхъ темнѣютъ убранные скирды сѣна.

— Кругомъ лѣсъ ваптъ? — спрашиваю князя. Тотъ въ это время пристально разсматривалъ табунъ лошадей, который гулялъ неподалеку въ полѣ.

— Мой, мой! Вонъ и тотъ, тоже мой! — весело кричитъ онъ, и на его рыжеватомъ лицѣ появляется симпатичная улыбка.

— А вотъ та рѣденъкая маленькая рощица, во-о-нъ далеко на горизонтѣ? — говорю, и пальцемъ указываю направленіе.

Собесѣдникъ мой сразу становится сумрачнымъ. Оказывается, я попалъ какъ разъ въ его больное мѣсто. Роща эта, всего десятину величиной, клиномъ врѣзалась во владѣнія князя. Несмотря на всѣ его старанія, крестьяне, которымъ принадлежалъ этотъ кусокъ земли, ни за что не хотѣли уступить его.

— Знаете, — говоритъ онъ сердито, — я за эту рощицу давалъ этимъ дуракамъ десять десятинъ отличныхъ покосовъ и, представьте себѣ, они отказались. Говорить, они думали, съ меня содрать десять тысячъ рублей. Ну, такъ я же ихъ и проучилъ. Велѣлъ управляющему прогнать всѣхъ служащихъ изъ этой деревни. А у меня ихъ тутъ болталось человѣкъ 50. Кто въ кошухахъ, кто простыми рабочими. Такъ на другой же день вся ихъ деревня является ко мнѣ, и

бухъ въ погп: «Ваше сіятельство» — кричатъ — «сдѣлайте божескую милость, не погубите, возьмите рощицу, намъ за нее ничего не надо. Вѣдь это все вотъ этотъ дуракъ сбивалъ насъ» — и давай указывать другъ на друга.

— Ну что же, такъ вы и отказались? — спрашиваю я!

— Чортъ съ ней! Отказался. Не надо, говорю, пускай за вами остается, — и онъ, видимо недовольный воспоминаніемъ объ этой непріятной исторіи, подымается съ мѣста, и своей легкой, неутомимой походкой, направляется дальше.

— Пойдемте, я вамъ покажу, гдѣ я хочу звѣринецъ устроить! — кричитъ онъ.

Спускаемся съ вала и идемъ въ паркъ. Здѣсь, въ глубокомъ оврагѣ, работало человѣкъ съ полсотни копальщиковъ и каменщиковъ. Издали можно было предположить, что они выкапывали прудъ. На самомъ же дѣлѣ они расширяли бока оврага, гдѣ долженъ былъ быть заложенъ гранитный фундаментъ для массивной желѣзной рѣшетки. Я съ интересомъ люблюсь на эту затѣю. Работа такъ и кипѣла. Тутъ же, по близости, безпрестанно подѣзжали подводы съ камнемъ и кирпичемъ.

Каменщики, въ красныхъ кумачевыхъ рубахахъ, разносили матеріалъ по разнымъ направленіямъ.

— Когда-то это все будетъ окончено? Года 2—3 пройдетъ? — говорю князю.

Тотъ ничего не отвѣчаетъ и только загадочно улыбается. Въ это время къ намъ подходитъ Дѣдановъ, свѣжій, румяный, въ чисто вычищенной визиткѣ и какъ слѣгъ бѣлыхъ отложныхъ воротничкахъ. Гдѣ думаю, онъ такую чистую рубашку досталъ? Ка-

жется и чемодана съ собой не везъ. Мы здороваемся. Старикъ, какъ водится, немедленно же начинаетъ спорить о томъ, для чего князь затѣваетъ звѣринецъ.

— Богъ знаетъ когда кончится? Т-т-туть однихъ земляныхъ р-р-работъ на д-д-два года хватитъ!—сердито кричитъ онъ, и по обыкновенію обдаетъ насъ слюнями *).

— П-п-посмотрите, гдѣ конецъ будетъ рѣшеткѣ!

Князь снисходительно относится къ словамъ Дѣданова и продолжаетъ загадочно улыбаться.

— Завтракъ готовъ! — докладываетъ любимый княжескій камердинеръ Василій, здоровенный дѣтина съ николаевскими баками и выпученными бѣлками. Камердинеръ этотъ пользовался особымъ расположеніемъ своего хозяина и потому позволялъ себѣ съ нимъ нѣкоторыя вольности. Безъ спросу подходитъ къ нему, вытаскиваетъ изъ кармана платокъ, осматриваетъ чистый ли, суетъ новый, достаетъ портсигаръ, подбавляетъ туда папирсъ и вообще обходится съ нимъ, какъ дядька съ балованнымъ ребенкомъ.

Идемъ въ домъ.

— Какъ хотите, Егоръ Ивановичъ, а я долженъ ѣхать! Мнѣ пора!—вполголоса говорю старику.

Тотъ молча идетъ рядомъ со мной.

Хозяинъ нашъ шибко шагаетъ впереди по узенькой дорожкѣ, посыпанной бѣлымъ песочкомъ. Извиваясь змѣйкой между вѣковыми соснами, елями и березками, дорожка живописно терялась вдали.

— Я еще вчера говорилъ ему, что намъ не-

*) Черезъ 2 мѣсяца звѣринецъ этотъ былъ совершенно готовъ и полонъ звѣрей.

обходимо сегодня въ городъ. Онъ самъ тоже ѣдетъ съ нами, такъ мы вмѣстѣ и отправимся, — басомъ шепчетъ старикъ, и, какъ бы опасаясь, чтобы я не сунулся безпокоить хозяина, дружески, осторожно пожимаетъ мою руку.

VI.

Послѣ завтрака идемъ всѣ въ прихожую.

— Ъдемъ со мной! — любезно восклицаетъ нашъ сіятельный хозяинъ, надѣваетъ легонькое сѣрое пальто съ капюшономъ и выходитъ на подъѣздъ. Въ эту минуту, съ противоположной стороны, изъ-за цвѣтника, доносится удивительно гармоничный звукъ бубенчиковъ. Смотрю, изъ широкихъ чугунныхъ воротъ конюшеннаго двора выѣзжаетъ тройка.

— Боже! что за тройка! хоть-бы въ Свѣтлый праздникъ прокатиться на такой!

Бѣлая, свиной кожи сбруя, съ наборомъ изъ чистаго серебра, ярко блестя на солнцѣ. Бубенчики на подгарникахъ, кругомъ шеи лошадей, подобранные въ октаву, звенѣли точно музыка. Бѣлые шелковые возжи, перехваченныя серебряными кольцами и натянутыя какъ струны, едва сдерживали ретивыхъ лошадей. Правиль самъ Ермолай. Да какъ правилъ!

— Оу-оу-оу! — еще издали слышатся его сильные восклицанія, ласково успокаивающія лошадей. Тихонечко подъѣзжаетъ тройка къ подъѣзду и останавливается какъ вкопанная. Я невольно люблюсь ею. Все тутъ совершенство: и экипажъ, и лошади, и сбруя.

Мы съ Дѣдановымъ спускаемся съ крыльца и подходимъ ближе къ экипажу. Нѣсколько конюховъ

стоять около лошадей и со сосредоточенными лицами оглаживают ихъ, чтобы стояли смирнѣе.

— Что, у коренной хорошая рысь!—спрашиваю Ермолая.

— Да вѣдь это «Любушка!»—ухмыляясь своимъ лоснящимся жирнымъ лицомъ, восклицаетъ тотъ, възсѣдая на козлахъ англійскаго легонькаго дормеза. Одѣтъ онъ въ богатую черную бархатную безрукавку, поверхъ пунцовой канаусовой рубахи. Шляпа черная, ямщицкая, съ павлиньими перьями. Ермолай точно выросъ на полъ-аршина. Топъ и манера, съ которыми онъ отвѣчалъ, доказывали чуть-ли не полнѣйшее презрѣніе ко мнѣ за то, что я не узналъ «Любушки»—точно ее всѣ обязательно должны были знать. Конечно, я понялъ, что дальше о качествахъ коренной нечего было и спрашивать. Оставалось только ходить вокругъ, да любоваться ею. Какъ жукъ вороная кобылица, хотя и поджарая, но могучая, подавшись всѣмъ туловищемъ впередъ, широко разставила заднія ноги и, казалось, готова была по первому колебанію вожжей, взять полнымъ ходомъ съ мѣста. Она сердито жевала удила и отъ времени до времени нетерпѣливо мотала сухою красивою головой съ широкими ноздрями.

— А пристяжныя хороши?—продолжаю допытываться.

— Эта вотъ, выводная изъ Англіи, въ позапрошломъ году 4 тысячи дана, а эта «свово» завода,—вполголоса снисходительно отвѣчаетъ Ермолай, и осторожно указываетъ рукой, въ широкой толстой бѣлой перчаткѣ, сначала на лѣвую, потомъ на правую пристяжную. Затѣмъ такъ-же осторожно, чтобы не испугать лошадей, кладетъ вожжи по бокамъ себя, усажи-

вается глубже, поправляет перчатки, короче подбирает вожжи и окончательно готовится ѣхать.

— Егоръ Иваша! Ёдемъ со мной! Пускай вашъ экипажъ слѣдуетъ за нами! — вторично кричитъ князь, ловко вскакиваетъ на козлы рядомъ съ кучеромъ, хватаетъ отъ него вожжи, и точно такъ-же, какъ и вчера, послѣ осмотра англійской конюшни, быстро трогается съ мѣста, не заботясь о томъ, успѣли-ли его гости сѣсть или нѣтъ. Но уже наученные горькимъ опытомъ, мы не зѣвали, а даже чуть-ли еще не раньше хозяина вскарабкиваемся на высокое сидѣнье.

— Павлуха! За мной валяй! Валяй за мной! — ба-систа оретъ Дѣдановъ своему кучеру, вполне довольный, что успѣлъ во-время вскочить въ экипажъ. Онъ уперся обѣими руками въ бока, старчески отдувается и тяжело кашляетъ. Лицо его мало-по-малу опять принимаетъ сурово обидчивое выраженіе за то, что князь вторично заставилъ его торопиться и прыгать какъ мальчишку.

— Аше сіятельство, лѣвую, лѣвую ударьте вожжей — полушепотомъ, почтительно докладываетъ Ермолай, съ едва замѣтной ироническою улыбкой, и указываетъ рукой на пристяжную.

Англійскіе скакуны едва касаются ногами земли. Золотистыя туловища ихъ равномерногибаются и затѣмъ быстро опять выпрямляются.

Тѣмъ временемъ моя «Любушка» твердо знаетъ свое дѣло. Сначала она, точно пехота, переваливается съ боку на бокъ. Но, уже по тому, какъ широко несетъ задъ, я вижу, что ходъ у нея долженъ быть богатый. Зло водить она ушами, косо озирается по бокамъ, и будто хочетъ спросить своихъ помощницъ: ну-ка, мои милыя, поспѣете-ли вы за мной? Все шире,

все дальше закидываетъ она задними ногами за передній слѣдъ и все сильнѣе падаетъ ходу.

— Ну, Любушка! Ну да и прелестъ!—невольно восклицаю въ душѣ.

Ѣдемъ безъ разговоровъ. Я совсѣмъ замеръ отъ восторга. Погода чудная. Дорога ровная, какъ скатерть. Легонькій вѣтерокъ отъ быстрой ѣзды становится довольно рѣзкимъ. Изрѣдка комки земли и песку обдають наше платье, и даже попадаютъ въ лицо. Чѣмъ быстрѣ несемся мы, тѣмъ шаркунки все тише и тише замирають. Телеграфныя столбы, кусты, деревья, встрѣчныя повозки, такъ и мелькають мимо насъ. Вонъ нѣсколько мужиковъ, въ сѣрыхъ кафтанахъ, стоятъ въ сторонѣ и, снявъ шапки, съ разинутыми ртами провожаютъ насъ.

Дѣдановъ сидитъ подлѣ меня пасмурный, и пристально слѣдитъ за своей тройкой. Онъ злится на своего Павлуху за то, что самъ-же велѣлъ поспѣвать ему за нами. Тотъ отсталъ далеко.

— И чего гонить, болванъ! Лошадей зарѣжутъ!—ворчитъ онъ себѣ подъ носъ.

— Ему что—и онъ киваетъ мнѣ головой на князя,—загонить тройку—другую подадутъ, еще лучше!

— Лѣвую-то, лѣвую не забывайте, аше сіятельство!—продолжаетъ шипѣть Ермолай. Князь послушно слѣдуетъ наставленіямъ опытнаго слуги, и все подстегиваетъ ту вожжей, да подстегиваетъ.

Вскорѣ забѣлѣли на горизонтѣ городскія церкви, а минутъ черезъ десятокъ наша тройка, вся въ пѣнѣ, останавливается у подѣзда княжеской квартиры. Пристяжныя мотаются изъ стороны въ сторону и усиленно водятъ боками. Потъ ручьями катится по ногамъ ихъ. Одна «Любушка» какъ будто не устала. Она

все такъ-же продолжаетъ прѣсть своими красивыми остроконечными ушами и такъ-же сердито жуеъ удила, при чемъ бѣлая пѣпа клубами катилась у нея изъ рта.

Часа черезъ два садимся обѣдать. Княжескій поварь, оказывается, уже съ утра былъ здѣсь и готовилъ.

Не успѣли мы хорошенько уѣсться, какъ дверь въ столовую чуточку открывается. Смотрю, Ермолай пальцемъ вызываетъ меня къ себѣ.

— Извините, князь, — говорю, и выхожу изъ комнаты.

— Что тебѣ? — сердито восклицаю.

— Несчастіе случилось, аше сіятельство, не знаю, какъ и доложить князю! — бормочетъ онъ сконфуженнымъ, трусоватымъ голосомъ.

— Да что такое?

— Лѣвая пристяжная сдохла! — и при этомъ пожимаетъ плечами, какъ-бы недоумѣвая, отчего могло это произойти.

— Вотъ видишь! Ты же самъ все твердилъ князю, чтобы подгонялъ лѣвую. Лошадь горячая, — вотъ и уходили.

— Помилуйте, аше сіятельство, я-то тутъ при чемъ? — нагло оправдывается кучеръ и униженно кланяется.

Вотъ думаю, какіе бываютъ пахалы! Прямо въ глаза вретъ и не краснѣетъ. И вѣдь какая моментальная перемѣна произошла въ этомъ человѣкѣ. Сравнить бы его теперь и нѣсколько часовъ тому назадъ, когда онъ, возсѣдая на козлахъ, едва отвѣчалъ на мои вопросы. Иду обратно въ столовую.

— Что тамъ такое? — небрежно спрашиваетъ

князь и, продолжая жевать, мелькомъ взглядываетъ на меня.

— У васъ несчастіе случилось!—говорю и сажусь за столъ, при чемъ, дабы выручить изъ бѣды Ермолая, стараюсь придать голосу самый равнодушный тонъ:—лѣвая пристяжная околѣла.

— А чортъ съ ней. Стерва и была!—бурчитъ па это мой князь.—Кушайте, а то вашъ супъ совсѣмъ остылъ,—и больше мы объ этой стервѣ съ нимъ и не вспоминали. Такъ и пропали его 4 тысячи.

— Вы теперь куда?—спрашиваетъ князь, когда послѣ обѣда я сталъ прощаться съ нимъ.

— Да вотъ, далъ слово заѣхать къ Егору Ивановичу въ «Ровное», а затѣмъ въ Петербургъ.

— Такъ пріѣзжайте скорѣй назадъ, и ѣдемъ вмѣстѣ!—снова восклицаетъ онъ. При этихъ словахъ мнѣ такъ и представляется Егоръ Ивановичъ, опрометью кидающійся къ экипажу, чтобы взобраться на сидѣнье.

— А вы когда-же ѣдете?—спрашиваю его.

— Да завтра. Только надо пораньше выѣхать, чтобы поспѣть къ поѣзду. А онъ приходитъ какъ разъ въ полдень.

— А тутъ сколько-же верстъ?

— 70 верстъ—три станціи. Ну, ежели въ 8 часовъ выѣдемъ, такъ и поспѣемъ.

— Какъ! въ 4 часа—70 верстъ? Невозможно! Опоздаемъ!—восклицаю я.—Лучше-же часомъ раньше выѣхать.

Рѣшаемъ на томъ, что я утромъ пріѣду къ князю, и мы вмѣстѣ выѣзжаемъ.

Никогда не забыть мнѣ этой бѣшеной скачки на почтовыхъ. Ъхали мы все въ томъ-же маленькомъ дормезѣ четверкой. Сзади скакалъ камердинеръ Ва-

силій па тройкѣ. Онъ уплачивалъ прогоны и давалъ на чай ямщикамъ, обязательно каждому по 3 руб.

Первую станцію 25 верстъ, помню, мы сдѣлали въ часть съ четвертью. Дорога тутъ была сильно песчаная. Только что я вылѣзъ изъ экипажа и вошелъ на станцію, какъ уже камердинеръ бѣжить за мной и торопливо кричитъ:

— Пожалуйста, князь дожидается!

— Да вѣдь лошадей еще не перемѣнили! — съ удивленіемъ возражаю я.

— Готовы-съ! — кричитъ тотъ.

— Гляжу, — вся четверка уже впряжена, и ямщикъ въ черномъ форменномъ кафтанѣ, съ мѣдною бляхой на лѣвомъ плечѣ, въ поярковой шляпѣ съ павлиньимъ перомъ, стоя въ экипажѣ, озабоченно держалъ вожжи и нетерпѣливо посматривалъ въ нашу сторону, чтобы тронуться въ путь.

Едва успѣлъ я коснуться ногой подножки экипажа, какъ уже слышу знакомый возгласъ: «Пошелъ».

Точно сумасшедшій, оретъ ямщикъ на лошадей, и весь четверикъ съ мѣста кидается карьеромъ.

Эта станція была гораздо меньше, всего 18 верстъ и дорога легче. День солнечный, теплый. Князь по обыкновенію поджалъ подъ себя ногу и сидитъ, развалиясь на широкомъ удобномъ сидѣньѣ, какъ у себя дома. Лошади мчатся во весь опоръ.

Спутникъ мой о чемъ-то задумался.

— Что-же, князь, намѣрены вы нынче лѣтомъ опять ѣхать за лошадьми въ Аравію? — спрашиваю его.

— А вотъ подожду шейха. Онъ обѣщался приѣхать за мной, — отвѣчаетъ онъ.

— Какой-же это шейхъ?

— А владѣтельный шейхъ, бедуинъ. Я позна-

комился съ нимъ тамъ на мѣстѣ. Онъ разыскивалъ мнѣ у сосѣднихъ племенъ лучшихъ кобылицъ. Ну, я по его совѣту и покупалъ. Хотите, поѣдьте туда вмѣстѣ?—говорить онъ и, улыбаясь своимъ худощавымъ рыжеватымъ лицомъ, поглаживаетъ щетиновые усы.

— Поѣхаль-бы, говорю,—только не моремъ, я не люблю моря, а верхомъ черезъ горы.

— Хорошо-хорошо!—восклицаетъ онъ, и въ это время со смѣхомъ указываетъ на ямщика. Смотрю, ямщикъ нашъ что-то сердито ругается, хватается концы возжей и начинаетъ отчаянно погонять ими лошадей. Оказывается, онъ потерялъ кнутъ. Остановить лошадей побоялся, и теперь положеніе его стало критическимъ. Три рубля на чай могли ему улыбнуться. Что дѣлать? Но парень этотъ оказался не промахъ. На его счастье навстрѣчу намъ показывается обозъ. Мы продолжаемъ все также отчаянно скакать. Смотрю: ямщикъ нашъ направляетъ лошадей ближе къ обозу, а самъ исподволь наклоняется въ ту сторону. Минуемъ тѣлѣгу, другую, вижу—одинъ мужичокъ сидитъ на возу и беззаботно помахиваетъ кнутомъ. Вотъ на него-то, оказывается, и воззрился нашъ возница. Какъ коршунъ, нагибается онъ надъ мужикомъ, выхватываетъ у того кнутъ изъ рукъ, кричитъ:—Тебѣ не надо!—и торжественно машетъ имъ надъ головой.

Невозможно было не пожалѣть бѣднаго мужика, какъ тотъ отчаянно размахивалъ руками и, очевидно, посылалъ нашему ямщику во слѣдъ не одно крѣпкое словцо. Но мы были уже далеко, и поспѣли на станцію еще задолго до прихода поѣзда.

Не судьба.

— Адамъ Адамычъ, да подвинься ты ближе! Въдь мѣсто есть, что сидишь, ровно на тычкѣ! — грубо говорила почтенная особа, Глафира Петровна своему спутнику. Они ѣдутъ въ маленькомъ деревенскомъ тарантасикѣ, на деревенскихъ-же лошадяхъ, объѣзжать пустошь, которую купила барыня эта, и одновременно выбрать мѣсто для постройки дома.

Лошадьми правилъ парнишка лѣтъ 15-ти, въ изодранномъ балахонѣ и въ такомъ-же картузѣ. Каждый разъ, какъ ему надобилось стегнуть лошадей, онъ приподымался во весь ростъ и, помахивая кнутомъ, непремѣнно задѣвалъ имъ по головѣ то барина, то барыню, а то и самого себя.

Природа положительно подшутила, произведя на свѣтъ Глафиру Петровну женщиной. Она была, и по росту, и по характеру, и по голосу, и по привычкамъ, совершеннѣйшій мужчина, да еще и какой — самый заправскій.

Двадцати пяти лѣтъ Глафира Петровна овдовѣла, и съ тѣхъ поръ безвыѣздно жила въ городѣ N, въ домикѣ, оставшемся ей послѣ мужа, и получала половину его маленькой пенсіи.

Ко времени нашего разсказа ей было лѣтъ подь

60. Росту она была высокаго, лицомъ прекрасна. Голосъ имѣла басистый, рѣзкій. На верхней губѣ выросли порядочные усы, что еще болѣе придавало ей сходство съ мужчиной. Сильныя скулы выдавались впередъ. На загнувшемся слегка впередъ, остро-конечномъ подбородкѣ торчала темпо-коричневая большая бородавка съ кустомъ довольно длинныхъ волосковъ. Малеры у ней были грубыя, угловатыя, и скорѣе походили на ефрейторскія. Казалось, дай ей ружье, — сейчасъ пойдетъ маршировать и учить пріемамъ.

Одѣта она въ коричневый капотъ и мужскіе сапоги. На плечахъ накинуть сѣрый шерстяной платокъ, перевязанный на спинѣ узломъ. На длинной, худощавой шеѣ болтался старый изношенный шелковый черный платокъ, свернувшійся жгутомъ. Надѣтъ онъ былъ, Богъ знаетъ зачѣмъ. Предохранить отъ простуды онъ никакъ не могъ, а посылся скорѣе, какъ симпатическое средство отъ зубной боли, или мигрени — какъ носятъ шерстинки на рукѣ.

Весь костюмъ ея завершала плоская, желтая соломенная шляпа безъ всякихъ украшеній. Придерживалась она на сѣдовой головѣ резиновымъ шпуромъ, поддѣтымъ подъ подбородокъ.

Глафира Петровна давно лелѣяла въ головѣ мысль — завестись маленькимъ сельскимъ хозяйствомъ. И вотъ, по прошествіи многихъ лѣтъ трудовъ и лишеній, удалось ей наконецъ скопить 2,000 рублей, на которые она и купила съ торговъ, въ мѣстномъ губернскомъ правленіи, пустошь въ сто десятинъ. Пустошь эта была въ 40 верстахъ отъ ея города, но барыню нашу нисколько не пугало это разстояніе. Она по натурѣ своей была чрез-

вычайно храбрая и ничего не боялась. Въ этомъ отношеніи она превосходила многихъ мужчинъ. Приведись ей быть на войнѣ, она, навѣрное, заслужила бы Георгія.

Особенность у ней была та, что всѣмъ, кого только она считала почему-либо ниже себя, говорила «ты».

Пустошь она купила уже лѣтъ пять, да все не могла собраться съ деньгами, чтобы построить тамъ домишко, и вотъ, только теперь, рѣшилась наконецъ пригласить знакомаго землемѣра, поѣхать съ ней.

Спутникъ Глафиры Петровны былъ нѣкій Адамъ Адамовичъ, изъ остзейскихъ нѣмцевъ. Добродушнѣйшій въ мірѣ человекъ. Онъ былъ свободный землемѣръ и жилъ частными работами. Квартирка у него была въ городѣ черезъ два дома отъ Глафиры Петровны, уютенькая, чистенькая, съ цвѣтами на окнахъ и бѣлыми кисейными занавѣсками. Хозяйствомъ завѣдывала у него фрейлинъ Марьяна, очень миленькая дѣвица.

Адамъ Адамовичъ былъ небольшого роста, толстенькій, пухленькій господинъ, еще довольно сохранившійся. Онъ любилъ молодиться, для чего чуть не черезъ день брилъ свои розовыя щеки. Волосъ на головѣ у него почти не было, только на вискахъ немножко виднѣлось. Лысина его была такая гладкая, пѣжная, блестящая, что такъ и тянуло погладить и потрепать ее рукой. Сѣдые щетинистые усы прикрывали ротъ.

Когда бы кто ни пришелъ къ Адаму Адамовичу, онъ, вѣчно наклонившись надъ раскрытымъ ломбернымъ столомъ, вычерчивалъ какой-нибудь планъ, при чемъ мурлыкалъ себѣ подъ носъ пѣсенку, одному ему

извѣстную. Ежели же у него не было никакихъ чертежныхъ работъ, то онъ или мастерилъ западню для птицъ, которыхъ смерть любилъ ловить, или палаживалъ удочку, такъ какъ не меныне любилъ и рыбу удить. Рѣдко Адамъ Адамычъ былъ не въ духѣ, или озабоченъ чѣмъ. Когда же это случалось, то онъ ходилъ по комнатамъ, полураздѣтый, въ туфляхъ, въ красныхъ вязаныхъ подтяжкахъ, приходящихся крестомъ на синѣ, покуривалъ свою глиняную трубочку съ черешневымъ мундштукомъ въ сипемъ бисерномъ чахольчикѣ, и въ раздумѣ поправлялъ на окнахъ горшки съ цвѣтами, или обрывалъ на нихъ засохшіе листья. Онъ очень былъ упрямъ, и любилъ поспорить и высказать свое мнѣніе, чрезъ что частенько ссорился съ владѣльцами имѣній, конечно не надолго.

Адама Адамыча зналъ не только весь городъ, но и весь уѣздъ, въ особенности помѣщики. За 30 лѣтъ своего пребыванія здѣсь, онъ врядъ ли у кого изъ нихъ не побывалъ и не работалъ. Платили ему, впрочемъ, очень скупо, пользуясь, конечно, его покладливымъ характеромъ, и старались отдѣлаться дарами природы въ полной ихъ нешрикосновенности, какъ-то: яблоками, грушами, сливами; или же домашними заготовками: вареньями, печеньями, соленьями.

Поэтому, хотя у Адама Адамыча и случалось, что въ домѣ не было ни копѣйки денегъ, зато въ кладовой можно было найти разныя разности. Самому ему такой порядокъ платежа, конечно, не нравился, между тѣмъ фрейлинъ Марьяна очень любила подобнаго рода приношенія, и всегда вечеромъ, передъ тѣмъ, чтобы господину ея идти на покой, она, въ одной рубашкѣ, красной бумазейной юбкѣ, накинувъ на голую шею синюю косынку, приносила ему съ

ледника на тарелкѣ чего-нибудь закусить. Въ особенности господинъ ея любилъ черные соленые рыжички, величиной съ двугривенный. Ихъ поставляла ему изъ года въ годъ одна старушка - помѣщица, Авдотья Михайловна, у которой онъ обошелъ и обмѣрилъ чуть ли не три тысячи десятинъ лѣсу, при чемъ за всю работу получилъ 100 рублей, и то по частямъ. Такъ вотъ, рыжички-то эти Адамъ Адамычъ и выпросилъ у нея въ видѣ пожизненной пенсіи.

Теперь онъ сидѣлъ въ тараптасѣ, бочкомъ, на кожаной подушкѣ, сгорбившись, и терпѣливо придерживался лѣвой рукой за желѣзную скобу, — правой, при сильныхъ толчкахъ, слегка подхватывалъ свою спутницу. Та, въ подобныя минуты, кричала ему: «Самъ-то не свались, я-то сижу крѣпко».

Хотя онъ былъ вполне увѣренъ, что Глафира Петровна тоже постарается расплатиться съ нимъ за работу домашними произведеніями кухни и хозяйства, тѣмъ не менѣе не рѣшился отказаться, какъ старый знакомый еще ея отца, да къ тому же и сосѣдъ.

Адамъ Адамычъ былъ одѣтъ въ суконное пальто голубинаго цвѣта, выгорѣвшаго отъ солнца. На головѣ черная пуховая шляпа нѣмецкаго покроя, какія носятъ доктора и профессора, а также и художники. Ноги его, обутые въ длинные болотные сапоги съ рыжими отвороченными голенищами, всю дорогу упирались въ корзинку съ провизіей. И, не смотря на всѣ 40 верстъ, Адамъ Адамычъ съ чисто нѣмецкимъ терпѣніемъ ни разу не попросилъ спутницу остановиться и поправить вещи, а только отъ времени до времени

подозрительно посматривалъ подъ облучокъ, какъ бы не раздавить корзинку и не остаться безъ закуски.

— Ну, вотъ скоро и прїѣдемъ, восклицаетъ барыня и пристально смотритъ въ даль. Вотъ только на гору подыдемся, тутъ и будетъ.

День былъ праздничный. На встрѣчу сталъ попадаться народъ отъ обѣдни. Вонъ влѣво отъ дороги, луговинкой, какая идетъ веселая компанія!

Впередн, точно пава, шествуетъ, не торопясь, увѣренной походкой, должно быть, мѣстная красавица, или, какъ здѣсь называютъ «Славутица». Высокая, стройная брюнетка. Лицо, что кровь съ молокомъ. Въ каждомъ ея движеніи видна сила и могучесть. Красавица, видимо, сознаетъ свои достоинства, пощелкиваетъ себѣ подсолнухи, и изподтишка лукаво посматриваетъ на парней. А тѣ веселой гурьбой облѣпили ее со всѣхъ сторонъ, что мухи около меду. Славутица одѣта въ сарафанъ бирюзоваго цвѣта. Красивый широкій лобъ прикрывается бѣлымъ платкомъ съ пупцовыми цвѣточками. Сзади, въ толстой косѣ вплетены двѣ широкія розовыя ленты. Онѣ мягко стелятся по спинѣ, и время отъ времени колышутся вѣтромъ. Слѣдомъ за ней, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону, широко шагаетъ высокій, худощавый рябой парень, съ фуражкой на затылкѣ и старательно наигрываетъ на гармоніи. Черная суконная визитка его разстегнута, и черезъ синюю жилетку свѣсилась серебряная цѣпочка отъ часовъ. Парню, очевидно, не дешево достается музыка. Онъ усталъ, вспотѣлъ, и мокрыя пряди волосъ свѣсились ему на глаза. Но онъ такъ озабоченъ своей игрой, что даже не имѣетъ времени поправить волоса, а

только изрѣдка, какъ застоялый конь, встряхиваетъ ими, какъ гривой.

— Устинья Ермолаевна, возьмите еще сѣмячковъ! доносится убѣдительный мужской голосъ, и рыжеватый парень, съ веснушками на лицѣ, протягиваетъ красавицѣ своей картузъ, наполненный подсолнечными сѣмьями, которыя онъ купилъ у торговца около церкви.

— Покорно благодарю, Сямень Митричъ, у меня есть еще, — тоненькимъ голоскомъ отвѣчаетъ та, — вздергиваетъ черными дугой бровями, улыбается, и въ то же время указываетъ ему головой на бѣлый платокъ, завязанный узломъ. Онъ держалъ его передъ собой у груди, точно драгоценность какую.

Сѣдоки наши тихонько минуютъ эту компанію и шагомъ поднимаются на песчаную гору. Лошади устали и еле-еле тащатся. Возница встаетъ и начинаетъ погонять ихъ, при чемъ, конечно, не забываетъ наградить и сѣдоковъ. Нѣсколько здоровыхъ ударовъ приходится какъ разъ посреди коробки, бишь шляпы Глафиры Петровны.

— Осторожнѣе, ты, болванъ! Чего обрадовался? свирѣпо накидывается на него барыня, и костлявой рукой сильно тычетъ парня въ спину, отчего тотъ едва не кувыркается съ облучка. Какъ подымемся въ гору, такъ вонъ на сарай держи, видишь?—воскликаетъ она, и рукой указываетъ направленіе. Лошади точно чувствуютъ, что осталось нѣсколько саженьей, трогаются рысцой и вскорѣ останавливаются на небольшой луговинѣ, у сѣнного сарая.

Барыня быстро подбираетъ свой капотъ и серной выпрыгиваетъ изъ тарантаса. Адамъ Адамычъ не мо-

жетъ этого продѣлать. Онъ грустно переваливается черезъ борты экипажа на землю, широко растопыриваетъ ноги и давай растирать ихъ:

— Охъ, охъ! — жалобно стонетъ онъ, — охъ какъ отсидѣлъ!

Тѣмъ временемъ Глафира Петровна, какъ ни въ чемъ не бывало, направляется къ сараю, раскрываетъ его, достаетъ лошадямъ сѣна, и затѣмъ строго говоритъ кучерепку:

— Ты, Ванюшка, какъ отпряжешь лошадей, такъ сбѣгай вонъ въ тотъ новый домъ, что за рѣкой, видишь! Позови, тамъ есть дѣвушка Афімья, скажи ей, что я приѣхала. Пускай принесетъ самоваръ сюда и разогрѣетъ. Мы живо обѣжимъ пустошь. Смотри же, поскорѣе сбѣгай!—Послѣ чего она многозначительно взглядываетъ на спутника, который все еще оттиралъ отсидѣлые члены, — и кричитъ ему: Ну, пойдѣмъ, старый грѣховодникъ! Время терять нечего!

— Я бы, Глафира Петровна, думалъ сначала напиться чайку, да тогда и идти, — жалобно возражаетъ тотъ съ разстановкой.

— Пустяки, пустяки говоришь, батюшка! Смотри, гдѣ солнышко-то, когда мы вернемся? То-ли дѣло обойдемъ, да тогда и за чаекъ усядемся!

— Сорокъ верстъ проѣхалъ да ужъ и раскисъ, а еще жениться хочешь. Да какая же за тебя пойдетъ! — насмѣшливо восклицаетъ барыня, — подходитъ къ ближайшей березѣ и отламываетъ двѣ вѣтки, что бы отгонять слѣпней. Одну оставляетъ себѣ, другую передаетъ спутнику, и смѣло направляется узенькой тропинкой въ лѣсъ. Она ни на мнуну не сомнѣвается, что спутникъ ея послѣдуетъ за ней. И дѣйствительно, какъ ни хотѣлось ему отдохнуть и на-

питься чаю, онъ, скрѣпя сердце, устремляется за владѣтельницай пустоши, слегка прихрамывая.

— Охъ, корзину-то чтобы собака не слопала! — какъ-бы про себя восклицаетъ заботливая хозяйка. За Афимьей-то, вѣрно, Жучка придереть. Развязываетъ за спиной свой шерстяной платокъ, и, поманивая имъ надъ головой, кричитъ точно въ рупоръ:

— Ванька-у-у! Ванюшка-у-у! — Корзину-то прикрой хорошенько чѣмъ-нибудь; смотри, чтобы цѣла была! — Ванюшка машетъ рукой въ знакъ того, что понялъ. Кричать онъ и не думаетъ, будучи увѣренъ, что на такое разстояніе его не услышать.

Погода июльская, самая жаркая. Солнце такъ и печетъ. Отъ березоваго лѣса распространяется пріятный ароматическій запахъ. Вѣтру нѣтъ, тихо совершенно. Листья на вѣткахъ повисли на воздухѣ и только на вершинахъ едва колышутся. Птички кое-гдѣ чирикаютъ, перекликаются и перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку. Слѣнии сильно начинаютъ надоѣдать нашимъ спутникамъ. Пользуясь жарой и безвѣтріемъ, они, точно бѣшеные, жужжатъ, кружатся возлѣ своихъ жертвъ, и затѣмъ жадно прилипаютъ къ потному тѣлу, въ надеждѣ напиться крови. Вотъ одинъ толстый желтый сѣлъ Адаму Адамычу на рукавъ, растопыривъ ноги и какъ будто задумался. Тотъ ловко его хватаетъ и методично отдѣляетъ голову отъ туловища. Березовыя вѣтки, сложенные Глафирой Петровной, оченьгодились.

Дама быстро идетъ впередъ узенькой тропочкой, хорошо ей знакомой. Она бодро разрываетъ грудью загоразживавшія ей дорогу вѣтви кустовъ и деревцевъ, и нисколько не остерегается выхлестнуть ими глаза спутнику. А тотъ между тѣмъ едва поспѣваетъ за

ней. Потъ градомъ льется съ него, а онъ все таращитъ руки передъ собой и торопливо расчищаетъ себѣ дорогу, опасаясь отстать.

— Вишь какой еловый пошелъ,—не безъ гордости восклицаетъ владѣтельница, останавливаясь около одной ели, задираетъ голову къ верху и смотреть на вершину. Два дерева выйдутъ, да еще и на потолочину останется!—добавляетъ она. Адамъ Адамычъ тоже останавливается и смотреть. Но, по свойственному ему духу противорѣчіи говорить ей:

— Да, только еще молядой!—при этомъ, слово «молодой» онъ произноситъ шепеляво, смѣшно, т. е. такъ, какъ говорятъ это слово всѣ коренные нѣмцы, проживавшіе въ Россіи не менѣе 30-ти лѣтъ.

— Молядой, молядой, — передразниваетъ его барыня. Самъ ты молядой, — огрызается она, и сильно обижается на его замѣчаніе.

— Да конечно, только на холостую постройку и годится!—продолжаетъ возражать землемѣръ.

— Ну, да, толкуй! Холостую! Самъ ты холостой, оттого и говоришь такія слова. И Глафира Петровна съ презрѣніемъ отворачивается отъ него и идетъ дальше, такой скорой походкой, точно совершенно забываетъ о спутникѣ.

— Ну, вотъ тебѣ пожня! Хороша-ли? снова хвастается хозяйка. Она была очень типична въ эти минуты. Художнику слѣдовало бы непременно взять кисть и зарисовать ее. Соломенная шляпа съѣхала на затылокъ, и сѣдоватые волосы космами прилипли на потномъ лбу. Бронзовое лицо покраснѣло еще больше. Носъ сталъ какой-то багровый. Черный платокъ на длинной шеѣ совсѣмъ растре-

пался и торчалъ узломъ на сторону. Ноги широко разставлены. Вообще фигура ея была такова, что при взглядѣ на нее, Адамъ Адамычъ проникается невольнымъ уваженіемъ. Шутить съ ней было опасно.

Но хотя спутникъ ея былъ куда меньше ростомъ и слабѣе, но упрямства ему было не занимать стать.

— Да, конечно, пожня хороша,—возражаетъ онъ и окидываетъ бѣглымъ взглядомъ покосецъ, такъ десятины въ полторы величиной,—но только полагаю, тутъ дальше осока! Хозяйка ни слова не возражаетъ на этотъ разъ, и, затаивъ злобу, чтобы не обрушиться на спорщика, круто поворачиваетъ и продолжаетъ свой путь.

Наконецъ они выходятъ на вырубку и останавливаются на краю широкаго оврага.—Ну, вотъ тебѣ и граница! Выбирай для дома мѣсто, гдѣ хочешь, а только, полагаю, лучше того, гдѣ оставили мы лошадей, не найдешь. Тамъ и видъ хорошій, и деревня близко, и рѣчка у самыхъ ногъ!

— Да конечно, тамъ и вода близко, и деревня тоже!—глубокомысленно соглашается на этотъ разъ Адамъ Адамычъ.

— Тутъ вѣдь намъ рукой подать до сарая. Вотъ только обойдемъ лѣсокъ, тутъ и лошади,—разсказываетъ барыня, и ведетъ своего спутника вдоль оврага. Вскорѣ сквозь березовую рощицу мелькнула знакомая прогалинка и показалась соломенная крыша сарая, а возлѣ него и тарантасъ. Лошади отпряжены и мирно паслись, пощипывая траву. Ванюшка подложилъ подъ голову охапку сѣна, и крѣпко спалъ въ тѣни сарая. Солнце уже обошло,

и немного начинало припекать его голову. Здоровая широкоплечая дѣвка, въ красномъ кумачевомъ сарафанѣ, съ бѣлобрысой косичкой за спиной, стояла позади тарантаса на колѣняхъ, и старательно раздувала самоваръ. Босыя розоватыя ноги ея съ упершимися въ землю грязными пальцами рѣзко видѣлись изъ-за одежды. Дѣвица такъ сильно раздувала своими раскрасившимися щеками, что, казалось, сейчасъ лопнетъ отъ патуги. Она и не слышитъ, какъ къ ней подошли сзади.

— Здравствуй, Афимьюшка, каково поживаешь! — дружески восклицаетъ барыня, и въ тоже время нѣсколько покровительственно обнимаетъ ее. Та кидается цѣловать ей руки и приговариваетъ тоненькимъ голоскомъ: Здравствуйте, сударыня-барынька! Совсѣмъ насъ забыли, годъ цѣлый не видали! — Складываетъ руки на животъ и низко кланяется.

— Ну, что старуха? Жива-ли?

— Жива, матушка-барынька, жива — визжитъ дѣвица, и затѣмъ бросается опять къ самовару.

Не проходитъ и пяти минутъ, какъ оба путешественника расположились въ тѣнистой березовой рощицѣ на травѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ сарая. Передъ ними стоялъ на дощечкѣ свѣтлый самоваръ и шипя выпускалъ клубы пара. Владѣтельница пустоши сидѣла по-турецки, ноги калачемъ. Шляпу свою она сняла и повѣсила за шнурокъ на сучкѣ дерева. Передъ ней стояла корзина съ провизіей.

Адамъ Адамычъ улегся на животъ и подпиралъ голову локтями, въ ожиданіи чая. — Такъ вы хотите здѣсь стронься! вопрошаетъ опъ и посматриваетъ по сторонамъ. И не боятесь тутъ одни жить?

— А чего мнѣ бояться! восклицаетъ барыня. Денегъ у меня нѣтъ, дорогихъ вещей тоже не водится,—и при этомъ она торопливо достаетъ изъ корзины каравай ситнаго хлѣба, жареную курицу, кое-какую посуду, и все это раскладываетъ на листѣ синей сахарной бумаги.

— Вотъ я, Адамъ Адамычъ, расскажу тебѣ про себя, такъ ты и разсудишь, бояться ли мнѣ здѣсь строить, или нѣтъ?—И она привычной рукой принимается перетирать чашки, предварительно сполоснувъ ихъ кипяткомъ.

— Ахти мнѣ, молока-то, кажись, Афимья и не принесла! Эхъ, я, старая дура, забыла наказать Ванюшкѣ! восклицаетъ хозяйка, и затѣмъ кричить:

— Афимья, сбѣгай ты, родная, домой, принеси горшечекъ молока,—только съ устоемъ, вечернишняго, да смотри, не кислаго! наказываетъ она. Афимья опрометью бросается исполнять приказаніе, и черезъ минуту скрывается между деревьями.

— Ну, первый-то, можетъ, и безъ молока выпьешь, говоритъ хозяйка, и ставитъ передъ спутникомъ чашку чаю. Тотъ беретъ, прихлебываетъ и въ то же время говоритъ: Я слушаю, Глафира Петровна! слушаю!—Такъ вотъ, милый ты мой, продолжаетъ она, скажу тебѣ одно: коли не судьба, такъ ужъ не умрешь! Вотъ слушай, что случилось со мной. Ты, какъ теперь ѣхали мы сюда, видѣлъ, не доѣзжая верстъ пять, въ правой рукѣ усадьбу,—и для пущей паглядности она указываетъ рукой,—господскій-то домъ сгорѣлъ. Пожарище-то замѣтилъ?

— Какъ же, замѣтилъ! восклицаетъ спутникъ.

— Такъ вотъ видишь ли ты, въ усадьбѣ этой, во флигелькѣ и по сейчасъ живетъ моя тетка ста-

руха, Марья Степановна Толбухина. Изъ-за нея-то я, грѣшница, и съ пустошью-то этой связалась, — съ горечью прибавляетъ разсказчица. Она меня и втравила въ нее, понимаешь, чтобы, значить, сосѣдкой ей стала. Ужъ больно любить она меня. Вотъ купила я, такъ весной, пустошь-то эту, и поѣхала къ ней, посовѣтоваться о томъ, о семъ, да кстати выпросить у ней овса на сѣмена. Старуха запасливая—у ней всегда сѣмена водятся. Приѣзжаю вечеромъ поздно, а ея и дома нѣтъ. Наканунѣ уѣхала въ Великуши, верстъ за 30, къ племяншу своему на праздникъ. Этакое меня горе взяло, такую даль ѣхать, и напрасно. А ждать ее и не думай: коли забралась, такъ съ недѣлю непременно прогостить. Ну, думаю, переночую я, да утрецомъ пораньше сюда и приѣду. А домъ у ней былъ деревянный, старинный-старинный, богатѣющій, съ мезониномъ. Въ задѣ печи были, помню, бѣлыя, въ видѣ замковъ, кафельныя, самыя древнія, всѣ въ цвѣтахъ, синія, желтыя, зеленыя, съ разными башенками, и на каждомъ кафелѣ либо кувшинчикъ нарисованъ, либо цвѣточекъ какой, а то бояринъ въ шапкѣ, либо дамочка какая. А внизу подъ ними подписи стоятъ, и такія забавныя, что смѣхъ да и только. Двери въ домъ входныя запирались такимъ тяжелымъ крюкомъ, что и не поднять было.—И Глафира Петровна размахиваетъ руками во всю ширину.—Ну, думаетъ Адамъ Адамычъ, ежели ужъ ты, милая, не могла поднять этого крюка, то кто же бы его и поднялъ?

— Внизу въ ту пору плотники полъ перестили, продолжаетъ разсказчица. Куда дѣться? Я къ ключницѣ ейной, къ старухѣ Мартьяновнѣ. Мартьяновна, голубушка, говорю, — ужъ я къ тебѣ,—дай

гдѣ-нибудь головушку склонить. — Старуха такая добрая была, царствіе небесное! Повела къ себѣ на верхъ. А тамъ все разные ходы да переходы. Комнатки низенькія, того и смотри голову расшибешь! Таково мнѣ страшно показалось въ темнотѣ, — и говорю ей: Куда ты меня ведешь, Мартьяновна? Я вотъ лучше возлѣ лѣсенки лягу на площадкѣ, утромъ пораньше встану и поѣду, — а то мнѣ и не выйдти будетъ.

— Какъ она ни уговаривала, ни тащила къ себѣ въ каморку, а я на своемъ поставила. Принесла она мнѣ сюда пуховикъ, себѣ тоже какую-то пубенку приволокла, и улеглись мы съ ней рядочкомъ. Я и не раздѣвалась, точно чуяло мое сердце, что быть бѣдѣ.

— Долго ли, коротко ли мы спали, не могу сказать, только меня ровно что въ бокъ кольнуло, — просыпаюсь, слышу, гдѣ-то такъ вѣтеръ и востъ-завываетъ, шумить, трещить. У меня и сонъ прошелъ, — страшно стало. Лежу, творю молитву, — вдругъ слышу дымомъ потянуло. Вскочила я къ окошечку, — слуховое на дворъ выходило, — не видно ничего. Я къ лѣстницѣ, — отворила дверку. Матушки вы мои, дымомъ-то меня такъ въ рожу и обдало, а внизу кругъ лѣстницы ужъ и языки огненные выются.

— Мартьяновна! Горимъ! Сударушка ты моя, горимъ! кричу ей, а у самой глотку-то вдругъ сперло и кричать больше не могу. Та вдругъ какъ вскочить съ постели, да гланеть внизъ, — безъ ума и повалилась на полъ, и встать не можетъ. Кое-какъ схватила я се въ охапку, съ лѣстницы-то волоку, такъ вѣришь ли, лежить на рукахъ, что сту-

па, обмерла совсѣмъ. Только вытащила ее на дворъ, и наша половина занялась.

— Такъ вотъ гдѣ перстъ-то Божій! набожно восклицаетъ барыня взволнованнымъ голосомъ и широко крестится.

Въ это время, вся запыхавшись, подходитъ Афимья, и ставитъ передъ хозяйкой двѣ кринки молока. Пальцы ея на половину угрузли въ сливкахъ.— Кушай. Адамычъ, кушай, дружественно восклицаетъ Глафира Петровна, очевидно растроганная своимъ воспоминаніемъ. Я вѣдь молока мало потребляю. Мнѣ бы-де только чай забѣлить маленько, —и подвигаетъ спутнику кринку.

— Да, дѣйствительно, это не судьба вамъ помереть, съ чувствомъ восклицаетъ Адамъ Адамычъ, — вооружается деревянной ложкой, которую прихватила Афимья изъ дому, и съ аппетитомъ принимается ѣсть молоко, заѣдая его ситнымъ хлѣбомъ. Не проспись вы, и сгорѣли бы! добавляетъ онъ, и съ трудомъ пережевываетъ полный ротъ хлѣба, а съ его сѣдыхъ усовъ каплютъ на траву бѣлыя жирныя сливки.

— А то не лучше было со мной на Николаевской дорогѣ, продолжаетъ рассказывать Глафира Петровна. Доливаетъ кипяткомъ обѣ чашки, одну ставитъ передъ кавалеромъ, а другую подвигаетъ себѣ.— И все ради этой же пустоши, была я какъ-то въ Петербургѣ, оттуда понадобилось мнѣ ѣхать въ Тверь. Обыкновенно-то ѣзжу я въ третьемъ классѣ, ну а тутъ, знаешь, у меня нужны бумаги были съ собой въ мѣшечкѣ. Поѣду, думаю, во второмъ, все спокойнѣе будетъ. Въ вагонѣ и разговорила я съ однимъ бариномъ. Такой изъ себя приличный, уже

пожилой. Оказались у насъ съ нимъ общіе знакомые. Стали перебирать ихъ, и не замѣтили, какъ очутились у какой-то большой станціи.

— Пойдемте чаю напиться, — упрощиваетъ онъ. А я, признаться сказать, не любительница дорогой выходить изъ вагона. Сяду, такъ до мѣста сижу. Да и цѣны тамъ въ буфетахъ положены за все очень высокія. Такъ вѣдь нѣтъ, присталь, что банный листъ.

— Ну, ладно, говорю, несите, коли такъ, мѣшокъ мой, потому боялась безъ присмотра оставить его.

— Ну вотъ, другъ ты мой милый, продолжаетъ рассказчица и, не глядя на Адама Адамыча, беретъ его пустую чашку, сильной рукой выплескиваетъ остатки чая, далеко на траву и наливаетъ новую, — подошли мы къ буфету, народу страсть что набилось тамъ. Заказали мы себѣ чаю, — усѣлись въ уголокъ, сидимъ и попиваемъ. Толкуемъ о знакомыхъ, оглянулась я, а публики-то ужъ и пѣтъ никого. Бросаемся къ вагону, а сосѣдь мой мѣшокъ-отъ и забылъ.

— Мѣшокъ, мѣшокъ гдѣ? кричу ему ужъ не своимъ голосомъ, да сама за нимъ въ буфетъ, что моченьки было, бѣгу. Тотъ за мной. Пока бѣгали, поѣздъ и ушелъ.

— Ну вотъ, и напились чаю, — говорю ему, а сама такъ вся и трясусь отъ злости. Кажется, такъ и выпала бы ему въ глазыньки. А онъ, бѣдный, стоитъ передо мной такой жалконькій, шляпа его черная котелкомъ на бокъ съѣхала, пальто разстегнулось, самъ онъ запыхался.

— Простите, говоритъ, Глафира Петровна, не думалъ я, что такой грѣхъ случится. Вѣдь меня тоже встрѣчать выѣдуть. Дѣло есть спѣшное. Какъ это могъ я

такъ ошибиться, ума не приложу. Сколько лѣтъ ѣзжу, никогда не случалось!—И самъ это такъ подергиваетъ плечами и кланяется мнѣ.

— Ну, извѣстно, дѣлать нечего,—поѣзда не воротишь. Пошли справляться, когда можно дальше ѣхать. Говорятъ—ночью, около часу. Товарищъ мой побѣжалъ на телеграфъ, денешу давать въ Москву. Посидѣли мы съ нимъ на платформѣ, погуляли. Вдругъ, видимъ, что-то служащіе забѣгали по вокзалу. Жандармы засуетились, начальникъ станціи прибѣжалъ, помощникъ, еще какіе-то господа съ кокардами набѣжали. Смотримъ, ужъ имъ и вагонъ подаютъ. Спрашиваемъ сторожа, что случилось? А тотъ шепотомъ, точно боялся, что его услышать и говорить: «Поѣздъ, что въ Москву сейчасъ ушелъ, съ рельсовъ свалился Много народу перобито».

— Ну, вотъ теперь и скажи ты мнѣ послѣ того, развѣ это не судьба!—восклицаетъ рассказчица, и пристально смотритъ на спутника широкими глазами, затѣмъ поправляетъ на затылкѣ выбившіяся сѣдоватые косички волосъ.

— Да! Знаете, Глафира Петровна, это не вѣрится даже! Неужели это правда съ вами было!—удивленно вопрошаетъ спутникъ, при чемъ уже давно держать пустую чашку у груди, не рѣшаясь беспокоить рассказчицу объ одолженіи.

— Стара, батюшка, врать-то стала,—рѣзко возражаетъ она, перегибается своимъ длиннымъ, сухощавымъ туловищемъ, и чуть не вырываетъ у того чашку изъ рукъ. Ну, чего церемонишься-то, давай, волю еще,—восклицаетъ барыня. Они выпили уже чуть не по десятку чашекъ, а вмѣстительный самоваръ еще и не думалъ измѣнять имъ. Грубое загорѣ-

лое лицо хозяйки изъ краснаго теперь сдѣлалось багроваго цвѣта, и совершенно сравнялось съ цвѣтомъ носа. Она частенько обтирала съ лица потъ тѣмъ же самымъ полотенцемъ, висѣвшимъ у ней черезъ плечо, которымъ перетирала чашки.

* *
*

— Ну, такъ уже рассказать тебѣ, что-ли, и еще одинъ случай, — самодовольнымъ тономъ восклицаетъ Глафира Петровна, какъ бы желая окончательно сразить недоумѣвавшаго слушателя. Тотъ тѣмъ временемъ отлучался на минуту, поразмять отсидѣлыя ноги, и теперь съ добродушнѣйшимъ видомъ грузно усаживался на свое прежнее мѣсто.

— Пожалуйста, пожалуйста расскажите! — кричитъ онъ. Это такъ интересно! — Снимаетъ шляпу и обтираетъ потную блестящую лысину краснымъ фуляровымъ платкомъ. Платокъ этотъ Адамъ Адамычъ очень берегъ, такъ какъ это былъ подарокъ его Марьяны и служилъ ему постояннымъ напоминаніемъ о ней.

— Видишь-ли ты вонъ тотъ новый домикъ, — говоритъ Глафира Петровна, и показываетъ направленіе своей геркулесовской рукой. Слушатель оборачивается и щуритъ глаза противъ солнца.

— Въ этомъ домѣ жилъ богатый старикъ, Ахремомъ звали. Жена его, старушка, мать Афимьи-то нашей, — скороговоркой добавляетъ рассказчица, — моя большая пріятельница. Когда я пріѣхала сюда въ первый разъ, то у нихъ остановилась. По скорости старуха захворала да и слегла. День-то я здѣсь на пустошѣ съ рабочими вожусь, сѣно убираю, кустарникъ подчищаю, а вечеромъ кругъ нея

хожу, горчишники ей ставлю, компрессы прикладываю. И такъ-то они полюбили меня оба, что и сказать нельзя. Зима настанетъ, такъ чего-чего только не приплюютъ мнѣ. бывало, въ городѣ. Старуха-то и теперь не забываетъ, спасибо ей, и рыжичковъ и груздочковъ, — знаетъ, что я до нихъ охотница!

Разъ подъ вечеръ собралась это я почевать къ нимъ. А вѣдь тебѣ извѣстно, что я всегда ношу съ собой револьверъ, — и Глафира Петровна, въ подтвержденіе своихъ словъ, вытаскиваетъ изъ своего обширнаго кармана внушительныхъ размѣровъ «бульдогъ». — Стала я подходить вонъ къ тому мосточку, отсюда не видать за кустарникомъ, — вставляетъ рассказчица, — сунула руку въ карманъ, хватъ, а револьвера-то и нѣтъ. Такая меня досада взяла, — гдѣ, думаю, онъ дѣлся. Пошла назадъ, да съ рабочими заговорила, — изъ которыхъ расчетъ пришлось сдѣлать, да здѣсь въ сараѣ съ Акимьей и започевала. — И что же бы ты думалъ! Чуть свѣтъ насъ обоихъ подпяли, — старика Ахрема ночью убили, въ подполье стащили и деньги ограбили! — Глафира Петровна нервно трясетъ головой, отчего волосы ея еще болѣе приходятъ въ беспорядокъ.

— Ну и что жъ, нашли убійцъ? — съ нетерпѣніемъ восклицаетъ Адамъ Адамычъ.

— Какъ же, родной ты мой, по скорости и нашли! Да еще какъ случилось-то! — И она въ сотый разъ вытираетъ свое раскраснѣвшееся отъ чаю лицо, все тѣмъ-же чайнымъ полотенцемъ.

Вотъ, изволишь-ли видѣть, такъ старуха Ахремова мнѣ потомъ рассказывала, ну, да и въ городѣ то же самое слыхала. Это, значитъ, когда же, года

четыре тому будетъ, весной, когда войска-то всё за городъ уходить стали въ лагерь, ну и наша пѣхтура тоже потащилась, да за кладбищенскимъ мостомъ, на луговинѣ и разбила палатки.

— Не знаю, правда-ли, пѣтъ, въ Петровъ день командиръ 1-й роты и фельдфебель его имянинники были. Офицера, извѣстно, къ ротному собрались покутить, а къ фельдфебелю свои пріятели пришли. Командиръ-то, видишь-ли ты, говорить, долженъ ему былъ порядочно, — въ полголоса добавляетъ рассказчица, точно боясь, что ротный услышитъ ее за 40 верстъ. Фельдфебель-то этотъ денежный былъ, и страсть любилъ въ стуколку играть. Ну, извѣстно, кто къ нему припшли: другіе фельдфебеля, фельдшера, писаря, и между прочими и нашъ Колька, сосѣдь Ахремовъ, прозваніе ему дано было въ деревнѣ — Шило. Во-онъ ихній домшко, за Ахремомъ, такой не мудрый, — и рассказчица рукой показываетъ направленіе. — Ихъ два брата. Такіе отчаянные оба были, ни батьки, ни матки пѣтъ, сироты остались, и землю бросили пахать. Старшій-то, Николка, вотъ какъ въ солдаты попалъ, ну, видный такой, помню его, къ Ахрему часто шлялся, то за тѣмъ, то за другимъ, грамотный, шустрый, живо въ писаря и пристроился, и ротному полюбился. Глаза у него были синіе, такіе злющіе, что не дай Богъ. Всегда онъ мнѣ не правился, боялась я его.

— Такъ вотъ, сударь ты мой, услыхъ они всё, видишь, въ карты играть, ну и бутылочки тоже не забываютъ, по одной, да по одной, ну и понабрались порядочно. Смотрить, — писарекъ нашъ Колька нагрузился шибко, и проигрался порядочно. Ну, а

вѣдь въ стучолку, самъ знаешь, денежки на столъ подай!

— Вдругъ онъ выхватываетъ изъ кармана бумажникъ, толстѣющій такой, раскрываетъ, — все сотенными пабить?

— Ахти!—кричатъ всѣ,—откуда у него столько денегъ.

— Эка невидаль, проигралъ 25 рублей, у меня, — кричить, — во-о ихъ сколько, — хвастаетъ, значить.

— А тутъ, какъ на грѣхъ, вольноопредѣляющійся одинъ случился, племянникъ Ахремовъ. Колька-то его и не зналъ, далече отъ пихъ жилъ онъ.

— Парень-то этотъ и призналъ бумажникъ, красный сафьяновый съ застѣжками, жалко, видишь-ли, его бросить было, какъ старика-то убили.

— Братцы мои!—кричить онъ. — Держите злодѣя! Это дяденьки моего бумажникъ.

— Тутъ всѣ бросились къ молодцу, у того и хмѣль пропалъ. Никогда онъ, видишь-ли, не ожидалъ, чтобы бумажникъ признали. Разомъ на колѣночки сталъ и повинулся.

— Моя бѣда,—кричить,—ко мнѣ и пришла.

— Тутъ ему, сударику, ручки скрутили, да къ ротному и повели,—злорадно добавляетъ рассказчица.

— И что же бы ты думалъ,—продолжаетъ Глафира Петровна: — оказалось потомъ, что въ тотъ самый вечеръ, какъ я собиралась къ Ахреминой старухѣ ночевать идти, эти оба молодца, Колька-Шило, съ братцомъ со своимъ рѣшили со старикомъ покончить. И знали они хорошо, что я должна была прійти. Поэтому поджидали меня подъ тѣмъ мосточкомъ, что въ полѣ, — и рассказчица головой киваетъ въ

сторону моста.—А меня Богъ и спасъ, за пистоле-
томъ-то вернулась, да дома и заночевала.

— Ну, и что-же, судили? — вопрошаетъ Адамъ
Адамычъ, и удивленно таращить глаза на себе-
сѣдницу.

— Обоихъ въ каторгу, — добавляетъ она, ма-
шетъ рукой и быстро поднимается со своего насп-
женного мѣста.

— Ну вотъ, развѣ «не судьба»? — добавляетъ
она, беретъ корзинку и начинаетъ укладывать въ нее
чашки, блюда и остатки закуски.

Адамъ Адамычъ тоже подымается, задираетъ
руки надъ головой, потягивается и, какъ бы про
себя восклицаетъ: «Удивительно! Удивительно!».

Нефтяное отопленіе.

Лѣтнее тихое утро. Солнышко хотя еще и невысоко, но уже становится жарко. Въ небольшомъ уютномъ старомъ деревенскомъ домѣ, крашенномъ когда-то сѣрой краской, окна открыты въ просторный зеленый дворъ, обсаженный акаціями. Едва замѣтный вѣтерокъ наполняетъ комнаты ароматомъ свѣже - скошеннаго сѣна. Кругомъ такъ тихо, что можно подумать, будто усадьба не жилая. Только металлическій голосокъ малиновки, пріютившейся гдѣ-то на вѣткѣ, въ глубинѣ тѣнистаго сада, тоненько звенить и переливается, соперничая съ назойливой трескотней кузнечиковъ. А вотъ и жаворонокъ послышался надъ головой. Быстро перебирая крылышками, и какъ бы стоя на одномъ мѣстѣ, незамѣтно подымается онъ все выше и выше къ спящему небу, распѣвая свою чудную пѣсенку, которая едва доносится до ушей, подобно журчанію ручейка. Во-о-онъ какъ высоко поднялся! чуть виденъ! Вдругъ, точно подстрѣленный, пѣвецъ срывается въ сторону и исчезаетъ изъ глазъ въ воздушномъ пространствѣ.

У окна въ бѣломъ парусиновомъ халатѣ, съ большой фарфоровой чашкой на колѣняхъ, сидитъ въ дѣдовскомъ порывѣломъ кожаномъ креслѣ помѣ-

щикъ Андрей Васильевичъ Кожинъ, и съ великимъ трудомъ разбираетъ только что полученное письмо. Оно было написано на полулистѣ сѣрой бумаги, самыми невозможными каракулями. Помѣщикъ изрѣдка беретъ съ окна трубку съ черешневымъ чубукомъ, слегка затягивается раза два — три, и затѣмъ, не отрывая глазъ отъ письма, ставитъ трубку на прежнее мѣсто, запивая дымъ крѣпкимъ холоднымъ чаемъ.

Просторный кабинетъ обставленъ старинной мебелью краснаго дерева. Чрезвычайно пузатые кресла и стулья покрыты черной волосяной матеріей. Задняя стѣна кабинета чуть не вся заставлена широчайшимъ книжнымъ шкафомъ со стекломъ, съ подвижными дверцами. На верхнихъ полкахъ помѣщаются безконечные ряды переплетенныхъ «Отечественныхъ записокъ» и «Библіотеки для чтенія». На средней красуется «Путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля», въ толстыхъ кожаныхъ желтыхъ переплетахъ, а пониже тянется длинный рядъ какого-то энциклопедическаго словаря, въ красныхъ сафьянныхъ переплетахъ. По стѣнамъ, оклееннымъ старинными зелеными обоями, развѣшены сабли, удочки и мухобойки. Кафельная печь, разрисованная синими кувшипчиками, помѣщается въ углу и занимаетъ порядочную долю комнаты. Среди же самого кабинета стоитъ большой письменный столъ на выгнутыхъ ножкахъ. На немъ аккуратно разложены приходо-расходныя книги, тетради, разныя письменныя принадлежности и вазочка корельской березы съ табаконъ.

Кожину лѣтъ подъ шестьдесятъ. Тучный съ короткой шеей и брюшкомъ. Лицо полное, румяное.

Длинные съдые усы и подстриженная круглая борода, сильно пожелтели отъ табачнаго дыма.

Андрей Васильевичъ служилъ когда-то въ армейскихъ гусарахъ. Женился и уже лѣтъ тридцать безвыѣздно хозяйничалъ въ своемъ родовомъ имѣніи, при большой судоходной рѣкѣ, въ одной изъ среднихъ губерній.

Изъ газетъ онъ выписывалъ только одинъ «Инва-лидъ», и то только для того, чтобы слѣдить, кто изъ его товарищей произведенъ въ слѣдующій чинъ. Самъ онъ былъ штабсъ-ротмистромъ въ отставкѣ. Видъ имѣлъ стараго барина, хлѣбосола прежнихъ временъ.

— Эхъ его пишетъ! недовольнымъ тономъ ворчить Андрей Васильевичъ, съ трудомъ разбирая каракульки.

— Марья Ивановна! Марья Ивановна! внезапно оретъ онъ въ сосѣднюю комнату къ женѣ, испуганнымъ голосомъ, причеиъ письмо чуть не вываливается у него изъ рукъ.

Съ противоположной стороны дверь изъ кабинета растворяется въ прихожую, и на порогѣ появляется босоногая дѣвчонка, въ грязномъ розовомъ сарафанѣ. Волосы свѣсились на плечи, какъ у дьякона.

— Чего ты?—сердито огрызается на нее баринъ.

— Барыня ушли на рѣку купаться! говоритъ она. Баринъ машетъ ей рукой, чтобы уходила.

— Экое горе!.. что мы будемъ дѣлать, ежели это правда? грустнымъ, убитымъ голосомъ бормочетъ онъ про себя. Снимаетъ съ колѣнъ чашку на окно, и машинально начинаетъ ковырять спичкой въ потухшей трубкѣ. Зола и непрогорѣвшій табакъ засорили весь подоконникъ. Онъ хотя и знаетъ, что жена терпѣть не можетъ подобной перьяшливости, но въ эти минуты совершенно забылся и продолжаетъ ковырять.

Въ комнату входятъ полная, свѣжая барыня. Обнимаетъ мужа и цѣлуетъ.

— Что ты такъ тутъ раскричался? говоритъ она. На ней надѣтъ ситцевый синій капотъ съ бѣлымъ горошкомъ, отдѣланный кружевами. Мокрые слипнувшіеся волосы повязаны краснымъ шелковымъ платкомъ. Въ эту минуту она еще очень недурна.

— На-ка прочти, что Мыркинъ пишетъ! сумрачно говоритъ онъ, въ полуоборотъ протягиваетъ письмо, и тычетъ пальцемъ, откуда читать. — Та беретъ письмо и нѣсколько смущеннымъ тономъ читаетъ: — Ваше Высокородіе, Андрей Васильевичъ! — Ахъ да не отсюда! раздраженно восклицаетъ помѣщикъ, и снова тычетъ пальцемъ въ письмо.

— Что-же касается до вашей пустоши «Вихры», продолжаетъ читать барыня, — то купить ее въ настоящее время никакъ невозможно, такъ какъ съ будущей навигаціи всѣ буксирные пароходы будутъ отапливаться нефтью и дровъ больше не понадобится. Остаюсь съ почтеніемъ покорный слуга вашъ Петръ Мыркинъ.

— Ну такъ что-же? — говоритъ она и опускаетъ письмо. Что-же ты взбѣленился?

— Какъ что-же? Неужели ты не понимаешь? Кто-же у насъ теперь дрова-то будетъ покупать? кричить супругъ, привскакиваетъ съ креселъ, и снова опускается, причемъ халатъ распахивается. Полное лицо багровѣетъ, и такъ и кажется, что его сейчасъ хватить параличъ.

— Запахнись! запахнись! укоризненно говоритъ жена, вполголоса кивая головой на то мѣсто, которое слѣдовало запахнуть.

— Тотъ-же Малышевъ, который раньше бралъ, и возьметъ! самоувѣренно возражаетъ она.

— Да вѣдь, Малышевъ-то тоже бралъ для пароходовъ. А когда они будутъ отапливаться нефтью, такъ на кой-же прахъ понадобятся они ему! Чудовище морское! озлобленно восклицаетъ супругъ.

— Если ты хочешь говорить со мной, то, пожалуйста, будь поосторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ. Да.— Нечего на меня такъ кричать! Я не заслужила этого! говоритъ Марья Ивановна обидчивымъ тономъ.

— Эй, Катька! кричитъ баринъ. — Въ дверяхъ показывается та-же босоногая дѣвчонка.

— Бѣги сейчасъ, скажи Гришкѣ, чтобы живо закладывалъ маленькій тарантасикъ; дождя, кажется, не будетъ,—и онъ высовывается изъ окна и смотритъ на небо,—«Бутуза» въ корень и рыжихъ по бокамъ. Да смотри, живо у меня!

— Куда ты? съ безпокойствомъ спрашиваетъ супруга. Она, очевидно, жалѣетъ мужа, и въ душѣ давно простила его неделикатное обращеніе съ ней.

— Въ городъ, матушка, въ городъ! внушительно отвѣчаетъ онъ. — Надо-же поскорѣй узнать. Вѣдь, ежели, не дай Богъ, это правда, то мы, сударыня, разорены! Да! Въ конецъ разорены! уже не кричитъ онъ, а какъ-то злобно взвизгиваетъ. Густыя брови нависаютъ на глаза, и самъ онъ, точно виновный, боится смотрѣть на жену.

— Ну ступай, я буду одѣваться!—и онъ тихонько выпроваживаетъ жену изъ кабинета. — Да пришли мнѣ Ваську!—кричитъ онъ, по обыкновенію, въ догонку.

Марья Ивановна въ раздумьи уходитъ, подметая своимъ длиннымъ капотомъ грязный корридоръ.

Не далече, какъ черезъ часъ, Андрей Васильевичъ, въ фуражкѣ съ желтымъ околышемъ, и въ сѣрой военной шинели въ рукава, выходитъ на крыльцо, въ сопровожденіи супруги. Онъ тоекратно размахисто крестить ее и цѣлуетъ ея руку.

Та, въ свою очередь, крестить мужа, но не размахисто, а, напротивъ, точно украдкой, чуть не одинъ лобъ, и тоже цѣлуетъ его руку, послѣ чего старый гусарь садится въ экипажъ. Этотъ послѣдній шибко наклоняется подъ нимъ на бокъ.

— Съ Богомъ!—кричитъ баринъ.—Кучеръ, еще совершенный мальчишка, въ сукопной поддевкѣ, поверхъ кумачевой рубахи, и въ черной поярковой шляпѣ съ павлиньимъ перомъ, чуть шевелитъ возжами. Кони дружно берутъ съ мѣста. Колокольчикъ весело звенитъ, шаркунки одпообразно громхочутъ, и маленькій тарантасъ, слегка покачиваясь съ боку на бокъ, быстро катится прямо черезъ дворъ. Минуетъ каменные ворота, круто поворачиваетъ направо и скрывается за угломъ бревенчатой постройки.

— Неужели-же это правда? шепчетъ хозяйка. Она еще довольно долго стоитъ на крыльцѣ и съ озабоченнымъ видомъ смотритъ въ ту сторону, гдѣ скрылась фигура ея мужа.

— Богъ дастъ, все это окажется вздоръ, говоритъ она вполголоса въ свое утѣшеніе. Чуть замѣтно крестится и идетъ наверхъ къ дочери. Та еще не вставала.

Весь день Марья Ивановна ходитъ сама не своя. безпокоится, прислушивается, выбѣгаетъ на крыльцо.

Наступаетъ вечеръ. Вотъ и солнышко закатилось, а самого все пѣтъ. Уже всѣ легли спать, только она не спитъ. Сквозь кисею открытаго окна, да-

бы не такъ жарко было, свѣтится огонекъ. Марья Ивановна раскладываетъ пасьянсъ на маленькомъ столикѣ. Она гадаетъ: пріѣдетъ-ли мужъ сегодня? Пасьянсъ выходитъ отлично, — значить, пріѣдетъ. Барыня въ духѣ. Она подходитъ къ окну, подышать свѣжимъ воздухомъ. Кровожадные комары снаружи облѣпили сѣтку, и такъ и звенять, такъ и рвутся попасть въ комнату. Туманъ упалъ на сосѣдніе луга бѣлымъ облакомъ. «Кря, кря! Кря, кря!» — точно въ запуски, одинъ передъ другимъ перекликаются коростели въ ночной тишинѣ, зарывшись гдѣ-то въ туманѣ. Хозяйка беретъ съ туалета маленькіе плоскіе золотые часы съ сипей эмалью, свадебный подарокъ мужа, и смотритъ: 2-й часъ.

— Что-же это онъ не ѣдетъ? Неужели почуетъ въ городѣ? Вѣдь, они даже и овса не взяли съ собой, — говоритъ она, и тревожно прислушивается.

Но вотъ гдѣ-то тявкнула собака, — за ней другая. Изъ подъ дивана стремительно выскакиваетъ старая, съ огромнымъ бѣлымъ на глазу, мохнатая, вислоухая болонка, на всемъ ходу отворяетъ лапами знакомую дверь, и съ хриплымъ, удушливымъ лаемъ вылетаетъ на крыльцо. Марья Ивановна поспѣшно хватаетъ со стола шерстяной платокъ, накидываетъ его на плечи, и бросается за собачонкой.

Тонкій отдаленный звонъ колокольчика, съ рѣдкими промежутками едва доносится до ея чуткихъ ушей. Онъ все яснѣе и яснѣе, все громче и громче. Уже перебивается съ громыханіемъ бубенчиковъ и, наконецъ, подкрѣпленный эхомъ отъ усадебныхъ построекъ, раздается совершенно, какъ будто тутъ и есть. А между тѣмъ, все еще никого не видно. — Вдругъ на золотистомъ горизонтѣ, освѣщенномъ лу-

чами занимающейся зари, изъ-за угла конюшни точно выныриваютъ изъ бѣлаго тумана, темные силуэты, сначала лошадей, потомъ кучера, а за нимъ и самого барина, и будто плывутъ на облакѣ. Съ то-потомъ и фырканьемъ останавливается тройка у подъѣзда.

Усталый, охая и кряхтя, вылѣзаетъ Андрей Васильевичъ изъ тарантаса и, поддерживаемый женой, прямо направляется въ кабинетъ.

Въ разсѣянности онъ скидаетъ шинель и фуражку на первое попавшееся кресло, чего никогда по своей аккуратности не дѣлалъ, а оставлялъ всегда въ прихожей.

Уже по этому одному Марья Ивановна чувствуетъ, что дѣло не ладно. Не безъ волненія подбѣгаетъ она къ письменному столу и зажигаетъ свѣчу. За этотъ день она какъ-то поблѣднѣла и осунулась.

— Ума не приложу!—воскликаетъ хозяинъ,— не переодѣваясь, какъ былъ въ городѣ, въ синей венгеркѣ съ толстыми золотыми жгутами, въ рейтузахъ и сапогахъ со шпорами.

Задумчивый ходить онъ по кабинету, заложивъ руки за спину, слегка побрякивая шпорами и отъ времени до времени ерошить курчавые волосы.

— Да расскажи-же, что ты въ городѣ-то слышалъ?—нетерпѣливо спрашиваетъ жена.

— Да что слышалъ въ городѣ!—грустно восклицаетъ онъ, останавливается передъ ней и попираетъ головой.—Къ кому ни придешь изъ лѣсопромышленниковъ, всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: разорены, да разорены! Къ Мыркину зашелъ, — дома пѣтъ, въ Нижній уѣхалъ.

— Ну, а у Малышева былъ? — нервно спрашиваетъ жена, при чемъ краска бросается ей въ лицо. На Малышева она надѣялась, какъ на камешную стѣну. Двадцать лѣтъ продавали они ему дрова и всегда самымъ аккуратнымъ образомъ получали деньги. Дрова для Кожиныхъ составляли главный источникъ ихъ доходовъ.

— Хмъ! Малышевъ! — съ разстановкой восклицаетъ и саркастически улыбается Андрей Васильевичъ.

Садится за письменный столъ и подписываетъ голову руками.

— Малышевъ! Малышевъ! — съ усмѣшкой продолжаетъ восклицать онъ, и затѣмъ, помолчавъ нѣсколько, оборачивается къ женѣ и говоритъ:

— И, какъ будто ничего не зная, затѣваю къ нему и предлагаю купить «Вихры». Помнишь, вѣдь, и онъ тѣ-же деньги давалъ, что и Мыркинъ, 27 тысячъ, — а я, дуракъ, все 30 просилъ. Ты не забудь! — добавляетъ онъ уже другимъ тономъ, — что черезъ 3 мѣсяца Сонюшкина свадьба!!

— Ну! ну! Такъ что-же онъ тебѣ сказалъ? — допытывается Марья Ивановна, изнемогая отъ нетерпѣнья поскорѣй узнать.

— А вотъ что: — Не умѣли вы, батюшка Андрей Васильевичъ, въ ту пору денежки взять, а теперь намъ пустоши вашей и даромъ не надо! — И сѣдой помѣщикъ грозно упираетъ глаза въ свою благовѣрную, желая знать, какое впечатлѣнiе произведутъ на нее эти слова.

— Ахъ, что ты говоришь! — въ ужасѣ восклицаетъ она. — Вѣдь, тутъ все Сонюшкино приданое, —

и чувствуя, что не устоитъ, хватается за стулъ и безсильно опускается.

— Вѣдь, одной осины, да ольхи, въ «Вихрахъ» полторы тысячи десятинъ. Да какой! Что твои свѣчи стоятъ! — продолжаетъ разсуждать какъ-бы про себя Андрей Васильевичъ и сокрушительно качаетъ головой. — А что съ ними дѣлать теперь? Въ нашъ городъ везти? Да его и весь-то переплюнуть можно! — И старый баринъ, при одномъ воспоминаніи о родномъ городѣ, презрительно плюетъ сквозь зубы черезъ весь кабинетъ. — Крестьянамъ не надо, своихъ дровъ еще есть. Въ Питеръ далеко! Въ Москву и думать нечего! Хоть возьми, да зажигай дачу со всѣхъ сторонъ, чтобы не караулить ее.

— Что-же нашъ-то крестьянинъ зимой теперь дѣлать будетъ? Чѣмъ-же онъ-то прокормится, пода-ти-то чѣмъ платить будетъ? Ха! ха! ха! — истерично хохочетъ онъ. Затѣмъ, послѣ нѣкотораго молчанія, точно вспомнивъ что-то ужасное, — испуганно восклицаетъ:

— Батюшки мои, — да съ чѣмъ-же я теперь Сонюшку-то выдамъ? — отчаянно восклицаетъ онъ, утыкается лбомъ въ столъ и точно замираетъ.

Марья Ивановна не выдерживаетъ: бросается къ мужу, обвиняетъ его шею своими бѣлыми, нѣжными руками и горько рыдаетъ.

На желѣзной дорогѣ.

Конецъ августа. Погода превосходная. Около 6-ти часовъ вечера, къ маленькой станціи Московско-Курской желѣзной дороги подкатываютъ двѣ коляски, запряженныя четверками небольшихъ доморощенныхъ сытыхъ лошадокъ. Обѣ онѣ покрыты, точно паутиною, слоемъ сѣрой пыли. Прежде всѣхъ вылѣзаетъ изъ передняго экипажа грудастая мамка, высокаго роста, красивая брюнетка, въ ярко-пестромъ сарафанѣ въ клѣтку. На головѣ кумачовый повойникъ. На широкой вспотѣвшей голой шеѣ висятъ въ три ряда сипія бусы. Мамка бережно принимаетъ изъ открытыхъ дверей коляски ребенка, закутаннаго въ синее шелковое одѣяльце.

Вслѣдъ за мамкою выходитъ господинъ лѣтъ 35-ти, въ легонькомъ сѣромъ пальто и форменной фуражкѣ съ чернымъ бархатнымъ околышемъ и, непосредственно, начинаетъ помогать выйти молодой художавой барынькѣ, женѣ своей. Въ сравненіи съ колоссомъ-мамкою, барыня казалась совершеннымъ подросткомъ. На ней падѣта поверхъ дорожнаго ситцеваго платья, отдѣланнаго кружевами, легонькая накидушка, отъ пыли пепельнаго цвѣта. На головѣ соломенная шляпа съ широкими полями, отдѣланная лептами.

Барыня съ мамкою направляются, по ступенькамъ грязной лѣстницы, въ единственную комнату для прїѣзжающихъ. На ихъ счастье комната оказывается пуста.

— Что, Володя спитъ?—тревожно спрашиваетъ и, чуть замедляя ходъ, любовно заглядываетъ ребенку подъ бѣлый капорокъ съ голубыми ленточками, мать.

— Спитъ, сударыня, спитъ!—успокоительнымъ тономъ отвѣчаетъ мамка. — Какъ на перевозѣ попросились, такъ съ тѣхъ поръ заснули, да все и спать.

— А что, какъ онъ?—шепчетъ барыня на ухо мамкѣ,—я не видала.

— Теперь, слава Богу, лучше, совсѣмъ настоящее,—отвѣчаетъ та, растягивая слова для пущаго подтвержденія. Пока заботливая маменька разстлала на клеенчатомъ диванѣ постельку для сына, мамка старательно укачиваетъ ребенка, при чемъ чуть слышно припѣваетъ какія-то слова. Но вотъ онъ уложенъ, и мамка, счастливая, что хоть на минутку освободилась, тяжело бѣжитъ изъ комнаты съ жестянымъ чайникомъ въ рукахъ, придерживая дорогою болтающіяся на шеѣ бусы. Ей смерть хочется добыть поскорѣй кипятку для чаю.

Вслѣдъ за барынею входятъ въ комнату два ея брата, очень похожіе другъ на друга. Впереди шелъ стройный гвардейскій юнкеръ, лѣтъ 16-ти, въ бѣломъ кителѣ и бѣлой же португѣе черезъ плечо. Фуражка съ краснымъ околышемъ, безъ козырька, надѣтая чуть набокъ, прикрывало его коротко стриженную голову. Топкія, стальные шпоры издають прїятный звонъ. Юнкеръ былъ гораздо живѣе и раз-

вязи́бе брата. Прежде всего онъ ставить на столъ корзину, перевязанную сахарною бичевкой. Въ ней, очевидно, была провизія. Затѣмъ надѣваетъ на носъ пенснэ и осторожно направляется провѣдать своего племянничка,—не проснулся ли тотъ.

Второй братъ былъ статскій, лѣтъ 25-ти. Видъ имѣлъ очень серьезный, степенный. Одѣтъ довольно небрежно: сѣрая пуховая шляпа сильно помята, черное пальто запачкано грязью, сапоги нечищены. По небольшимъ бакенбардамъ, бритому подбородку и золотымъ очкамъ, опытный наблюдатель сразу узналъ бы въ немъ юриста. Такъ и казалось, что вотъ онъ сейчасъ встанетъ и начнетъ обвинительную рѣчь. Онъ очень любилъ спорить, читать наставленія и дѣлать замѣчанія. Даже здѣсь въ дорогѣ, и то ему не утерпѣть: не успѣла мамка выбѣжать изъ комнаты, какъ онъ уже съ укоризною обращается къ сестрѣ и говорить:

— Катя, что ты посылаешь ее за водой! Она и безъ того измучилась. Послала бы сторожа!

— Пожалуйста не безпокойся,—первно отвѣчаетъ та. Порывисто сдергиваетъ съ худощавыхъ рукъ длинныя, желтоватыя шведскія перчатки, движеніемъ плечъ сбрасываетъ на стулъ пыльную накидку и не безъ удовольствія принимается развязывать корзинку. Юнкеръ тутъ какъ тутъ, подбѣгаетъ и начинаетъ услужливо помогать сестрѣ.

Прежде всего появляется на столъ пирогъ съ капустой, до котораго барыня была большая любительница. Съ огорченіемъ видитъ она, что какъ ни бережно укладывала его, а все-таки онъ посредниѣ разѣхался, и чуть не половина начинки рассыналась по дну корзины, вмѣстѣ съ солью, завернутою

въ тряпочку. Должно быть случилось это отъ того, что она уложила его только что испеченный.

За пирогомъ появляется на столѣ, неизбежная въ подобныхъ случаяхъ, жареная курица, завернутая въ «Новое Время», а за нею яйца, варенныя въ крутую, побитыя и частью облупившіяся отъ тряски. До сихъ послѣднихъ оказался слабоватъ юнкеръ. Онъ быстро хватаетъ одно, проворно облупливаетъ, мочить въ соль на днѣ корзины, и откусываетъ съ небольшимъ половиною. Крошки желтка прилипаютъ къ его молодымъ пробивающимся чернымъ усикамъ. За первымъ подвергается той же участи второе, за тѣмъ третье. Когда же его загорѣлая рука протянулась за четвертымъ, брательникъ опять не выдерживаетъ:

— Будетъ съ тебя, Коля, не ѣшь больше, вѣдь яйцо въ густую, говорятъ, равняется по питательности полуфунту мяса, — нравоучительнымъ топомъ объясняетъ онъ. Самъ онъ ничего не ѣстъ, такъ какъ находится на діетѣ.

— Ну, 4-хъ фунтовъ мяса я бы не могъ сѣсть, а по 8-ми яицъ ѣдалъ на мапсврахъ, — весело восклицаетъ кавалеристъ, и проглатываетъ остатки яйца.

— Говорю тебѣ: довольно, вѣдь заболѣешь, — и статскій сердито смотритъ на брата изъ-подъ очковъ.

— Да оставь ты его, Сергѣй Семенычъ, неужели ужъ онъ яйца не можетъ безъ твоего разрѣшенія сѣсть! — обидчиво восклицаетъ сестра. Она рада воспользоваться случаемъ, чтобы отплатить ему за постоянныя приставапія.

Въ эту минуту общій ихъ любимецъ, Володя, проснулся и запищалъ. Всѣ точно по командѣ бросаются его успокаивать.

— Онъ пить, пить хочетъ! Видите, какъ обливается язычкомъ, дайте ему водички, гдѣ чашка!— кричитъ юристъ, и суетливо бросается къ столу, при этомъ задѣваетъ карманомъ пальто за спинку кресла и опрокидываетъ его, вмѣстѣ съ разными коробками и другими вещами.

— Господи помилуй! Да успокоишься ли ты, наконецъ! Ну, какая вода ребенку, ежели онъ у груди,—воскликаетъ раздраженная мамея. Окончательно побѣжденный на этотъ разъ, юристъ надѣваетъ свою смятую шляпу, и сконфуженный идетъ прогуляться по платформѣ.

Пока это все происходило, два кучера, въ черныхъ шляпахъ и въ длинныхъ чуть не по землѣ волочащихся армякахъ, вмѣстѣ со станціоннымъ сторожемъ, подъ предводительствомъ самого барина, попеременно показывались въ комнатѣ съ различнымъ багажомъ въ рукахъ. Корзинки, ящики, сакъ-воляжи, картонки, банки, пледы, затянутые желтыми ремнями и съ засунутыми подъ нихъ зонтиками, заняли собою добрую половину комнаты.

— Петя! да скоро ли ты тамъ кончишь! Садись, закуси чего-нибудь, — убѣдительно кричитъ ему жена.— Ну, хоть поди поцѣлуй Володьку,—и протягиваетъ ему ребенка. Отецъ, очень довольный, подходитъ къ нему и наклоняется. Малютка широко раскрываетъ свои черные глаза, еще слезящіеся отъ долгаго сна. Радостный, улыбается розовыми губками на знакомое бородатое лицо, таращитъ ручки и, точно желая идти по воздуху, безсильно барахтаетъ голыми розовыми, пухлыми пожатками, перетянутыми складками.

Вдругъ раздается звонокъ.

— Поѣздъ вышелъ съ сосѣдней сташіи!—съ многозначительнымъ видомъ докладываетъ Сергѣй Семенычъ, возвращаясь съ прогулки.

— Тебѣ въ 1-мъ классѣ взять?—спрашиваетъ онъ сестру заискивающимъ тономъ, и добродушно смотритъ на нее.

— Да мнѣ Петя возьметъ, что тебѣ беспокоиться,—уклончиво отвѣчаетъ она, и головою указываетъ на мужа.

— Петръ Васильичъ, ты ужъ позволь, я всѣ билеты разомъ возьму, послѣ сочтемся, убѣдительно говоритъ онъ шурину и, не дождавшись отвѣта, устремляется къ кассѣ. Петръ Васильичъ снисходительно улыбается, зная напередъ, что спорить было бы напрасно.

Минутъ черезъ '20, громыхая и свистя, подходитъ поѣздъ. Въ комнатѣ для пріѣзжающихъ подымается суетня, перетаскиваніе вещей и усаживаніе въ вагонъ.

Первый классъ былъ *mixte*, т.-е. пополамъ со вторымъ. Здѣсь нашъ добрѣйшій спорщикъ, Сергѣй Семенычъ, оказался неоцѣнимъ. Когда маменька со своимъ сыномъ и мамкой взошли въ свое купѣ, которое, по счастью, нашлось для нихъ, то оказалось, что уже и постелька постлана для Володи, и окно завѣшено, и кипятокъ въ жестяномъ чайникѣ былъ припасенъ для мамки, и даже круглая камышевая корзиночка была раскрыта, и посудинка изъ нея торчала подъ диваномъ. Однимъ словомъ, «сидись и ѣзжай», какъ говаривалъ мой старый товарищъ по походамъ, сотникъ Бабичъ, коренной хохолъ.

Уже стемнѣло, когда поѣздъ тронулся. Мужчи-

ны усѣлись рядомъ,—во второмъ классѣ. Единственный фонарь тускло освѣщаль наполовину пустой вагонъ.

Перекпнувшись нѣсколькими фразами, они начали зѣвать, чесать затылки, а затѣмъ попомножку и укладываться спать.

— Слава Богу, добрались до желѣзной дорожки,—самодовольно восклицаетъ юнкеръ, ложится на диванъ, подкладываетъ подъ голову пледъ и прикрывается сѣрою шинелью.—Эхъ, ка-бы до Москвы никто не потревожилъ,—добавляетъ онъ.

— Ну, не надѣйся, это такая паршивая дорога! Развѣ ты забылъ, что здѣсь черезъ каждыя 3 — 4 станціи мѣняются кондуктора, и каждый изъ нихъ обязательно будетъ провѣрять билеты, уснуть никакъ не дадутъ,—пророческимъ голосомъ заявляетъ юристъ. Хотя и съ трудомъ, но все-таки можно разглядѣть, какъ онъ, стоя у окна, не торопясь снимаетъ очки, протираетъ ихъ, опять надѣваетъ, поправляетъ на головѣ шляпу, и глубоко усаживается въ уголъ сидѣнья, съ видимымъ убѣжденіемъ, что ложиться не стоитъ, такъ какъ все равно спать не придется.

Тѣмъ временемъ Петръ Васильичъ, главный герой нашего разсказа, съ великою грустью узнаетъ отъ шурина, что ему не дадутъ спать. А онъ такъ надѣялся, послѣ всѣхъ сборовъ въ дорогу, безсонной ночи, да и самой ѣзды въ экипажѣ по скверной дорогѣ, завалиться и всхрапнуть сномъ праведника.

— Чортъ бы побралъ здѣшніе порядки! Неужели имъ мало раза осматривать билеты, какъ это вездѣ дѣлается,—бурчитъ онъ себѣ подъ носъ, сни-

масть свою новенькую форменную фуражку (Петръ Васильичъ незадолго передъ тѣмъ только что поступилъ на службу), вѣшаетъ ее на крюкъ и ложится на диванъ, въ надеждѣ заснуть хотя ненадолго. «Авось и не разбудятъ», думается ему. Въ вагонѣ наступаетъ тишина. Проходить такъ съ полчаса.

— Ваши билеты, господа!—раздается монотонный голосъ кондуктора.

— Ну, начинается! — громко ворчитъ юристъ. Оберъ-кондукторъ, предшествуемый кондукторомъ, съ фонаремъ въ рукѣ, довольно безцеремонно подходятъ къ каждому пассажиру и провѣряютъ билеты. Вскорѣ они исчезаютъ, и тишина въ вагонѣ возобновляется. Проходить такъ часа два. Поѣздъ миновалъ всего 3 станціи, какъ вторично слышатся въ вагонѣ тѣ же восклицанія:

— Ваши билеты, господа!—На этотъ разъ кондукторамъ приходится возиться гораздо дольше. Въ особенности долго пришлось будить юнкера. Наконецъ, тотъ просыпается, флегматично подаетъ билетъ, снова прячетъ его въ кошелекъ и преспокойно заваливается спать на другой бокъ. Статскій братъ его, хотя и не спалъ, но все-таки огрызнулся раза два.

— Что вы все плясаете, не даете спать? Мало вамъ раза посмотрѣть!—кричитъ онъ.

— Смѣна бригады, — отвѣчаетъ оберъ-кондукторъ, — ничего нельзя сдѣлать. Бѣдный Петръ Васильевичъ только что было протянулся во весь ростъ и даже началъ видѣть какой-то сонъ, какъ пришлось снова вставать и показывать билетъ.

— Неужели они придутъ еще разъ!—съ отчаяніемъ восклицаетъ онъ.—Ей Богу, не встану! Вѣдь.

это подлю такъ беспокоить публику! Сергѣй Семейничъ, какъ ты думаешь, придутъ? — кричитъ онъ шурина.

— Придутъ, придутъ! — злобно отвѣчаетъ тотъ.

— Ну пѣтъ, дудки, шалишь! Тенерь хоть раскричись, не добудятся! — бросается на диванъ и почти моментально засыпаетъ.

Чуть брезжить. Поѣздъ мчится по открытой мѣстности. Повсюду отъ луговъ поднимаются бѣлые испаренія, точно дымъ послѣ пожара. Вотъ колеса поѣзда стучать какъ-то особенно гулко. Это минуетъ мостъ. Внизу, на порядочной глубинѣ, извивается рѣка. Пары надъ нею сгустились такъ, что мѣстами рѣки не видно. На горизонтѣ появляется золотистая полоса, — предвѣстница солнца.

Подъ утро сонъ, какъ извѣстно, самый крѣпкій. Въ вагонѣ, въ разныхъ концахъ слышится то легкій храпъ, то сильный, то простое посвистываніе посомъ. Свѣчка въ фонарѣ давно догорѣла, даже и запахъ отъ свѣтильни исчезъ окончательно. Всѣ мирно спятъ. Но счастье на землѣ такъ не полно!

Роковое «ваши билеты, господа!» и на этотъ разъ съ какимъ-то еврейскимъ акцентомъ, снова раздается среди общей тишины. Никто не откликается, всѣ крѣпко спятъ. Начинается повальное буженіе. Въ полупросонѣ, Петръ Васильичъ припоминаетъ, какъ онъ рѣшилъ не вставать. «Не покажу билета, думаетъ онъ, побудятъ да и отстанутъ». Но оберъ-кондукторъ попался какъ нарочно чрезвычайно упрямый.

— Васъ билетъ, гашпадинъ! Васъ билетъ! — пристаётъ онъ все настойчивѣе.

Герой мой и виду не подастъ, что слышитъ. Ле-

жить какъ убитый, и даже похрапываетъ. Наконецъ, онъ чувствуетъ, что его берутъ за воротникъ и начинаютъ трясти,—сначала тихопоко, а затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Вотъ пахалы! Вотъ мерзавцы!—мелькаетъ у него въ головѣ. Тутъ терпѣніе его лопается, и онъ разомъ вскакиваетъ съ дивана. Но чтобы облегчить себѣ подъемъ, онъ по пути быстро схватывается за рѣшотку надъ головою, и при этомъ въ темнотѣ совершенно нечаянно задѣваетъ рукой по лицу оберъ-кондуктора, который въ это время наклонился было надъ нимъ.

— Что ви деретесь!—слышится гнусавый крикъ пострадавшаго еврея-кондуктора.—Какъ ви смѣете драться! Ивановъ! Ты видѣлъ, какъ этотъ гапшпадинъ меня ударилъ! Ты будешь свидѣтелемъ!—все смѣлѣе и смѣлѣе кипятится онъ.

— Кто дерется, Господь съ вами! — оправдывается Петръ Васильичъ.

— А это что!—воскликаетъ онъ, обтираетъ пальцемъ лобъ и показываетъ на немъ кровь. Несчастный Петръ Васильичъ убѣждается, что онъ разсѣкъ ему кожу на лбу обручальнымъ кольцомъ. Кондуктора уходятъ.

— Чортъ знаетъ! Жидъ какой-то! Гдѣ они понабрали такихъ!—ворчитъ Сергѣй Семенычъ, къ нему утѣшенію провинившагося.

— Вотъ, ужъ правда пословица говорить: не было печали, да черти накачали!—разсуждаетъ про себя Петръ Васильичъ, усаживается у окна и задумывается. У него и сонъ пропалъ. Смутно сознаетъ онъ, что кондукторъ такъ не оставитъ этого дѣла, а постарается содрать съ него, что возможно. И дѣйствитель-

но, какъ разъ въ эту минуту поѣздъ остапавливается у станціи, п черезъ минуту въ дверяхъ вагона показывается рослая, усатая фигура жандарма, съ пашкою черезъ плечо и со свернутыми замшевыми перчатками въ рукахъ. За нимъ виднѣлась съежившаяся фигура еврея-кондуктора. У Петра Васильича мурашки забѣгали по тѣлу.

— Вотъ самый этотъ гаппадинъ ударилъ меня! Вотъ Ивановъ и свидѣтель!—торжественно заявляетъ пострадавшій, при чемъ одною рукой указываетъ на Петра Васильича, а другою на помощника.

— Пожалуйте къ начальнику станціи протоколъ составить,—баситъ жандармъ, и рукою указываетъ на дверь.

Бѣдный Петръ Васильичъ рѣшительно не знаетъ, что ему дѣлать! И отказаться не смѣетъ, и идти не хочется. И вотъ, чтобы выиграть время, онъ начинаетъ объяснять жандарму, какъ дѣло было. Пока онъ рассказываетъ, раздается третій звонокъ, и жандармъ уходитъ.

— Ницего, ницего, ми въ Москвѣ поговоримъ! — слышится за дверью голосъ оберъ-кондуктора. Между тѣмъ разсвѣло совершенно и Петръ Васильичъ успѣлъ хорошо рассмотреть лицо своего соперника.

Это былъ типичный еврей, носъ толстый съ горбомъ, губы отвислыя, глаза черные съ большими на выкатѣ бѣлками. Борода небольшая, очень жиденькая.

Поѣздъ быстро приближается къ Москвѣ. На каждой станціи народу въ вагонѣ все прибываетъ. Вотъ и Царицыно! Здѣсь набивается публики столько, что многимъ приходится стоять на тормозахъ. А

Петръ Васильичъ все сидитъ у своего окна и раздумывается, какъ бы ему вынутаться изъ бѣды.

— Только что,—разсуждаетъ онъ про себя,— поступилъ я на службу. Начальство меня еще мало знаетъ. Дойдетъ до него,—что я сужусь у мирового за драку, подумаетъ, что еще въ пьяномъ видѣ!— А жена то, жена, какъ перепугается! Пожалуй, подумаетъ еще, въ кутузку посадятъ! Фу, какая гадость! Во что бы то ни стало, надо это дѣло покончить миромъ,—и онъ, весь потный отъ размышленій, выходитъ на буферь, чтобы переговорить со своимъ врагомъ. А тотъ какъ разъ въ это время прильнулъ къ окну, гдѣ сидѣлъ Петръ Васильичъ, и, прикрывшись руками отъ солнца, взглядывался, — не улизнала ли его жертва вечерняя.

— Что вамъ угодно? — сурово отвѣчаетъ онъ, когда его окликнулъ Петръ Васильичъ.

— Ежели вы считаете, что я васъ обидѣлъ, то готовъ заплатить вамъ за обиду,—говоритъ онъ виноватымъ голосомъ, тихонько, чтобы не слышали посторонніе, и при этомъ лѣзетъ рукою въ карманъ.

— Ми въ Москвѣ поговоримъ объ этомъ, въ жандармскомъ управленіи! — высокомерно отвѣчаетъ оберъ-кондукторъ, нарочно возвышая голосъ, чтобы всѣ слышали, и убѣгаетъ.

Бѣдный Петръ Васильичъ грустный возвращается на свое мѣсто. Надежда покончить это дѣло миромъ окончательно оставила его. Но, какъ говорить пословица: «голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ»,—такъ вышло и тутъ. Къ нему торопливо подходитъ юнкеръ, наклоняется и говорить ему что-то на ухо.

— Ну! Какъ же такъ! восклицаетъ онъ вполголоса. Лицо его проясняется, онъ достаетъ изъ ко-

шелька бумажную квитанцію и передаетъ ее юнкеру. Тотъ съ торжествующимъ видомъ возвращается на свое мѣсто. Петръ Васильичъ беретъ съ рѣшотки свою тросточку, и съ нетерпѣніемъ смотритъ въ окно. Поѣздъ замедляетъ ходъ тише, тише и, наконецъ, останавливается.

— Люблино! Люблино! — кричатъ кондуктора, и, какъ угорѣлые, посята по платформѣ. Народу масса, а мѣста нѣтъ. Бѣда имъ, да и только. Въ это время съ другой стороны подходитъ поѣздъ изъ Москвы. Толкотня увеличивается еще больше. Петръ Васильичъ съ замираніемъ сердца бочкомъ протискивается на буферъ. Передъ глазами его, на горизонтѣ, ярко освѣщенный солнцемъ, блеститъ своею златою главой Иванъ Великій. Блѣдетъ Кремль, блѣдетъ Москва. — Господи, какъ она близка! — и онъ невольно крестится. Съ наслажденіемъ вдыхаетъ свѣжій, здоровый воздухъ, послѣ удушливаго въ вагонѣ, и пристально смотритъ впередъ.

— Вонъ, за тѣмъ поѣздомъ какая масса стоитъ извозчиковъ, — разсуждаетъ онъ про себя. — Вонъ, тотъ здоровенный рыжебородый соскочилъ съ своихъ дрожекъ и увивается за какимъ-то франтомъ въ высокой сѣрой шляпѣ. И какая у него лошадь знатная, должно быть лихачъ, — его и возьму! — И мой Петръ Васильичъ, оглянувшись еще разъ, — нѣтъ ли тутъ его врага-кондуктора, соскакиваетъ на землю, прыгаетъ подъ вагонъ и бѣжитъ къ извозчику. Быстро вскакиваетъ въ дрожки и, не торгуясь, гонитъ его въ Москву.

Боже, какъ стучитъ его сердце! Никогда въ жизни не случилось ему переживать такихъ тревожныхъ минутъ.

— Да пошелъ! пошелъ!—отчаянно кричить онъ на извозника, когда тотъ, какъ ляхачъ, не торопясь началъ расправлять возжи и крѣпче усаживаться на козлахъ. Наконенъ, лошадь размашистою рысью трогается впередъ. Хвостъ на отлетъ. Извозчикъ что-то бормочетъ про себя, и съ недовольнымъ видомъ подстегиваетъ коня вожжю. Герой мой, ни живъ ни мертвъ, сидитъ, боясь оглянуться. «А какъ да за мной гонится жандармъ вмѣстѣ съ кондукторомъ»,—мелькаетъ у него въ головѣ. Но пока за спиною ничего не слышно. Оглядывается, -- никого нѣтъ, только пыль курится по слѣдамъ ихъ.

— А какъ вдругъ пріѣду на вокзалъ, а врагъ мой тамъ,—приходитъ ему на умъ, и потъ выступаетъ у него на лбу! Вотъ и Москва! Вонъ знакомыя зданія! Вывѣски, бульвары, магазины,—а мой Петръ Васильичъ ничего, кромѣ своей лошади, не видитъ. Онъ все боится, какъ бы его не догнали. Бѣдный конь весь въ мылѣ несется полною рысью. Даже красивыя изогнутыя уши его, и тѣ вспотѣли. Изъ темно-сѣраго, конь сталъ теперь совершенно воронымъ. Воо - о - нъ и Петербургскій вокзалъ виденъ. Взоры сѣдока прикованы къ подъѣзду,—нѣтъ ли тамъ враговъ его. Нѣтъ,—слава Богу никого не видно, кромѣ извозчиковъ. Лихо осаживаетъ у подъѣзда рыжебородый возница своего рысакъ. Петръ Васильичъ соскакиваетъ съ дрожекъ,—машинально суетъ извознику въ руку пятирублевую бумажку, и стремительно взбѣгаетъ по лѣстницѣ.

— Что жъ это, баринъ! За такую-то ѣзду, да 5 рублей!—сиплымъ голосомъ оретъ извозчикъ.—Красенькой стойтъ!—и онъ машетъ бумажкою надъ головой. Но, видя, что отъ этого господина онъ

ничего болѣе не дождется, посылаетъ ему въ слѣдъ нѣсколько, не особенно ласковыхъ словъ, причетъ бумажку въ кошелекъ, и суетъ его за пазуху. Медленно отъѣзжаетъ онъ отъ поѣзда, въ душѣ вполне довольный и такимъ заработкомъ.

А нашъ герой тѣмъ временемъ тревожно входитъ въ общій залъ и ищетъ глазами своихъ. Всѣ они сидѣли за отдѣльнымъ столомъ, кто пилъ чай, кто закусывалъ.

Первымъ увидалъ его опять-таки юнкеръ.

— Ну! Быстро же ты доѣхалъ! Вѣдь и мы только добрались сюда! Ну что? Хорошую мысль далъ я тебѣ?—весело кричитъ онъ.—Ха! ха! ха! Вотъ такъ надули жиды!

— А какъ онъ искалъ тебя! Бросался во всѣ стороны! И подъ лавки-то заглядывалъ, и на площадку выбѣгалъ, и насъ-то вздумалъ спрашивать, да Сережа такъ его отбрилъ, что онъ потомъ и носу къ намъ не показывалъ!—и будущій кавалеристъ еще долго заливался веселымъ смѣхомъ.

Жена тоже встрѣтила мужа, какъ побѣдителя. Она, конечно, уже все узнала, и теперь была совершенно спокойна. Непокоемъ былъ только самъ Петръ Васильичъ. Онъ и тутъ сидѣлъ все какъ на иголкахъ, и окончательно пришелъ въ себя только на-дняхъ.

Послѣдняя княжна Ромодановская.

Лѣтъ пять тому назадъ, пришлось мнѣ побывать у одного моего пріятеля въ Великомуцкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. Жилъ онъ съ матерью и сестрами въ своемъ имѣніи, на берегу красиваго озера. Всѣ они такъ искренно обрадовались мнѣ, такъ радушно меня встрѣтили, что я, вмѣсто того, чтобы пробыть у нихъ нѣсколько часовъ, какъ рѣшилъ-было заранѣе, долженъ былъ остаться почевать. Вечеромъ пріятель мой, между прочимъ, говорить мнѣ:

— Вотъ вы все ѣздите по матушкѣ Россіи, и такой любитель старины: не хотите ли повидать дѣйствительную рѣдкость? Не полѣнитесь проѣхать верстъ 35 — 40, въ сосѣднюю губернію, Витебскую. Тамъ живетъ старушка, княжна Ромодановская. Она уже сама по себѣ представляетъ величайшую рѣдкость, такъ какъ послѣдняя въ своемъ родѣ, и происходитъ по прямой линіи отъ князя кесаря, Осдора Юрьевича Ромодановскаго, любимца Петра Великаго. У нея, вѣроятно, найдется не мало интереснаго, и даже, быть можетъ, письма Петра. Я самъ, ежели желаете, поѣду съ вами на моихъ лошадяхъ. Встанемъ пораньше и къ обѣду доѣдемъ.

Отъ такого интереснаго предложенія отказаться,

конечно, было невозможно, и мы рѣшили выѣхать туда чуть свѣтъ.

Это было въ началѣ августа. Утромъ, часовъ въ шесть, мы тронулись въ путь, въ маленькомъ тарантасѣ, на парѣ сытыхъ гнѣдыхъ лошадокъ. Погода стояла прекрасная. Хотя до границы разстояніе было очень небольшое, а между тѣмъ, какъ только въѣхали мы въ Витебскую губернію, сейчасъ же повѣяло Польшей. Начали попадаться костелы, усадьбы съ высокими барскими каменными домами и крутыми черепичными крышами. Избы крестьянскія, да и сами крестьяне казались какъ-то на другой ладъ. Словомъ, чувствовалось, что находишься не въ коренной матушкѣ Руси.

Около полудня мы поднялись на небольшой пригорокъ. Внизу, за мостомъ, виднѣлась бѣдная усадьба.

— Вотъ мы и пріѣхали,—радостно сказалъ мой спутникъ, показывая рукой на усадьбу.

— Какъ! въ этомъ жалкомъ домишкѣ живетъ княжна Ромодановская! — невольно воскликнулъ я. Мнѣ почему-то казалось, что она должна жить въ роскошныхъ палатахъ.

— Да вѣдь она бѣдная! Ихъ было двѣ сестры, одна недавно умерла. На нихъ числился еще отъ предковъ какой-то милліонный долгъ. Не знаю, какъ она съ нимъ поладила,—говорилъ пріятель.

Мы въѣхали во дворъ. Покосившійся на бокъ деревянный домъ, очевидно, давно не былъ ремонтированъ. Нужда и бѣдность сквозили изъ каждой щели обшивки, изъ cadaго сорвавшагося съ петли ставня. На дворѣ ни души. Даже и собакъ не слышно. Усадьба точно вымерла. Маленькій садъ, обнесенный жидкою изгородью, заросъ крапивою и репейникомъ.

Яблони и груши обросли мхомъ, и на половину посохли. Между тѣнистыми акаціями гуляли телята, помахивая грязными хвостами. На дворѣ не замѣтно даже протоптанныхъ тропинокъ къ другимъ службамъ, конюшнямъ и амбарамъ, виднѣвшимся педальекъ.

Очевидно, обитателей здѣсь немного.

— Ну, пойдѣте въ домъ, — робко сказалъ мнѣ мой пріятель. Онъ вылѣзъ изъ тарантаса, вошелъ въ подъѣздъ и спялъ съ головы свою дворянскую фуражку съ краснымъ околышемъ. Онъ иначе не ѣздилъ по уѣзду, какъ въ такой фуражкѣ.

Мнѣ вдругъ тоже сдѣлалось не по себѣ.

— Право, какъ-то неловко входить ни съ того ни съ сего въ чужой домъ, да еще и къ незнакомой барынѣ, — съ нѣкоторымъ смущеніемъ говорю ему. — Вы давно съ пей знакомы?

Пріятель мой отъ этихъ словъ робѣеть еще болѣе.

— Не особенно, раза два всего былъ у нея, — шепчетъ онъ мнѣ на ухо.

— Ну, что же вы скажете ей про меня, зачѣмъ мы пріѣхали? — допытываюсь я у него въ прихожей вполголоса, точно у насъ не было времени дорогой столкнуться съ нимъ заранѣе объ этомъ.

— Ну, да, вотъ скажу ей, что ѣхали мимо, и что вы, какъ великій почитатель ея предка, кесаря Ромодановскаго, пожелали представиться ей, какъ правнучкѣ его, — объясняетъ пріятель, слегка пріискивая выраженія. — Вѣдь не ворочаться же теперь назадъ, — резонно добавляетъ онъ съ нѣкоторой досадой. — Пойдемъ, что тутъ трусить! — и мы смѣло входимъ въ обширную свѣтлую комнату, бѣдно

меблированную. Въ переднемъ углу виднѣются стѣпные англійскіе часы въ длинномъ красномъ футлярѣ. По стѣнамъ стоятъ простые березовые стулья, а по серединѣ — складной обѣденный столъ. Прислуга намъ до сихъ поръ еще не попадалась.

Мы начинаемъ нарочно громко ходить и кашлять. Накопецъ, показывается какая-то баба, съ подвязаннымъ передникомъ.

— Кого вамъ? — спрашиваетъ она.

— Что княжна, дома? — обращается къ ней мой спутникъ.

— Барыня? — удивленно восклицаетъ она. — А вотъ сейчасъ доложу, — и исчезаетъ.

Вскорѣ двери въ сосѣдную комнату отворяются, и входитъ женщина лѣтъ 60—65, богатырскаго тѣлосложенія, ярая брюнетка, вся въ черномъ. Даже косынка на плечахъ, и та черная. На вискахъ волосы причесаны гладкими кольцами, какъ я видалъ у древнихъ барынь старушекъ.

Пріятель мой здоровадается съ ней, а затѣмъ представляетъ меня. Хозяйка чрезвычайно любезно приглашаетъ насъ садиться. Разговоръ завязывается сначала о хозяйствѣ. Я же стараюсь поскорѣ свести его на князя кесаря, ея предка.

— Да, да! — жалостливо восклицаетъ княжна, покачивая головой, съ гладко причесанными черными волосами, — былъ у насъ когда-то и портретъ его, когда мы жили въ другомъ имѣніи. Помню, я еще ребенкомъ была, портретъ этотъ висѣлъ у насъ въ залѣ. И такой былъ страшный, что меня маленькую всегда пугали имъ. Онъ былъ во весь ростъ. Когда мнѣ случалось проходить черезъ залу, то я зажмурю

бывало глаза, да и пробѣгу. Потомъ его снесли на чердакъ, тамъ онъ и пропалъ.

Во время разговора я пристально всматривался въ ея лицо. Оно было чрезвычайно оригинально. Въ немъ проглядывала какая-то величественность, привычка повелѣвать. Глаза большіе, черные, выразительные. Брови густыя, дугой. Носъ — большой, горбатый. Старинная прическа очень шла къ ней. Вообще, вся ея фигура невольно напоминала, что передъ вами сидитъ не простая бѣдная старушка.

— Иѣтъ ли у васъ, княжна, письмаца какого, или хотя одной строчки Петра Великаго? Не сохранилось ли? Мнѣ бы только взглянуть, — говорю ей, пользуясь ея молчаніемъ.

— Были, были, сударь, и печать Петра была, да все пораздарила, ничего не осталось. А ужъ больше всего мнѣ жаль крестовъ! Вотъ старинные-то были! — съ горечью восклицаетъ она.

— Что это за кресты? — спрашиваю ея съ великимъ интересомъ.

— Два ихъ было, деревянныя. Такіе древніе, отъ самого князи-кесаря къ намъ перешли. Никто не знаетъ, какого и вѣка они были. Одинъ любитель въ Петербургѣ семь тысячъ рублей за нихъ давалъ намъ.

— Ну, и куда же вы ихъ дѣли? — продолжаю я расспрашивать.

— А случилось это еще при покойномъ государѣ Александрѣ Николаевичѣ, — объясняетъ княжна, и кладетъ руки на свои богатырскія колѣни. — Увидаль у насъ эти кресты знакомый нашъ, графъ Сологубъ, и пришелъ въ великій восторгъ. Поднесите, говоритъ, ихъ государынѣ, началъ онъ упрашивать насъ. Вамъ непременно и долгъ вашъ простятъ, и еще дру-

гія милости окажутъ. Прїѣзжайте только въ Петербургъ, а я тамъ уже все устрою и доложу. — Онъ вхожъ былъ во дворецъ, и государыня, говорятъ, его очень любила, — добавляетъ княжна нѣсколько пониженнымъ тономъ. — Ну, вотъ, послушались мы его, собрались съ сестрой, взяли кресты, и поѣхали въ Петербургъ. Графъ живо тамъ все намъ устроилъ, разузналъ и доложилъ. Государыня приняла насъ чрезвычайно милостиво. Усадила возлѣ себя, и давай спрашивать. Мы рассказали ей о нашемъ горестномъ положеніи, Государыня такъ разстроилась, что даже заплакала. А когда мы поднесли ей кресты, то разстроилась еще болѣе, и повелѣла пригласить государя. — Тутъ княжна встаетъ и начинаетъ представлять въ лицахъ: — Какъ только государь взошелъ, мы, конечно, ему — глубокій поклонъ, а государыня сидитъ это въ креслѣ. На колѣняхъ у себя держитъ наши кресты и носовой платочекъ, которымъ все слезы вытираетъ. Показываетъ ему рукой на насъ, и говоритъ: — Вотъ, государь, полюбуйся, это княжны Ромодаповскія! Все состояніе ихъ осталось въ этихъ крестахъ, и тѣ онѣ намъ подносятъ. Это грустно! Нельзя ли имъ какъ-нибудь помочь? — И тутъ государыня опять начала плакать. — Княжна умолкаетъ и кажется растроганной.

— Ну, что же дальше было послѣ того? — спрашиваю ее.

— А намъ сложили нашъ долгъ, — со вздохомъ добавляетъ рассказчица. — Да что толку-то въ томъ! Вѣдь мы, все равно, никогда бы не уплатили его. Гдѣ же намъ взять милліоны! У дѣда-то нашего было 37 тысячъ душъ, да намъ-то одни долги достались.

То ли бы дѣло, семь-то тысячъ получить!—И она грустно опускаетъ голову на грудь.

— Ну, а съ крестами что случилось? Не знаете ли?

— А кресты, графъ говорилъ, государыня приказала снести въ церковь Зимняго дворца, чтобы они тамъ находились. Ужь не знаю, тамъ ли они теперь, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Мы посидѣли еще немного, потолковали, и начали собираться въ обратный путь.

— Да какъ же это васъ такъ отпустить! Надо же что-нибудь дать на память! — воскликнула княжна, и быстрою походкой ушла въ свою комнату. Черезъ пѣсколько минутъ она возвратилась, и передала мнѣ небольшой образокъ въ старинной серебряной ризѣ, говоря:

— Образъ этотъ тоже древній... Много лѣтъ хранился въ нашемъ родѣ. Я все его берегла. Ну, да ужъ пускай вамъ остается на память обо мнѣ.

Я положительно не зналъ, какъ ее благодарить за такую любезность.

— Ну, ужъ ежели вы, княжна, такъ добры, дарите мнѣ этотъ образокъ, то не откажите и сдѣлать надпись на немъ.

Княжна съ удовольствіемъ согласилась, достала клѣточъ бумаги, сдѣлала надпись, и припечатала ее сургучомъ къ обратной сторонѣ образа. Подарокъ этотъ я храню до сихъ поръ, какъ святыню.

Вскорѣ послѣ этого княжна умерла, а съ ней прекратился и знаменитый родъ Ромодановскихъ.

Что случилось разъ съ Иваномъ Ѳомичомъ.

Я давно знакомъ съ Иваномъ Ѳомичомъ. Прекраснѣйшій онъ господинъ. Представьте себѣ чело-
вѣка лѣтъ 45, блондина, роста выше средняго,
толстаго-претолстаго, съ самымъ добродушнымъ вы-
раженіемъ лица. Ноги его походятъ скорѣе на тумбы,
чѣмъ на ноги. Здороваться съ нимъ очень пріятно,
такъ какъ руки его пѣжпыя, мягкія, что у пухлень-
кой барыни. Онъ круглый годъ живетъ въ своемъ
имѣніицѣ вблизи желѣзной дороги.

Какъ всѣ толстяки, Иванъ Ѳомичъ чрезвычайно
любопытенъ. Сидя въ вагонѣ, на примѣръ, онъ ни за
что не утерпитъ, чтобы не спросить сосѣда, не разби-
рая ни возраста, ни званія, — откуда онъ ѣдетъ, и
куда; чѣмъ занимается; а если на государственной
службѣ состоитъ, то гдѣ именно, сколько получаетъ
жалованья, и скоро ли надѣется получить повышение.
При этомъ онъ не умолчитъ о себѣ, непременно зая-
вить, что онъ стариннаго дворянскаго рода, что предки
его служили еще царямъ Ивану Васильевичу Грозному
и Алексѣю Михайловичу, и что имѣнія ихъ еще и по-
нынѣ сохранились въ ихъ родѣ.

Спѣсивъ Иванъ Ѳомичъ былъ страшно, и свое
дворянское достоинство ставилъ превыше небесъ.

Судиться любилъ до безконечности. Чуть что, сейчасъ жалоба, или мировому судѣ, или земскому начальнику.

Когда Иванъ Ѳомичъ встрѣчалъ гдѣ-нибудь знакомаго, то, откинувшись туловищемъ назадъ, грозно наступалъ на него своимъ далеко выдающимся, круглымъ, какъ гигантская тыква, животомъ и, слегка напирая имъ въ противника, начиналъ доказывать свою правоту въ послѣднемъ процессѣ.

При этомъ онъ на чемъ свѣтъ стоитъ бранилъ направо и на лѣво всѣ судебныя и полицейскія власти, начиная отъ Сената и кончая становымъ.

Но всѣ эти кажущіеся недостатки съ лихвою покрывались его удивительнымъ хлѣбосольствомъ. Что Гоголевскій Пѣтухъ передъ нимъ! — ничто. Избави Боже, попасть къ нему на обѣдъ и усѣсться рядомъ. Чуть замѣтить, что у васъ на тарелкѣ становится маловато, сейчасъ же, безъ всякихъ предупрежденій, подложить вамъ кусочекъ каплуна или поросенка, да какого! — такъ во рту и растаетъ.

Рѣзалъ жаркое Иванъ Ѳомичъ всегда самъ, длиннымъ тонкимъ ножомъ, предварительно высоко застучивъ рукава на своихъ дебелыхъ плечахъ. Такъ какъ винъ хозяинъ никакихъ не любилъ, то всѣ кушанья запивались у него разными морсами, квасами, медами, лимонадами и всевозможными крюшонами. И какъ они приготавливались у него вкусно! Ну, просто пьешь ихъ, пьешь, а все пить хочется.

Не смотря на полноту, Иванъ Ѳомичъ былъ очень подвиженъ, и его величайшее удовольствіе состояло въ томъ, чтобы сейчасъ же послѣ обѣда идти показывать гостямъ свою усадьбу.

Тогда гости, въ виду того, что на дворѣ водилось

множество сторожевыхъ собакъ, вооружаются громадными палками, нарочно для того хранящимися въ прихожей. Вооружившись ими, процессія трогается. Впереди всѣхъ шествуетъ самъ хозяинъ, а за нимъ гуськомъ тянутся гости. Прежде всего, по обыкновению, направляются смотрѣть баню. А баня у Ивана Оомича, дѣйствительно, замѣчательная. Полъ въ ней асфальтовый и нагрѣвается особыми трубами. Лавки широкія, липовыя, и запахъ отъ нихъ стоитъ очень пріятный. Здѣсь хозяинъ можетъ съ удовольствіемъ попарить свои пухлыя тѣлеса.

Послѣ бани осматриваютъ погребъ. Тутъ тоже есть чѣмъ полюбоваться. Я совѣтовалъ бы каждому хозяину строить погребъ по здѣшнему образцу. Въ немъ вся провизія на виду, и нигдѣ нѣтъ малѣйшей плѣсени. А между тѣмъ, черезъ всѣ эти шкапы, съ полками для провизіи, проходитъ со льда, черезъ особыя отдушины, сильнѣйшій холодъ, и провизія нисколько не портится. Любо было смотрѣть на разложенные здѣсь окорока, всякую живность, кадки съ масломъ, творогомъ, сметаною, кувшины съ молокомъ, сливками, простоквашей, варенцами и разными разностями.

Послѣ погреба, процессія направляется въ конюшню. Хозяинъ любитель лошадей и держитъ нѣсколько матокъ. Всѣхъ жеребятъ онъ выѣзжаетъ самъ.

Главною же отрадой въ жизни Ивана Оомича была его дочурка, Катюша, лѣтъ 6-ти. Баловалъ онъ ее, какъ только могъ, и воспитывалъ своеобразно. Ей позволялось дѣлать все, что угодно. Береть, напрымѣръ, она чайную чашку и хочетъ бросить на полъ,— пускай бросаетъ, никто не имѣлъ права ее остановить, такъ какъ черезъ это она сама потомъ дога-

дается, что сдѣлала дурно. Лѣзетъ ручонками къ огню — пускай обожжется, сама увидитъ, что больно, и т. д. Къ чести Катюши надо сказать, что она мало злоупотребляла добротою отца, и изъ нея вышелъ прелестный ребенокъ.

Ходилъ Иванъ Ѳомичъ и зиму и лѣто въ шведской курткѣ, и изрѣдка, когда бывало уже очень жарко, облачался въ чечунчу.

Ивану Ѳомичу случалось по дѣламъ очень часто ѣздить въ Петербургъ, иногда на недѣлѣ раза по два. Останавливался онъ тамъ уже лѣтъ 20 все въ той-же самой гостинницѣ и въ томъ-же самомъ номерѣ.

Какъ-то разъ ѣдетъ Иванъ Ѳомичъ въ Петербургъ. Дѣло было зимою. Пріѣзжаетъ онъ къ себѣ уже вечеромъ. Въ тотъ день у него сильно разболѣлся глазъ. Напился онъ чаю, повязался платкомъ, и такъ какъ читать не могъ, то и завалился спозаранку спать. Утромъ просыпается — еще совсѣмъ темно. Зажоге свѣчу, подходитъ къ зеркалу, снимаетъ повязку, смотреть — глазъ страшно распухъ и покраснѣлъ. Одутловатое полное лицо его черезъ это казалось еще шире и жирнѣе. Иванъ Ѳомичъ убѣждается, что ему врядъ ли придется сегодня выйти со двора, несмотря на крайнюю необходимость.

— Пойду-ка, посмотрю въ сосѣдній номеръ, тамъ есть градусникъ, сколько-то сегодня градусовъ, — разсуждаетъ онъ про себя. Его комната выходила окнами на дворъ, а сосѣдняя, черезъ корридоръ, окнами на улицу.

И вотъ Иванъ Ѳомичъ подвизываетъ большой глазъ, черезъ всю свою огромную голову, полотенцемъ, при чемъ узлы безобразно торчатъ па затылкѣ. Надѣваетъ бѣлый, парусинный халатъ. Обуваетъ на босу

ногу широчайшія туфли, и, слегка прилепывая ими, безъ свѣчи, въ полутемнотѣ направляется черезъ коридоръ, изъ дверей въ двери, въ номеръ, который съ вечера не былъ занятъ. Тихонько отворяетъ дверь, и медленною походкой, точно привидѣніе какое, направляется къ окну. Смотрить — всего четыре градуса. Окно какъ разъ приходилось надъ подъездомъ, — множество извозчиковъ толпилось и спорило съ городовымъ.

Иванъ Ѳомичъ, какъ человѣкъ чрезвычайно любознательный отъ природы, заинтересовывается этою картиной, и давай смотрѣть.

Вотъ одинъ черныи, красивый извозчикъ толкаетъ другого, рыжаго, тщедушнаго, и протискивается къ подъѣзду. Городовой яростно набрасывается на смѣльчака и замахивается на него пашкою.

Чувствительные нервы нашего героя не выдерживаютъ подобной сцены, и Иванъ Ѳомичъ невольно восклицаетъ: «О фараоны! фараоны!» и продолжаетъ смотрѣть. Городовой вторично замахивается пашкою, а нашъ зритель, въ свою очередь, опять бурчить себѣ подъ носъ:

— О фараоны! фараоны!

Наглядѣвшись до-сыта, Иванъ Ѳомичъ поворачивается и хочетъ идти къ себѣ, но въ темнотѣ, да еще съ подвязаннымъ глазомъ, сбивается съ дороги и натывается на легонькія соломенные ширмы у кровати.

— Караулъ! спасите! — раздается надъ самымъ его ухомъ отчаянный крикъ. Вслѣдъ за этимъ ширмы валятся, а на нихъ падаютъ какія-то двѣ женскія фигуры.

Ивана Ѳомича охватываетъ ужасъ. Смутно начи-

наетъ сознавать онъ, что невольно сдѣлался виновникомъ всей этой кутерьмы.

Значить, номеръ заняли ночью, и его, въ этомъ костюмѣ, конечно приняли за сумашедшаго. Комната моментально наполняется сбѣжавшими сосѣдями, прислугою, кто со свѣчой въ рукахъ, кто съ лампой.

Ихъ изумленнымъ взорамъ представляется слѣдующая картина: на опрокинутыхъ соломенныхъ ширмахъ лежала безъ чувствъ пожилая дама въ бѣлой ночной кофточкѣ. Рядомъ съ ней, съезжившись отъ холода, прижалась дѣвочка лѣтъ 12-ти, съ растрепанными волосами, тоже безъ памяти, укутанная въ сѣрое байковое одѣяло. А надъ ними, точно громадная насѣдка надъ цыплятами, стоялъ въ ужасѣ, распростерши руки, самъ Иванъ Ѳомичъ. Повязка на затылкѣ. Красный воспаленный глазъ грозно выглядывалъ наружу. Лицо потное, точно изъ бани. Халатъ распахнулся и исподняя одежда картинно выглядывала.

Бѣдный Иванъ Ѳомичъ! какъ мнѣ его жалко!

Мое знакомство съ литераторами.

Послѣ Текинской экспедиціи въ 1881 году, какъ я уже писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, поѣхалъ я со Скобелевымъ въ Парижъ — отдохнуть. Тамъ, предварительно сговорившись съ братомъ моимъ Василиемъ, художникомъ, я и остался, чтобы помогать ему устраивать его художественныя выставки въ различныхъ городахъ Европы, а быть можетъ и Америки. Здѣсь, во время приготовленія къ Вѣнской выставкѣ, удалось мнѣ урывками написать первую главу воспоминаній моего дѣтства. Даю ихъ прочесть брату. Какъ сейчасъ помню, происходило это въ его домѣ въ Maisons-Laffitte возлѣ Парижа.

Вечеромъ сидитъ онъ въ своей громадной мастерской и что-то читаетъ. Полъ устланъ гигантскими индѣйскими коврами, чуть не въ вершокъ толщиною. Шесть человѣкъ едва подымали такой коверъ.

— На-ка прочти, что скажешь? — говорю. Тотъ начинаетъ читать. Я прогуливаюсь по мягкимъ коврамъ. Двѣ свѣчки подъ абажуромъ, въ такой обширной комнатѣ мерцаютъ такъ слабо, точно свѣтящіеся жучки въ полѣ.

Слышу, братъ хохочетъ.

— Что! Поправилось? — спрашиваю его, когда онъ кончилъ.

— Хорошо, хорошо! Повѣрь мнѣ, выйдетъ интересная книга. Только никого не слушай, а пиши и пиши!—говорить онъ, видимо совершенно чисто-сердечно.

Но я все-таки послалъ эту же самую главу моему пріятелю Владиміру Васильевичу Стасову, въ Петербургъ.

«Отлично, прекрасно, великолепно! Выйдетъ тузовая вещь!» восторженно пишетъ мнѣ мой другъ. Это меня сильно одобрило, и я началъ писать далѣе. Вскорѣ окончилъ первый военный разсказъ: «Ловчинскій бой».

— Хочешь, покажемъ Тургеневу?—говорить мнѣ братъ.—Онъ теперь здѣсь, въ Парижѣ. Увидимъ, что скажетъ.

Василій былъ хорошо знакомъ съ нимъ, я же его никогда и въ глаза не видалъ до того времени. Записокъ моихъ мнѣ не удалось ему показать, такъ какъ вскорѣ пришлось уѣхать въ Вѣну. Съ Тургеневымъ же все-таки я, хоть разъ въ жизни, а встрѣтился. Случилось это такъ. Иду какъ-то въ Парижѣ завтракать въ знакомый ресторапъ, гдѣ мы частенько съ братомъ бывали. Опоздалъ я, что ли, только смотрю, а братъ уже выходитъ оттуда съ какимъ-то высокимъ кудреватымъ сѣдымъ старикомъ, съ очень крупными чертами лица и что-то горячо оба разговариваютъ.

— Позвольте вамъ представить,—братъ мой,—знакомить меня Василій, затѣмъ оба идутъ дальше. Въ тотъ же день вечеромъ спрашиваю брата:

— Кто этотъ старикъ былъ, я не слышалъ его фамиліи,—говорю ему.

— Какъ! Ты не узналъ Тургенева? — отвѣчаетъ

онъ съ удивленіемъ. Мнѣ очень досадно было, что я попристалыѣе не взглянулъ въ этого «старика».

* * *

По окончаніи моихъ поѣздокъ съ картинами брата, чтѣ продолжалось около двухъ лѣтъ, я поселился въ Петербургѣ, и продолжалъ писать. Во все это время, самымъ вѣрнымъ и самымъ строгимъ судьей моихъ работъ былъ все тотъ же Стасовъ.

Однажды, сию я у него въ квартирѣ и читаю ему свои записки. Только вдругъ онъ откидывается своимъ могучимъ туловищемъ на спинку стула и возбужденно говоритъ мнѣ:

— Знаете что! Поѣзжайте-ка вы ко Льву Толстому. Онъ теперь въ Москвѣ. Живетъ въ Хамовникахъ въ своемъ домѣ. Право, поѣзжайте. Пускай-ко онъ васъ послушаетъ, а я напишу ему объ васъ.

Я съ радостью принимаю это предложеніе, и не больше какъ черезъ недѣлю направляюсь въ первопрестольную.

Это было осенью 1883 года. Когда я подъѣхалъ къ дому графа и шелъ черезъ дворъ къ подъѣзду, меня вдругъ обуяла робость. Ну чего, думалось мнѣ, буду я надоѣдать такому свѣтилу со своими записками? Поди пожметъ плечами, да ничего и не отвѣтитъ. Не смотря на такія размышленія, все-таки звоню. Дверь отворяетъ слуга.

— Дома графъ?

— Дома-съ! — Я подаю карточку. Черезъ нѣсколько минутъ слуга возвращается и проситъ взойти. Домъ въ два этажа. Графъ жилъ внизу. Уже было довольно темно, когда я взошелъ въ низенькую комнату. Графъ какъ будто съ кѣмъ разговаривалъ и стоялъ среди

комнаты. Это былъ средняго роста господинъ, широкоплечій, въ сѣрой блузѣ, подпоясанной кожанымъ ремнемъ. Длинные волосы на головѣ небрежно спутаны. Борода большая, широкая, въ особенности около ушей.

— Здравствуйте, Александръ Васильевичъ! Я какъ-то съ братомъ вапимъ Васильемъ Васильевичемъ долженъ былъ встрѣтиться у Стасова въ Библіотекѣ. Онъ непременно хотѣлъ свести насъ. Братъ-то вашъ пришелъ, а меня что-то задержало. На другой день я пришелъ, а братъ больше уже не приходилъ, должно быть разсердился на меня. Такъ мы и не свидѣлись.

— Ну, какъ здоровье Владиміра Васильевича? — спрашиваетъ Левъ Николаевичъ, при чемъ большими пальцами, какъ крюками, зацѣпляется за кожаный поясъ. Впослѣдствіи я замѣтилъ, что это была его любимая поза, когда онъ стоя разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь.

— Съ удовольствіемъ послушаю васъ! Писалъ мнѣ Владиміръ Васильичъ! — Графъ подходитъ къ письменному столу и зажигаетъ свѣчу. Тутъ я разсмотрѣлъ, что въ комнатѣ находились еще два господина. Одинъ высокій, полный брюнетъ въ сюртукѣ, какъ потомъ узналъ я, профессоръ Ковалевскій. Другой рыженькій, небольшого роста, въ поддевкѣ и красной рубахѣ, — должно быть изъ сельскихъ учителей. При свѣтѣ огня я внимательно присматриваюсь къ графу. Надо, думаю, всѣ особенности его лица хорошенько запомнить. Придется, быть можетъ, впослѣдствіи описать это посѣщеніе. Вотъ скулы у него очень выдаются. Лобъ широкій, открытый. Волосы русые, а борода, такъ почти рыжая. Глаза маленькіе, глубоко сидящіе. Но какіе! Такъ кажется и пронзять насквозь чело-

вѣка. А самъ-то какой подвижной! Страсть! Походка легкая, быстрая. Голосъ громкій, симпатичный. Въ обращеніи такъ простъ, радушенъ, что, казалось, мы съ нимъ давно были знакомы, и теперь встрѣтились послѣ долгой разлуки. Вообще графъ производилъ удивительно хорошее впечатлѣніе. Такъ что въ душѣ я даже пожалѣлъ, что давно не поѣхалъ знакомиться съ нимъ. Тѣмъ временемъ, Левъ Николаевичъ уже приготовилъ столъ для чтенія, даже и воды стаканъ досталъ. Я сажусь за столъ и przygotowляю тетрадь, чтобы начать читать.

— Вы знаете,—говорить мнѣ Левъ Николаевичъ передъ самымъ чтеніемъ, усаживаясь рядомъ со мной, меня всегда очень подкупаетъ авторъ, когда самъ читаетъ свои произведенія. — Я ничего не отвѣчаю ему на это, и принимаюсь за чтеніе. Графу видимо понравилась моя работа.

— А что, вы не откажетесь, ежели я попрошу васъ пріѣхать завтра вечеромъ прочитать намъ еще что-нибудь? Я приглашу кой-кого изъ знакомыхъ. Вотъ и онъ, вѣроятно, не откажется еще разъ прослушать васъ,—и онъ указываетъ головой на Ковалевского.

— Конечно, графъ! Съ величайшимъ удовольствіемъ!—говорю ему, очень польщенный такимъ очевиднымъ успѣхомъ.

— Знаете, я ранѣе былъ предубѣжденъ противъ вашихъ рассказовъ. Мнѣ казалось, что тамъ должны быть выдумки. И тогда я ни за что не сталъ бы больше слушать. Но тутъ все правда.

Я уѣзжаю, очень довольный, къ себѣ въ Большую Московскую гостиницу.

На другой день, около часу дня, графъ навѣстилъ

меня. Такъ какъ я предупредилъ въ швейцарской, что въ случаѣ, ежели бы меня спросилъ графъ Толстой, то я дома, поэтому вѣсть объ этомъ разнеслась по гостинницѣ, и множество официантовъ и половыхъ захотѣли видѣть его, и даже одинъ изъ нихъ, посмѣлѣе, встрѣтивъ меня въ корридорѣ, заискивающимъ тономъ спрашиваетъ:

— Это къ вамъ должны быть Левъ Николаевичъ?

— Да, а что? Развѣ идетъ?—говорю ему, намѣреваясь бѣжать на встрѣчу.

— Нѣтъ-съ, это я такъ!—сконфуженно отвѣчаетъ онъ и уходитъ.

Когда же графъ уходилъ домой, то на лѣстницѣ и на площадкахъ этихъ половыхъ скопилась цѣлая толпа. Черныя бороды ихъ на бѣлыхъ рубахахъ и такихъ же шароварахъ, перепоясанныхъ цвѣтными шерстяными поясами, отъѣнились очень эффектно. Половые съ салфетками въ рукахъ низко кланялись, впиваясь глазами въ свою московскую знаменитость. Казалось, имъ такъ и хотѣлось крикнуть:

— Прощайте, ваше сіятельство! Будьте здоровы, не забывайте насъ!

Я не безъ гордости провожаю его до самаго подъѣзда. Даже выхожу на улицу, и тамъ еще долго слѣжу за нимъ глазами. Графъ, въ бурочномъ черномъ пальто, съ мерлушечьимъ воротникомъ, и въ такой же шапкѣ, засунувъ руки въ карманы пальто, направляется пѣшкомъ, своей быстрой легкой походкой, и вскорѣ скрывается въ толпѣ прохожихъ.

Здѣсь я сдѣлаю маленькое отступленіе. Глазѣнныя половыхъ на Льва Николаевича напомнило мнѣ другую картину, совершенно однородную. Въ той же самой гостинницѣ, года за два передъ тѣмъ, обѣдалъ

я какъ-то лѣтомъ съ генераломъ Скобелевымъ. Это было вскорѣ послѣ Текинской экспедиціи, т. е. когда Михаилъ Дмитріевичъ былъ въ апогеѣ своей славы. Насъ обѣдало всего 5—6 человѣкъ. Во время обѣда хотя я и замѣтилъ, что у дверей залы скучились половые, но не придалъ этому никакого значенія.

Когда же, послѣ обѣда, Скобелеву вздумалось прогуляться по Москвѣ, то тутъ понялъ я, что это значило! День солнечный, прекрасный. Мы переходимъ черезъ площадь, и направляемся къ Иверскимъ воротамъ. Генералъ въ отличномъ расположеніи духа, идетъ себѣ своей развалистой походкой. Стройная, высокая фигура его въ бѣломъ кителѣ — два Георгія на шеѣ, третій въ петлицѣ, красные лампасы на синихъ чикчирахъ, все это ярко выдѣлялось на солнцѣ. Только что мы дошли до половины площади, смотрю, изъ всѣхъ лавокъ, домовъ, будокъ, балагановъ начали выбѣгать люди и прыжками обгонять насъ. Миѣ сначала и въ голову не приходило, что это за нами гонятся. Но затѣмъ, смотрю, народъ скопляется со всѣхъ сторонъ. Лавочники, сидѣльцы, разпопчики, извошники, всѣ повскакали со своихъ мѣстъ и лѣзутъ заглянуть въ лицо Михаилу Дмитріевичу. Помню, я былъ совершенно счастливъ въ эти минуты, что могъ идти рядомъ съ народнымъ любимцемъ. Москва положительно боготворила Скобелева. Теперь я уже не помню, куда мы скрылись отъ этой толпы. Но вернемся къ нашему разсказу.

8 часовъ вечера. Я опять звоню у подъѣзда Льва Николаевича. Дверь отворяетъ тотъ же лакей, но уже во фракѣ. Въ прихожей, на вѣшалкахъ, виситъ масса разной одежды. Вчера ее что-то не было видно. Должно быть, гостей не мало! Тутъ я пожалѣлъ, что не

надѣлъ фракъ. Но у меня всегда было какое-то отвращеніе къ этому костюму. Потому-ли, что я былъ военный и раньше носилъ длинную казацкую черкеску, или почему другому, но только мнѣ всегда казалось, что во фракѣ я долженъ походить на сороку короткохвостку. На мой взглядъ, ничего нѣтъ безобразнѣе этого костюма. Кто только его выдумалъ?—И такъ, я, въ сюртукѣ, тихонько поднимаюсь по ярко освѣщенной, ковровой лѣстницѣ, во второй этажъ.

Вхожу въ залъ—нѣтъ никого. Четыре свѣтлыя лампы ярко освѣщаютъ бѣлые обои, и наводненный паркетный полъ. Въ противоположномъ концѣ, во всю ширину комнаты накрытъ для чаю длинный столъ. На бѣлоснѣжной скатерти отчетливо выдѣляются серебро, чайная посуда и множество разныхъ сухарницъ, тарелочекъ и блюдецъ со всевозможными печеньями и сладостями. Видно, что столъ уставляла хлѣбосольная рука. Двери въ сосѣдную комнату открыты, и черезъ нихъ виднѣется цѣлая анфилада освѣщенныхъ апартаментовъ. Мужскія и женскія фигуры, фраки и декольти такъ тамъ и мелькаютъ.

Графъ быстро замѣтилъ меня, и своей легкой походкой идетъ на встрѣчу. Тутъ только я увидалъ, что онъ порядочно сутуловатъ. Какъ и вчера, онъ одѣтъ въ блузу, но только поновѣе. Мы направляемся въ гостиную. Прежде всего онъ представляетъ меня женѣ своей, графинѣ Софьѣ Андреевнѣ, красивой представительной барынѣ, брюнеткѣ, замѣчательно моложавой на видъ, не смотря на то, что у нея были уже взрослые дѣти. Затѣмъ дочери своей Татьянѣ Львовнѣ, барышнѣ лѣтъ 16. Она была такъ неподдѣльно мила, рѣзва, интересна, что просто съ перваго же раза можно было влюбиться въ нее.

Гостей приглашено не мало. Перечислить ихъ теперь я положительно не могу. Всѣхъ слушателей, кромѣ многочисленнаго семейства самого хозяина, было человѣкъ 15. Между ними хорошо запомнился мнѣ графъ Олсуфьевъ, полный широкоплечій господинъ, съ большой мясистой головой на короткой толстой шеѣ. Затѣмъ древній старецъ, писатель Фетъ-Шенпинъ, худенькій, слабенькій, — ну, какъ говорится, въ чемъ только душа держится?, и затѣмъ мой вчерашній знакомый — профессоръ Ковалевскій. Своей крупной фигурой онъ представлялъ рѣзкую противоположность съ Фетомъ.

Пока я знакожусь съ гостями, Левъ Николаевичъ, какъ и вчера, самъ приготовляетъ столъ для чтенія, зажигаетъ свѣчи, подвигаетъ стулья. Я смотрю на всѣ эти приготовленія, и меня начинается брать дрожь. Въ душѣ я сравниваю столъ этотъ съ эшафотомъ, на которомъ сейчасъ меня будутъ казнить. Но вотъ, наконецъ, всѣ собираются и начинаютъ усаживаться. Мужчины, дамы, всѣ пристально на меня смотрятъ, при чемъ, конечно, и не подозреваютъ, что творится въ это время у меня на душѣ. Мнѣ въ первый разъ въ жизни приходилось читать въ такомъ многолюдномъ обществѣ, да еще передъ кѣмъ? — Передъ самимъ творцомъ «Войны и мира». Было отчего оробѣть! Я сажусь и раскрываю рукопись. Возлѣ меня, какъ и вчера, садится бочкомъ самъ хозяинъ, поджигаетъ подъ себя ногу, и слегка облокачивается о спинку моего стула. Но еще ближе садится Фетъ. Онъ такъ усялся близко и согнулся надъ столомъ, чтобы лучше слышать, что я даже чувствую на своемъ лицѣ его старческое хриплое дыханье.

Я уже готовъ начать читать, да молодая графинюшка Татьяна Львовна все еще не можетъ усѣсться: она непременно хочетъ пристроиться вмѣстѣ со своими маленькими братишками у самыхъ ногъ отца, на низенькомъ канале. Подушники постоянно слѣзали на полъ, а вмѣстѣ съ ними сползали и сидѣвшіе на нихъ.

Шумъ и крикъ у нихъ долго не стихалъ. Но вотъ, наконецъ, и они успокоились. Начинаю читать. Читаю въ два пріема. До чаю часа два—изъ воспоминаній дѣтства. Затѣмъ, послѣ чаю—военные рассказы.

Когда я читалъ «Ловчинскій бой», гдѣ между прочимъ говорится, что наши солдаты бросились разбирать шалашикъ, который служилъ какъ бы мншнюю для турецкой артиллеріи, то у меня было сказано: «топоры звонко стучать, шалашка наклоняется»... Графъ, который видимо не пропускалъ ни одного слова, подсказываетъ мнѣ въ полголоса: «о бревна», — и дѣйствительно: вставляю тутъ же карандашомъ эти слова и фраза выходитъ сильнѣе. — Было около полуночи, когда я окончилъ. Чтеніе, очевидно, понравилось и произвело впечатлѣніе. Не подымаясь съ мѣста, графъ обращается ко мнѣ и говоритъ:

— Вотъ вамъ доказательство, на сколько ваши записки интересны, и при этомъ указываетъ на своего маленькаго сынишку, лѣтъ 5 — 6, который стоялъ въ дверяхъ въ рубашонкѣ и держался за нянькину руку. — Этому молодцу давно пора спать, но и онъ все время слушалъ васъ.

Было далеко за полночь, когда я, горячо побла-

годаривъ радушныхъ хозяевъ, добрался до своего номера.

* * *

Первымъ дѣломъ моимъ по возвращеніи въ Петербургъ было, конечно, пойти къ Стасову въ Публичную Библіотеку. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, и, наклонившись надъ столомъ, что-то писалъ. Заслышавъ шаги, оборачивается, видитъ меня, и, какъ говорится, восхищается духомъ. Бумага и перо отодвигаются въ сторону. Владиміръ Васильевичъ усаживаетъ меня возлѣ себя, и начинаетъ подробно расспрашивать. Стасовъ страшный почитатель Льва Толстого. У насъ начинается слѣдующій разговоръ.

— Ну что, были? — восторженно спрашиваетъ онъ. И, не давая отвѣтить на одинъ вопросъ, задаетъ другой.

— Былъ.

— Здоровъ онъ?

— Молодцомъ!.. Здоровѣе насъ обоихъ.

— Ну, что же, читали?

— Читаль.

— Понравилось?

— Должно быть, понравилось! Вѣдь я два раза читаль.

— Что же ему больше всего понравилось?

— Больше всего изъ военнаго быта; гдѣ убиваютъ, ранятъ! Вообще сраженія! — говорю ему.

— Значитъ «Ловча» понравилась!

— Да, очень понравилась.

— Ну, а изъ домашней жизни тоже читали?

— Читаль.

— «Сборъ оброку» читали?

— Ну этого не читалъ.

— Какъ такъ! Почему?—съ удивленіемъ восклицаетъ онъ, и столь сердито поворачивается на стулъ, что тотъ, бѣдный, даже затрещалъ подъ нимъ.

— Да такъ, не успѣлъ!

— Поми-и-и-луйте! Что вы сдѣлали! Вѣдь это самое лучшее мѣсто въ вашей книгѣ!

— Эхъ! эхъ! эхъ! — жалобно охаетъ онъ, и хлопаетъ себя ладонями по могучимъ колѣнямъ. Все лицо его, вся фигура изображаютъ въ эту минуту такую неподдѣльную грусть, такое сокрушеніе, что я, кажется, готовъ былъ моментально броситься на вокзалъ, сѣсть въ вагонъ и ѣхать ко Льву Толстому читать «Сборъ оброку». И долго послѣ того еще раздается въ «Отдѣленіи изящныхъ искусствъ» оханье и аханье добрейшаго Владиміра Васильевича, пеняющаго мнѣ за такой nepoзвoлитeльный промахъ. Наконецъ, я ухожу.

— А какая сама-то Софья Андреевна все еще молодецъ, — гудитъ онъ мнѣ съ лѣстницы, — неправда-ли?—Обратили вниманіе? Вѣдь это онъ съ нея написалъ Наташу въ «Войнѣ и мирѣ». А Татьяна Львовна, неправда-ли, тоже прелесть?—Затѣмъ слышу уже издалека: Заходи-и-те!

*
* *

Послѣ нѣкотораго промежутка времени, Стасовъ опять какъ-то говорить мнѣ:

— Вамъ надо пойти къ Гаевскому, прочесть ему нѣсколько отрывочковъ изъ вашихъ записокъ. Я говорилъ ему о васъ. Онъ будетъ очень радъ. Только пораньше подите, утромъ. Живетъ онъ на Литейной, въ домѣ Пеля, зовутъ его Викторъ Павловичъ.

Онъ отличный человѣкъ, предсѣдатель Литературнаго фонда, и всегда можетъ быть полезенъ вамъ въ случаѣ, ежели бы вы пожелали помѣстить гдѣ-нибудь ваши записки. — Разговоръ этотъ происходилъ у насъ тоже въ Библіотекѣ.

— Да смотрите, не забудьте прочитать ему непременно то мѣсто, какъ нянька моетъ васъ въ русской печкѣ. Это самое тузовое мѣсто въ вашихъ разсказахъ, кричитъ онъ мнѣ на прощанье.

Черезъ нѣсколько дней отправляюсь къ Гаевскому. Вхожу въ залъ. Человѣкъ идетъ докладывать. Изъ сосѣдней комнаты выходитъ господинъ очень маленькаго роста, пожилыхъ лѣтъ, съ длиннѣйшей бородой съ просѣдью, и такими же усами. Ну, совершеннѣйшій Черноморъ изъ «Руслана». Глаза чрезвычайно живые, симпатичные. Онъ очень радушно встрѣчаетъ меня и ведетъ въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ Викторъ Павловичъ проситъ прочитать отрывокъ. Когда я кончилъ, то онъ, какъ и графъ Толстой, проситъ меня пріѣхать къ нему вторично вечеромъ, и прочесть въ присутствіи постороннихъ лицъ, и при этомъ прибавилъ: «изъ нашего Литературнаго кружка». Въ назначенный вечеръ пріѣзжаю. Въ кабинетѣ хозяина застаю уже не мало гостей. Все народъ почтенный, съ сѣдыми бородами. Столъ для чтенія былъ уже приготовленъ, только свѣчи не зажжены. Хозяинъ знакомитъ меня съ присутствующими. Тутъ были, помню, Краевскій, Бильбасовъ, Кавелинъ, Стасюлевичъ, Стасовы Димитрій Васильевичъ и Владиміръ Васильевичъ, и еще Случевскій. Случевскій между слушателями былъ самый молодой. Между этими лицами, кромѣ Стасовыхъ, я хорошо зналъ Кавелина, Константина Димитріевича. Знавалъ его еще, когда

я былъ ребенкомъ. Отецъ мой жилъ тогда на Васильевскомъ Острове, въ 13-й линіи, въ большомъ деревянномъ домѣ, принадлежавшемъ Лихошину. Рядомъ же съ нами, въ маленькомъ каменномъ флигелѣ жилъ Кавелинъ съ семьей. Онъ былъ тогда еще молодой человѣкъ, красавецъ, полный силы и здоровья. Какъ сейчасъ вижу, выходитъ онъ изъ своей квартиры съ портфелемъ подъ мышкой, щегольски одѣтый, въ цилиндръ и золотыхъ очкахъ. Старшій братъ мой, Николай, былъ съ нимъ хорошо знакомъ, и чрезвычайно любилъ и уважалъ его. Почтеніе это къ Кавелину настолько перешло и ко мнѣ, маленькому, что когда я встрѣчалъ его, бывало, около дому, то всегда прятался въ воротахъ, и оттуда со страхомъ и трепетомъ провожалъ его глазами.

Замѣчательный, помню, былъ у него сынъ Митя, сверстникъ мой, мальчикъ лѣтъ 8, очень хорошенькій, ходилъ онъ въ черной курточкѣ и длинныхъ панталонахъ. А такъ какъ я бѣгалъ въ это время — по деревенски, въ рубашкѣ, ситцевыхъ панталонахъ и башмакахъ, то я всегда съ завистью смотрѣлъ на костюмъ Мити. Впоследствии Митя отлично учился, и, по словамъ брата моего Николая, задавалъ учителямъ своимъ такіе вопросы, что перѣдко ставилъ ихъ въ тупикъ.

— Вотъ, Александръ! — говаривалъ мнѣ отецъ, когда я позже приносилъ ему свидѣтельство изъ гимназіи. У тебя все двойки; троекъ совсѣмъ не видать! Хоть бы ты примѣръ взялъ съ Мити Кавелина. Учителя, говорятъ, не хвалятся имъ! — Я же въ это время со злобой думалъ про себя: Вѣдь не всѣмъ же быть Митями!

Кавелина хотя я не видалъ 25-ть лѣтъ, но сразу

же узналъ. Выраженіе лица его мало измѣнилось. Онъ только поспѣлъ, потолстѣлъ и обрюзгъ. Долгій, задумчивый взглядъ его и добрая, милая улыбка остались тѣже. Ему тогда было, по моему расчету, лѣтъ 60. Когда я увидалъ его, мнѣ показалось, что встрѣтилъ близкаго родного. Вся моя молодость, всѣ первые годы жизни моей въ Петербургѣ, такъ и промелькнули передо мной. Вѣдь 8-мъ лѣтъ прожили мы рядомъ, стѣна обѣ стѣну.

Братевъ Стасовыхъ встрѣтилъ я здѣсь тоже съ великой радостью. Все-таки думаю, свой народъ: въ случаѣ надобности, замолвятъ словечко. Въ особенности Владиміръ Васильевичъ.

Стасовы очеь высокаго роста. Замѣчательное сходство ихъ между собой такъ и бросалось въ глаза. Всѣ будущіе слушатели мои смотрѣли на меня ласково, добродушно.

Робость, которую я ощущалъ, когда читалъ у Толстого, на этотъ разъ совершенно меня покинула, вѣроятно, благодаря похваламъ Толстого. Меня въ особенности ободрили слова его, что въ моихъ воспоминаніяхъ слышится правда.

Во время чтенія, я мелькомъ замѣчалъ, какъ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, сидѣвшій вправо отъ меня, какъ разъ подъ лампой, урывками переговаривался, черезъ сосѣда своего Случевского, съ Кавелинымъ. Должно быть, ему ужъ очень хотѣлось обмѣняться съ нимъ мыслями въ эти минуты.

Послѣ чтенія, Краевскій подходитъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Гаевскимъ, который совершенно таялъ отъ моего успѣха, и говоритъ:

— Чтеніе ваше напомнило мнѣ лучшія времена нашей литературы, — когда еще живы были, и тутъ

онъ начинаетъ перечислять имена такихъ корифеевъ, что я изъ скромности рѣшительно не осмѣливаюсь и повторить ихъ теперь. Викторъ Павловичъ Гаевскій безконечно благодарилъ меня, и просилъ не отказать участвовать въ чтеніи на литературномъ вечерѣ въ пользу литературнаго фонда. Вечеръ долженъ былъ состояться на дняхъ, въ залѣ Городскаго Кредитнаго Общества.

— Ой, страшно! боюсь, Викторъ Павловичъ!— говорю ему. Я никогда не читалъ публично. Боюсь—сробѣю, какъ бы не сконфузиться.

— Отчего! Пустяки! Вы хорошо читаете, настаивалъ онъ. Посмотрите, какъ молодежь студенты вамъ аплодировать будутъ, — и таки уговорилъ. Я согласился.

На другой день утромъ, ко мнѣ въ квартиру раздается звонокъ. Смотрю, входитъ Стасюлевичъ.

— Вотъ я къ вамъ, не пожелаете ли уступить мнѣ вани записки для моего журнала «Вѣстникъ Европы», говоритъ Михаилъ Матвѣевичъ, здороваясь со мной.

Я не безъ удовольствія достаю ему рукопись.

— Вѣдь не все же вы будете печатать! Тутъ больше 25-ти листовъ!—говорю ему. Я желалъ бы отдѣльной книгой издать. Полагаю, ежели все будетъ предварительно напечатано въ журналѣ, тогда пропадетъ интересъ книги.

— Какъ знаете! Сколько уступите, столько и помѣщу,—отвѣчаетъ Михаилъ Матвѣевичъ. Я предлагаю ему военную часть. Стасюлевичъ беретъ записки, просматриваетъ ихъ слегка и затѣмъ спрашиваетъ:.

— Сколько же вы желаете получить за листъ?

— А сколько вы согласны дать? Я никогда не продавалъ своихъ произведеній, говорю ему, и въ тоже время думаю:—Какъ бы не продешевить!

— Сто рублей за листъ,—отвѣчаетъ онъ.

— Ну, полтора-ста-то стоитъ!—возражаю ему.

— Я Тургеневу двѣсти платилъ!—недовольнымъ тономъ говорить онъ, какъ бы желая этимъ выразить: «Моль, не тебѣ чета», затѣмъ быстро соглашается, беретъ рукопись и уходитъ.

— А деньги-то какъ же?—съ удивленіемъ спрашиваю его.

— А деньги вы будете получать по мѣрѣ выхода книжекъ. Каждое 1-е число. Печататься будетъ съ новаго года.—Мы прощаемся. Я остаюсь очень довольный окончаніемъ переговоровъ.

Разказы мои выходили въ 3-хъ книжкахъ. Аккуратность въ платѣ денегъ Стасюлевичемъ была просто поразительна. Каждое 1-е число, ровно въ 5-ть часовъ вечера, появлялся все тотъ же артельщикъ, съ новенькой красной книжкой и конвертомъ съ деньгами. А такъ какъ въ этотъ часъ я съ семьей обѣдалъ, то мнѣ обыкновенно приходилось просить прислугу повременить нѣсколько минутъ подавать обѣдъ, и артельщикъ ни разу не заставлялъ себя ждать. Честь и слава Михаилу Матвѣевичу въ этомъ отношеніи!

Вскорѣ потомъ я поѣхалъ къ Кавелину провѣдать его. Мы долго вспоминали старину и наше житіе въ 13-й линіи. Вспомнилъ я и про Митю, и про всю семью его. Старикъ, который въ то время былъ уже совершенно одинокъ, такъ какъ схоронилъ и жену и дѣтей, былъ такъ растроганъ моими словами, что я испугался, какъ бы онъ не расплакался.

— Вотъ вы рассказываете въ вашихъ запискахъ, какъ оброки выбивали, — говоритъ онъ, словно совершенно перерождаясь. А вотъ я зналъ одного помѣщика, который наказывалъ своихъ крѣпостныхъ такимъ образомъ: садилъ ихъ въ холодную, и связывалъ назадъ руки, а голову стягивалъ желѣзнымъ обручемъ. При этомъ каждый день особымъ винтомъ обручъ стягивали на лбу все туже и туже. Вотъ какіе звѣри бывали, — добавилъ онъ.

Больше я не видалъ Кавелина. Онъ въ томъ же году умеръ.

Но вотъ насталъ для меня знаменательный день, — день литературнаго вечера. Хорошо помню, какъ я мучился передъ этимъ. — Проклятая робость еще за долго начала одолевать меня. Вдругъ, думалось мнѣ, я войду въ залъ, сконфужусь, и не въ состояніи буду читать. Вотъ-то скандалъ будетъ! И мнѣ припоминается рассказъ Владиміра Васильевича Стасова, какъ ему пришлось разъ, въ 1871 г., читать лекцію въ залѣ Павлова въ Художественномъ клубѣ. Положимъ, онъ читалъ не по запискамъ, а экспромтомъ, что, конечно, несравненно труднѣе. Какъ онъ вошелъ въ залъ, посмотрѣлъ кругомъ, и языкъ его «прильпелъ къ гортани». Онъ постоялъ, постоялъ и вдругъ скрылся изъ залы, выбѣжалъ въ прихожую, одѣлся, уѣхалъ домой, легъ въ постель и укрылся халатомъ.

Время уже ѣхать! Надѣваю ненавистный фракъ, беру извозчика и направляюсь къ площади Александринскаго театра. Подъѣздъ Кредитнаго Общества освѣщенъ электричествомъ, но экипажей мало. У меня точно отлегаешь отъ сердца. вмѣсто того, чтобы огорчиться, я радуюсь: Авось думаю, никого не бу-

дѣть, тогда и читать не придется. Вхожу на лѣстницу, спрашиваю у швейцара, много ли билетовъ продано?

— А почитай, что всѣ!—Малость бы-де какая осталась, отвѣчаетъ тотъ. — Вотъ такъ штука!—Сердце мое начинаетъ усиленно биться.

— Отчего-же экипажей такъ мало?—спрашиваю его.

— Да вѣдь еще рано!—Соберутся, успокаиваетъ онъ, воображая, конечно, что я опасаясь какъ да вечеръ не удастся. Подымаюсь на верхъ и прохожу въ отдѣльную комнату. Смотрю, уже тамъ сидятъ Григоровичъ, Успенскій и нѣсколько другихъ лицъ. Всѣ они преспокойно разговариваютъ, точно дѣло и не касается ихъ. Я здороваюсь съ ними, и въ волненіи начинаю ходить по комнатѣ. Ничего кругомъ не слышу и не вижу. Черезъ нѣкоторое время, смотрю—Успенскій подходитъ къ двери, чуть открываетъ ее и заглядываетъ черезъ узенькую щелку въ залъ. Я тоже присоединяюсь къ нему. Глазамъ моимъ представляется цѣлое море головъ. Залъ ярко освѣщенъ, и лица отчетливо можно разсмотрѣть, въ особенности въ переднемъ ряду. Почти у самыхъ дверей вышлась каѳедрa, съ которой приходилось читать.

— Неужели я буду сидѣть тутъ и читать передъ всей этой публикой?—думается мнѣ. Нѣтъ, этого никогда не будетъ! Это невозможно!—и я съ ужасомъ принимаюсь опять шагать по комнатѣ.

Сильнѣйшая дрожь, въ десять разъ бѣльшая, чѣмъ у Толстого, начинаетъ протрясать меня. Я жатѣю, что не надѣлъ фуфайки. Даже зубы начинаютъ стучать. Но какъ разъ въ эти минуты мнѣ приходитъ на мысль совѣтъ одного моего пріятеля, кото-

рый былъ въ такомъ же положеніи. Онъ совѣтовалъ мнѣ, какъ войдешь въ залъ, не смотрѣть на публику, а прямо взойти на кафедру, скорѣй раскрыть рукопись и читать.

— Какъ прочтешь 2—3 странички, такъ сразу же и успокоишься, говорилъ онъ.

Моя очередь читать была вторымъ. Первымъ читалъ Григоровичъ. Насталъ и мой часъ. Беру рукопись, отворяю дверь и вхожу на кафедру. Что дальше было со мной—положительно не въ состояніи дать себѣ отчета. Увѣренъ только, что ежели бы меня кто вздумалъ колоть въ эти минуты булавкой въ спину, то я бы не почувствовалъ. Ну, оцѣпенѣлъ, да и кончено. Согласно совѣту пріятеля, стараюсь не смотрѣть на публику. Но какъ ни старался, а все-таки подымаясь на кафедру, я чуть-чуть, что называется однимъ глазкомъ, видѣлъ въ первомъ ряду бѣлобрысые усы какого-то кавалергарда. Сажусь и громко принимаюсь читать. И дѣйствительно, пріятель меня не обманулъ. Послѣ первыхъ же строкъ начинаю успокаиваться. Сердце бьется спокойнѣе, а послѣ двухъ, трехъ страницъ, я читалъ совершенно спокойно. Рукоплесканій было больше, чѣмъ я ожидалъ.

Рукоплескала мнѣ также и Д. В. Григоровичъ, по обыкновенію склонивши голову нѣсколько на бокъ. «Очень интересно, другъ мой,—очень интересно!» слащаво восклицалъ онъ, подходя ко мнѣ и, какъ-бы съ великимъ участіемъ похлопывая въ ладоши. «Но только не для публичнаго чтенія». А публика, точно на зло ему, настойчиво аплодировала и аплодировала. Такъ мой Дмитрій Васильевичъ и остался чуть-ли не одинъ при отдѣльномъ мнѣніи.

Аккуратно, какъ красное солнышко, появилась

1-го января у меня на столѣ красная книжка «Вѣстника Европы», а вмѣстѣ съ ней и моя статья. Боже мой, какъ я радовался! Какъ поворачивалъ книжку со всѣхъ сторонъ! Лучше, милѣе, и умнѣе этого журнала для меня тогда и на свѣтѣ не было.

Что деньги, полученныя мною одновременно съ книжкой! Онѣ и десятой доли такъ меня не радовали. На статью же мою, такъ я и наглядѣться досыта не могъ.

— Смотри ты, пожалуйста, думалось мнѣ, перелистывая страницы. Все это я написалъ. Тысячи людей будутъ читать мое писаніе. Что товарищи-то, пріятель-то на Кавказѣ, что скажутъ?

Между тѣмъ я съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія статей въ журналѣ, дабы имѣть возможность поскорѣй издать мои записки отдѣльной книгой. Долго придумывали мы со Стасовымъ, какъ ее назвать. Мнѣ непремѣнно хотѣлось, чтобы домашніе рассказы назывались: «Дома».

— Ну, а вторая часть пусть называется: «На войнѣ», а вмѣстѣ и выйдетъ: «Дома и на войнѣ», — восклицаетъ онъ. На томъ и порѣшили.

Первымъ благовѣстителемъ моимъ и добрымъ геніемъ, по выходѣ книги, оказался Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ.

Ему я еще въ рукописи читалъ отрывки изъ моихъ воспоминаній. Стасовъ самъ свелъ меня въ Академію генеральнаго штаба, которой Михаилъ Ивановичъ состоялъ въ то время директоромъ. Онъ съ великимъ интересомъ прослушалъ чтеніе нѣсколькихъ моихъ рассказовъ, и объявилъ ихъ крайне интересными и вѣрными съ дѣйствительностью. Въ особенности ему понравился мой рассказъ о Ловчинскомъ боѣ. Онъ нашелъ его чрезвычайно картиннымъ и

правдивымъ. Когда же мое сочиненіе появилось въ печати, то статья Драгомирова въ «Инвалидѣ», хотя и краткая, но восторженная, разомъ рѣшила участь моей книги.

За ней напечатана была въ «Новомъ Времени» статья Петерсена. А потомъ стали появляться отзывы и въ другихъ газетахъ, и всѣ съ похвалами.

*
* * *

Ровно десять лѣтъ спустя, вздумалъ я издать второй томъ моихъ воспоминаній. Сюда вошли рассказы изъ временъ оккупациі Болгаріи нашими войсками, мое пребываніе за границей, а затѣмъ поѣздки мои по Россіи, въ бытность мою оцѣнщикомъ при Земельномъ Банкѣ, и разные другіе рассказы.

Но прежде чѣмъ печатать книгу, мнѣ, какъ и при первой моей книгѣ, непременно хотѣлось знать, что скажетъ о новыхъ моихъ запискахъ такой авторитетъ, какъ Драгомировъ, Михаилъ Ивановичъ, въ особенности о нѣкоторыхъ военныхъ вещахъ. Безъ этого я рѣшительно боялся приступить къ печати. Прошу Стасова написать Драгомирову, когда онъ будетъ въ Петербургѣ? Генераль отвѣчаетъ: «Пускай Верещагинъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ».

Нечего дѣлать, сажусь въ вагонъ и їду. Былъ июль мѣсяцъ. Жара стояла страшная. Пріѣзжаю въ Кіевъ, а генерала нашего и нѣтъ тамъ, — проживаетъ въ имѣніи своемъ, подъ Конотопомъ, верстахъ въ 12-ти отъ города. Посылаю телеграмму. Приглашаютъ пріѣхать. Въ часъ дня выѣзжаю. Публика въ вагонахъ такъ кишмя и кипитъ. Все больше евреи. Шумъ,

гамъ невообразимый. Уже начало смеркаться, когда доѣхали до Конотопа. Выхожу изъ вагона, подымаюсь на станцію, вдругъ слышу, кто-то надъ головой кричить мою фамилію. Смотрю впередъ— знакомый мнѣ генераль Лачиновъ, издатель «Инвалида» и «Военнаго Сборника», стоитъ на верху платформы и во все горло зоветъ меня.

— Здѣсь! — отвѣчаю ему и подхожу. Полная усатая фигура его въ генеральскомъ пальто на красной подкладкѣ эффектно освѣщалась заходящимъ солнцемъ.

— Здравствуйте! — говоритъ онъ. Я гостилъ у Михаила Ивановича, и вотъ съ этимъ поѣздомъ ѣду обратно въ Петербургъ. Онъ ждетъ васъ, и проситъ ѣхать на его лошадахъ, которыя привезли меня. Вотъ вамъ и спутникъ,—и онъ представляетъ мнѣ черноватаго юношу, въ очкахъ, очень симпатичнаго. Это былъ младшій сынъ Михаила Ивановича, Андрей.

Мы садимся въ коляску, и пара рыжихъ добрыхъ коней быстро везетъ насъ по пыльному чернозему. Въ дождливое время здѣсь, говорятъ, бываетъ баспословная грязь, что доказываетъ уже само названіе города — Коно-топъ.

Часовъ въ 9 вечера подъѣзжаю къ уютному бѣлому дому. Дверь на балконъ отворена, и я вижу знакомую мнѣ массивную фигуру генерала, въ бѣломъ кителѣ и съ ермолкой на головѣ. Драгомировъ сидѣлъ въ кругу своей семьи и пилъ чай.

И мелькнулъ мнѣ въ эту минуту мой почтенный Михаилъ Ивановичъ при совсѣмъ другой обстановкѣ.

Августъ мѣсяцъ. Часовъ 9 утра. Изъ за высокихъ лѣсистыхъ вершинъ Балканскихъ горъ только

что выкатилось солнце и ярко освѣтило маленькій бѣдный Габровский монастырь, прилѣпившійся у самаго подножія горы. У воротъ монастыря столнилась группа военныхъ. Тутъ и офицеры, тутъ и нижніе чины. Всѣ они окружили санитарный фургонъ. Въ немъ только-что привезли, съ Шинки, раненаго въ ногу генерала Драгомирова. Я вмѣстѣ съ прочими помогаю внести генерала въ маленькую душную келью. Изъ-за густыхъ тѣнистыхъ деревьевъ, растущихъ передъ окнами, дневной свѣтъ едва пробивается въ комнату. Генерала кладутъ на простую деревянную кровать и прикрываютъ его-же пальто.

— Вы отъ Михаила Дмитріевича прѣхали, — ласково обращается ко мнѣ Драгомировъ, узнавъ отъ коменданта Маслова, что я ѣхалъ къ нему отъ Скобелева. Такъ вотъ, скажите ему, въ какомъ видѣ нашли меня, говоритъ онъ слабымъ унылымъ голосомъ. Я пристально всматриваюсь ему въ лицо. Всегда бодрый, веселый Михаилъ Ивановичъ нашъ сразу осунулся и поблѣднѣлъ. Губы запеклись и потрескались, что доказывало присутствіе лихорадки. Онъ судорожно надергивалъ на себя пальто и безпомощно поворачивалъ свою большую лысую голову то въ ту, то въ другую сторону, при чемъ жалобно посматривалъ на насъ черезъ очки. А громовыя пушечные раскаты тѣмъ временемъ съ Шинкинскихъ высотъ такъ и гудятъ, какъ-бы нарочно раздражая своимъ зловѣщимъ гуломъ и безъ того надорваннымъ первымъ больного генерала. Раскаты такъ явственно доносятся до нашихъ ушей, что точно тутъ и есть. Стекла въ плохенькой рамѣ единственнаго окна кельи, казалось, сейчасъ разлетятся въ дребезги. Да и немудрено, что выстрѣлы такъ ясно доносятся. Вѣдь до по-

пріятельскихъ позицій отъ Габровскаго монастыря по прямому направленію врядъ-ли наберется болѣе 10-ти верстъ.

Но вернемся къ разсказу.

— Вотъ и отлично, что пріѣхали!—радушно говоритъ онъ, протягиваетъ руку и при этомъ улыбается.

— Вамъ, должно быть, здѣсь все народъ знакомый,—и указываетъ рукой на присутствующихъ. Я, конечно, прежде всего здороваюсь съ хозяйкой дома, Софіей Абрамовной, милой, доброй барыней, сравнительно еще очень молодой и замѣчательно хлѣбосольной. Такого количества кушаній, какое подавалось въ здѣшнемъ домѣ, я нигдѣ и никогда не видывалъ, да вѣроятно и не увижу.

— Ну садитесь-же, садитесь, закусывайте! Вѣдь вы, поди, проголодались съ дороги!—серьезнымъ тономъ говоритъ Михаилъ Иваловичъ, и подвигаетъ мнѣ блюда и блюда съ разными разпостями.—Ну, что Владиміръ Васильевичъ, какъ онъ поживаетъ?

— Очень просилъ вамъ кланяться, онъ совершенно здоровъ. Я пріѣхалъ вотъ прочитать пѣкаторыя вещи изъ своихъ новыхъ воспоминаній, и попросить совѣта.—И мы начинаемъ толковать о разныхъ разпостяхъ.

— Ну, вотъ завтра утрецомъ послушаемъ васъ, а теперь пора спать. Генераль грузно встаетъ съ своего кресла, опирается на палку, прощается и, слегка переваливаясь, направляется въ свои апартаменты.

Утромъ поднимаюсь рапехонько. Достая рукопись, отмѣчаю бумажками тѣ мѣста, которыя обязательно слѣдовало прочесть, и начинаю глядѣть въ растворенное окно. Оно выходило на огороды и поля. Мало-россія давала себя знать. Растительность была кру-

гомъ удивительная. Я полной грудью вдыхаю «благораствореніе воздуховъ», а глазами наслаждаюсь «изобиліемъ плодовъ земныхъ». Раскидистыя яблони и груши, курчавыя вишни, такъ и гнулись подъ тяжестью плодовъ. Огородъ покрытъ такой густой зеленью, что издали трудно даже разобрать, что тамъ насажено. Только гигантскія тыквы желтѣли на грядахъ и ихъ трудно было не узнать.

Далѣе зеленѣло темное бородатое просо, — бѣлѣла гречиха. Кой-гдѣ вздымались колоссы дубы, и, подобно одинокимъ часовымъ, точно паблюдали за порядкомъ.

Вся зелень покрыта еще утренней росой. Солнышко только что выкатилось изъ-за дальняго лѣса, и обдавало природу своимъ живительнымъ блескомъ, — какъ-бы говоря: ну, здравствуйте, здравствуйте, дѣти мои, каково провели ночь безъ меня? Птички кругомъ весело щебечуть, перекликаются и перепархиваютъ съ дерева на дерево. Кой-гдѣ слышится, то монотонное мычанье коровъ, то веселое ржанье лошадей. Я все болѣе и болѣе люблю эту картину. Вдругъ слышу за спиной чью-то грузную походку. Оглядываюсь, смотрю — самъ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ идетъ мнѣ на встрѣчу, свѣжій, бодрый, въ бѣленькомъ, только что выглаженномъ лоснящемся кителѣ.

— Ну-ка, доставайте ваши записки, — весело кричить онъ, здороваясь со мной. Тонъ его голоса, и манера, съ которыми онъ обратился ко мнѣ, очень радуютъ меня. Въ нихъ слышалось то желаніе, то любопытство послушать, которое всегда такъ пріятно для автора. Я, конечно, не заставляю себя ждать. Открываю въ намѣченномъ мѣстѣ тетрадь, и читаю. Драгоценный

критикъ мой то искренно смѣется, то становится серьезнымъ и дѣлаетъ замѣчанія. Мнѣ въ особенности нуженъ былъ совѣтъ относительно моего разсказа о фуражномъ довольствіи во время прошлой Турецкой войны.

— Что, не выкинуть-ли это? — спрашиваю его. Пожалуй, цензура не пропуститъ.

— Вотъ пустяки! Зачѣмъ выкидывать! Вѣдь объ этомъ ужъ сколько писали. Пройдетъ! — успокаиваетъ онъ.

Михаиль Ивановичъ большинство моихъ разсказовъ одобрилъ; все, что нужно было, самымъ предупредительнымъ образомъ разъяснилъ, отвѣтилъ, такъ, что я со спокойной совѣстью уложилъ мою рукопись обратно въ портфель.

— Пойдемте-ка завтракать! — возглашаетъ мой слушатель такимъ тономъ, точно хотѣлъ сказать: что тутъ по пустякамъ время терять! Займемся-ка лучше дѣломъ. Входимъ въ столовую.

Боже! что я вижу! Всѣхъ героевъ изъ-подъ священной Трои, послѣ цѣлаго дня самой ожесточенной борьбы, можно было бы досыта накормить здѣсь. Громадный столъ такъ уставленъ всякими яствами, на различныхъ сковородкахъ, сатейникахъ, плошкахъ, что, кажется, у мертвого пробудился бы аппетитъ. По краямъ стола на маленькихъ тарелочкахъ расположены различныя приготовленія изъ тѣста: пирожки, блиночки, пышечки, оладушки, рогулечки, ватрушечки, загибущечки, сочешки, и ужъ что всего вкуснѣе для меня, пряженцы съ рубленнымъ яйцомъ. Колдуны, вареники, пельмени, все это, такъ и плавало въ маслѣ и сметанѣ. Чѣмъ дальше къ серединѣ стола — тѣмъ блюда идутъ все солиднѣе: жареные и

копченые гуси, утки, поросята, — да какие! жирные, откормленные. Сокъ изъ нихъ такъ и сочится. Середину же самую завершалъ громадный окорокъ ветчины. Одинъ край его былъ искусно сръзанъ, чрезъ что бѣлое, какъ снѣгъ, сало виднѣлось чуть не въ ладонь толщиной.

Пока я стоялъ, и озадаченный смотрѣлъ на всѣ эти прелести, почтенный хозяинъ усаживается съ противоположной стороны, спиной къ свѣту, чтобы лучше видѣть, съ чѣмъ ему придется имѣть дѣло. Садится онъ какъ разъ около своихъ любимыхъ кушаній: полендвицы, полотковъ, колбасы, сосисекъ, и т. п. жирныхъ вещей. И садится не какъ-нибудь слегка, — а основательно: раненую погу протягиваетъ рядомъ на сосѣднѣй стулъ, — а палку со слоновой рукояткой отставляетъ далеко въ сторону, какъ бы въ доказательство того, что она не скоро ему понадобится.

— Ну, мамо! Чѣмъ-то ты угостишь насъ сегодня? — торжественно вопрошаетъ хлѣбосольный хозяинъ, щурится и самодовольно осматриваетъ черезъ очки весь этотъ необъятный столъ, который такъ и гнулся подъ тяжестью блюдъ.

Софья Абрамовна, съ озабоченнымъ лицомъ, вся раскраснѣвшись, — торопится угодить супругу. За 30 слишкомъ лѣтъ совместной жизни, она хорошо изучила вкусы мужа. Нѣжная, жирная, бѣлоспѣжаая поросячья ножка, съ хрустящей красноватой кожицей, немедленно же появляется на горячей тарелкѣ передъ очами, на весь мѣръ знаменитаго, стратега.

— Ну, что же—выпьемъ! обращается ко мнѣ Михаилъ Ивановичъ, и держитъ въ рукѣ бутылку съ коньякомъ.

— Благодарю, — не пью! отвѣчаю ему.

— Какъ? Совсѣмъ! Напрасно! жалостливо восклицаетъ онъ.

— Вѣдь 18 фразковъ бутылочка! и при этомъ наливаетъ себѣ рюмку и выпиваетъ. Послѣ чего поправляетъ очки и припимается за поросенка.

Не даромъ же и подается здѣсь такое количество кушаній. Боженька и надѣлилъ же Михаила Ивановича желудочкомъ. Онъ пичего не забылъ, ничего не пропустилъ, всего попробовалъ. А сосиски съ томатнымъ соусомъ такъ одинъ всѣ съѣлъ, да кажется еще пожалѣлъ, что ихъ мало было.

Я сначала было сунулся потягаться съ нимъ — да гдѣ! На пятой или шестой рогулькѣ съ творогомъ совсѣмъ ослабъ, или, какъ говаривалъ когда-то мой покойный отецъ — укомплектовался. И какъ масло заманчиво пи трещало, какъ пи брызгало мнѣ со сковородокъ въ самый носъ, а я все таки ни до чего больше не могъ дотронуться. А почтенный хозяин-пушка мой подъ копецъ вынимаетъ рюмочку какого-то бальзама отъ всѣхъ болѣстей, вытираетъ салфеткой усы и, какъ пи въ чемъ пи бывало, беретъ меня подъ руку, и, опираясь на палку, съ прелюбезнѣйшимъ видомъ ведетъ въ поле показывать гречиху.

Хотя и говорится, что старая хлѣбъ-соль забывается, но пословица эта, конечно, не для Драгомира. Его хлѣбъ-соль нельзя забыть.

* * *

Когда все было готово, чтобъ печатать мою книгу, я задумалъ поѣхать ко Льву Николаевичу Толстому въ Москву.

Былъ январь мѣсяцъ. Часа четыре пополудни.

Смеркается. Звоню у знакомаго подъѣзда. Графъ дома. Докладываютъ ему. Слышу: «Проси». Левъ Николаевичъ, какъ и раньше, очень радушно принимаетъ меня, все въ той же низенькой компатъ и одѣтый, какъ мнѣ показалось, все въ ту же сѣрую блузу. Въ лицѣ его я не нашелъ перемѣны. Развѣ посѣдѣлъ немного.

Какъ только Левъ Николаевичъ узнаетъ, что я пріѣхалъ читать ему, то восклицаетъ:

— Ну, такъ пойдемте вмѣстѣ собирать па завтра слушателей.—Надѣваетъ пальто, шалку, теплыя перчатки и мы выходимъ на улицу. Графъ, по обыкновенію, засунувъ руки въ карманы пальто, приподнял плечи, и зашагалъ такъ быстро, что я, въ большихъ теплыхъ галошахъ, едва поспѣвалъ за нимъ. Смотрю на него и искренно радуюсь въ душѣ, что онъ еще такой бодрый. Мы идемъ по направленію къ Храму Спасителя. Здѣсь въ сторонѣ возвышается большое каменное зданіе, съ надписью: «Княжій Дворъ». Это былъ меблированный домъ.

— Зайдемъ сюда къ моему старому товарищу, севастопольцу, князю Урусову. Это храбрецъ, какихъ мало, и графъ рассказываетъ мнѣ дорогой про его подвиги подъ Севастополемъ. Подходимъ къ его номеру. Стучимъ. Отпираетъ самъ князь, высокій сѣдой старикъ, въ тужуркѣ съ отставными генеральскими погонами. Графъ знакомитъ насъ, затѣмъ, на минутку присаживаясь, проситъ своего пріятеля пріѣхать завтра вечеромъ послушать меня, и затѣмъ мы идемъ дальше.

— Теперь пойдемъ къ Столыпину, онъ живетъ въ Кремлѣ, завѣдуетъ тамъ дворцами.—И мы опять быстро шагаемъ въ ту сторону. Морозъ порядочный.

Борода, усы, воротникъ, все у графа обмерзло сосульками, щеки раскраснѣлись и придавали ему еще болѣе здоровый видъ. Къ Столыпину я уже не пошелъ, хотя и обѣдалъ съ нимъ разъ у Скобелева въ Плевнѣ, а простился съ графомъ и направился провѣдать кой-кого изъ своихъ знакомыхъ. Когда на другой день вечеромъ я пріѣхалъ къ графу, князь Урусовъ уже былъ тамъ. Затѣмъ пріѣхало семейство Раевскихъ. Старикъ Столыпинъ почему-то не собрался,—его замѣнилъ сынъ его Александръ Аркадіевичъ, молодой человѣкъ, начитанный, не безъ дарованій, хорошій рассказчикъ и весельчакъ въ обществѣ. Кромѣ того собралось еще человѣкъ 5—6. За чаемъ, во время перерыва, Левъ Николаевичъ подробно вспоминаетъ разные эпизоды изъ прочитаннаго, нѣкоторые хвалить, къ нѣкоторымъ относятся критически. А затѣмъ, по поводу моего разсказа о томъ, какъ одинъ волостной старшина, по случаю Высочайше пожалованнаго ему перстня съ брилліантомъ, созвалъ на пирогъ знакомыхъ, и между прочими друга своего, тоже волостнаго старшину, причемъ угощая его, все водилъ передъ его носомъ перстнемъ съ брилліантомъ, приговаривая: «Покупайте, сосѣдушко, не откажите, почтениѣйшій», пріятель же, имѣя на шеѣ золотую медаль съ портретомъ Государя, какъ-бы невзначай толкаетъ себѣ въ нее пальцемъ подъ горло, и восклицаетъ: «Ей-же-ей, сосѣдушка, я сытъ по горло», — такъ вотъ, повторяю, по поводу самаго этого анекдота Левъ Николаевичъ разсказалъ намъ другой, подобный моему. Слово въ слово я, конечно, передать его не въ силахъ, но сущность заключалась въ слѣдующемъ:

«Въ рѣкѣ купаются два господина, незнакомыхъ

между собой. Купаясь, они изъ-за чего-то поругались. Тогда одинъ изъ нихъ выбѣгаетъ на берегъ къ своей одеждѣ, хватаетъ орденъ Владиміра и торжественно надѣваетъ на шею, послѣ чего подпирается въ бока руками и въ такомъ видѣ гордо смотритъ на противника. Тогда соперникъ его, дабы не остаться въ долгу, бросается въ свою очередь на берегъ, хватаетъ свой виць-мундиръ со звѣздой, моментально напяливаетъ его на голое тѣло, и тоже подпирается фертонъ. Рассказывая это, графъ такъ смѣшно представлялъ въ лицахъ, что всѣ присутствующіе показывались со смѣха.

Въ этотъ мой прїѣздъ, графъ два раза приходилъ ко мнѣ послушать чтеніе.

Передъ тѣмъ, чтобы ему придти во второй разъ, я наканунѣ обѣдалъ съ молодымъ Столыпинымъ у прїятеля моего Ганецкаго, еще молодого человѣка, незадолго передъ тѣмъ женившагося на одной московской милліонершѣ. За обѣдомъ Ганецкій узнаетъ, что завтра будетъ у меня графъ Толстой слушать мое чтеніе, начинаетъ просить меня позволить и ему прїѣхать послушать. Конечно, я понялъ, что ему не столько хочется слышать мои воспоминанія, какъ повидать графа и познакомиться съ нимъ.

Я не могъ отказать ему въ этомъ удовольствіи и согласился. Столыпинъ, какъ знакомый графа, тоже обѣщалъ прїѣхать.

На другой день, за полъ-часа до назначеннаго времени, сидимъ мы всѣ трое въ залѣ на хорахъ гостиницы и завтракаемъ. Усѣлись мы какъ разъ противъ корридора, чтобы видно было, ежели покажется мой дорогой гость. Левъ Николаевичъ не заставилъ себя ждать. Какъ только онъ показался, мы бро-

саемся ему на встрѣчу. Я представляю ему Ганецкаго и прошу разрѣшенія присутствовать ему при чтеніи. Графъ не сразу отвѣтилъ, а слегка отвернулся въ сторону, подумалъ малость, и тогда только согласился.

Я читалъ «Скупаго».

По окончаніи чтенія, когда уже графъ надѣвалъ пальто и держалъ въ рукахъ шапку, онъ останавливается среди комнаты, и, понуривъ голову, въ задумчивости разводитъ руками, и говорить:

— Все такъ вѣрно, такъ живо написано, что кажется все это со мной происходило,—а между тѣмъ растянута.—Что-нибудь да надо сдѣлать съ нимъ.

Мы выходимъ въ корридоръ провожать графа. Дорогой Ганецкій и шепчетъ мнѣ на ухо:

— Предложите графу, я бы довезъ его къ дому въ моихъ саняхъ.

Я зналъ, что у него прекрасныя лошади, и говорю:

— Графъ, вотъ Ганецкій предлагаетъ довезти васъ въ своихъ саняхъ, не угодно-ли будетъ?

— Отчего-же, очень радъ,—отвѣчаетъ онъ.— Пріятель мой въ восторгѣ спѣшитъ впередъ приготовить экипажъ. Я провожаю ихъ на улицу. Пара роскошныхъ вороныхъ рысаковъ съ налившимися кровью глазами нетерпѣливо взрывала копытами снѣгъ у подъѣзда. Здоровенный кучеръ съ бычачьей шеей, съ черными усами и бритымъ подбородкомъ, по московской модѣ, едва сдерживалъ коней. Графъ усаживается вмѣстѣ съ хозяиномъ экипажа, швейцаръ прикрываетъ ихъ медвѣжьей полостью, и сапи не слышно трогаются по пушистому снѣгу.

Въ тотъ же день мнѣ пришлось опять обѣдать у Ганецкаго.

— Знаете, какое-было несчастье случилось съ нами?—такой фразой встрѣчаетъ меня хозяинъ.

— Что такое?—въ ужасѣ кричу я, а у самого такъ мурашки и забѣгали по спинѣ.

— У Охотнаго ряда конка дѣлаетъ закругленіе, и тутъ лошади наши поскользнулись, сани на бокъ, кучерь и я вывалились.

— Ну, а графъ что?—съ нетерпѣніемъ спрашиваю его.

— А графъ,—весело восклицаетъ мой пріятель,—просто молодчинище!—пулей подлетѣлъ къ лошадямъ и разомъ схватилъ ихъ подъ уздцы. Просто всѣ присутствовавшіе тутъ только подивились.

— Ну, что-же! Такъ и не довезли его?

— Какое! Сейчасъ-же усѣлись и дальше поѣхали. Это все проклятая конка! — съ досадой добавляетъ онъ.

Сейчасъ-же послѣ обѣда, я поѣхалъ провѣдать графа, и къ великому удовольствію моему нашелъ его въ полномъ здоровьѣ.

Въ ту-же ночь я засѣлъ за моего «Скупанаго». Главный недостатокъ его былъ тотъ, что въ немъ не было перерывовъ, и приходилось читать безъ передышки. А это, конечно, утомляло обѣ стороны —и читателя и слушателей. Я раздѣлил его на главы, почти на половину сократилъ, кое-что передѣлалъ. Но просить графа прослушать во второй разъ я уже не рѣшился.

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО, С. - Петербургъ, Колокольная 14.

Воспоминанія офицера Кобулетскаго отряда въ кампанію
1877—1878 гг. Б. М. Колюбакина. Новое, 2-е изда-
ніе, дополненное обзоромъ театра, картинами,
плавами и рисунками. Спб., 1897 г., въ 8 д. 2 руб.

Завоеваніе Туркменіи (походъ въ Ахаль-Теке въ 1880—
1881 гг.). Съ очеркомъ военныхъ
дѣйствій въ Средней Азій съ 1839 по 1877 г. Состав. А. Н.
Куропаткинъ. Съ картами, планами и рисунками. Изданіе
В. А. Березовскаго. Спб., 1899 г., въ 8 д., 224 стр. 2 р.

Донцы. Разказы изъ казачьей жизни съ иллюстраціями въ
текстѣ. Составилъ П. Н. Красновъ. Спб., 1896 г.,
въ 8 д., 219 стр. 1 руб.

Изъ воспоминаній ординарда о войнѣ 1877—1879 г.
Составилъ В. М. Вонлярскій. 20 к.

Подъ боевымъ огнемъ. Историческая хроника въ 2-хъ
частяхъ. Изданіе 2-е. Вл. Че-
реванскаго. Спб., 1898 г., въ 8 д., 224+214 стр. . 2 р. 50 к

Двѣ волны. Сочиненіе Вл. Череванскаго. Историче-
ская хроника въ двухъ частяхъ съ иллюстра-
ціями Н. Н. Каразина и др. Спб., 1898 г., въ 8 д., часть I—
287 стр., часть II—350+40 стр. 4 руб.

Того-же автора:

Дома и на войнѣ.

1853—1881 гг. Воспоминанія и рассказы.
Изданіе 2-е, иллюстрированное виньетками
и портретами. 1886 г., 3 части 600 стр.
Цѣна 1 р. **50** к.

У болгаръ и за границей.

1881 — 1893. Воспоминанія и рассказы.
(продолженіе очерковъ «Дома и на вой-
нѣ»). Съ портретами. Спб. 1896 г., въ
8 д., 328 стр. 1 руб.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:
Въ складъ В. А. Березовскаго,
С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

